ДѢЛО

ОБЪ

ОТРАВЛЕНІИ

ПОТОМСТВЕННАГО ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА

МАКСИМЕНКО

ОТЧЕТЪ

О СУДЕБНОМЪ РАЗБИРАТЕЛЬСТВѢ:

I. Въ Таганрогскомъ Окружномъ Судѣ.
II. Въ Правительствующемъ Сенатѣ.
III. Въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ.

ИЗДАНІЕ 2-е

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Въ Таганрогскомъ Окружномъ Судѣ.

I. Засѣданіе 24-го ноября 1889 г. 1
II. Засѣданія 15—20-го февраля 1890 г. 3

Въ Правительствующемъ Сенатѣ.

I. Засѣданіе Угол. Кассац. Д-та 28-го апрѣля 1890 г.
Кассаціонный протестъ 7
Заключеніе суда 14
Рѣчь прис. пов. Холева 15
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго В. Д. Спасовича 26
Заключеніе тов. об.-прокурора К. И. Поскочина 35
Послѣднее слово прис. пов. Холева 37
II. Засѣданіе 5-го мая 1890 г. Резолюція Правит. Сената . 39

Въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ.

I. Засѣданіе 3-го октября 1890 г. 42
II. Засѣданіе 21-го января 1891 г. 50
III. Засѣданія 26—31-го марта 1891 г.
Обвинительный актъ 53

СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

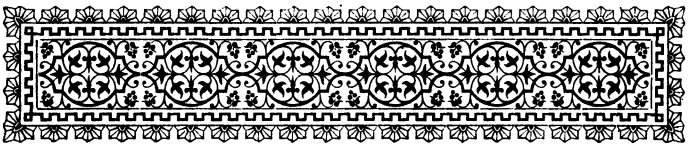
Протоколы осмотра и обысковъ дома Дубровиной 76
Протоколы двухъ вскрытій трупа Максименко 78
Протоколъ открытія могилы и 3-го вскрытія трупа 81
Акты 3-хъ химическихъ изслѣдованій 85
Письменныя показанія 9-ти неявившихся свидѣтелей 94
Устныя показанія 32 свидѣтелей 131
Письменныя показанія 14 неявившихся свидѣтелей 179

стр.
Документы (письма, договоръ, рѣшеніе Коммерч. Суда) . . . 183
Свѣдѣнія о времени содержанія подъ стражею 191
Экспертиза. Показаніе г. Роллера 191
Заключеніе проф. Лагермарка 193
Заключеніе прив.-доц. Беллина 194
Заключеніе проф. Патенко 199
Заключеніе врач. инсп. Петровскаго 215

СУДЕБНЫЯ ПРЕНІЯ.

Рѣчь прокурора В. Д. Шидловскаго 216
Защита Максименко—рѣчь прис. пов. Холева 227
Защита Рѣзникова—рѣчь пом. пр. пов. Волкенштейна . . . 280
Постановка вопросовъ 285
Резюмэ предсѣдателя 290
Вердиктъ присяжныхъ 290
Приговоръ Суда 292

JUL 2 1931



Въ Таганрогскомъ Окружномъ Судѣ.

I.

Засѣданіе 24 ноября 1889 г.

Засѣданіе Суда было открыто въ г. Ростовѣ на Дону, въ залѣ зданія городского общественнаго управленія, въ 10 ч. утра, въ составѣ предсѣдателя суда В. П. Мордухай-Болтовского и членовъ И. С. Зеленаго и Н. И. Тархова, при прокурорѣ Е. Н. Хлодовскомъ и секретарѣ А. З. Хандринѣ.

Защитниками подсудимыхъ явились: Александры Максименко — присяжный повѣренный округа Московской Судебной Палаты Ѳ. Н. Плевако и присяжный повѣренный округа С.-Петербургской Судебной Палаты Н. І. Холева; Рѣзникова—пом. прис. пов. Л. Ф. Волкенштейнъ. Повѣреннымъ гражданской истицы, вдовы священника Евфросиніи Максименко, матери умершаго Николая Максименко, отыскивающей 12.000 р. вознагражденія,— присяжный повѣренный Л. Я. Леве.

По открытіи засѣданія, присяжный повѣренный Холева обратился къ суду съ заявленіемъ по вопросу о правильности участія въ дѣлѣ гражданской истицы. Предоставляя родителямъ право требовать отъ виновнаго въ смерти дѣтей вознагражде-

нія за убытки, этою смертью причиненные родителямъ, лишившимся такого источника матеріальной поддержки, законъ ставитъ прежде всего условіемъ, чтобы родители дѣйствительно находились въ состояніи, вызывающемъ необходимость этой поддержки: бѣдность, дряхлость, немощи. Въ подтвержденіе такого состоянія гражданскою истицею представлено удостовѣреніе, выданное свящ. о Чернявскимъ. Но священникамъ предоставлена выдача свидѣтельствъ, имѣющихъ отношеніе лишь къ метрическимъ книгамъ (рожденіе, бракосочетаніе, смерть): удостовѣрять-же болѣзнь могутъ лишь врачи, бѣдность—мѣстная полицейская власть. Поэтому, выданное о. Чернявскимъ удостовѣреніе, какъ выходящее изъ круга компетенціи церковной власти, никакого значенія имѣть не можетъ. Далѣе, право требованія вознагражденія обусловлено, по ст. 657 I ч. X т., представленіемъ доказательствъ тому, что лишившійся жизни дѣйствительно содержалъ, т. е. давалъ средства къ существованію своимъ родителямъ. Послѣднее не доказано и на дѣлѣ этого не было. При томъ, кромѣ умершаго Николая, у г-жи Максименко есть еще нѣсколько взрослыхъ дѣтей, дочь и два сына, на которыхъ и лежитъ забота о содержаніи матери. Наконецъ, по смерти Н. Максименко, для его матери, въ силу закона (ст. 1141 I ч. X т.), открылось право пожизненнаго владѣнія всѣмъ его имуществомъ; а право это поглощаетъ собою право на алименты, требуемые отъ обвиняемыхъ въ смерти сына. По приведеннымъ соображеніямъ, защитникъ просилъ Судъ объ устраненіи г-жи Е. Максименко отъ участія въ дѣлѣ въ качествѣ гражданской истицы.

Представитель гражданскаго иска прис. пов. Леве, ссылаясь на состоявшееся уже опредѣленіе Суда и на бѣдность его довѣрительницы, находилъ ходатайство защиты неосновательнымъ, съ чѣмъ въ своемъ заключеніи согласился и г. прокуроръ.

Окружный Судъ, удалившись для совѣщанія, вынесъ резолюцію о допущеніи гражданской истицы къ участію въ дѣлѣ.

По возбужденному, затѣмъ, вопросу о послѣдствіяхъ неявки свидѣтелей, прокуроръ Е. Н. Хлодовскій, признавая существенными изъ неявившихся свидѣтелей показанія Елизаветы Максименко, Левицкаго и Жирова, просилъ слушаніе дѣла отложить.

Прис. пов. Холева, указавъ на долговременное тюремное за-

ключеніе обвиняемыхъ, просилъ о разсмотрѣніи дѣла въ нынѣшнюю сессію, тѣмъ болѣе—что нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что къ будущему засѣданію явятся всѣ свидѣтели.

Присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако, на вопросъ г. предсѣдателя, заявилъ Суду, что предъявлять всѣ заявленія по процессуальнымъ вопросамъ дѣла будетъ единолично его товарищъ по защитѣ.

Окружный Судъ, обсудивъ причины неявки свидѣтелей и значеніе ихъ показаній, нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей, за незаконную неявку, подвергъ денежному штрафу и, находя показанія свидѣтелей: Максименко, Левицкаго и Жирова существенными, постановилъ: дѣло слушаніемъ отложить.

II.

Засѣданія 15—20 февраля 1890 г.

Засѣданіе Таганрогскаго Окружнаго Суда открыто было въ г. Ростовѣ на Дону, въ 10½ ч. утра, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдательствующій — членъ суда Е. Н. Хмѣльницкій, члены суда: Н. И. Тарховъ и П. Я. Ѳедоровичъ, при секретарѣ А. З. Хандринѣ.

Обвинителемъ выступилъ прокуроръ суда Е. Н. Хлодовскій; повѣреннымъ гражданской истицы — прис. пов. Л. Я. Леве. Защитники подсудимыхъ: Александры Максименко—присяжные повѣренные Ѳ. Н. Плевако и Н. І. Холева; Рѣзникова—пом. прис. пов. Л. Ф. Волкенштейнъ.

Изъ вызывавшихся въ судъ свидѣтелей (101) явилось 85; изъ 6-ти экспертовъ—пять: ростовскіе врачи Лимбергъ, Чугинъ, Печисскій, Брилль и фармацевтъ Роллеръ.

За отводомъ прокуроромъ трехъ присяжныхъ засѣдателей и защитою одного, произведенъ по жребію выборъ присутствія присяжныхъ засѣдателей, въ составъ котораго, въ числѣ другихъ,

вошли: инженеръ путей сообщенія Г. А. Арнштейнъ (старшина) и докторъ медицины М. А. Аладжаловъ.

Предсѣдат. Подсудимая Александра Максименко! Вы обвиняетесь въ томъ, что, уговорившись съ другимъ лицомъ лишить жизни вашего мужа, съ этою цѣлью добыли мышьяку и затѣмъ вы, или, съ вашего вѣдома и согласія, соучастникъ вашъ, 18 октября 1888 г., ядъ этотъ всыпали въ приготовленное мужу питье, которое, выпитое имъ, повлекло смерть его въ ночь на 19 октября. Признаете ли себя виновною въ этомъ преступленіи?

А. Максименко. Не виновна я въ смерти моего мужа.

Предсѣдат. Подсудимый Рѣзниковъ, вы также обвиняетесь въ отравленіи Николая Максименко, по предварительному соглашенію съ другимъ лицомъ. Признаете себя виновнымъ?

Рѣзниковъ. Нѣтъ, не признаю.

Вслѣдствіе несознанія подсудимыхъ, Судъ приступилъ къ повѣркѣ доказательствъ. Судебное слѣдствіе продолжалось четыре дня. Судебныя пренія происходили въ засѣданіи 19 февраля и закончились 20 февраля въ 3 часа пополудни. Затѣмъ, судъ приступилъ къ постановкѣ вопросовъ.

На разрѣшеніе гг. присяжныхъ засѣдателей предположены были судомъ слѣдующіе два вопроса:

1. Виновна-ли вдова потомственнаго почетнаго гражданина Александра Ѳедулова (она же Егорова) Максименко, 20 лѣтъ, въ томъ, что, согласившись заранѣе съ другимъ лицомъ лишить жизни мужа своего, Николая Максименко, путемъ отравленія, и съ этою цѣлью заготовивъ сильнодѣйствующій ядъ—мышьякъ, 18-го октября 1888 г., въ г. Ростовѣ на-Дону, съ вѣдома и согласія того лица, всыпала въ приготовленное для Николая Максименко питье, которое, будучи имъ выпито, повлекло за собою смерть его, послѣдовавшую въ ночь на 19 октября 1888 года?

2. Виновенъ-ли мѣщанинъ гор. Ростова на-Дону Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ (18 лѣтъ) въ совершеніи преступленія, описаннаго въ 1-мъ вопросѣ?

По ходатайству защиты А. Максименко, Судъ дополнилъ проэктъ вопросовъ нижеслѣдующимъ—о событіи преступленія, предпославъ его вопросамъ о виновности:

Доказано-ли, что смерть потомственнаго почетнаго гражда-

нина Николая Федорова Максименко, имѣвшая мѣсто въ ночь на 19 октября 1888 г., послѣдовала отъ отравленія его сильнодѣйствующимъ ядомъ—мышьякомъ—постороннею рукою?

Послѣ заключительнаго слова г. предсѣдательствовавшаго и двухчасового совѣщанія, присяжные засѣдатели, въ 6½ часовъ вечера 20 февраля, вынесли слѣдующіе отвѣты:

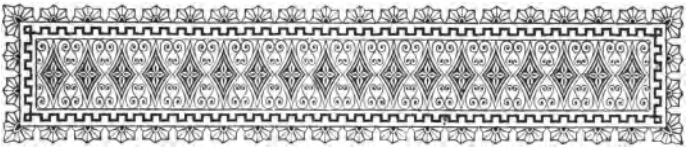
На первый вопросъ: — «*Да — доказано*».

На второй: — «*Нѣтъ — не виновна*».

На третій: — «*Нѣтъ — не виновенъ*».

Резолюціею суда Максименко и Рѣзниковъ объявлены *оправданными и отъ суда и содержанія подъ стражею свободными*.

Вердиктъ присяжныхъ былъ покрытъ долго не смолкавшими рукоплесканіями многочисленной публики, изъ среды которой раздавались плачъ, крики радости и возгласы: «Спасибо, защитники!» «Спасибо вамъ, присяжные!..» Изъ судебной залы приговоръ суда въ ту-же минуту дошелъ до запруженной народомъ площади.



Въ Правительствующемъ Сенатѣ.

I.

Засѣданіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 28-го апрѣля 1890 г.

Составъ присутствія: первоприсутствующій С. М. Гулькевичъ, сенаторы—Н. С. Арсеньевъ, К. М. Гарткевичъ, А. Н. Марковичъ; товарищъ оберъ-прокурора К. И. Поскочинъ; помощникъ оберъ-секретаря М. Д. Бубликъ.

Въ качествѣ защитниковъ вдовы потом. почет. гражд. А. Е. Максименко явились присяжные повѣренные В. Д. Спасовичъ и Н. І. Холева.

Сенаторъ *С. М. Гулькевичъ* доложилъ присутствію Правительствующаго Сената, что приговоромъ Таганрогскаго Окружнаго Суда, состоявшимся въ г. Ростовѣ на Дону 20-го февраля 1890 г., вдова потом. почет. гражд. А. Е. Максименко и мѣщанинъ А. Д. Рѣзниковъ, согласно вердикту присяжныхъ засѣдателей, признавшему фактъ преступленія, но отвергнувшему виновность подсудимыхъ, были признаны невиновными и оправданы по возбужденному противъ нихъ обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ посредствомъ отравленія мужа первой изъ нихъ, Николая Максименко.

На означенный приговоръ прокуроромъ Таганрогскаго окружнаго суда принесенъ *кассаціонный протестъ,* въ которомъ кассаторъ, «не позволяя себѣ касаться вопроса о томъ, чѣмъ именно вызванъ подобный вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, находящійся въ полномъ противорѣчіи со всѣми данными предварительнаго и судебнаго слѣдствія, полагаетъ, что такому исходу дѣла на судѣ въ значительной мѣрѣ способствовали и тѣ процессуальныя нарушенія, которыя допущены были со стороны суда при производствѣ сего дѣла втечеиіе 6-ти-дневнаго судебнаго засѣданія». Нарушенія эти слѣдующія:

1) Въ прошеніи, поданномъ 21 августа 1889 г., подсудимая Александра Максименко просила Окружный Судъ о вызовѣ по ея дѣлу въ судебное засѣданіе въ качествѣ свидѣтелей, кромѣ четырехъ поименно указанныхъ ею лицъ, еще и всѣхъ тѣхъ изъ допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, которые не включены въ приложенный къ обвинительному акту списокъ свидѣтелей; въ силу этого прошенія, 7-го сентября состоялось опредѣленіе распорядительнаго засѣданія Окружнаго Суда о вызовѣ ко дню засѣданія по просьбѣ обвиняемой Максименко, согласно 574 ст. уст. уг. суд., всѣхъ просимыхъ ею свидѣтелей. Хотя въ приведенномъ опредѣленіи Суда и не указаны поименно, какъ бы слѣдовало, всѣ подлежавшія вызову лица, но, какъ по буквальному и точному смыслу прошенія Александры Максименко, такъ и по содержанію опредѣленія суда 7-го сентября и сдѣланной въ немъ ссылки на 574 ст. уст. уг. суд., представлялось вполнѣ очевиднымъ, что вызову ко дню засѣданія должны были подлежать лишь всѣ допрошенные на предварительномъ слѣдствіи свидѣтели, а не эксперты, о вызовѣ коихъ ни подсудимая своевременно не ходатайствовала, ни опредѣленіе Суда не упоминало. Между тѣмъ, въ числѣ другихъ лицъ, въ судебное засѣданіе, по просьбѣ Александры Максименко, былъ вызываемъ и помощникъ областн. врачеб. инспектора Петровскій, который на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ свидѣтеля не допрашивался, и давалъ показаніе лишь въ качествѣ эксперта, почему вовсе не подлежалъ вызову. Такимъ распоряженіемъ своимъ Окружный Судъ, вызывая ко дню судебнаго засѣданія Петровскаго единственно по собственному своему усмотрѣнію, безъ всякой о томъ

просьбы подсудимыхъ, допустилъ существенное нарушеніе требованій 574, 575 и 578 ст. у. у. с., опредѣляющихъ порядокъ вызова свидѣтелей и экспертовъ по просьбамъ участвующихъ лицъ,—и это нарушеніе въ данномъ случаѣ представляется тѣмъ болѣе существеннымъ, что, вызывая Петровскаго, судъ приглашалъ его на первое засѣданіе, 24 ноября 1889 г., когда оно не состоялось, въ качествѣ свидѣтеля, а на послѣднее—уже въ качествѣ эксперта, что можно видѣть изъ находящихся въ производствѣ Суда призывныхъ повѣстокъ. Хотя же въ послѣднее засѣданіе Петровскій не явился, но вмѣсто личнаго допроса его было прочитано письменное показаніе, почему указываемое мною по поводу вызова его нарушеніе нисколько не устранилось.

2) До выбора состава присяжныхъ засѣдателей, въ прямое нарушеніе 647 ст. у. у. с. и неоднократно послѣдовавшихъ въ разъясненіе ея рѣшеній Правительствующаго Сената (1876 г. № 138, 1880 г. № 47, 1885 г. по дѣлу Григорьева, Игеля и друг.), наличные засѣдатели не были спрошены о томъ, не имѣютъ ли они какихъ-либо законныхъ причинъ къ устраненію себя отъ рѣшенія дѣла; хотя же нарушеніе это Правительствующимъ Сенатомъ признавалось несущественнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не указывается на неправильное участіе кого-либо изъ присяжныхъ засѣдателей въ составѣ присутствія Суда, но, если принять во вниманіе, что подсудимая Александра Максименко принадлежитъ къ весьма богатой, вліятельной купеческой семьѣ, имѣющей въ Ростовѣ и Ростовскомъ округѣ громадное родство и свойство и связанной со многими городскими и окрестными жителями самыми тѣсными имущественными и торговыми отношеніями, и что при подобныхъ исключительныхъ условіяхъ выполненіе требованія 647 ст. у. у. с. весьма легко могло бы обнаружить условія къ отводу нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ засѣдателей,—съ однсй стороны на законномъ основаніи, а съ другой стороны и безъ объясненія причинъ, въ порядкѣ, указанномъ 656 ст. у. у. с., предпочтительно передъ тѣми тремя присяжными засѣдателями, которые были мною отведены единственно вслѣдствіе случайно дошедшихъ до меня свѣдѣній о нѣкоторомъ неудобствѣ оставленія ихъ въ составѣ присутствія, то, мнѣ кажется, нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ нарушеніе

647 ст. уст. угол. суд. должно быть признано существеннымъ, такъ какъ съ нѣкоторою вѣроятностью можно допустить, что выполненіе требованія приведеннаго закона дало-бы возможность устранить отъ участія въ рѣшеніи дѣла такихъ присяжныхъ засѣдателей, участіе коихъ представлялось нежелательнымъ и неудобнымъ въ интересахъ правосудія.

3) При допросѣ свидѣтеля Егора Дубровина, родного дяди подсудимой Максименко, защитникъ ея, прис. пов. Холева, цѣлымъ рядомъ вопросовъ устанавливалъ какъ фактъ подачи Дубровинымъ отъ имени Александры Максименко при производствѣ слѣдствія прошеній на имя слѣдователя и прокурорской власти, такъ и содержаніе этихъ прошеній, а судъ вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ того же защитника, удостовѣрилъ дѣйствительность и время подачи обвиняемою Максименко одного изъ этихъ прошеній, о коихъ показывалъ свидѣтель Дубровинъ, и которое, будучи получено слѣдователемъ 4-го марта 1889 года, пріобщено къ слѣдственному производству. Такимъ образомъ, путемъ свидѣтельскаго показанія Дубровина, подкрѣпленнаго удостовѣренною судомъ изъ дѣла справкою, было возстановлено предъ присяжными засѣдателями содержаніе прошенія подсудимой Максименко, поданнаго ею при производствѣ слѣдствія по предмету дѣйствій, требовавшихъ, по ея мнѣнію, изслѣдованій. Подобными дѣйствіями нарушены: съ одной стороны, 718 и 719 ст. у. у. с., ибо разсказъ свидѣтеля Дубровина о прошеніяхъ, подававшихся обвиняемою, и тѣхъ затрудненіяхъ, которыя яко бы были допущены при пріемѣ таковыхъ, безспорно касался не существа дѣла, а обстоятельствъ постороннихъ, относящихся до процессуальной стороны производства предварительнаго слѣдствія, а съ другой стороны, и 687 ст. у. у. с., ибо прошенія, жалобы и отзывы подсудимыхъ, принесенные во время предварительнаго слѣдствія и пріобщенныя къ слѣдственному дѣлу, какъ неоднократно было разъясняемо Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1868 г. №№ 577 и 606, 1871 г. № 1462, 1872 г. № 1577, 1874 г. №№ 302, 400 и друг., ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ прочтенію и оглашенію на судѣ, а, слѣдовательно, тѣмъ болѣе не могутъ быть возстанавливаемы и путемъ свидѣтельскихъ показаній, подобно тому, какъ по разъясненію Правительств. Сената

въ рѣшеніяхъ 1874 г. № 268 и 1878 г. № 20, путемъ допроса свидѣтелей не могутъ быть устанавливаемы показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи подсудимыми. Приведенное нарушеніе въ данномъ случаѣ представляется тѣмъ болѣе существеннымъ, что, возстанавливая, путемъ показанія Дубровина, содержаніе прошеній Александры Максименко, защита при допросѣ сего свидѣтеля, въ прямое нарушеніе закона, касалась и того обстоятельства, что пріемъ указанныхъ Дубровинымъ прошеній какъ будто встрѣтилъ разныя затрудненія со стороны слѣдственной и обвинительной властей, вслѣдствіе чего въ убѣжденіи присяжныхъ засѣдателей весьма легко могло возникнуть предположеніе о какихъ-либо стѣсненіяхъ правъ обвиняемыхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, а это послѣднее, въ свою очередь, невольно могло склонить присяжныхъ засѣдателей при рѣшеніи дѣла въ пользу подсудимыхъ.

4) По постановленію суда, состоявшемуся по просьбѣ защитника Александры Максименко, прочитанъ былъ протоколъ показаній неявившихся въ судебное засѣданіе помощника врачебнаго инспектора Петровскаго и фармацевта Роллера. Прочтеніемъ показанія Петровскаго существенно нарушена 626 ст. у. у. с. по слѣдующимъ основаніямъ: а) такъ какъ Петровскій по причинамъ, указаннымъ въ 1-мъ пунктѣ сего моего протеста, вовсе не подлежалъ вызову по настоящему дѣлу въ судебное засѣданіе и вызывался не вслѣдствіе просьбы сторонъ, а исключительно по собственному усмотрѣнію или, вѣрнѣе, недоразумѣнію суда, то показаніе его совсѣмъ не могло быть читаемо на судѣ; б) если-же судомъ, хотя и по недоразумѣнію, сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ Петровскаго, то онъ, согласно послѣдовавшему о вызовѣ его опредѣленію суда, во всякомъ случаѣ долженъ былъ являться въ качествѣ свидѣтеля, а не эксперта, ибо о вызовѣ какихъ либо экспертовъ ни въ прошеніи Александры Максименко, ни въ опредѣленіи суда никакой рѣчи не возбуждалось. По силѣ же 626 ст. уст. угол. суд., могутъ быть читаемы лишь показанія свидѣтелей, неявившихся въ судъ за смертію, за болѣзнію, совершенною дряхлостью и дальнею отлучкою, а рѣшеніями Правительствующаго Сената разъяснено, что законъ допускаетъ прочтеніе показаній неявившихся свидѣтелей только въ случаѣ неявки

по одной изъ указанныхъ въ 626 ст. причинъ и что показанія лицъ, неявившихся по другимъ причинамъ, не подлежатъ прочтенію (1869 г. № 543, 1870 г. № 1329 и др.), а такъ какъ Петровскій не явился въ судебное засѣданіе за невручеціемъ ему повѣстки, вслѣдствіе временнаго выѣзда его изъ Новочеркасска въ Петербургъ, вслѣдствіе чего причина неявки его признана была законною (ст. 642 и 6 п. 388 ст. уст. уг. суд.) только въ отношеніи освобожденія его отъ установленной 643 ст. у. у. с. за неявку отвѣтственности, то показаніе Петровскаго не могло подлежать прочтенію и в) показанія неявившихся свидѣтелей, согласно 626 ст. у. у. с., могутъ быть читаемы лишь при непремѣнномъ, обязательномъ условіи признанія ихъ важности и существенности; въ такомъ именно смыслѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ кассаціон. рѣшеній Правительствующ. Сената, всегда неизмѣнно признававшаго, что при неявкѣ свидѣтелей показанія, признанныя судомъ не существенными, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть читаемы (1867 г. № 413, 1868 г. № 34, 1869 г. № 105, 1870 г. № 1346, 1871 г. № 1762, 1874 г. №№ 403, 410, 626, 1875 г. № 595), хотя бы судъ призналъ впослѣдствіи полезнымъ прочтеніе подобнаго показанія для разъясненія дѣла и стороны согласились на прочтеніе (1876 г. № 155). Въ виду же того, что по настоящему дѣлу показанія всѣхъ неявившихся свидѣтелей и эксперта, а слѣдовательно въ томъ числѣ и Петровскаго, признаны были постановленіемъ суда несущественными, Окружный Судъ не имѣлъ уже затѣмъ ни законнаго права, ни основанія допускать прочтеніе показанія Петровскаго. На этомъ же основаніи судъ не долженъ былъ допускать, по просьбѣ защиты, прочтенія показанія неявившейся за смертью Трушиной, какъ признаннаго судомъ несущественнымъ.

Точно такъ же судъ не долженъ былъ разрѣшать по просьбѣ защитника Александры Максименко прочтеніе показанія и фармацевта Роллера, дававшаго на судѣ словесныя объясненія, такъ какъ, съ одной стороны, показаніе это не относится къ числу тѣхъ слѣдственныхъ актовъ, которые сами по себѣ, согласно указанію ст. 687 у. у. с., могутъ быть читаемы на судѣ, а съ другой стороны означенное показаніе, послѣ личнаго допроса Роллера, подлежало прочтенію лишь въ случаѣ какихъ либо разно-

рѣчія или несогласій словесныхъ объясненій Роллера съ прежнимъ его показаніемъ; въ виду же того, что протоколомъ судебнаго засѣданія не удостовѣрено, чтобы основаніемъ къ прочтенію показанія Роллера послужило обнаруженное противорѣчіе, каковаго на самомъ дѣлѣ не было, и что показаніе это было прочитано при отсутствіи всякихъ законныхъ къ тому основаній,— подобнымъ прочтеніемъ, по моему мнѣнію, прямо нарушены, какъ 627, такъ и 687 ст. уст. уг. суд.

5) Въ концѣ отвѣтной защитительной рѣчи своей пр. пов. Холева указалъ присяжнымъ засѣдателямъ на извѣстное дѣло почтмейстера Пономарева и осужденіе его, невиннаго, приговоромъ Судебной Палаты, предупреждая ихъ не допустить такой же печальной ошибки и въ настоящемъ дѣлѣ. Если принять во вниманіе, что дѣло Пономарева въ послѣднее время служитъ какимъ-то ужасающимъ пугаломъ, которое привлекло вниманіе всего интеллигентнаго общества, то, мнѣ кажется, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что напоминаніе присяжнымъ засѣдателямъ объ этомъ дѣлѣ, не имѣвшемъ ни малѣйшаго отношенія къ разсматриваемому, носило характеръ какъ бы застращиванія или запугиванія присяжныхъ возможностью, въ случаѣ осужденія подсудимыхъ, допущенія ими такой же громкой и печальной ошибки, какъ и въ дѣлѣ Пономарева,—и такъ какъ защитникъ т. Холева по сему поводу не былъ остановленъ предсѣдательствующимъ,— равнымъ образомъ, указанное неумѣстное напоминаніе его не послужило предметомъ и какого либо разъясненія со стороны предсѣдательствующаго въ заключительномъ его словѣ, то приведенное указаніе защиты, безспорно, могло произвести на присяжныхъ засѣдателей удручающее впечатлѣніе и тѣмъ въ значительной мѣрѣ способствовать оправдательному вердикту, не вызывавшемуся данными дѣла. При этомъ не могу не присовокупить, что въ настоящемъ дѣлѣ всякое малѣйшее сенсаціонное заявленіе должно было вліять на присяжныхъ засѣдателей съ особенно сильною впечатлительностью въ виду того, что вслѣдствіе громаднаго вліянія, которымъ пользуется въ мѣстномъ обществѣ семья Дубровиныхъ (т. е. Александры Максименко), значительнаго родства, личныхъ и торговыхъ связей, большая часть мѣстнаго общества и безъ того относилась съ предубѣжденіемъ

и несочувственно къ предъявленному противъ подсудимыхъ обвиненію. Въ вышеуказанномъ мною обстоятельствѣ усматривается существенное нарушеніе требованій ст. 744 и 745 уст. уг. суд.

и 6) По настоящему дѣлу Александра Максименко и Рѣзниковъ преданы были суду и обвинялись въ предумышленномъ убійствѣ Николая Максименко путемъ отравленія по взаимному предварительному между ними на то соглашенію; вслѣдствіе чего на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и были поставлены два вопроса о виновности обоихъ подсудимыхъ въ убійствѣ по предварительному соглашенію. Между тѣмъ въ защитительныхъ рѣчахъ всѣхъ защитниковъ указывалось на возможность совершенія даннаго преступленія каждымъ изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, безъ вѣдома и соглашенія съ другимъ; а въ виду этого обстоятельства и, согласно указанію 812 ст. у. у. с., на обязанности Предсѣдательствующаго лежало въ заключительной рѣчи разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ, какимъ порядкомъ они, при согласіи съ доводами защиты, могутъ отвергнуть наличность предварительнаго соглашенія и указать имъ, что, въ случаѣ признанія ими доказанности совершенія преступленія кѣмъ либо однимъ изъ подсудимыхъ безъ постороннихъ сообщниковъ, они могутъ и должны къ отвѣту на соотвѣтствующій вопросъ о виновности прибавить отрицаніе предварительнаго соглашенія, сказавъ: «да, виновенъ, но безъ предварительнаго соглашенія съ другимъ лицомъ». Однако ни такого разъясненія, ни вообще объясненія права, принадлежащаго присяжнымъ засѣдателямъ по ст. 812 у. у. с., Предсѣдательствующимъ въ заключительной рѣчи не было сдѣлано, почему присяжные могли быть поставлены въ затрудненіе въ случаѣ, если-бы остановились на мысли о виновности кого либо одного изъ подсудимыхъ и, не находя выхода изъ такого затрудненія, въ виду того, что предложенные имъ вопросы касались виновности каждаго изъ подсудимыхъ по соглашенію съ другимъ, а имъ не была извѣстна возможность непризнанія наличности соглашенія по каждому отдѣльному вопросу, могли подъ вліяніемъ этого затрудненія прибѣгнуть къ оправданію обоихъ подсудимыхъ, какъ единственно возможному для нихъ средству для того, чтобы выйдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ они могли очутиться въ подоб-

номъ случаѣ, вслѣдствіе необъясненія имъ предоставленнаго 812 ст. у. у. с. права. Такимъ образомъ вышеуказанная неполнота заключительной рѣчи Предсѣдательствующаго, безспорно, должна была имѣть рѣшающее вліяніе на оправдательный вердиктъ присяжныхъ засѣдателей въ отношеніи обоихъ обвиняемыхъ,—а потому въ этомъ отношеніи мною усматривается существенное нарушеніе 801, 804 и 812 ст. уст. уг. суд., какъ это и было признаваемо рѣшеніями Правит. Сената 1878 г. № 8 и 1880 г. № 41.

По изложеннымъ соображеніямъ, находя, что, въ виду всѣхъ приведенныхъ нарушеній формъ и обрядовъ судопроизводства, постановленный Таганрогскимъ Окружнымъ Судомъ 20-го минувшаго февраля приговоръ и вердиктъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Александры Максименко и Аристарха Рѣзникова не могутъ оставаться въ силѣ судебнаго рѣшенія, на основаніи 905, 906 и 910 ст. уст. уг. суд., прокуроръ проситъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената объ отмѣнѣ по настоящему дѣлу приговора суда и вердикта присяжныхъ засѣдателей и о передачѣ дѣла сего въ Таганрогскій Окружный Судъ, для новаго разсмотрѣнія его въ другомъ составѣ присутствія.

Въ *заключеніи Суда* по поводу замѣчаній прокурора на протоколъ судебнаго засѣданія, между прочимъ, излагается, что дѣйствительно защитникъ Максименковой, присяжный повѣренный Холева, путемъ допроса Дубровина, устанавливалъ факты, указанные въ протестѣ; что объ этомъ обстоятельствѣ не занесено въ протоколъ потому, что не представлялось къ тому существенной надобности, и потому еще, что никто изъ сторонъ не просилъ объ этомъ. Дѣйствительно, г. Холева упоминалъ о дѣлѣ Пономарева, но не былъ остановленъ предсѣдателемъ потому, что сказано было объ этомъ дѣлѣ всего нѣсколько словъ, и потому еще, что кому же изъ читающей публики, въ томъ числѣ и присяжнымъ засѣдателямъ, не извѣстно объ означенномъ дѣлѣ Пономарева; дѣлать же по этому поводу какія либо разъясненія въ заключительномъ словѣ предсѣдателя не представлялось надоб-

ности. Дѣйствительно, предсѣдателемъ въ послѣднемъ словѣ не было разъяснено присяжнымъ, что они могутъ отвергнуть наличность предварительнаго соглашенія, если бы признали возможность совершенія преступленія кѣмъ либо однимъ изъ преданныхъ суду подсудимыхъ, но не было сдѣлано такого разъясненія потому, что не представлялось къ тому достаточныхъ основаній, такъ какъ защитники въ своихъ рѣчахъ не указывали на возможность совершенія даннаго преступленія кѣмъ либо изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, безъ соглашенія съ другимъ преданнымъ суду лицомъ. Напротивъ, первымъ говорившій рѣчь защитникъ Максименковой, присяжный повѣренный Холева, совершенно отвергалъ фактъ отравленія Максименко и доказывалъ, что онъ умеръ отъ тифа; другой защитникъ А. Максименко, присяжный повѣренный Плевако, не отвергая факта отравленія и въ то же время не дѣлая никакого указанія на лицо, отравившее Максименко, доказывалъ, что Александра Максименко не виновна въ отравленіи своего мужа, а третій защитникъ, Волкенштейнъ, защищавшій Рѣзникова, доказывалъ, что Рѣзниковъ не могъ отравить, такъ какъ въ предполагаемый моментъ отравленія вовсе не былъ въ домѣ Максименко. Въ виду этого, предсѣдательствующимъ и было объяснено присяжнымъ засѣдателямъ, что подсудимые обвиняются, какъ сообщники въ преступленіи, при чемъ было подробно объяснено, кто по закону признается сообщникомъ преступленія; указано было и на то, что сообщникъ можетъ и не находиться въ мѣстѣ совершенія преступленія.

По окончаніи доклада, слово предоставлено было *защитѣ*.

Присяжный повѣренный Н. І. Холева.

«Послѣ 14-ти-мѣсячнаго тюремнаго заключенія и 6-ти-дневнаго судебнаго разбирательства, потомственная почетная гражданка Александра Максименко и мѣщанинъ Аристархъ Рѣзниковъ, 20-го февраля 1890 года, признаны были судомъ присяжныхъ засѣдателей невиновными по взведенному на нихъ обвиненію въ предумышленномъ отравленіи мужа Максименко. На оправдательный приговоръ этотъ прокуроромъ Таганрогскаго окружнаго суда принесенъ кассаціонный протестъ, войти въ подробное раз-

смотрѣніе котораго обязываетъ насъ серьезность тяготѣющаго надъ подсудимою обвиненія.

Памятуя назначеніе кассаціонной инстанціи и законные предѣлы сужденія Правительствующаго Сената, рѣзко очерченные ст. 5 учрежд. суд. уст., я не послѣдую примѣру прокурора, внесшаго въ свой протестъ много субъективнаго, голословнаго и вовсе не подлежащаго разсмотрѣнію кассаціоннаго суда. Такъ, напримѣръ, я не стану доказывать здѣсь свое мнѣніе, что именно: оправдательный ли приговоръ присяжныхъ, — какъ полагаетъ прокуроръ, — или же, наоборотъ, прокурорское обвиненіе, какъ убѣждена защита, — оказались «въ полномъ противорѣчіи съ данными судебнаго слѣдствія». Личныя мои дѣйствія, какъ защитника А. Максименко, послужили матеріаломъ для двухъ пунктовъ протеста. Такимъ образомъ, на судъ Сената поставлены и Таганрогскій судъ съ вердиктомъ присяжныхъ, и я, защитникъ обвиняемой въ этомъ процессѣ. Вотъ почему я и обратился къ просвѣщенной помощи глубокоуважаемаго Владиміра Даниловича, которому за любезное и безкорыстное участіе въ этомъ дѣлѣ и приношу мою сердечную благодарность.

Обращаюсь къ подробному разсмотрѣнію доводовъ кассатора. Указаніе 1-го пункта протеста на *неправильный вызовъ въ судъ эксперта Петровскаго* вытекаетъ изъ искаженія смысла прошенія Максименко, поданнаго въ судъ 21-го августа 1889 г. Въ немъ обвиняемая просила о вызовѣ: Мещерякова, Москаленко, Шеховцова и Мальцева, а равно всѣхъ тѣхъ изъ допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи *лицъ*, которыя не включены въ приложенный къ обвинительному акту списокъ. Цитируя это прошеніе, прокуроръ, почему-то, слово «лицъ» совершенно опускаетъ. Подъ «допрошенными-же на предварительномъ слѣдствіи *лицами*» Максименко разумѣла не только свидѣтелей, но и эксперта, какъ вполнѣ правильно понялъ ходатайство ея и окружный судъ. Ссылка кассатора на повѣстку суда, которою г. Петровскій вызывался къ засѣданію 24 ноября 1889 года въ качествѣ свидѣтеля, что было простою канцелярскою опискою, теряетъ всякое значеніе при сопоставленіи ея съ повѣсткою на имя Петровскаго на 15 февраля 1890 г., въ которой вызываемый названъ *экспертомъ*. Законныя условія вызова въ судъ

экспертовъ—тѣ же, что и свидѣтелей (стат. 578), почему требованіе Максименко о вызовѣ всѣхъ допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, но въ списокъ не включенныхъ, *лицъ*, какъ заявленное въ теченіе 7-ми-дневнаго срока, для суда было обязательно.

Наконецъ, какъ видно изъ протоколовъ судебныхъ засѣданій 24 ноября 1889 г. и 15 февраля 1890 г., прокуроръ, весьма ревниво, вообще, относившійся къ свидѣтелямъ защиты (что доказываетъ эпизодъ неправильнаго, по требованію г. прокурора, устраненія свидѣтельницы Ганусовой, ошибочно вызванной подъ ея приватною фамиліею «Федорова»), не возражалъ ни противъ правильности вызова г. Петровскаго, ни противъ прочтенія его показанія, почему и утратилъ право жалобы на эти судебныя дѣйствія, даже если бы въ нихъ и заключалось какое-либо нарушеніе закона.

2) *Несоблюденіе предсѣдателемъ 647 ст. уст. угол. суд.* На самомъ дѣлѣ, обрядъ опроса присяжныхъ засѣдателей по ст. 647 уст. предсѣдателемъ былъ исполненъ, и кассаторъ, въ данномъ случаѣ, пользуется лишь пропускомъ въ протоколѣ судебнаго засѣданія, что объясняется, какъ несущественностью этого дѣйствія, такъ и обширностью протокола, составленнаго, при томъ, не по печатному бланку.

Но, если даже недосмотръ секретаря поставить въ вину предсѣдателю, то и тогда указываемое нарушеніе окажется не имѣющимъ не только существеннаго, но и ровно никакого значенія. Всецѣло отвергая голословно и неправильно утверждаемое прокуроромъ обстоятельство, будто подсудимая Максименко принадлежитъ къ «вліятельной купеческой семьѣ, имѣющей громадное родство и свойство и связанной со многими городскими и окрестными жителями самыми тѣсными имущественными и торговыми отношеніями», я имѣю честь обратить особенное вниманіе Правительствующаго Сената на то, что г. прокуроръ, сполна воспользовавшись предоставленнымъ ему ст. 656 правомъ отвода (тогда какъ защита отвела всего лишь одно лицо), не только въ засѣданіи 15 февраля, своевременно, передъ составленіемъ скамьи присяжныхъ засѣдателей, не интересовался исполненіемъ обряда 647 ст. уст. и не сдѣлалъ о немъ соотвѣтствующаго заявленія

предсѣдателю, но даже и въ настоящее время, въ кассаціонномъ протестѣ, не указываетъ, чтобы, вслѣдствіе неисполненія стат. 647, въ составъ присутствія вошло лицо, подлежавшее, по закону (ст. 600 уст.), устраненію, а ограничивается лишь разсужденіями о какой то «вѣроятности». Между тѣмъ, даже обнаруженное, послѣ рѣшенія дѣла, родство присяжнаго съ подсудимымъ (1878 г. № 1, д. Гулакъ-Артемовской), или съ потерпѣвшимъ (1868 № 392, Протопопова) Правительствующій Сенатъ не признавалъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора.

Нарушеніе 647 ст. уст. Правительствующимъ Сенатомъ всегда признавалось несущественнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кассаторомъ не указывалось на послѣдовавшее, вслѣдствіе сего, неправильное участіе кого-либо изъ присяжныхъ засѣдателей въ составѣ присутствія. Но въ 1887 г., 17-го ноября, въ рѣшеніи по дѣлу Вайсмановъ и Коперова (1887 г. № 30), Правительств. Сенатъ низвелъ несоблюденіе 647 ст. до степени пустой, не имѣющей значенія формальности. Кассаторы жаловались, что предсѣдатель не спросилъ присяжныхъ не имѣетъ-ли кто либо изъ нихъ причинъ къ устраненію себя отъ рѣшенія дѣла, вслѣдствіе чего въ составъ присяжныхъ засѣдателей попалъ Н. Пржелевскій, вовсе не знающій русскаго языка. Правительствующій Сенатъ, усмотрѣвъ изъ дѣла, что *списокъ присяжныхъ засѣдателей былъ своевременно посланъ* для врученія подсудимымъ по мѣсту ихъ жительства но они не получили таковаго по ихъ собственной винѣ, ибо отлучились съ мѣста жительства, и что въ засѣданіи окружнаго суда никакихъ заявленій по этому поводу не сдѣлали и *правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей воспользовались*, на основаніи 647 и 665 ст. уст. уг. суд., жалобу подсудимыхъ призналъ незаслуживающею уваженія.

Тогда какъ подсудимому именной списокъ присяжныхъ засѣдателей сообщается лишь за три дня до открытія судебнаго засѣданія (ст. 589 уст.), прокурору составъ присяжныхъ извѣстенъ уже за три недѣли до начала сессіи (ст. 550, 551, 555 уст.). Такимъ образомъ, и по пространству времени, и по служебному своему положенію, дающему возможность пользоваться услугами и подчиненныхъ, и полиціи, прокурору доступнѣе ознакомленіе съ личнымъ составомъ присяжныхъ засѣдателей, почему несоблю-

деніе предсѣдателемъ ст. 647, несущественное для подсудимаго, для прокурора не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Я еще разъ всецѣло отвергаю голословно утверждаемое прокуроромъ обстоятельство, будто нѣкоторые изъ присяжныхъ могли оказаться подъ вліяніемъ богатой семьи Максименко. Если-бы такая опасность существовала, то прокурорскій надзоръ, конечно, не преминулъ бы принять мѣры къ тому, чтобы дѣло это разсматривалось не въ Ростовѣ, а въ другомъ городѣ, напр., Таганрогѣ.

3) *Неправильный допросъ защитою свидѣтеля Егора Дубровина.* Ст. 718 уст. воспрещаетъ свидѣтелю показывать объ обстоятельствахъ *постороннихъ;* вопросъ же о томъ: имѣютъ-ли тѣ или другія обстоятельства отношеніе къ дѣлу, составляетъ, по 611 ст. уст., область компетенціи предсѣдателя и не подлежитъ провѣркѣ со стороны кассаціоннаго суда (рѣш. 1868 № 954 д. Хотева, 1875 № 300 д. Спѣваковскаго, 1876 № 268 д. Челокаева).

Чтеніе показаній подсудимыхъ и поданныхъ ими прошеній хотя и воспрещается, но исключительно въ интересахъ самихъ подсудимыхъ, и нарушеніе этого правила Правительств. Сенатомъ не признается существеннымъ (1874 г. № 400 д. Хаметова, 1872 г. № 1578 д. Зацѣляпина). По требованію же или съ согласія подсудимаго, допускается чтеніе какъ его показанія (1869 № 298 д. Андронникова, 1870 г. № 1228 Третьякова, 1870 № 1467 Глѣбова; 1885 г. № 28 Вальяно), такъ и заявленія судебному слѣдователю (1885 г. № 5, д. Мироновича). А въ рѣшеніи 1884 г. № 13, по д. Мельницкихъ, Правительств. Сенатъ призналъ правильность чтенія на судѣ заявленія подсудимаго судебному слѣдователю, «потому что подсудимый имѣетъ право высказать на словахъ то, что изложено въ письменномъ заявленіи его судебному слѣдователю».

Въ данномъ же случаѣ не можетъ быть и рѣчи о прочтеніи прошенія Максименко: судъ только удостовѣрилъ время его поступленія къ судебному слѣдователю—4 марта 1889 г. Такъ какъ обстоятельство это, какъ будетъ объяснено ниже, имѣло для дѣла серьезное значеніе и, притомъ, не могло быть съ точностью установлено свидѣтельскими показаніями, то судъ и былъ обязанъ удовлетворить ходатайство защиты. Время подачи про-

шенія, обозначенное помѣтою слѣдователя, могло быть установлено лишь справкою изъ подлиннаго производства судебнаго слѣдователя, а такого рода оффиціальныя справки Правительствующимъ Сенатомъ (въ рѣш. 1872, № 257 д. Глумовыхъ, 1874 г. № 585 Григорьева, 1876 № 319 Сафонова) признаны закономѣрными.

Г. прокуроръ совершенно неправильно опредѣляетъ цѣль, которую преслѣдовала защита допросомъ свидѣтеля Дубровина о подачѣ Александрою Максименко прошенія 4 марта. Въ данномъ случаѣ критика процессуальной стороны предварительнаго слѣдствія вовсе не входила въ программу защиты, которая считала только необходимымъ: 1) исправить грубую ошибку обвинительнаго акта, приписывающаго иниціативу вторичнаго вскрытія трупа и химическаго изслѣдованія его внутренностей прокурорскому надзору, тогда какъ слѣдственныя дѣйствія эти вызваны были категорическимъ требованіемъ о томъ Максименко, заявленнымъ въ прошеніи ея отъ 3 марта 1889 г. (II т. л. 52), и 2) выставлённымъ прокуроромъ «уликамъ поведенія», выразившимся въ будто-бы обнаруженной Максименко боязни вскрытія трупа и въ ускореніи ею похоронъ, противопоставить контръ-улику, состоящую въ томъ, что подсудимая, не смотря на формальную незаконность и полную недостовѣрность протокола перваго химическаго анализа и вопреки настойчивымъ отговорамъ родственниковъ, продолжала упорствовать въ своемъ требованіи о провѣрочныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. И такъ, допросъ свидѣтеля Дубровина вращался исключительно въ законной области изслѣдованія дѣйствій подсудимой послѣ смерти ея мужа и направленъ былъ къ поколебанію значенія выставленныхъ обвиненіемъ «уликъ поведенія».—Кассаторъ указываетъ, будто цѣлью защиты въ этомъ случаѣ было указаніе на неправильныя дѣйствія прокурора суда и, усматривая въ этомъ нарушеніе закона, очевидно, исходитъ изъ принципа: «fiat auctoritas, pereat veritas!» Полагаю, что менѣе всего судъ можетъ служить ареною принесенія правды и истины авторитету власти. Хотя критика слѣдственныхъ дѣйствій и не входила въ программу защиты, но Правительств. Сенатъ, въ рѣшеніи 1868 г. № 577 по д. Бергъ, призналъ, что защитѣ не можетъ быть воспрещено дѣлать оцѣнку

дѣйствій должностныхъ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ дѣла. Наконецъ, прокуроръ не возражалъ ни противъ предложенія Дубровину вопроса о времени подачи прошенія Максименко, ни противъ удостовѣренія этого времени на основаніи оффиціальныхъ данныхъ.

4) *Прочтеніе показаній экспертовъ Петровскаго и Роллера и свидѣтельницы Трушиной.* Экспертъ Петровскій не явился въ судъ, вслѣдствіе выѣзда въ С.-Петербургъ; причина неявки его, въ виду нахожденія въ другомъ судебномъ округѣ, въ далекомъ разстояніи отъ суда, признана была судомъ, на точномъ основаніи 6 п. 388 и 2 п. 642 ст. уст. уг. суд., законною; способъ же удостовѣренія въ затруднительности явки въ судъ предоставленъ закономъ усмотрѣнію суда (рѣш. 1869 г. № 735, 1884 № 28 по д. о злоупотр. въ Таганрог. таможнѣ). При обсужденіи законности причинъ неявки экспер. Петровскаго, судъ не касался значенія его показанія; въ опредѣленіи же о прочтеніи этого показанія заключается, конечно, признаніе его существенности, тѣмъ болѣе-что не станетъ же судебный слѣдователь излагать содержаніе несущественнаго показанія на 10 страницахъ слѣдственнаго производства. Законность вызова Петровскаго и прочтенія его показанія доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что эксперты Роллеръ и Петровскій, допрошенные совмѣстно 17 февраля 1889 г. (л. 19—24 II т.), дали одно общее, совокупное показаніе. Они являлись какъ бы сіамскими близнецами: ихъ слѣдовало вызвать обоихъ, или же заранѣе отказаться отъ возможной надобности въ чтеніи показанія одного изъ нихъ. Между тѣмъ, прокуроръ, составляя обвинительный актъ и группируя свои доказательства, сдѣлалъ, такъ сказать, хирургическую операцію — разсѣкъ этихъ близнецовъ, ограничившись вызовомъ одного Роллера. Заявивъ ходатайство о вызовѣ Петровскаго и о прочтеніи его показанія, подсудимая только исправила упущеніе прокурора, вовсе позабывшаго о второмъ экспертѣ. Прочтеніе на судѣ показаній, данныхъ экспертами на предварительномъ слѣдствіи, согласно съ 690—692 ст. уст., какъ это разъяснено Сенатомъ по дѣлу Семенова № 326 за 1869 г. и дѣлу Шойлица № 498 за 1874 г., тѣмъ болѣе, что показаніе экспертовъ включено было въ обвинительный актъ.

Читая ихъ показаніе, судъ строго придерживался разъ уже принятаго имъ въ этомъ дѣлѣ порядка, въ силу котораго сперва читались письменныя показанія экспертовъ, а затѣмъ они допрашивались на судѣ дополнительно. Кромѣ того, ни прокуроръ, ни гражданскій истецъ, противъ прочтенія показанія Петровскаго не возражали. Показаніе Трушиной, не явившейся въ судъ за смертью, отнюдь не было признано судомъ несущественнымъ. Опредѣленіемъ суда отъ 4 февраля 1889 г., состоявшимся по жалобѣ Максименко, предписано было допросить указанныхъ обвиняемою свидѣтелей, и въ числѣ ихъ Трушину, для выясненія характера супружескихъ отношеній, каковое обстоятельство, слѣдовательно, судомъ было признано существеннымъ. Въ протоколѣ-же судебнаго засѣданія записано, что показаніе Трушиной было прочитано по просьбѣ защитника Максименко, за отсутствіемъ возраженій со стороны прокурора.

«За деревьями лѣса не видать», говоритъ русская пословица, мудрость которой вполнѣ сказалась и на кассаціонномъ протестѣ. Въ увлеченіи буквальнымъ формализмомъ, кассаторъ забываетъ о томъ внутреннемъ значеніи судопроизводственныхъ нарушеній, въ силу котораго судебный приговоръ только и можетъ подлежать отмѣнѣ. Существо кассаціоннаго принципа состоитъ въ различеніи существенныхъ нарушеній отъ несущественныхъ и въ установленіи очевидной причинной зависимости судебнаго рѣшенія отъ допущенныхъ неправильностей судопроизводства. Показаніе экспертовъ Петровскаго и Роллера, — нисколько не касаясь вопроса о виновности, какъ имѣвшее предметомъ открытіе яда во внутренностяхъ умершаго Максименко, — служило матеріаломъ для разрѣшенія вопроса единственно о причинѣ смерти, о фактѣ отравленія. Только въ предѣлахъ этого вопроса— о причинѣ смерти—показанія экспертовъ-химиковъ и имѣли значеніе для дѣла. Но вѣдь смерть отъ яда, фактъ преступленія, признаны утвердительнымъ отвѣтомъ присяжныхъ засѣдателей на первый вопросъ о доказанности самого преступленія, почему указанія кассатора на процессуальныя нарушенія при изслѣдованіи этого вопроса лишены всякаго практическаго и юридическаго значенія.

Предоставляя два послѣдніе кассаціонные повода обсужде-

нію В. Д. Спасовича, считаю необходимымъ коснуться еще вопроса о составленіи и дополненіи протокола судебнаго засѣданія.

Многолѣтнею практикою Правительствующаго Сената строго установленъ порядокъ ходатайства о занесеніи въ протоколъ выраженій или положеній заключительной рѣчи предсѣдателя: немедленно по ея произнесеніи и по удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ совѣщательную комнату (1874 № 402 д. Дудникова, 1879 № 95, 1884 № 13—Мельницкихъ, 1885 № 5—Мироновича, 1887 № 4—Долговыхъ, 1888 № 16—Кетхудова). «Задачею какъ суда, такъ и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ—читаемъ въ рѣшеніи 1885 № 5—со стороны обвиненія и защиты должно быть стремленіе не къ обвиненію или оправданію подсудимыхъ во что бы то ни стало, а къ достиженію истины въ дѣлѣ. Поэтому стороны обязаны заботиться, чтобы истина эта раскрывалась при самомъ разборѣ дѣла и своевременно пользоваться предоставленными имъ закономъ средствами къ выясненію ея, а не тогда уже, когда приговоръ суда произнесенъ и когда упущенія, если они и были, не могутъ быть исправлены иначе, какъ при новомъ разсмотрѣніи дѣла. Осюда слѣдуетъ, что, если та или другая сторона замѣтитъ въ заключительномъ словѣ предсѣдателя такія отъ установленныхъ закономъ правилъ отступленія, которыя могутъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе дѣла во вредъ ея интересамъ, то, по окончаніи этого слова и по удаленіи присяжныхъ засѣдателей для совѣщанія, обязана, въ присутствіи другихъ сторонъ, заявить суду свои замѣчанія, въ случаѣ признанія которыхъ судомъ основательными, *предсѣдатель можетъ, тотчасъ же, возвратить въ залъ засѣданія присяжныхъ засѣдателей, исправить сдѣланныя упущенія, пополнивъ свою рѣчь* и разъяснивъ ея значеніе».—«Объясненія же подсудимаго—говорится въ рѣшеніи 1887 № 4—о нарушеніяхъ, допущенныхъ предсѣдательствовавшимъ на судѣ, въ его заключительномъ словѣ присяжнымъ,—не могутъ подлежать разсмотрѣнію Сената, такъ какъ подсудимый своевременно, тотчасъ по уходѣ присяжныхъ засѣдателей для совѣщанія, не дѣлалъ по сему предмету никакихъ заявленій». По рѣшенію У. К. Д. 1876 № 97 д. Морткина, предсѣдатель имѣетъ право *въ дополненіе* къ своей за-

ключительной рѣчи дать присяжнымъ еще нѣкоторыя объясненія, возвративъ ихъ изъ совѣщательной комнаты.

Этими руководящими рѣшеніями Правительствующій Сенатъ разъясняетъ, какъ законную цѣль своевременнаго заявленія о недостаткахъ заключительнаго слова—возможность немедленнаго ихъ исправленія,—такъ и характеръ его, какъ одного изъ элементовъ состязательнаго права, не воспользовавшись которымъ, стороны лишаются права обжалованія неправильностей заключительнаго слова.

Протоколъ судебнаго засѣданія содержитъ въ себѣ указаніе, что «предсѣдатель сказалъ присяжнымъ засѣдателямъ заключительную рѣчь согласно ст. 801—815 уст. уг. суд.» (стр. 445). По рѣшенію У. К. Д. 1876 № 141 д. Мерганова, общее указаніе въ протоколѣ на соблюденіе предсѣдательствующимъ ст. 801—815 у. у. с. признается доказательствомъ правильности заключительной рѣчи. Но на протоколъ этотъ, предъявленный одновременно съ объявленіемъ приговора суда въ окончательной формѣ 24-го февраля 1890 г., прокуроръ сдѣлалъ замѣчанія 6-го марта 1890 г., т. е. на одиннадцатый день послѣ предъявленія протокола, и судъ, войдя въ разсмотрѣніе этихъ замѣчаній, постановилъ по нимъ свое заключеніе, не обозначивъ, однако, когда именно состоялось это таинственное распорядительное засѣданіе. Изъ того же, что замѣчанія прокурора поступили всего за 3 дня до срока и что въ протестѣ прокурора нѣтъ указаній на заключеніе суда по этимъ замѣчаніямъ, мы вправѣ заключить, что засѣданіе суда состоялось послѣ истеченія кассаціоннаго срока, что уже совершенно незаконно.

Считая дѣйствія, какъ прокурора, такъ и Окружнаго Суда, въ этомъ отношеніи, неправильными, я имѣю честь возбудить здѣсь вопросъ о *срокѣ предъявленія замѣчаній* на протоколъ судебнаго засѣданія.

Единственное по этому вопросу рѣшеніе Правительствующаго Сената (1872 № 792, по д. Девляшова), уравнивающее срокъ этотъ съ кассаціоннымъ, представляется несогласнымъ съ точнымъ смысломъ ст. 842 и 843 уст. При примѣненіи этихъ статей устава къ процессу гражданскому, не имѣющему собственныхъ соотвѣтственныхъ правилъ, Правительствующій Сенатъ (рѣшен.

Гражд. Кас. Д-та 1879 № 150, по д. Бейермейстеръ; 1871 №№ 476 и 903) право предъявленія замѣчаній ограничилъ *семидневнымъ*, со дня, назначеннаго для объявленія рѣшенія, *срокомъ*. Если такъ кратокъ срокъ въ процессѣ гражданскомъ, при 4-хъ-мѣсячномъ кассаціонномъ срокѣ, то не представляется никакого основанія удлинять его въ процессѣ уголовномъ, ограничивающемъ кассаціонное обжалованіе болѣе краткимъ, двухнедѣльнымъ срокомъ.

Такое удлиненіе срока находится въ противорѣчіи и съ началами состязательности и равенства сторонъ, составляющими краеугольный камень уголовнаго процесса. Въ силу 630, 632, 748 ст. уст. угол. суд., подсудимый не можетъ быть лишенъ права предъявить свои *возраженія* противъ неправильныхъ замѣчаній прокурора, и возраженія эти, конечно, должны быть приняты во вниманіе судомъ при обсужденіи и замѣчаній на протоколъ. Но такой обрядъ предъявленія замѣчаній на протоколъ и возраженій на эти замѣчанія возможенъ или въ день самого объявленія приговора, или же въ срокъ болѣе краткій, чѣмъ кассаціонный,— семидневный.

Поэтому, замѣчанія на протоколъ, предъявленныя прокуроромъ на 11-й день послѣ объявленія приговора, и неизвѣстно когда постановленное заключеніе суда, какъ несвоевременныя, незаконны, ничтожны и не подлежатъ вовсе разсмотрѣнію Правительствующаго Сената.

Заканчивая мои объясненія, не могу не указать на двѣ особенности настоящаго дѣла. Первая состоитъ въ томъ, что самъ прокуроръ не настаиваетъ на прямой, непосредственной причинной связи между усматриваемыми имъ процессуальными нарушеніями и послѣдовавшимъ вердиктомъ присяжныхъ; онъ неоднократно говоритъ только о «возможности», о «нѣкоторой вѣроятности» такой связи. Между тѣмъ, Правительствующій Сенатъ, для обращенія дѣла къ новому разсмотрѣнію, всегда и неизмѣнно требуетъ наличности такихъ нарушеній закона, которыя относились-бы къ приговору, какъ причина къ слѣдствію. Вторая особенность — та, что всѣ судебныя дѣйствія, въ которыхъ теперь прокуроръ усматриваетъ нарушенія правилъ судопроизводства, состоялись или по прямо выраженному имъ согласію, или-же въ

виду отсутствія его возраженій. «Qui tacuit, quum loqui potuit et debuit, consentire videtur»—кто молчитъ, имѣя возможность или обязанность возражать, — тотъ почитается согласнымъ. Этотъ принципъ римскаго права вполнѣ усвоенъ и Правительствующимъ Сенатомъ въ примѣненіи къ уставу угол. суд. «Незаявленіе стороною возраженій противъ извѣстнаго судебнаго дѣйствія—читаемъ въ рѣшеніяхъ 1868 г. № 160, 1869 г. №№ 895 и 974, 1881 г. № 12 и друг.—устраняетъ право жалобы на нарушеніе этимъ дѣйствіемъ закона».

Присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ.

Пятый кассаціонный поводъ въ жалобѣ прокурора Таганрогскаго Окружнаго Суда основанъ на излишествахъ въ пользованіи словомъ моего товарища, г. Холева, и на произнесеніи имъ въ рѣчи запретнаго имени бѣлопольскаго почтмейстера Пономарева. И прокуроръ, и защита, хотя подчинены верховному контролю предсѣдателя суда въ пользованіи свободою слова, но пользуются этою свободою на свою отвѣтственность, слѣдовательно могутъ ею злоупотреблять. Не даромъ слово считается чѣмъ-то крылатымъ: оно раздалось, и прежде, чѣмъ предсѣдатель задумалъ обуздать и остановить оратора, оно уже врѣзалось въ память слушателей и произвело на нихъ вліяніе. Дѣлать прочность приговоровъ зависимою отъ излишествъ въ рѣчахъ той или другой стороны значитъ пріохочивать стороны къ такимъ излишествамъ, чинимымъ намѣренно или про запасъ. Не знаю, чѣмъ рѣшится дѣло, но мнѣ удобно имѣть, на случай неблагопріятнаго исхода, нѣсколько такихъ излишествъ про запасъ, въ видѣ кассаціонныхъ мотивовъ,—я-бы и самъ кипятился и вызывалъ на подобныя-же рѣзкости противника. Ничего подобнаго допустить законы не могли. Разъ предсѣдатель остановилъ спорщиковъ, даже не удаляя защитника и не лишая его слова, или по поводу неприличнаго поведенія представителя прокурорскаго надзора не пріостановилъ засѣданія и не потребовалъ замѣны его другимъ,—порядокъ считается возстановленнымъ, дѣло—получившимъ нормальное теченіе и имѣвшія мѣсто излишества—покрытыми и погашенными. Но предсѣдатель не счелъ нужнымъ употребить свою власть для укрощенія состязующихся сторонъ, было

не нужно или сдѣлалъ упущеніе, не употребивъ власти, которая ему предоставлена ст. 611 угол. суд. До кассаціоннаго рѣшенія по Московскому дѣлу Кетхудова 22 марта 1888 года особенную важность придавалъ Сенатъ занесенію немедленно въ протоколъ засѣданія противною стороною отмѣченныхъ ею неумѣстныхъ и неприличныхъ выраженій. Если она сего не сдѣлала, значитъ она на первыхъ порахъ не считала, что ея интересамъ нанесенъ былъ ущербъ, не обратила на это обстоятельство вниманія предсѣдателя и не постаралась его своевременно констатировать. До дѣла Кетхудова всѣ незанесенныя въ протоколъ заявленія были отвергаемы, но есть много рѣшеній, изъ которыхъ слѣдуетъ, что, по мнѣнію Сената, если-бы фактъ излишества и былъ немедленно констатированъ, то, все-таки, приговоръ суда не подлежитъ отмѣнѣ. По дѣлу Мѣшкова 1877 года, № 1266, видно, напримѣръ, что товарищъ прокурора прямо упрекнулъ присяжныхъ, что они въ теченіе цѣлой сессіи оправдывали виновныхъ во всѣхъ растратахъ, и, несмотря на это обстоятельство, это слово не послужило для защиты поводомъ къ отмѣнѣ приговора. По дѣлу Любовницкаго 1870 г., № 519, требованіе отмѣны отвергнуто потому, что защитникъ могъ возражать противъ односторонней рѣчи прокурора. По дѣлу Кондратьева 1870 г., № 436, отмѣна не послѣдовала, хотя защитникъ установилъ въ рѣчи прокурора указаніе на свидѣтеля, спрошеннаго по другому дѣлу, передъ другимъ составомъ присяжныхъ. По дѣлу Кирьякова то-же злоупотребленіе позволилъ себѣ защитникъ, но Сенатъ призналъ, что прокуроръ не былъ лишенъ возможности возражать защитѣ и что не доказано, чтобы присяжные, оправдавъ подсудимаго, основали свой вердиктъ на нарушенія защитникомъ его обязанностей. Рѣшеніе по дѣлу Кетхудова 22 марта 1888 г., № 16, раздвинуло право сторонъ добиваться отмѣны приговора по нарушенію 611 ст., и не констатированному въ протоколѣ; Сенатъ призналъ, что суду не предоставлено права отказывать, по несвоевременности заявленія, въ занесеніи въ заключеніе и выраженій, и мыслей, которыя могутъ сохраняться всецѣло въ памяти судей, или могутъ быть возстановлены иными имѣющимися въ ихъ распоряженіи данными, причемъ, главное—не форма выраженій, а самая мысль,—можно преслѣдовать, такимъ обра-

зомъ, въ кассаціи положенія и мысли, выраженныя какъ въ рѣчахъ сторонъ, такъ и въ заключительной рѣчи предсѣдателя, *несовмѣстныя съ началами правосудія.* Станемъ мысленно и на эту послѣднюю точку зрѣнія. Предъ вами мой товарищъ съ камнемъ въ рукахъ, который онъ бросилъ на обвинителя, — съ именемъ судившагося въ Харьковѣ почтмейстера Пономарева. Посудите, насколько это слово и эта ссылка несовмѣстны съ началами правосудія. Всего страннѣе, что за г. Холева стоитъ судъ, который нашелъ, что его указаніе на дѣло Пономарева было совершенно естественно, потому что кто-же въ Ростовѣ на Дону изъ читающихъ газеты могъ не знать, въ чемъ состояло дѣло Пономарева. Оно, по словамъ самого обвинителя, было громкою и печальною судебною ошибкою. Прокуроръ утверждаетъ, что оно не имѣетъ никакого соотношенія съ дѣломъ Максименко, а предсѣдатель полагалъ, что имѣло, что и выразилъ тѣмъ, что не сдѣлалъ защитнику никакого замѣчанія. Мой товарищъ, г. Холева, былъ убѣжденъ, что оба дѣла имѣютъ ближайшую связь, потому что въ обоихъ обвиненіе построено на одномъ и томъ-же логическомъ пріемѣ. По дѣлу Пономарева некому было совершить преступленіе, кромѣ Пономарева, но на самомъ-же дѣлѣ совершилъ дѣло почталіонъ Скрипка. По дѣлу Максименко, — что некому было совершить, кромѣ жены Максименко и Рѣзникова, а между тѣмъ виноватъ можетъ быть кто-нибудь оставшійся въ тѣни. Указать на возможность ошибки, сказать суду: ты судъ человѣческій, судъ близорукій, потому дѣйствуй осмотрительно—это классическій пріемъ всякой защиты; я не знаю защитника, который-бы въ жизни не употребилъ его ни разу, который-бы не иллюстрировалъ его примѣрами изъ исторіи древней и новой, священной и свѣтской, только я не усматриваю въ этомъ выраженій и мыслей, *несовмѣстныхъ съ началами правосудія,* только я не вижу, чтобы указаніе на недавнюю громкую и печальную ошибку сдѣлано было въ ущербъ *достоинству, спокойствію* и *правильности,* которыя составляютъ по кетхудовскому рѣшенію *залогъ правосудія.* Только я не вижу, какимъ образомъ это предостереженіе могло поставить присяжныхъ въ условія, благодаря которымъ они *не могли-бы съ надлежащею безпристрастностью* приступить къ оцѣнкѣ дока-

зательствъ невинности подсудимыхъ и не могли постановить рѣшенія, соотвѣтствующаго понятію судебнаго приговора. Я усматриваю только одно, что ссылка на ошибочность людскихъ приговоровъ есть орудіе обоюдо острое, и если печально ошибочное осужденіе невиновнаго, то печально также и весьма вредно для общества отпущеніе ясныхъ и несомнѣнныхъ злодѣевъ,—богатая тема для краснорѣчія, которою обвинитель не съумѣлъ или не хотѣлъ воспользоваться.

Остается разобрать шестой кассаціонный мотивъ, основанный на допущенномъ, яко-бы, нарушеніи 812 ст. устава угол. суд., то-есть, на неразъясненіи присяжнымъ, что они могутъ дать ограничительный отвѣтъ по вопросамъ о виновности г-жи Максименко и Рѣзникова, исключивъ признакъ предварительнаго между ними соглашенія. Постараюсь, прежде всего, возстановить весь ходъ судоговоренія по этому вопросу. Обвинительный актъ обвинялъ прямо двоихъ подсудимыхъ, и только двоихъ, какъ дѣйствовавшихъ по предварительному соглашенію и совершенно солидарно, связавъ ихъ, такъ сказать, однимъ желѣзнымъ обручемъ, что, дѣйствуя за-одно, они всыпали ядъ въ питье, которое было выпито Максименко,—при взаимномъ соучастіи, или такимъ образомъ, что дѣйствовалъ одинъ изъ нихъ, но съ согласія и вѣдома другого. Въ полномъ согласіи съ обвинительнымъ актомъ поставлены были судомъ вопросы о виновности Максименко въ отравленіи мужа *по предварительному соглашенію съ другимъ лицомъ* и о виновности Рѣзникова въ томъ-же и также по соглашенію съ другимъ лицомъ. Совиновничество двухъ лицъ въ одномъ и томъ-же преступленіи можетъ быть или въ формѣ, рѣже встрѣчающейся, такъ называемаго скопа, то-есть случайнаго стеченія нѣсколькихъ лицъ, не сговаривавшихся на преступленіе, тогда стекавшіеся просто только *участники,* или въ формѣ такъ называемаго заговора, то-есть предварительнаго соглашенія на преступленіе, тогда стекавшіеся являются *сообщниками.*

Ни изъ обвинительнаго акта, ни изъ судебнаго слѣдствія и приговора, ни изъ содержанія протеста не вытекаетъ, чтобы ставилось предположеніе о дѣйствованіи скопомъ, т. е., чтобы Максименко, съ своей стороны, и Рѣзниковъ, съ своей стороны, отравили, не сговорившись о томъ, мужа Максименко.

Въ заключеніи суда, на замѣчаніе прокурора на протоколъ засѣданія, отмѣчено, что предсѣдательствовавшій разъяснилъ присяжнымъ условія стеченія въ преступленіи двухъ сговаривавшихся лицъ, одного какъ физическаго виновника, а другого— какъ интеллектуальнаго, т. е. такого, который могъ совсѣмъ и не находиться на мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія, а между тѣмъ содѣйствовалъ преступленію. По идеѣ прокурора, вотъ что могло случиться. Одинъ изъ обвиняемыхъ, напримѣръ, Рѣзниковъ, дѣйствительно не бывшій на мѣстѣ преступленія, могъ быть признанъ присяжными невиновнымъ; присяжные усмотрѣли, положимъ, что другой сообщникъ, т. е. въ данномъ случаѣ г-жа Максименко, виновна въ преступленіи, но только не тѣмъ манеромъ, какъ предположено въ вопросахъ, т. е. безъ соглашенія съ другимъ лицомъ, а по собственному почину и предпріятію. Возились они съ вопросомъ, котораго не хотѣли ни цѣликомъ принять, ни цѣликомъ отвергнуть, ломали головы, не одолѣли затрудненія, не зная о своемъ правѣ исключить что-нибудь изъ вопроса, и рѣшили лучше оправдать и г-жу Максименко, нежели признать, что она дѣйствовала по соглашенію съ другимъ лицомъ.

Весь кассаціонный мотивъ виситъ на тончайшемъ волоскѣ—на предположеніи, что судъ не разъяснилъ имъ ихъ права по 812 ст. давать ограничительные отвѣты. Спрашивается: чѣмъ-же удостовѣрено неисполненіе судомъ его обязанности по 812 статьѣ?

Вопросъ этотъ первостепенной важности, потому что по сенатской практикѣ 1876/48 по д. Челова и 1880/41 по д. Игумновой, неразъясненіе совсѣмъ присяжнымъ о предоставленной имъ возможности давать ограничительные отвѣты можетъ быть кассаціоннымъ поводомъ по нарушенію 812 ст. (въ рѣш. 1876 г. это правило выражено абсолютно, а въ р. 1880 г. ограничительно: въ виду несложности предложеннаго присяжнымъ вопроса, объясненіе суда, что не нужно было разъяснять 812 ст., сочтено неосновательнымъ). Главное доказательство, разумѣется, протоколъ, который былъ предложенъ сторонамъ послѣ рѣшенія дѣла 20-го февраля черезъ 4 дня, т. е. 24-го февраля, когда воспоминанія были еще свѣжи. Въ этомъ протоколѣ содержится, какъ я докажу, удостовѣреніе, что предсѣдатель исполнилъ 808 ст. уст., т. е., что онъ ихъ предварилъ, что они могутъ консульти-

роваться судомъ, въ случаѣ какого-нибудь встрѣченнаго ими недоумѣнія. Если, затѣмъ, они этимъ совѣтомъ не воспользовались, значитъ они въ немъ не нуждались.

Каково было отношеніе прокурора Хлодовскаго во время засѣданія къ опротестованному имъ нарушенію закона? Отмѣтилъ-ли это нарушеніе и, если отмѣтилъ, то пробовалъ-ли онъ его исправить? Заключительное слово было послѣднее; заявленіе на рѣчь для занесенія въ протоколъ могло и должно быть сдѣлано тутъже; когда присяжные удалились въ свою комнату, ему представлялся удобный случай сдѣлать заявленіе, потому что во время совѣщанія присяжныхъ г. Холева потребовалъ возвращенія судей для занесенія въ протоколъ выраженій, которыя онъ находилъ неправильными въ рѣчи предсѣдателя по поводу значенія экспертизы.

Еслибы г. Хлодовскій тутъ-же сдѣлалъ замѣчаніе о неисполненіи предсѣдателемъ 812 ст., то, вѣроятно, предсѣдатель вызвалъ бы присяжныхъ, не успѣвшихъ еще обсудить вопроса о виновности, и преподалъ-бы имъ соотвѣтствующее наставленіе. Но прокуроръ этого не сдѣлалъ, онъ не замѣтилъ пропуска, если такой былъ, а можетъ быть и не въ его интересахъ было замѣчать. Обвиненіе связало Максименко и Рѣзникова другъ съ другомъ неразрывно, оно такъ ставило вопросъ: виновны оба или ни одинъ. Есть полное разногласіе между прокуроромъ и судомъ о томъ, какъ ставился этотъ-же вопросъ о совиновности защитою. Прокуроръ утверждаетъ, что защита проводила мысль о возможности совершенія преступленія однимъ лицомъ безъ вѣдома и соглашенія съ другимъ, однимъ словомъ, что подсудимые другъ на друга сваливали преступленіе. Это не такъ; по удостовѣренію суда, подтверждаемому поверхностнымъ даже знакомствомъ съ дѣломъ, какимъ оно представляется по обвинительному акту, изъ двухъ защитниковъ г-жи Максименко одинъ отвергалъ самый фактъ отравленія, другой—всякую виновность г-жи Максименко, при неизвѣстности, кто-бы могъ отравить ея мужа, а защитникъ Рѣзникова—ставилъ на видъ отсутствіе Рѣзникова на мѣстѣ преступленія, слѣдовательно, невозможность всякой его прикосновенности къ отравленію.

Безчисленнымъ множествомъ сенатскихъ рѣшеній признано,

что сторона не допускается до извлеченія выгодъ изъ того, что она умышленно или по оплошности упустила сдѣлать и чего она во время засѣданія въ протоколъ не занесла. Классическими могутъ считаться по этому предмету рѣшенія по дѣлу Мироновича 1885 года, № 5, и Любимова 1886 г., № 20, изъ коихъ въ послѣднемъ буквально сказано: не заслуживаетъ уваженія несвоевременное заявленіе о неточномъ исполненіи предсѣдателемъ 812 ст. Исполнялъ-ли свой обрядъ опротестованія, хотя и не въ самомъ засѣданіи, но при первомъ возможномъ случаѣ г. Хлодовскій? Нѣтъ, ему предъявляли протоколъ 24 февраля, т. е. на четвертый день по окончаніи процесса, но онъ замѣчанія свои подалъ на 11-й день—6-го марта, когда, согласно буквальнымъ выраженіямъ по дѣлу Мироновича 1885 г., № 5, представлялось уже затруднительнымъ, чтобы судьи по истеченіи значительнаго времени отъ засѣданія до постановленія заключенія (какъ разъ 2 недѣли) могли сохранить въ памяти со всею точностью содержаніе заключительной рѣчи предсѣдателя. Можетъ быть, предсѣдатель и объяснялъ 812 ст., но только это объясненіе, отъ повторенія его на каждомъ дѣлѣ сдѣлавшееся банальнымъ, не было занесено въ протоколъ. Но точно ли оно не занесено въ протоколъ засѣданія по дѣлу Максименко и Рѣзникова? Я утверждаю противное и ссылаюсь на подлинныя слова протокола: предсѣдатель сказалъ присяжнымъ засѣдателямъ заключительную рѣчь, согласно статьямъ 801—815 уст. уг. суд. (стр. 442). Протоколъ писанъ не по печатному образцу, въ которомъ оставалось бы дополнить перомъ нѣкоторые пробѣлы. Онъ весь писанъ рукою, подробно, осмысленно и весьма точно.

Изъ содержанія приведеннаго мною мѣста въ протоколѣ оказывается, что предсѣдатель преподалъ присяжнымъ по 801 ст. общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ; по 806 ст. порядокъ совѣщаній и форму отвѣтовъ по 811 ст.;—что онъ ихъ предупредилъ по 812 ст. о возможности, вообще, ограничительныхъ отвѣтовъ и по 814 ст. о правѣ дачи снисхожденія. Рѣшающее и колоссальное значеніе такой записки, если она не опротестована съ особенной рельефностью и силою, выражается въ рѣшеніи по дѣлу кронштадтскаго банка 1883 г., № 27. По этому рѣшенію отсутствіе замѣчаній на из-

вѣстную часть протокола дѣлаетъ ее непререкаемою до такой степени, что самъ судъ не вправѣ видоизмѣнить и дополнить и что-нибудь въ протоколѣ отвергнуть, потому что допустить нѣчто подобное значило-бы лишить стороны всякой возможности доказать наличность удостовѣренныхъ протоколомъ фактовъ.

Прокуроръ не отвергаетъ въ своемъ протестѣ удостовѣреннаго протоколомъ факта общаго разъясненія присяжнымъ засѣдателямъ со стороны предсѣдателя о правѣ ихъ давать ограничительные отвѣты на вопросы, исключать изъ любыхъ вопросовъ всякіе занесенные въ нихъ признаки и обстоятельства. Онъ только жалуется, что, сверхъ общаго наставленія присяжнымъ, предсѣдатель не разъяснилъ имъ еще въ конкретномъ случаѣ, по конкретнымъ двумъ вопросамъ о виновности Максименко и Рѣзникова, о правѣ ихъ исключить одинъ конкретный признакъ, включенный въ эти вопросы: признакъ *предварительнаго соглашенія*. Этотъ признакъ надобно было, такъ сказать, пальцемъ указать. Однимъ словомъ, протестъ недоволенъ тѣмъ, что предсѣдатель, не довольствуясь общею посылкою силлогизма: «во всѣхъ вопросахъ вы можете изъять и отвергнуть отдѣльно каждый изъ признаковъ, которыми совокупно опредѣляется преступленіе», не поставилъ еще другой посылки: «предварительное соглашеніе во 2 и въ 3 есть одинъ изъ такихъ признаковъ», и не сдѣлалъ еще вывода: «слѣдовательно, и этотъ признакъ можетъ быть тоже вами исключенъ». Судъ, съ своей стороны, не опровергъ и не могъ опровергнуть протокола, удостовѣряющаго исполненіе всѣхъ статей 801—815, онъ стоитъ на томъ, что преподалъ присяжнымъ общее наставленіе объ ограничительныхъ отвѣтахъ. Судъ призналъ, однако, на замѣчаніе прокурора въ протоколѣ, что онъ спеціальнаго указанія о предварительномъ соглашеніи не сдѣлалъ, не считая его въ данномъ случаѣ необходимымъ.

Вопросъ объ обязательности для предсѣдателя не только общихъ, но и спеціальныхъ разъясненій правъ присяжныхъ по 812 ст. разрѣшается отрицательно по двумъ соображеніямъ: во 1) per deductionem ad absurdum. Въ каждомъ вопросѣ бываютъ десятки признаковъ, есть дѣла, въ которыхъ ставилось до полутораста вопросовъ. Немыслимо, чтобы предсѣдатель занимался поднесеніемъ присяжнымъ каждаго отдѣльнаго признака по каж-

дому изъ вопросовъ, какъ возможныхъ къ исключенію, ни чтобы всѣ эти указанія были констатируемы въ протоколѣ. Во 2) этотъ вопросъ уже разрѣшенъ кассаціонной судебной практикой въ рѣшеніи по дѣлу Меринова 1876 г., № 141, и въ особенности въ рѣшеніи по дѣлу Соснина 1878 г., № 8: священникъ и діаконъ судились за то, что растратили висѣвшія въ церкви иконы, хотя и не вошедшія по описи въ составъ церковнаго имущества. Въ рѣчи своей предсѣдатель не указалъ присяжнымъ спеціально, что они могутъ отвергнуть въ своемъ отвѣтѣ принадлежность образовъ церкви, хотя и опредѣлилъ въ общихъ чертахъ, что считается церковнымъ имуществомъ. Сенатъ разъяснилъ, что, въ виду общаго разъясненія предсѣдателемъ присяжнымъ ихъ правъ и обязанностей, а въ томъ числѣ и права ихъ на ограничительные отвѣты по 812 ст. уст., какъ это констатировано протоколомъ, неполнота заключительной рѣчи не могла привести присяжныхъ въ сомнѣніе относительно ихъ права сдѣлать упомянутую оговорку. И такъ, соблюденіе 812 ст. въ дѣлѣ доказано и соблюденіе притомъ вполнѣ, по взгляду сената, достаточное.

Гг. сенаторы! Въ заключеніе моей рѣчи я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что кассаціонный протестъ прокурора Таганрогскаго суда содержитъ въ себѣ двоякаго рода данныя: 1) шесть кассаціонныхъ поводовъ, довольно безцвѣтныхъ, довольно жидкихъ и мелочныхъ,—указанія на процессуальныя нарушенія, которыя даже и отмѣчены своевременно не были, и 2) нѣсколько рьяныя нападенія на вердиктъ суда присяжныхъ по существу его. Кассаторъ утверждаетъ, что онъ не будетъ касаться, чѣмъ былъ вызванъ подобный вердиктъ, находящійся въ полномъ противорѣчіи со всѣми данными и предварительнаго, и судебнаго слѣдствія, а въ сущности обнажаетъ и дотрогивается пальцемъ до существа рѣшенія, не подлежащаго разбирательству сената. Подобныя выходки употребляются только тогда, когда кассаціонные поводы до того слабы, что кассаторъ находится въ необходимости устроить нѣчто въ родѣ микрофона. Есть такіе снаряды, усиливающіе звуки, такъ что сказанное шопотомъ раздается громогласно. Но даже и для микрофона необходимо, чтобы были какіе-нибудь звуки, и для кассаціи необходимы какія-нибудь нарушенія, хотя-бы самыя крошечныя, которыя можно было-бы

мысленно превратить и увеличить. Когда ихъ нѣтъ, то даже и такой способъ, какъ избранный кассаторомъ, непригоденъ, потому что ex nihilo nihil fit, изъ ничего нельзя ничего и создать,—нельзя достигнуть отмѣны по всѣмъ правиламъ постановленнаго приговора.

Товарищъ оберъ-прокурора К. И. Поскочинъ.

Достоинство каждаго кассаціоннаго протеста и каждой жалобы состоитъ въ томъ, чтобы жалующійся заботился о своевременномъ, при разбирательствѣ дѣла, предупрежденіи, устраненіи или исправленіи той или другой, нарушающей его права, неправильности судопроизводства. Обязанность эта особенно усугубляется въ отношеніи лица прокурорскаго надзора. Нельзя сказать, чтобы при разсмотрѣніи дѣла о Максименко прокуроръ Таганрогскаго суда былъ на высотѣ своего призванія, чтобы онъ чутко и ревниво относился къ тѣмъ процессуальнымъ нарушеніямъ, на которыя теперь жалуется. Онъ или самъ соглашался на допущеніе извѣстныхъ судебныхъ дѣйствій, или-же допускалъ ихъ своимъ невмѣшательствомъ. Жалоба прокурора на неправильный и, будтобы, по усмотрѣнію самого суда, безъ просьбы сторонъ, произведенный вызовъ къ суду эксперта Петровскаго опровергается тѣми соображеніями, которыя высказаны здѣсь прис. пов. Холева, указавшимъ, что въ прошеніи Максименко заявлена была просьба не о вызовѣ всѣхъ свидѣтелей, какъ цитируетъ это прошеніе прокуроръ, но о вызовѣ всѣхъ допрошенныхъ на слѣдствіи *лицъ*, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ разумѣть и эксперта. Ни противъ устраненія эксперта, ни противъ чтенія показаній его и свидѣтельницы Трушиной прокуроръ не только не возражалъ, но даже высказалъ прямое согласіе; поэтому, всѣ указанія кассатора на допущенныя въ этомъ отношеніи нарушенія отпадаютъ. Что касается жалобы на неправильный допросъ защитникомъ г. Холева свидѣтеля Дубровина, то никто не мѣшалъ прокурору парализовать этотъ допросъ предложеніемъ тому-же свидѣтелю контръ-вопросовъ, чѣмъ также прокуроръ не воспользовался. Несоблюденіе 647 ст. уст. угол. суд., требующей опроса предсѣдателемъ присяжныхъ о существованіи какихъ-либо препятствій къ участію въ дѣлѣ, не имѣетъ существеннаго значенія, въ виду неуказанія въ протестѣ,

чтобы въ составъ присутствія попало лицо, подлежавшее устраненію. Всѣ разобранные четыре кассаціонные повода не заслуживаютъ никакого уваженія и должны быть отвергнуты.

Но съ другимъ характеромъ являются передъ нами послѣдніе 2 пункта протеста, указывающіе на излишества защиты въ судебныхъ преніяхъ и на неполноту заключительнаго слова предсѣдателя присяжнымъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей, защитникъ Максименко, прис. пов. Холева, напоминая присяжнымъ объ извѣстномъ дѣлѣ почтмейстера Пономарева и о неправильномъ осужденіи его невиннаго, предостерегалъ присяжныхъ отъ возможности впасть въ такую-же печальную ошибку и въ настоящемъ дѣлѣ. Дѣло Пономарева—вопросъ о невинности котораго притомъ окончательно и достовѣрно еще не разрѣшенъ,—не имѣло никакого отношенія къ процессу Максименко, а потому неумѣстное напоминаніе о немъ со стороны защиты, разсчитанное на удручающее впечатлѣніе, было совершенно неправильно и могло отозваться на вердиктѣ. Оно на немъ, несомнѣнно, и отозвалось, такъ что съ большою вѣроятностью оправдательный вердиктъ, вынесенный присяжными подсудимымъ, при признаніи самого факта преступленія, слѣдуетъ поставить въ связь, именно, съ этимъ неправильнымъ, но сенсаціоннымъ воззваніемъ защитника. Между тѣмъ, прис. пов. Холева не только не былъ остановленъ въ этомъ мѣстѣ защиты, но предсѣдатель не счелъ нужнымъ и въ своемъ заключительномъ словѣ разъяснить присяжнымъ значеніе допущенной защитникомъ неправильности.

Равнымъ образомъ, какъ это признаетъ и судъ, предсѣдателемъ не была разъяснена присяжнымъ ст. 812, предоставляющая имъ право давать ограничительные отвѣты путемъ исключенія содержащихся въ вопросѣ признаковъ. Такимъ признакомъ въ вопросахъ о виновности подсудимыхъ было предварительное ихъ между собою соглашеніе. Прокуроръ правъ, указывая, что на обязанности предсѣдателя лежало разъяснить присяжнымъ, какимъ порядкомъ они, въ случаѣ признанія виновности кого-либо одного изъ подсудимыхъ, безъ постороннихъ сообщниковъ, могутъ отвергнуть предварительное соглашеніе обвиненнаго съ другимъ лицомъ. Результатомъ такой неполноты резюме могло быть затрудненіе присяжныхъ, если-бы они пришли къ заключенію о

виновности одного изъ подсудимыхъ. Что касается возбужденнаго въ засѣданіи сената прис. пов. Холева вопроса о порядкѣ дополненія протокола и срокѣ предъявленія замѣченій, то срокъ этотъ не можетъ быть короче кассаціоннаго, тѣмъ болѣе что сторонамъ принадлежитъ право подачи объясненій непосредственно въ Правительствующій Сенатъ.

Считая, что только указанными нарушеніями ст. 744 и 812 уст. и можетъ быть объясненъ странный и непонятный вердиктъ присяжныхъ,—при доказанности преступленія и невозможности и отсутствіи интереса кому-бы то ни было другому, кромѣ обвиняемыхъ, совершить это преступленіе,—оправдавшій подсудимыхъ, я полагалъ бы приговоръ Таганрогскаго окружнаго суда отмѣнить.

Въ послѣднемъ словѣ *присяжный повѣренный Холева*, настаивая на несвоевременности замѣчаній прокурора на протоколъ и заключенія по нимъ суда, доказывалъ, что необходимо разъ навсегда установить для этихъ дѣйствій опредѣленный и точный срокъ, который никакъ не можетъ быть сравниваемъ съ кассаціоннымъ: замѣчанія и заключеніе являются тѣмъ матеріаломъ, на основаніи котораго составляются кассаціонные протесты и жалобы, почему и должны предшествовать ихъ подачѣ. Строгое урегулированіе этого порядка необходимо еще и въ интересѣ поддержанія равноправности сторонъ въ процессѣ. Защитникъ не знаетъ случая, чтобы замѣчанія относительно содержанія заключительнаго слова предсѣдателя, сдѣланныя защитою послѣ закрытія засѣданія, когда либо признавались судомъ, который, обыкновенно, ссылаясь на руководящее рѣшеніе по дѣлу Мироновича, оставляетъ ихъ вовсе безъ разсмотрѣнія. Строгость этого правила слѣдуетъ, во имя справедливости, распространить и на обвинителя. Если-же существующая практика будетъ санкціонирована Правительствующимъ Сенатомъ, то принципу равноправности сторонъ, и нынѣ уже фактически урѣзываемому въ ущербъ подсудимому и защитѣ, будетъ грозить полное упраздненіе.

«Защищая Максименко,—продолжалъ г. Холева,—я не допустилъ никакихъ уклоненій ни за предѣлы профессіональнаго долга, ни за границы закона. Если около горящаго дома стоитъ или про-

ходитъ человѣкъ, мы еще не въ правѣ утверждать, что человѣкъ этотъ поджигатель. Настоящій поджигатель могъ сдѣлать свое преступное дѣло раньше и затѣмъ безнаказанно скрыться. Приводя на память дѣло невинно осужденнаго Пономарева, я указалъ присяжнымъ лишь на полное тождество постановки обвиненія и въ дѣлѣ Пономарева, и въ дѣлѣ Максименко: «болѣе некому», кромѣ подсудимыхъ, совершить преступленіе, доказывали оба прокурора. Я доказывалъ только, что это «болѣе некому», какъ отрицательный пріемъ обвиненія, представляется для правосудія принципомъ весьма опаснымъ, бывавшимъ уже причиною тяжелыхъ, иногда неисправимыхъ судебныхъ ошибокъ.

Болѣе, чѣмъ очевидно, что никакого «застращиванія» присяжныхъ со стороны защиты тутъ не было. Обращеніе-же къ ихъ благоразумной осторожности, предостереженіе отъ увлеченія формальною логичностью обвинительныхъ построеній составляетъ прямой долгъ не только защитника, но и всякаго судебнаго дѣятеля. И каждая защита, построенная на полномъ отрицаніи виновности, въ сущности, всегда есть предостереженіе отъ судебной ошибки, угрожающей въ видѣ возможности неправильнаго, по мнѣнію защиты, осужденія».

Во всякомъ случаѣ, коррективомъ допущенныхъ ораторомъ уклоненій за законные предѣлы преній Правительствующій Сенатъ всегда признавалъ право возраженія и опроверженія, принадлежащее сторонамъ въ процессѣ въ силу началъ равенства и состязательности (ст. 630, 726, 748 уст. угол. суд.). Этимъ правомъ возраженія прокуроръ не пожелалъ воспользоваться, почему и пресѣкъ себѣ право обжалованія.

Неполнота заключительнаго слова предсѣдателя Правительствующимъ Сенатомъ признавалась влекущею за собою отмѣну приговора въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда очевидны были дѣйствительныя затрудненія присяжныхъ отъ такого недостаточнаго разъясненія имъ ихъ правъ и обязанностей. Затрудненія эти должны быть дѣйствительныя, а не мнимыя, предполагаемыя только. Затрудненія эти обозначаются, обыкновенно, или обращеніемъ присяжныхъ къ предсѣдателю за дополнительнымъ разъясненіемъ, или путаницею, противорѣчіемъ, перечеркиваніемъ отвѣтовъ. Ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ не было.

Въ составѣ присяжныхъ, были, между прочимъ, лица съ высшимъ образованіемъ (старшина Арнштейнъ—инженеръ путей сообщенія, Аладжаловъ—докторъ медицины), лица интеллигентныя, для которыхъ нехитрая техника ограничительныхъ отвѣтовъ не могла составить никакого затрудненія, тѣмъ болѣе-что дѣло Максименко было не первымъ въ февральскую сессію. И, наконецъ, объясненнымъ имъ, по ст. 808, правомъ просить дополнительныхъ разъясненій присяжные засѣдатели не воспользовались, что и доказываетъ, что никакихъ сомнѣній и затрудненій при разрѣшеніи вопросовъ ими встрѣчено не было».

Послѣ продолжительнаго совѣщанія, г. первоприсутствующій объявилъ, что провозглашеніе резолюціи Правительствующаго Сената отлагается до слѣдующаго засѣданія.

II.

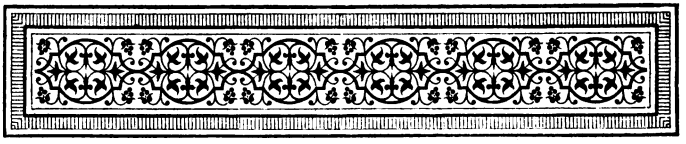
Засѣданіе 5 мая 1890 г.

Резолюція Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе, что вызовъ въ судебное засѣданіе эксперта Петровскаго, допрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи, послѣдовалъ на точномъ основаніи 574 ст. уст. уг. суд., согласно ходатайства о томъ подсудимой Максименко, какъ это явствуетъ изъ содержанія послѣдняго ея прошенія и постановленія по оному суда; что неисполненіе предсѣдательствовавшимъ 647 ст. уст. угол. суд., по продолженію 1886 года, относительно спроса присяжныхъ засѣдателей о томъ, не имѣютъ ли они законныхъ причинъ къ устраненію себя отъ рѣшенія дѣла—не имѣетъ существеннаго значенія (рѣшеніе Правительствующаго Сената 1887 г. № 30 и др.) тѣмъ болѣе, что въ протестѣ не указывается на неправильное участіе въ составѣ присутствія кого-либо изъ присяжныхъ засѣдателей; что предложеніе защитникомъ подсудимой Максименко свидѣтелю

Дубровину вопросовъ, клонившихся къ установленію факта подачи этимъ свидѣтелемъ отъ имени подсудимой прошеній о производствѣ вторичнаго вскрытія трупа умершаго Максименко, никакого нарушенія 718, 719, 687 ст. уст. уг. суд. не составляетъ и что противъ оглашенія на судѣ письменныхъ объясненій экспертовъ Петровскаго и Роллера, данныхъ ими при предварительномъ слѣдствіи, обвинитель не возражалъ, какъ это удостовѣряется протоколомъ судебнаго засѣданія и опредѣленіемъ суда, постановленнымъ въ порядкѣ, указанномъ 844 ст. уст. уг. суд.,— Правительствующій Сенатъ находитъ, что указанныя въ этихъ 4 пунктахъ протеста нарушенія судомъ процессуальныхъ правилъ—не могутъ заслуживать уваженія. Но за симъ, устраняя, въ виду кассаціонныхъ рѣшеній за 1872 г. № 792, за 1888 г. № 16 и др., объясненія защитника подсудимой Максименко, присяжн. повѣр. Холева, о несвоевременности замѣчаній, сдѣланныхъ обвинителемъ на протоколъ судебнаго засѣданія, и имѣя въ виду, что неразъясненіе присяжнымъ засѣдателямъ принадлежащаго имъ по 812 ст. уст. уг. суд. права на ограничительные отвѣты составляетъ существенное нарушеніе 804—812 ст. устава уголовнаго судопроизводства (рѣшеніе 1868 года № 501 за 1871 г. № 1261, за 1874 г. № 560, за 1876 г. № 48, за 1880 г. № 41 и друг.), которое можетъ быть лишено значенія кассаціоннаго повода лишь при томъ условіи, когда, съ одной стороны, судомъ будетъ удостовѣрено, что порядокъ этотъ былъ неоднократно разъясняемъ въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ присяжнымъ засѣдателямъ, а съ другой—что стороны не требовали такого разъясненія при разсмотрѣніи дѣла (рѣшеніе 1884 года, № 13 и др.); что въ данномъ случаѣ судъ въ опредѣленіи, постановленномъ на замѣчанія обвинителя по содержанію протокола судебнаго засѣданія, удостовѣряя, что предсѣдательствующимъ не было разъяснено о вышеупомянутомъ ихъ правѣ, не говоритъ, что оно было имъ извѣстно изъ объясненій, данныхъ предсѣдательствующимъ въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ, и что, независимо отъ сего, указаніе присяжнаго повѣреннаго Холева въ защитительной его рѣчи на осужденіе судебною палатою невиннаго начальника почтово-телеграфной конторы Пономарева, какъ на доказательство судебной ошибки, носившее, по объясненію

обвинителя, характеръ, какъ-бы, запугиванія присяжныхъ возможностью, въ случаѣ осужденія подсудимыхъ, допущенія ими такой же громкой и печальной ошибки, какъ и въ дѣлѣ Пономарева,—не было предметомъ какого-либо разъясненія со стороны предсѣдательствующаго и въ заключительной рѣчи, не смотря на то, что о невинности Пономарева по предмету взведеннаго на него обвиненія никакого судебнаго приговора постановлено не было,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что означенныя нарушенія, въ ихъ совокупности, представляются настолько существенными, что приговоръ суда о подсудимыхъ Максименко и Рѣзниковѣ не можетъ быть признанъ въ силѣ судебнаго рѣшенія. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: *за нарушеніемъ 801, 803, 804 и 812 ст. уст. уг. суд., рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Таганрогскаго окружнаго суда отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ Харьковскій окружный судъ.*



Въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ.

I.

Засѣданіе 3 октября 1890 г.

Составъ присутствія: предсѣдательствующій—товарищъ предсѣдателя П. П. Куликовъ, члены суда: И. И. Соцъ, Н. М. Депрерадовичъ и судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Н. И. Марки, секретарь А. А. Ананьинъ. Обвинитель — товарищъ прокурора судебной палаты В. Д. Шидловскій; повѣренный гражданской истицы присяжный повѣренный Л. Я. Леве; защитники: А. Максименко—прис. пов. Н. І. Холева, Рѣзникова—помощ. присяж. пов. Л. Ф. Волкенштейнъ.

По открытіи засѣданія, *присяжный повѣренный Холева* обратился къ суду со слѣдующимъ заявленіемъ: Въ основѣ постановленій судебныхъ уставовъ о законной силѣ судебныхъ рѣшеній лежитъ то общее коренное начало, что обжалованіе ихъ различается, какъ въ отношеніи отдѣльныхъ предметовъ дѣла, такъ и участниковъ процесса, и что необжалованное извѣстнымъ въ дѣлѣ участвующимъ лицомъ рѣшеніе въ отношеніи этого лица вступаетъ въ окончательную законную силу. Такъ, напримѣръ, если въ гражданскомъ процессѣ, съ участіемъ истца, отвѣтчика и третьяго лица, судебное рѣшеніе обжаловано не всѣми участ-

никами процесса, то въ отношеніи необжаловавшихъ оно вступаетъ въ законную силу; или, если въ дѣлѣ два истца или два отвѣтчика и рѣшеніе обжаловано однимъ изъ соотвѣтчиковъ, то въ отношеніи другого рѣшеніе остается въ силѣ.

Еще съ большею рельефностью начало это проведено, по судебнымъ уставамъ, въ процессѣ уголовномъ. Въ первой главѣ 6 раздѣла устава уголовнаго судопроизводства заключаются слѣдующія постановленія: «Если приговоръ, постановленный о нѣсколькихъ подсудимыхъ, обжалованъ или протестованъ лишь въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ нихъ, то для всѣхъ прочихъ онъ признается вошедшимъ въ законную силу, со времени истеченія срока на подачу отзывовъ или жалобъ или же на присоединеніе къ поданнымъ отзывамъ или жалобамъ» (ст. 943). «Приговоръ, обжалованный только въ отношеніи къ гражданскому иску, вступаетъ въ силу во всѣхъ частяхъ, не касающихся сего иска» (ст. 944). Если приговоръ суда обжалованъ однимъ лишь гражданскимъ истцомъ и, слѣдовательно, во всѣхъ прочихъ частяхъ, не касающихся гражданскаго иска, вошелъ въ законную силу, то, по словамъ Правительствующаго Сената (к. р. 1874 № 427 д. Шубинскаго), палата не въ правѣ ни опредѣлять наказанія оправданному подсудимому, ни увеличивать его обвиненному.

Итакъ, приговоръ суда вступаетъ въ силу, какъ въ отношеніи предметномъ въ необжалованныхъ его частяхъ, такъ и въ отношеніи личномъ—для участниковъ процесса, приговора не обжаловавшихъ.

Въ полномъ согласіи съ этимъ началомъ находится и ст. 931 уст. уг. суд., по которой «при пересмотрѣ дѣла, наказаніе подсудимому не можетъ быть увеличено, если противъ отмѣненнаго приговора не было протеста прокурора или отзыва частнаго обвинителя»...

Отсюда очевидно то огромное главенствующее значеніе, которое законъ придаетъ началу личной иниціативы и самодѣятельности каждаго изъ участниковъ процесса. Проведеніе этого основного начала въ законѣ столь послѣдовательно и безусловно, что абсолютность его нерѣдко можетъ привести къ коллизіямъ и недоразумѣніямъ, съ точки зрѣнія не-юридической представляющимся вопіющею несправедливостью. Подсудимый обвиняется,

напримѣръ, въ подложномъ составленіи векселя; по отмѣнѣ оправдательнаго приговора о немъ по жалобѣ гражданскаго истца, при вторичномъ разбирательствѣ присяжные засѣдатели признаютъ подсудимаго виновнымъ въ подлогѣ. Каковы же послѣдствія этого обвинительнаго вердикта? Карательныхъ—никакихъ, ибо первый оправдательный приговоръ не опротестованъ прокуроромъ, и судъ ограничивается опредѣленіемъ единственно гражданскихъ послѣдствій обвинительнаго вердикта — уничтоженіемъ подложнаго векселя или взысканіемъ убытковъ.

Хотя въ законѣ не предусмотрѣно спеціальнаго случая необжалованія оправдательнаго приговора гражданскимъ истцомъ, но, въ силу и единства основаній, и начала равноправности сторонъ, вышеуказанный принципъ,—согласно 12 ст. уст. угол. суд., предписывающей примѣненіе закона по аналогіи, — долженъ быть въ равной мѣрѣ распространенъ и на гражданскаго истца. Здѣсь мы неизбѣжно сталкиваемся съ вопросомъ о положеніи и процессуальныхъ правахъ гражданскаго истца. Существуетъ мнѣніе, будто гражданскій истецъ не играетъ въ нашемъ процессѣ самостоятельной роли, а является лишь косвеннымъ пособникомъ государственнаго обвинителя. Мнѣніе это представляется мнѣ неправильнымъ и стоящимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствующимъ закономѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе процессуальныхъ правъ, которыя принадлежатъ гражданскому истцу, съ перваго момента возникновенія уголовнаго производства и до совершеннаго окончанія дѣла: за исключеніемъ права отвода присяжныхъ засѣдателей (предоставляемаго только прокурору и обвиняемому), гражданскому истцу принадлежитъ вся полнота правъ самостоятельной стороны, требованію и иниціативѣ которой, даже при молчаніи или отказѣ отъ того или другого права со стороны прокурора, подчинены направленіе и нерѣдко судьба всего дѣла. Прокуроръ, наприм., можетъ отказаться, въ виду сдѣланнаго подсудимымъ признанія, отъ судебнаго слѣдствія, можетъ отказаться отъ самаго обвиненія,—тѣмъ не менѣе, такой отказъ ни въ чемъ не стѣсняетъ гражданскаго истца, который все-таки въ правѣ требовать и производства слѣдствія (и исполненіе такого требованія для суда обязательно), и обвиненія подсудимаго. Прокуроръ можетъ под-

чиниться оправдательному приговору, оставивъ его безъ обжалованія, но это ни мало не стѣсняетъ гражданскаго истца въ преслѣдованіи его цѣли, какъ обжалованіемъ неблагопріятнаго ему приговора, такъ равно и участіемъ, въ случаѣ отмѣны его, въ новомъ разбирательствѣ дѣла. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ—когда приговоръ суда отмѣненъ только по жалобѣ истца—законъ ставитъ, напротивъ, самого прокурора, такъ сказать, въ подчиненное, служебное гражданскому истцу положеніе. По разъясненію Правительствующаго Сената (р. 1877 № 68 по д. Бѣлокопытова), отмѣна оправдательнаго приговора, единственно по жалобѣ гражданскаго истца, не освобождаетъ прокурорскій надзоръ отъ обязанности обличенія обвиняемаго передъ судомъ,—хотя, даже въ случаѣ обвинительнаго вердикта, наказаніе подсудимому не можетъ быть назначено, и судъ обязанъ постановить опредѣленіе о послѣдствіяхъ обвиненія лишь въ отношеніи къ требованіямъ гражданскаго истца. Но за то, будучи снабженъ закономъ всею полнотою правъ состязательнаго порядка, гражданскій истецъ никакими особыми привилегіями въ процессѣ не пользуется и для защиты своихъ интересовъ долженъ строго соблюдать всѣ формальныя условія, удовлетвореніе которымъ и даетъ ему право пользоваться преимуществами процесса уголовнаго. Къ числу такихъ формальныхъ условій принадлежатъ: своевременное заявленіе суду гражданскаго иска, непремѣнная явка къ моменту открытія судебнаго засѣданія (594 ст. уст. уг. суд.), своевременное обжалованіе приговора и т. п. Усматривая въ ст. 594 уст.—предписывающей устранять гражданскій искъ отъ разсмотрѣнія въ судѣ уголовномъ въ случаѣ неявки истца къ открытію судебнаго засѣданія—законную «*презумпцію отказа*» гражданскаго истца отъ его требованія, я полагаю, что еще съ бо́льшею основательностью ее должно распространить и на случай необжалованія истцомъ неблагопріятнаго ему приговора. Оставляя безъ обжалованія приговоръ, отказываясь отъ продолженія судебной борьбы, средства которой еще не всѣ исчерпаны, истецъ молчаливо, такъ сказать, признаетъ себя добровольно подчинившимся неблагопріятному ему приговору, предоставляя ему окрѣпнуть и пріобрѣсти значеніе и силу незыблемости и безповоротности.

Указанныя мною начала самостоятельности и личной инициативы, самодѣятельности гражданскаго истца, въ связи съ презумпціей отказа, и должны быть, по моему мнѣнію, положены въ основаніе разрѣшенія заявляемаго мною отвода. Косвенное разрѣшеніе этого вопроса имѣется, впрочемъ, и въ кассаціонной практикѣ текущаго года. 8 февраля 1890 г. правительствующій сенатъ, въ 3 отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго департамента, разсматривалъ частную жалобу мѣщанки Хархалевой на отказъ Таганрогскаго окружнаго суда въ принятіи ея кассаціонной жалобы на приговоръ означеннаго суда, по обвиненію мѣщанина Осипа Романенко по 1525, 1526 и 1528 ст. улож. о нак. «Принимая въ соображеніе: 1) что приговоръ суда, состоявшійся по дѣлу просительницы 11 мая 1889 г., коимъ подсудимый Романенко былъ признанъ виновнымъ, а въ гражданскомъ искѣ ей было по бездоказанности отказано, обжалованъ ею не былъ и потому въ отношеніи гражданскаго иска вошелъ въ законную силу (ст. 855 и 941 у. у. с.), и 2) что посему она при вторичномъ, послѣ кассаціи, разсмотрѣніи дѣла о Романенко участія въ семъ дѣлѣ, въ качествѣ гражданской истицы, не принимала и принимать не могла, а слѣдовательно, согласно 906 и 853 ст. у. у. с., и не имѣетъ права жалобы на состоявшійся новый о Романенко 3 октября 1889 г. оправдательный приговоръ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: жалобу мѣщанки Хархалевой оставить безъ послѣдствій». (Представляемую мною копію съ этого указа Сената прошу пріобщить къ дѣлу).

Итакъ, Сенатомъ признано, что гражданская истица, не обжаловавшая перваго приговора, которымъ въ искѣ ей было отказано, при второмъ, послѣ кассаціи, разсмотрѣніи дѣла принимать въ дѣлѣ участіе не въ правѣ.

Истица Максименко оправдательнаго приговора Таганрогскаго окружнаго суда не обжаловала, чѣмъ и лишила себя права на дальнѣйшее участіе въ дѣлѣ; а потому я имѣю честь ходатайствовать передъ судомъ объ устраненіи ея представителя отъ участія въ настоящемъ процессѣ.

Прис. пов. Леве, ссылаясь на рѣшенія Сената по дѣламъ Элькина (76 № 282) и другія, заявленный защитою отводъ находилъ неосновательнымъ, тѣмъ болѣе, что приговоръ Таганрог-

скаго окружн. суда не былъ обжалованъ гражданскою истицею, какъ признавшій фактъ отравленія и потому вполнѣ для нея благопріятный.

Товарищъ прокурора В. Д. Шидловскій въ своемъ заключеніи находилъ, что указанный защитою принципъ самостоятельности и личной инициативы сторонъ составляетъ принадлежность процесса гражданскаго. Такъ какъ по закону за отмѣною постановленнаго судомъ приговора дѣло возвращается въ то положеніе, въ которомъ находилось до рѣшенія, то посему и однажды допущенная судебнымъ опредѣленіемъ гражданская истица сохраняетъ за собою право на участіе въ процессѣ.

Прис. пов. Холева. Я утверждаю, что какъ отказъ въ искѣ, такъ и оставленіе его безъ разсмотрѣнія, самостоятельно истцемъ не обжалованные, влекутъ за собою одно и то же послѣдствіе: утрату права на дальнѣйшее участіе въ слѣдующемъ за кассаціонною, по прокурорскому протесту, отмѣною перваго оправдательнаго приговора производствѣ дѣла. Я не отвергаю у истца права на особый гражданскій искъ въ судѣ гражданскомъ; но отъ разсмотрѣнія на судѣ уголовномъ онъ безусловно устраняется, какъ и въ случаѣ неприбытія гражданскаго истца къ открытію судебнаго засѣданія. Итакъ, при необжалованіи уголовнаго приговора объ отказѣ въ искѣ, гражданскій истецъ навсегда лишается права иска (ст. 30 уст. уг. суд.); при необжалованіи же оставленія иска безъ разсмотрѣнія истецъ воленъ обратиться въ судъ гражданскій, но на участіе въ дѣлѣ уголовномъ онъ право утрачиваетъ. Въ первомъ случаѣ теряется *право иска,* во второмъ—только *право требованія* вознагражденія *въ судѣ уголовномъ.*

То обстоятельство, что приговоромъ суда въ искѣ гражданской истицѣ Максименко не было отказано, а таковой оставленъ былъ безъ разсмотрѣнія, ни мало не измѣняетъ послѣдствій необжалованія истицею оправдательнаго приговора. Какъ при отказѣ въ искѣ, такъ и при оставленіи его безъ разсмотрѣнія—гражданская истица, вѣдь, искъ свой одинаково проиграла. Разницы тутъ нѣтъ никакой: важно то, что *приговоръ ей неблагопріятенъ.*

Есть преступленія, при разсмотрѣніи которыхъ выдѣленіе фак-

тическаго вопроса—о событіи—имѣетъ для гражданскаго истца огромное значеніе, являясь опорой его правъ и базисомъ требованія о вознагражденіи. Даже при отрицательномъ отвѣтѣ на вопросъ о виновности, признаніе доказаннымъ самого факта преступленія совершенно удовлетворяетъ гражданскаго истца, вполнѣ примиряя противуположные интересы: оправданный подсудимый получаетъ свободу, противникъ его—гражданскій истецъ — имущественное удовлетвореніе. Таковы, напр., дѣла о подлогѣ векселей, актовъ, вообще документовъ. За признаніемъ факта подлога, невыгодные для истца и служащіе къ утвержденію правъ его противника документы, какъ подложно составленные, судомъ признаются недѣйствительными и ничтожными. Но отнюдь не всегда утвердительный отвѣтъ на выдѣленный вопросъ о событіи преступленія влечетъ за собою такія правовыя послѣдствія. Такъ и въ дѣлѣ Максименко постановка отдѣльнаго вопроса о самомъ событіи преступленія не играла никакой роли, тѣмъ болѣе-что вопроса о вмѣненіи никѣмъ не возбуждалось. Присяжные засѣдатели, признавъ доказаннымъ, что смерть Максименко послѣдовала отъ отравленія его мышьякомъ, преданныхъ суду признали въ преступленіи этомъ невиновными.

Значеніе для иска въ судѣ гражданскомъ приговоръ этотъ, какъ res judicata, не имѣлъ бы ровно никакого, ибо, ограничиваясь констатированіемъ причины смерти, онъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на виновниковъ этой смерти. Поэтому, *значеніе* этой части вердикта (признаніе факта отравленія)—*не юридическое, а только историческое.*

Итакъ, не добившись въ судѣ уголовномъ ни имущественнаго вознагражденія, ни признанія хотя бы права на таковое, гражданская истица дѣло свое проиграла, и во всѣхъ отношеніяхъ и частяхъ *неблагопріятный* для нея приговоръ должна была самостоятельно обжаловать для того, чтобы сохранить за собою право на дальнѣйшее участіе въ уголовномъ процессѣ. Подчинившись же этому неблагопріятному приговору, она обрекла свой искъ на совершенно законное устраненіе его отъ разсмотрѣнія на судѣ уголовномъ.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія, Окружный Судъ *опредѣлилъ:* на основаніи ст. 931, 941, 942, 943 и 944 уст. уг. суд.,

гражданскую истицу Евфросинію Максименко къ участію въ семъ дѣлѣ не допускать.

Изъ вызывавшихся въ судъ 101 свидѣтеля и 9 экспертовъ явилось 48 свидѣтелей и 6 экспертовъ. Товарищъ прокурора полагалъ, признавъ неявку законною, слушанье дѣла продолжать. Прис. пов. Холева, напротивъ, неявку эту находилъ незаконною, ибо на неявившихся свидѣтелей не можетъ быть распространена льгота, установленная 2 пун. 642 ст.,—для проживающихъ въ другомъ судебномъ округѣ и въ отдаленности, затрудняющей явку. Такъ какъ территорія Имперіи въ отношеніи судебномъ раздѣлена на округи судебныхъ палатъ, то въ этомъ смыслѣ должна быть понимаема и ст. 642. Всѣ же неявившіеся свидѣтели, хотя и проживающіе въ округѣ другаго суда, находятся, однако, въ округѣ одной и той же судебной палаты—харьковской. Поэтому, признавая показанія свидѣтелей существенными, а неявку ихъ — незаконною, — защитникъ просилъ объ отсрочкѣ засѣданія.

Пом. прис. пов. Волкенштейнъ, присоединяясь къ этому ходатайству, указывая, что часть свидѣтелей не явилась по неимѣнію средствъ, и ссылаясь на практику харьковской судебной палаты, просилъ о выдачѣ свидѣтелямъ на поѣздку денегъ авансомъ.

Судъ, признавъ неявку свидѣтелей законною, постановилъ слушаніе дѣла продолжать.

По провѣркѣ списка присяжныхъ засѣдателей, оказалось, что изъ 33 явилось 23 и изъ явившихся 5 заявили просьбу объ увольненіи ихъ по болѣзни. По установленіи болѣзни медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, означенные засѣдатели были уволены, а, за отводомъ защитою трехъ присяжныхъ засѣдателей, разбирательство дѣла, по некомплекту присяжныхъ, отложено.

II.

Засѣданіе 21-го января 1891 г.

По открытіи засѣданія, предсѣдательствующій, товарищъ предсѣдателя суда П. П. Куликовъ, обратился къ судебному приставу съ вопросомъ:

— Сколько свидѣтелей вызывалось къ судебному засѣданію?

Суд. прист. Сто одинъ.

Предсѣд. Сколько изъ нихъ явилось?

Суд. прист. Одинъ.

Этотъ единственный явившійся свидѣтель, крестьянинъ Филинъ, какъ оказалось, пришелъ пѣшкомъ изъ Тамбовской губерніи за 700 верстъ.

Изъ остальныхъ свидѣтелей 25 человѣкъ, а равно и защитникъ Рѣзникова, г. Волкенштейнъ, прислали въ судъ телеграммы о невозможности пріѣхать по случаю снѣжныхъ заносовъ.—Защитникъ Максименко, прис. пов. Холева, представилъ суду два №№ мѣстныхъ газетъ и удостовѣреніе управленія. К.-х.-а. жел. дороги о томъ, что сообщеніе съ Ростовомъ прекращено 7-го января по случаю снѣжныхъ заносовъ.

Товарищъ прокурора Шидловскій полагалъ неявку всѣхъ свидѣтелей признать законною, слушаніе же дѣла находилъ невозможнымъ.

Присяжный повѣренный Холева заявилъ, что вызвавшіе прекращеніе желѣзно-дорожнаго движенія снѣжные заносы вполнѣ подходятъ подъ понятіе тѣхъ «непреодолимыхъ препятствій», которыя имѣетъ въ виду законъ. Хотя неявка свидѣтелей и законна въ отношеніи отвѣтственности свидѣтелей, тѣмъ не менѣе въ отсутствіи ихъ дѣло слушаться не можетъ, ибо сами свидѣтели, какъ на причину своей неявки, указываютъ не на отдаленность своего жительства, а лишь на прекращеніе сообщенія, имѣющее характеръ временный. Вмѣстѣ съ этимъ прис. пов. Холева просилъ судъ возбудить передъ Правительствующимъ Сенатомъ ходатайство о перенесеніи разсмотрѣнія дѣла въ другой,

ближайшій къ мѣсту жительства большинства свидѣтелей, судъ—таганрогскій или новочеркасскій. Законныя основанія для такого измѣненія подсудности—облегченіе судопроизводства и большее удобство свидѣтелей и обвиняемыхъ—въ этомъ дѣлѣ имѣются на лицо. Ст. 247 уст. уг. суд. должна имѣть здѣсь тѣмъ большее примѣненіе, что перенесеніемъ дѣла въ таганрогскій окружной судъ была бы не измѣнена, а, напротивъ, возстановлена нормальная подсудность этого дѣла. Что касается указа Правительствующаго Сената, по которому дѣло Максименко передано на разсмотрѣніе харьковскаго суда, то онъ не долженъ служить препятствіемъ къ возбужденію этого ходатайства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Правительствующій Сенатъ, отмѣнивъ приговоръ воронежскаго окружнаго суда по дѣлу о Льготчиковыхъ, обвинявшихся въ поджогѣ, передалъ его на новое разсмотрѣніе харьковскому суду. Защита, ссылаясь на отдаленность мѣстожительства свидѣтелей, просила объ изъятіи дѣла изъ разсмотрѣнія харьковскаго суда, и Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 22-го мая 1884 г., въ удовлетвореніе этого ходатайства, передалъ это дѣло острогожскому суду, въ районѣ котораго проживало большинство свидѣтелей. Находя, что столь сложное и серьезное дѣло можетъ быть правильно разрѣшено на основаніи живого и достовѣрнаго матеріала свидѣтельскихъ показаній, а не по слѣдовательскимъ протоколамъ, не питая надежды, чтобы когда либо въ харьковскій судъ явилась хотя бы одна треть вызываемыхъ свидѣтелей, защитникъ настаивалъ на возбужденіи ходатайства о перенесеніи дѣла въ другой судъ.

Окружной судъ *опредѣлилъ*: неявку свидѣтелей признать законною, дѣло слушаніемъ отложить, ходатайство защиты о переносѣ дѣла оставить безъ удовлетворенія.

III.

Засѣданія 26 — 31 марта 1891 года.

Въ 11 час. утра, 26 марта, Харьковскій Окружный Судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдательствующій П. П. Куликовъ, члены суда В. Н. Носковъ и Н. И. Марки (суд. слѣд. по ос. важ. дѣл.), при секретарѣ К. В. Проскурниковѣ и помощ. секрет. Н. Н. Познанскомъ.

Каѳедру обвиненія занялъ товарищъ прокурора судебной палаты В. Д. Шидловскій. Защитники: присяжный повѣренный Н. І. Холева и помощ. прис. пов. Л. Ф. Волкенштейнъ.

Экспертами явились: профессора Харьковскаго Университета Ф. А. Патенко (по каѳедрѣ судебной медицины), г. Лагермаркъ (химіи), старшій городовой врачъ д-ръ мед. Э. Ф. Беллинъ (прив.-доц. унив.), инспекторъ Донской областной врачебной управы д. с. с. Петровскій и фармацевтъ при той-же управѣ Роллеръ.

Изъ вызывавшихся свидѣтелей явилось въ судъ 32. Выслушавъ заявленія сторонъ, Окружный Судъ *постановилъ*: неявку свидѣтелей признать законною и никакой отвѣтственности ихъ не подвергать, дѣло слушаніемъ продолжать и показанія неявившихся свидѣтелей, въ случаѣ требованія сторонъ, прочитать.

Стороны не пожелали воспользоваться правомъ отвода, и выборъ присяжныхъ засѣдателей произведенъ былъ изъ числа 19-ти. Въ составъ присутствія вошли:

1) Шевердяевъ С. К., мѣщанинъ, 2) Якимовъ Н. И., купецъ, 3) Верешниковъ Н. В., мѣщанинъ, 4) Журавлевъ Е. К., крестьянинъ, 5) Садовъ Ф. И., статскій совѣтникъ, 6) Андросовъ П. А., коллежскій асессоръ, 7) Синдѣевъ А. В., титулярный совѣтникъ, 8) Зубашевъ Е. Л., коллежскій совѣтникъ, профессоръ (химіи) технологическаго института, 9) Негребецкій Н. М., крестьянинъ, 10) Залѣсскій К. Л., коллежскій совѣтникъ, учитель гимназіи, 11) Игнатищевъ И. Е., купецъ, и 12) Кравцовъ В. И., кандидатъ правъ. Запасными были избраны: 1) Данилевскій В. Я., стат-

скій совѣтникъ, профессоръ (физіологіи) Харьковскаго университета, и 2) Герасимовъ И. А., мѣщанинъ.

На третій день разсмотрѣнія дѣла, въ засѣданіи 28 марта, комплектный присяжный засѣдатель, г. Андросовъ, по его болѣзни, былъ уволенъ и замѣненъ первымъ изъ запасныхъ — профессоромъ Данилевскимъ.

Старшиною присяжныхъ засѣдателей былъ избранъ профессоръ Е. Л. Зубашевъ.

Затѣмъ, былъ прочитанъ слѣдующаго содержанія

Обвинительный актъ,

коимъ предаются суду Таганрогскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей вдова потомственнаго почетнаго гражданина Александра Егорова (Федулова) Максименко, 21 года, и ростовскій мѣщанинъ Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ, 19 лѣтъ, содержащіеся въ ростовскомъ тюремномъ замкѣ и обвиняемые въ предумышленномъ убійствѣ путемъ отравленія.

19 октября 1888 года, около 4 или 5 часовъ утра, въ городѣ Ростовѣ на-Дону умеръ проживавшій въ домѣ своей тещи, Варвары Дубровиной, потомственный почетный гражданинъ Николай Максименко, смерть коего не могла быть объяснена какими либо естественными причинами и на первыхъ же порахъ, по нѣкоторымъ предшествовавшимъ ей обстоятельствамъ, стала возбуждать сомнѣніе. Произведеннымъ по поводу смерти Максименко разслѣдованіемъ выяснено, что покойный, проживая лѣтомъ 1888 г. въ Калачѣ на Д., въ концѣ сентября мѣсяца заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и въ первыхъ числахъ октября, по совѣту врача Гуніуса, перевезенъ былъ своею женою, Александрою Максименко, въ г. Ростовъ, гдѣ въ началѣ болѣзни его нѣсколько разъ посѣщалъ врачъ Лешкевичъ, а затѣмъ все время лечилъ его докторъ Португаловъ. Болѣзнь Николая Максименко шла вполнѣ удовлетворительно и благопріятно, — больной въ теченіе двухъ-трехъ недѣль замѣтно началъ поправляться; въ послѣдніе дни передъ смертью сталъ уже ходить по комнатамъ и къ 18 октября чувствовалъ себя настолько хорошо, что докторъ Португаловъ, навѣстивъ Максименко въ этотъ день утромъ и передавъ

ему нѣкоторыя наставленія относительно осторожности въ пищѣ и предохраненія отъ простуды, заявилъ, что дальнѣйшія посѣщенія его излишни и, получивъ вознагражденіе за все время леченія, уѣхалъ. И дѣйствительно, весь день 18 октября Николай Максименко имѣлъ видъ совершенно здороваго, веселаго и бодраго человѣка; утромъ онъ пилъ кофе, потомъ за чаемъ ѣлъ тортъ и свѣжую икру, что, впрочемъ, по словамъ проживавшей въ домѣ Дубровиныхъ Евдокіи Бураковой, больной и раньше, съ разрѣшенія доктора, дѣлалъ по утрамъ; часа въ 4 или въ началѣ 5-го ходилъ въ гости къ проживавшему въ домѣ Дубровиныхъ, въ одномъ съ нимъ корридорѣ, помощ. полицейск. пристава Дмитріеву, у котораго выпилъ еще стаканъ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, и, просидѣвъ съ полчаса, около 5 часовъ вечера вернулся домой, гдѣ легъ на постель отдохнуть. Когда же, въ 7 часовъ вечера, кухарка Марья Гребенькова подала самоваръ, то Александра Максименко снова налила своему мужу стаканъ чистаго чаю, безъ молока и варенья, и отнесла къ нему въ другую комнату, но вскорѣ оттуда вернулась съ стаканомъ на половину лишь недопитымъ и заявила, что Николай Федоровичъ больше не хочетъ. Между тѣмъ черезъ нѣкоторое послѣ того время, приблизительно черезъ часъ, у Николая Максименко появилась сильная рвота и, надо полагать, поносъ. Приглашенный въ $8^1/_2$ час. вечера для оказанія помощи докторъ Португаловъ нашелъ Николая Максименко въ ужасныхъ страданіяхъ; онъ сидѣлъ на постели, облокотившись на столъ, былъ блѣденъ и имѣлъ испуганный видъ; пульсъ у него былъ частый и напряженный, сердце билось весьма сильно; все тѣло было покрыто обильнымъ холоднымъ потомъ и у него каждыя 5 минутъ проявлялся позывъ на рвоту.

Максименко жаловался на ужасную боль въ желудкѣ и убѣдительно умолялъ дать ему какое либо лекарство, которое облегчило бы переносимыя имъ мученія, весьма явственно проявлявшіяся и на его лицѣ; будучи спрошенъ о причинахъ приключившихся съ нимъ болѣзненныхъ явленій, Николай Максименко, мучась отъ боли, прерываемой рвотой, разсказалъ, какъ онъ провелъ весь этотъ день, что онъ дѣлалъ, ѣлъ и пилъ, и самъ не могъ объяснить причины своей болѣзни. Не имѣя никакихъ данныхъ къ установленію какой либо связи настоящей болѣзни съ

тифомъ и предполагая лишь, что въ организмъ Максименко попало въ пищѣ или инымъ образомъ что либо вредное, съ чѣмъ онъ не можетъ справиться, докторъ Португаловъ прописалъ ему слабительное и амигдалинъ въ миндальной эмульсіи съ цѣлью облегченія боли желудка съ тѣмъ, чтобы приступить къ другимъ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, когда характеръ болѣзни Максименко выяснится; но когда передъ разсвѣтомъ, часа въ 4 или 5 утра, Португаловъ вторично былъ приглашенъ къ больному, то нашелъ его уже мертвымъ. Въ то же время Александра Максименко и бывшіе въ домѣ родные ея стали просить Португалова выдать записку о причинѣ смерти умершаго для погребенія его, но Португаловъ рѣшительно отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что причина смерти Николая Максименко была ему непонятна и у него сложилось подозрѣніе въ возможности въ данномъ случаѣ насильственной смерти, при чемъ онъ даже совѣтовалъ роднымъ умершаго потребовать черезъ полицію вскрытія трупа Максименко во избѣжаніе могущихъ впослѣдствіи возникнуть какихъ либо слуховъ, которые могутъ непріятно отразиться на репутаціи жены покойнаго—молодой еще женщины. Вслѣдствіе этого и такъ какъ безъ свидѣтельства врача погребеніе Николая Максименко не могло состояться, о смерти его дано было знать полицейской власти, по распоряженію которой 21 октября произведено было врачемъ тюремной больницы, Маркомъ Крассою, вскрытіе трупа Николая Максименко въ присутствіи представителя полиціи, помощника пристава Англичанкова, и при участіи приглашенныхъ лично женою покойнаго врачей Виктора Лешкевича и Іосифа Моргулиса. Означеннымъ вскрытіемъ, какъ видно изъ составленнаго врачемъ Крассою протокола, обнаружено было значительное переполненіе кровью и кровянисто-серозною жидкостью мозга, мозговыхъ оболочекъ, грудной полости и около-сердечной сорочки, а въ сердцѣ находилась темная жидкая кровь и только мѣстами попадались небольшіе, кровяные черные сгустки; въ брюшной же полости на слизистой оболочкѣ стѣнокъ желудка у перехода въ 12-ти перстную кишку найденъ былъ желтоватый свертокъ волокнины величиною въ дѣтскій кулачекъ, подъ коимъ оказалась язвенная поверхность слизистой оболочки, покрытая мелкими кровяными свертками, а въ кишкахъ у перехода тонкихъ

въ слѣпую замѣчены были темныя пятна фіолетоваго цвѣта, каковыя, при разрѣзѣ кишекъ, оказались язвами тифознаго происхожденія съ неровною поверхностью. Въ виду этихъ данныхъ, обнаруженныхъ при вскрытіи, врачи, производившіе таковое, пришли къ заключенію, что смерть Николая Максименко послѣдовала отъ изліянія кровянисто-серозной жидкости въ грудную и сердечную полости и что найденныя при вскрытіи въ желудкѣ тифозныя поврежденія могли вызвать ослабленіе дѣятельности сердца, окончившееся параличемъ послѣдняго. Хотя же присутствовавшій при вскрытіи врачъ Португаловъ, не соглашаясь съ правильностью заключенія названныхъ врачей о причинѣ смерти Максименко, находилъ нужнымъ для безошибочнаго рѣшенія этого вопроса подвергнуть внутренности умершаго тщательному изслѣдованію, но заявленіе его оставлено было врачемъ Крассою безъ вниманія на томъ основаніи, что вскрытіе не дало никакихъ указаній на возможность насильственной смерти. Тѣмъ не менѣе, не взирая на приведенное, повидимому вполнѣ категорическое и не допускавшее никакихъ сомнѣній заключеніе врачей, производившихъ вскрытіе, и на прямой протестъ врача Крассы, такъ какъ найденныя при вскрытіи брюшной полости Максименко пораженія, какъ послѣдствія перенесеннаго имъ тифа, нисколько не исключали возможности дѣйствительной смерти его и отъ другой причины, оставшейся незамѣченною при вскрытіи, съ чѣмъ потомъ при допросѣ на слѣдствіи согласились и врачи Лешкевичъ и Моргулисъ,—по настоянію врача Португалова и предложенію прокурорской власти, внутренности умершаго Максименко, а именно: желудокъ и части печени, селезенки, кишекъ и содержимаго ихъ вырѣзаны были изъ трупа и въ четырехъ стеклянныхъ банкахъ, за печатями полиціи, отправлены для химическаго, въ установленномъ порядкѣ, изслѣдованія въ Врачебное Отдѣленіе Областнаго Правленія Войска Донскаго, гдѣ изслѣдованіе оныхъ производилось въ Областной аптекѣ фармацевтомъ Врачебнаго Отдѣленія, провизоромъ Роллеромъ, при участіи Помощника Врачебнаго Инспектора, Петровскаго. Какъ видно изъ составленнаго по сему предмету 31 октября акта, химическое изслѣдованіе, для чего была употреблена половинная часть присланныхъ внутренностей, производилось по преподанному въ наставленіи профессора Трап-

па способу въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ на органическіе и неорганическіе яды, при чемъ по изслѣдованіи во внутренностяхъ Николая Максименко органическихъ ядовъ не было открыто, а изъ неорганическихъ ядовъ найденъ былъ въ значительномъ количествѣ сильнодѣйствующій минеральный ядъ мышьякъ, который собранъ былъ въ возстановительной трубочкѣ въ видѣ налета и пріобщенъ къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства.

Въ виду того, съ одной стороны, что по поводу означеннаго химическаго изслѣдованія при производствѣ слѣдствія обвиняемыми возбуждено было сомнѣніе, указывавшее на возможность ошибки или небрежности, объясняемыхъ тѣмъ, что изслѣдованіе это производилось по требованію полиціи, а съ другой стороны, что первоначальнымъ изслѣдованіемъ не было опредѣлено количественное содержаніе мышьяка, слѣдственною властью, по предложенію прокурорскаго надзора, сдѣлано было распоряженіе, какъ о новомъ химическомъ изслѣдованіи второй половины внутренностей Максименко, оставшихся въ Новочеркасской Областной аптекѣ въ сохранности и цѣлости отъ первоначальнаго изслѣдованія, такъ и о перевскрытіи трупа Максименко съ цѣлью вторичнаго вынутія изъ него внутренностей для новаго самостоятельнаго изслѣдованія, каковое вскрытіе по установленіи несомнѣннаго тождества трупа Максименко произведено было 14 марта 1889 г. Нахичеванскимъ городскимъ врачемъ, въ присутствіи врача Крассы, при чемъ для изслѣдованія взяты были часть легкаго, сердце, печень, селезенка, почка и часть кишекъ съ содержимымъ въ нихъ; всѣ эти внутренности, изъ коихъ почки и кишки, какъ видно изъ составленнаго судебнымъ слѣдователемъ протокола, найдены были хорошо сохранившимися, безъ признаковъ гнилостнаго разложенія, были уложены въ три стеклянныя банки за печатями слѣдователя, задѣланы въ запаянный на глухо жестянный ящикъ и въ такомъ видѣ отправлены въ Областное Врачебное Отдѣленіе Войска Донскаго, по распоряженію коего изслѣдованіе оныхъ поручено было тому же провизору областной аптеки, Роллеру, но уже въ присутствіи членовъ Врачебнаго Отдѣленія въ лицѣ Управляющаго Областною аптекою и старшаго врача Войсковаго Штаба. Самое изслѣдованіе производилось въ

томъ же порядкѣ, какъ и въ первый разъ, по способу профессора Траппа, въ двухъ операціяхъ, на органическіе и неорганическіе яды, но съ тѣмъ лишь, что внутренности, оставшіяся отъ перваго изслѣдованія, подвергнуты были изслѣдованію отдѣльно отъ таковыхъ же, добытыхъ при вторичномъ вскрытіи трупа Максименко, и изслѣдованіе тѣхъ частей внутренностей, куда ядъ могъ проникнуть чрезъ желудокъ, какъ-то: желудокъ, кишки и содержимое ихъ, производилось особо отъ тѣхъ органовъ, въ которые ядъ могъ проникнуть черезъ кровь, а именно: легкія, сердце, печень селезенка и почки. Послѣ тщательнаго химическаго изслѣдованія, произведеннаго по всѣмъ правиламъ науки, съ обстоятельнымъ изложеніемъ въ составленныхъ по сему предмету актахъ всего хода изслѣдованія и предпринимавшихся для обнаруженія разныхъ ядовъ средствъ, и на этотъ разъ, какъ и прежде, во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ внутренностей умершаго Николая Максименко, какъ оставшихся отъ прежней присылки полиціей, такъ и вновь доставленныхъ при слѣдствіи, открытъ былъ въ весьма значительномъ количествѣ сильно дѣйствующій минеральный ядъ — мышьякъ; количественнымъ же анализомъ обнаружено, что внутренности первой присылки заключали въ себѣ 0,124 грамма сѣрнистаго мышьяка, соотвѣтствующаго 0,095 грамма или 1,66 грана мышьяковистой кислоты; а внутренности второй присылки 0,226 грамма сѣрнистаго мышьяка, соотвѣтствующаго 0,180 грамма или 2,74 грана мышьяковистой кислоты, въ общей же сложности 4,40 грана мышьяка, каковое количество, не принимая даже въ разсчетъ попавшаго въ другія, оставшіяся неизслѣдованными части организма Максименко, не только вполнѣ достаточно, но даже чрезмѣрно велико для отравленія человѣка. Такимъ образомъ научные и, такъ сказать, осязательные результаты химической экспертизы внутренностей Николая Максименко доказываютъ всю неосновательность заключенія врачей, производившихъ первоначальное вскрытіе трупа его, о томъ, что смерть Максименко послѣдовала отъ тифа, и съ несомнѣнною очевидностію устанавливаютъ безспорный фактъ отравленія его значительнымъ количествомъ мышьяка. При томъ же выводъ химическаго изслѣдованія вполнѣ подтверждается и данными судебно-медицинской экспертизы; Линбергъ, Печискій, Чугинъ и

Бриль по ознакомленіи съ обстоятельствами, предшествовавшими смерти Николая Максименко, и съ явленіями, обнаруженными вскрытіемъ трупа его, пришли къ такому заключенію: 1) что при брюшномъ тифѣ язвы всегда находятся въ кишечномъ каналѣ, особенно въ тонкихъ кишкахъ, и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть въ 12-ти перстной кишкѣ и у выхода желудка, но язвы эти не заживаютъ одновременно съ прекращеніемъ болѣзни тифа; заживаніе ихъ можетъ продолжаться еще въ теченіе иногда нѣсколькихъ недѣль, а потому нахожденіе въ брюшной полости Максименко язвъ тифознаго происхожденія уже въ періодъ выздоровленія его отъ этой болѣзни не могло, конечно, само по себѣ служить доказательствомъ того, что смерть Максименко послѣдовала непремѣнно отъ тифа; 2) что обнаруженныя при вскрытіи трупа Максименко явленія: налитіе кровью легкихъ, нахожденіе въ сердцѣ жидкой, черной крови и присутствіе язвы у выхода желудка съ кровяными свертками указывали также и на возможность отравленія мышьяковистою кислотою и 3) что проявленіе отравленія мышьякомъ наступаетъ очень скоро послѣ принятія яда, обыкновенно не позже часа или даже раньше; вслѣдствіе сего и такъ какъ рвота появилась уже у Максименко около 8 часовъ вечера, а передъ этимъ около 7 часовъ вечера онъ выпилъ половину стакана чаю и немного раньше часть сельтерской воды изъ сифона, принесеннаго для него во время бытности его въ гостяхъ у Дмитріева, врачи-эксперты допустили предположеніе, что Николаемъ Максименко ядъ былъ принятъ въ 7-мъ часу вечера съ чаемъ или сельтерскою водою.

Установивъ такимъ образомъ фактъ несомнѣннаго отравленія Николая Максименко и обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какимъ путемъ могло послѣдовать это отравленіе, не предстоитъ, кажется, надобности доказывать, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи *ни о самоотравленіи, ни о случайномъ отравленіи*. Въ день происшествія Максименко, только что оправившись отъ перенесенной имъ тяжкой болѣзни, не могъ еще дѣйствовать самостоятельно и находился на попеченіи окружающихъ его лицъ; онъ хотя и вставалъ уже съ постели, но передвигался только съ помощью другихъ, ѣлъ и пилъ

только то, что ему было приготовлено и подано, а при такихъ условіяхъ и въ виду того, что самая мысль о самоотравленіи лишена всякаго основанія, представляется очевиднымъ, что Максименко, если бы у него и зародилась мысль о самоотравленіи, не имѣлъ бы никакой возможности осуществить ее и даже запастись мышьякомъ. Точно также должна быть признана невѣроятною и мысль о возможности случайнаго отравленія Николая Максименко, ибо въ теченіе всего дня 18-го октября онъ не употреблялъ такой пищи, въ которой можно было бы предполагать присутствіе мышьяка; хотя же утромъ въ этотъ день онъ ѣлъ икру, сладкій пирогъ и пилъ кофе, а позже, днемъ, пилъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ у Дмитріева, но, если бы въ какой либо изъ этихъ предметовъ случайно попалъ мышьякъ, то во 1-хъ вредное дѣйствіе проявилось бы и на другихъ лицахъ, одновременно съ Максименко закусывавшихъ и пившихъ кофе и чай, чего однако не случилось, во 2-хъ признаки отравленія у самого Максименко появились бы гораздо раньше 8 часовъ вечера, какъ это было на самомъ дѣлѣ, ибо онъ ѣлъ икру и пирогъ утромъ, а чай у Дмитріева пилъ между 4—5 час.; незадолго же до появленія рвоты онъ пилъ только сельтерскую воду и саморучно приготовленный его женою чай, въ коихъ, конечно, мышьякъ не могъ случайно очутиться, и въ 3-хъ при случайномъ отравленіи въ организмѣ Максименко не могло бы оказаться столь громаднаго количества мышьяка, которое было болѣе чѣмъ достаточно для отравленія не только одного, но и нѣсколько человѣкъ.

Если же отвергнуть предположенія о самоотравленіи и случайномъ отравленіи, какъ лишенныя всякаго фактическаго основанія и вѣроятія, то остается единственно вѣрнымъ, возможнымъ и логическимъ выводъ о томъ, что Николай Максименко былъ умышленно отравленъ мышьякомъ постороннею рукою, при чемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и должно быть признано вполнѣ безспорнымъ, что умышленное отравленіе Максименко могло быть совершено лишь тѣми, кто былъ заинтересованъ въ смерти его и имѣлъ при томъ физическую возможность осуществить такое преступное намѣреніе.

Въ этомъ собственно отношеніи предварительнымъ слѣдствіемъ добыты слѣдующія данныя: Николай Максименко, будучи

человѣкомъ бѣднымъ и не имѣя собственнаго состоянія, поступилъ на службу въ контору Дубровиныхъ съ жалованьемъ въ 50 рублей въ 1884 г., 23 лѣтъ отъ роду, и съ этого именно времени познакомился съ семьею Варвары Дубровиной, состоявшей тогда изъ нея самой—вдовы, сына ея Федора, впослѣдствіи умершаго, и дочери Александры Егоровны—въ то время дѣвицы 16 лѣтъ. Такъ какъ отецъ Александры Егоровны сначала былъ чернорабочимъ и только впослѣдствіи, занимаясь торговлею, случайно разбогатѣлъ и оставилъ послѣ своей смерти громадное состояніе, то Александра Дубровина получила лишь самое поверхностное и весьма недостаточное домашнее образованіе, казалась мало развитою и проявляла грубыя манеры простой, невоспитанной дѣвушки; мать же ея, Варвара Дубровина, была и совсѣмъ необразованная, неграмотная женщина, очень при томъ пристрастная, какъ говорятъ свидѣтели, къ спиртнымъ напиткамъ. Бывая въ домѣ Дубровиныхъ, Николай Максименко скоро сошелся весьма близко съ Александрою Егоровною, причемъ сближенію ихъ, судя по показанію сестры покойнаго, Елизаветы Максименко, много способствовало то, что сама Александра Егоровна сильно имъ заинтересовалась—бѣгала постоянно къ нему въ контору, не разъ жала ему подъ столомъ ноги во время совмѣстной ихъ игры въ карты и, когда онъ оставался ночевать у Дубровиныхъ, то звала его къ себѣ въ спальню, научая, какъ удобнѣе пройти ночью незамѣтно, о чемъ покойный самъ разсказывалъ своей сестрѣ. Когда же весною 1885 г. Варвара Дубровина уѣхала въ Кіевъ на похороны своего сына и дома остались только Николай Максименко и Александра Егоровна, отношенія ихъ стали еще ближе и однажды послѣдняя сама даже пришла ночью къ Максименко, послѣ чего между ними установились любовныя отношенія, вслѣдствіе коихъ Николай Максименко, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился жениться на Александрѣ Дубровиной. По возвращеніи изъ Кіева Варвара Дубровина сначала не соглашалась на бракъ своей дочери съ Максименко, разсчитывая найти для нея богатаго жениха; но затѣмъ, узнавъ, какъ говорятъ, о возникновеніи между ними связи, уступила настояніямъ дочери Александры и свадьба ея съ Николаемъ Максименко состоялась въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ того же 1885 г.

Въ первое время супруги Максименковы жили между собою хорошо и дружно; но на другой годъ послѣ женитьбы, семейныя отношенія ихъ разстроились: какъ теща Варвара Дубровина, такъ, подъ вліяніемъ ея, и жена стали обращаться съ Николаемъ Максименко весьма пренебрежительно и даже враждебно, оскорбляли его на каждомъ шагу, унижали, бранили, называя нищимъ, шарлатаномъ и т. под., а теща даже научала дочь выгнать мужа изъ дому и завести себѣ любовника.

Такіе совѣты и убѣжденія не остались, повидимому, безплодными: страстный по природѣ и невоздержный по части половыхъ влеченій характеръ Александры Максименко, сказавшійся весьма рельефно въ отношеніяхъ и образѣ дѣйствій ея къ Николаю Максименко еще до свадьбы, проявился вскорѣ и послѣ женитьбы въ самой грубой формѣ. Во второй половинѣ 1886 года въ домѣ Максименковыхъ появился служившій въ штатѣ полиціи поручикъ Панфиловъ—человѣкъ семейный, съ которымъ, какъ видно изъ показанія зятя покойнаго, Ивана Левитскаго, Александра Максименко не замедлила установить любовныя отношенія, доходившія до того, что Панфиловъ въ присутствіи мужа позволялъ вольности; когда же Панфиловъ, поссорившись съ Николаемъ Максименко, лишенъ былъ возможности бывать у него открыто въ домѣ, то онъ посѣщалъ Александру Максименкову по утрамъ, въ отсутствіе мужа, а по вечерамъ устраивалъ съ нею свиданія въ квартирѣ названнаго Левитскаго, также въ отсутствіе послѣдняго, и только однажды, возвращаясь со службы, Левитскій засталъ, какъ Александра Егоровна стояла въ объятіяхъ Панфилова, тотчасъ же за симъ ушедшаго, послѣ чего, открывъ лѣвое плечо, она показывала ему красное пятно, причиненное, по ея словамъ, сумасшедшимъ Панфиловымъ. Отношенія Александры Максименко къ Панфилову были до того тѣсны, что она тайно отъ мужа передавала ему свои довольно цѣнныя золотыя вещи: кольцо, брошь и браслетъ—для продажи въ его личную пользу и даже требовала у мужа дать ей два билета внутренняго займа для того, что бы продать ихъ и вырученныя деньги вручить Панфилову; когда же Николай Максименко не согласился исполнить это требованіе и сталъ упрекать жену свою по поводу отношеній ея къ Панфилову, то между ними

произошла крупная ссора и брань, при чемъ Александра Максименко ударила своего мужа по лицу, а онъ нанесъ ей ударъ въ спину; въ то же время Александра Максименко стала высказывать сожалѣніе о томъ, что передала ему въ собственность свой домъ, и выгнала его изъ дому, не позволивъ даже взять съ собою пальто, а Николай Максименко, уходя, досталъ изъ стола какую то бумагу и, разорвавъ ее до половины, бросилъ ей въ ноги. Объясненія свидѣтеля Левитскаго объ отношеніяхъ Александры Максименко къ Панфилову отчасти подтверждаются, какъ показаніемъ Александры Оладовой, удостовѣрившей, что въ 1886 г., когда она служила горничною у Максименковыхъ, дѣйствительно къ нимъ ходилъ какой-то полицейскій офицеръ, у котораго Александра Егоровна крестила ребенка, какъ это и было у Панфиловыхъ, такъ и показаніемъ свидѣтеля Александра Саржинскаго о томъ, что весною 1887 г. Панфиловъ передавалъ ему для продажи довольно цѣнныя дамскія вещи: два кольца, изъ нихъ одно съ брилліантами, браслетъ и брошь; но вещи эти онъ не успѣлъ продать и вернулъ Панфилову.

Затѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1888 г. въ контору Дубровиныхъ поступилъ на службу, съ жалованьемъ 35 р., ростовскій мѣщанинъ Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ; этотъ весьма молодой еще юноша, не имѣвшій тогда и полныхъ 18 лѣтъ, при томъ довольно пріятной наружности, сразу, конечно, обратилъ на себя вниманіе Александры Максименко, сталъ постоянно бывать у Дубровиныхъ и сдѣлался близкимъ человѣкомъ для дома Максименковыхъ. Хотя никто изъ свидѣтелей не опредѣляетъ точно степени и характера близости отношеній его къ Александрѣ Егоровнѣ Максименко, но въ дѣлѣ тѣмъ не менѣе имѣются достаточно вѣскія указанія на то, что отношенія эти далеко выходили за предѣлы обыкновеннаго знакомства или даже тѣсной дружбы и держались на почвѣ любовнаго, романическаго свойства: такъ а) свидѣтель Португаловъ, весьма часто бывавшій въ домѣ Максименковыхъ во время послѣдней болѣзни Николая Максименко и раньше лечившій, какъ у нихъ, такъ и въ семьѣ Рѣзниковыхъ, говоритъ, что его весьма поразило положеніе Рѣзникова въ домѣ Максименковыхъ и отношенія его къ Александрѣ Егоровнѣ; когда бы ему ни приходилось бывать у больного, онъ всегда за-

ставалъ Рѣзникова, который все время проводилъ въ разговорахъ съ Александрою Максименко, распоряжался всѣмъ въ домѣ полноправно на правахъ хозяина и даже съ хозяйкою дома обращался весьма безцеремонно, нерѣдко прерывая начатый ею разговоръ и безъ стѣсненія останавливая ее, какъ человѣкъ, имѣвшій надъ нею власть. Но лучше всего характеризуетъ отношенія Рѣзникова къ Александрѣ Максименко то, что въ началѣ 1888 г. докторъ Португаловъ лечилъ перваго изъ нихъ отъ трипера, а затѣмъ весною того же года по приглашенію Рѣзникова въ отсутствіе Николая Максименко пользовалъ жену его отъ бѣлей заразнаго происхожденія, при чемъ самъ Рѣзниковъ предупредилъ его, что у Александры Максименко, вѣроятно, бѣли и что виноватъ въ этомъ негодяй мужъ ея, который, по его словамъ, будто бы страдалъ хроническимъ трипе-ромъ; вообще, говоря объ отношеніяхъ супруговъ Максименковыхъ, Рѣзниковъ отзывался Португалову такимъ образом что Николай Максименко ужасный скотина и не заслуживаетъ никакого вниманія со стороны жены, тогда какъ она—прелестная и въ высшей степени милая женщина, которой нуженъ былъ бы совсѣмъ другой мужъ.

Если изъ приведеннаго показанія Португалова сопоставить, что онъ лечилъ Александру Максименко отъ бѣлей послѣ того, какъ пользовалъ Рѣзникова, тогда какъ Николай Максименко, и раньше лечившійся у него, никогда не пользовался отъ такой болѣзни, то становится совершенно понятнымъ, почему у Александры Максименко появилась болѣзнь и почему о ней зналъ Рѣзниковъ раньше еще приглашенія доктора Португалова и наконецъ почему оба они обратились къ медицинской помощи для излеченія Александры Максименко отъ болѣзни въ то время, когда Николай Максименко отсутствовалъ изъ Ростова; б) свидѣтели Павелъ и Эмма Дмитріевы, ближайшіе по квартирамъ сосѣди Максименковыхъ, проживавшіе въ одномъ съ ними коридорѣ, удостовѣряютъ, что Рѣзниковъ во время болѣзни Николая Максименко постоянно бывалъ у него въ квартирѣ и нерѣдко ночевалъ, а послѣ смерти его онъ все время проводилъ съ Александрою Максименко. Еще до смерти Максименко онъ замѣтно пользовался особымъ вниманіемъ довѣріемъ и располо-

женіемъ жены его, а послѣ смерти сталъ держать себя совершенно самостоятельнымъ хозяиномъ, при чемъ близость отношеній Рѣзникова къ Александрѣ Максименко дошла до того, что или онъ оставался ночевать въ ея квартирѣ, или Александра Максименко уходила на ночь въ квартиру семьи Рѣзниковыхъ. Къ этому Эмма Дмитріева добавила, что, какъ она слышала отъ прислуги Максименковыхъ, Александра Егоровна еще лѣтомъ пріѣхала изъ Калача, гдѣ она тогда жила съ мужемъ, въ г. Ростовъ подъ предлогомъ варки варенья, провела цѣлый мѣсяцъ съ Рѣзниковымъ и не хотѣла возвратиться въ Калачъ, не смотря на убѣдительныя настоянія и письма мужа своего, каковое обстоятельство подтверждается и приложеннымъ къ дѣлу письмомъ Николая Максименко изъ Калача къ женѣ его;—что изъ за Рѣзникова у супруговъ Максименковыхъ происходила ссора, во время которой мужъ упрекалъ жену въ томъ, что она промѣняла его на мальчишку; что Александра Максименко постоянно называла Рѣзникова только по имени Аристархомъ, равно и Рѣзниковъ, говоря о ней, называлъ ее «Сашею», и что однажды, когда Александра Максименко во время болѣзни своего мужа брала во дворѣ воду, то свидѣтельница Дмитріева замѣтила, что она обмѣнялась съ проходившимъ тогда по двору Рѣзниковымъ такимъ взглядомъ, который возможенъ только между людьми близкими: они какъ то особенно улыбнулись другъ другу; в) свидѣтель Климъ Жировъ, бывшій сторожемъ въ домѣ Дубровиныхъ, объяснилъ, что послѣ смерти Николая Максименко Рѣзниковъ совсѣмъ почти поселился въ домѣ его, оставаясь въ немъ вмѣстѣ съ женою его, и сталъ всѣмъ распоряжаться на правахъ хозяина, а иногда Александра Максименко уходила изъ дома къ Рѣзниковымъ и ночевала у его родныхъ; вообще послѣ смерти Максименко многіе говорили, что Рѣзниковъ находится въ любовной связи съ Александрою Максименко. Однажды и свидѣтель, сидя въ качествѣ сторожа у параднаго крыльца, видѣлъ, какъ оба они, не замѣчая его, оставались въ темномъ корридорѣ съ полчаса времени и о чемъ-то шептались; когда же Жировъ окликнулъ ихъ, то они, ничего не отвѣтивъ, разошлись въ разныя стороны; г) Елизавета Максименко, сестра умершаго, также удостовѣрила, что послѣ смерти брата жена

его все время была съ Рѣзниковымъ, постоянно съ нимъ шушукалась и первыя ночи проводила вмѣстѣ съ нимъ въ квартирѣ его родныхъ; при этомъ названная свидѣтельница добавила, что она сама видѣла, какъ Александра Максименкова два раза, въ день похоронъ—вечеромъ и на другой день послѣ похоронъ, по возвращеніи съ кладбища, цѣловалась въ корридорѣ съ Рѣзниковымъ, а на кладбищѣ смѣялась съ нимъ и высказывала удовольствіе по поводу того, что онъ туда пріѣхалъ, и д) служащій въ конторѣ Дубровиныхъ Петръ Замахаевъ показалъ, что послѣ смерти Николая Максименко его нѣкоторое время посылали ночевать въ квартиру Максименковыхъ и въ одно изъ этихъ посѣщеній Рѣзниковъ, возвратившись домой около 10 часовъ вечера, вмѣстѣ съ Александрою Максименковою, послѣ ужина съ нею, сказалъ ему, что его оставляютъ здѣсь ночевать, но онъ не рѣшается остаться, а затѣмъ около 6 или 7 ч. утра, когда только что начало разсвѣтать, Рѣзниковъ, войдя въ корридоръ, гдѣ встрѣтилъ свидѣтеля, сообщилъ ему, что онъ всю ночь не могъ спать и ему было страшно.

Совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ указаній не оставляетъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности существованія между Александрою Максименко и Рѣзниковымъ весьма близкихъ, интимныхъ отношеній; если же при этомъ принять во вниманіе, что существованіе подобныхъ отношеній при условіи замужества Александры Максименко сопряжено было съ разными непріятностями, затрудненіями и опасеніями, что Рѣзниковъ человѣкъ молодой, свободный, то совершенно понятнымъ станетъ, что, какъ Александра Максименко, тяготившаяся своими брачными узами съ мужемъ, такъ и Рѣзниковъ, видѣвшій въ лицѣ Александры Егоровны чрезвычайно выгодную и заманчивую партію,—одинаково были заинтересованы въ томъ, чтобы возникшія между ними отношенія упрочить на болѣе твердыхъ и независимыхъ началахъ и на законномъ, такъ сказать, основаніи. А что подобное намѣреніе касательно брака съ Александрою Максименко дѣйствительно существовало, тому служитъ доказательствомъ помимо того, что Александра Максименко и послѣ смерти мужа все время проводила съ Рѣзниковымъ и даже на 42 день траура была съ нимъ въ театрѣ, гдѣ ее видѣли Михаилъ Ле-

онтьевъ и Иванъ Куколевскій, еще и то, что самъ же Рѣзниковъ 18 ноября, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Николая Максименко, за завтракомъ, говорилъ брату его, Антонину Максименко, что онъ намѣренъ жениться на Александрѣ Егоровнѣ и объ этомъ считаетъ нравственнымъ долгомъ заявить ему, о чемъ Антонинъ Максименко тогда же сообщилъ отцу Рѣзникова; свидѣтельница Эмма Дмитріева показала, что она слышала, будто въ день имянинъ Варвары Дубровиной, 4 декабря, когда не было еще извѣстно, что во внутренностяхъ Максименко найденъ мышьякъ,—назначенъ былъ даже сговоръ Александры Максименко съ Рѣзниковымъ. Точно также и товарищъ Рѣзникова по службѣ, Куколевскій, слышалъ, что Рѣзниковъ собирается жениться на Александрѣ Максименко. Но для того, чтобы желанная мысль о бракѣ могла осуществиться, заинтересованнымъ въ немъ лицамъ представлялось необходимымъ устранить то непреодолимое къ достиженію сего при жизни Николая Максименко препятствіе, которое они встрѣчали въ лицѣ сего послѣдняго, какъ законнаго мужа Александры Егоровны. Пока онъ былъ боленъ тяжкою и угрожавшею опасностью болѣзнью, явилась надежда, что препятствіе это можетъ устраниться само собою, путемъ естественной смерти Николая Максименко; и дѣйствительно весьма убѣдительнымъ подтвержденіемъ тому, что такой исходъ болѣзни Николая Максименко былъ весьма желателенъ и женѣ его и Рѣзникову и ожидался ими съ нетерпѣніемъ, служатъ показанія доктора Португалова: мало того, что Александра Максименко во все время болѣзни мужа своего, какъ говоритъ Португаловъ, и это отчасти подтвердила свидѣтельница Эмма Дмитріева, была совершенно спокойна и равнодушна, не обнаруживала ни малѣйшей заботливости къ больному, постоянно оставляла его одинокимъ безъ присмотра и открыто тяготилась даже тѣми немногими минутами, которыя она посвящала мужу, досадуя на пребываніе у его постели и не разъ говоря: «Господи, хоть бы онъ скорѣе умиралъ, а то вотъ сижу въ заперти и даже погулять не могу выйти». Какъ она, такъ и Рѣзниковъ, по словамъ Португалова, при всякомъ почти его посѣщеніи, осаждали его вопросами: «а что, докторъ, какъ вы думаете, умретъ онъ?» или высказывали ему свои предположенія, что онъ вѣроятно не вы-

здоровѣетъ, какъ бы желая убѣдиться въ возможности и безошибочности такого предположенія, и когда докторъ Португаловъ, не понимая въ первое время истиннаго смысла и значенія подобныхъ вопросовъ и предположеній о смертельномъ исходѣ болѣзни Николая Максименко, утѣшалъ и успокаивалъ жену его и Рѣзникова, то подаваемыя имъ надежды и утѣшенія нисколько не радовали ихъ, и они продолжали оставаться совершенно индиферентными къ участи больного.

Но надеждамъ и желаніямъ Александры Максименко и Рѣзникова не суждено было сбыться: Николай Максименко сталъ поправляться, и 18 Октября докторъ Португаловъ, при послѣднемъ своемъ посѣщеніи, объявилъ, что всякая опасность миновала и что наступилъ періодъ выздоровленія; тогда-то, какъ надо полагать, у Александры Максименко и Рѣзникова и явилась мысль о преступномъ лишеніи его жизни, каковая и была приведена въ исполненіе въ тотъ же день путемъ отравленія его мышьякомъ, всыпаннымъ ему или въ сельтерскую воду, сифонъ которой былъ приготовленъ для него женою во время бытности его въ гостяхъ у Дмитріева и потомъ послѣ смерти его оказался на половину опорожненнымъ, какъ о томъ показала Варвара Дубровина, или въ стаканъ съ чаемъ, который ему налила сама Александра Максименко и половина котораго оказалась выпитою Николемъ Максименко, послѣ чего жена возвратилась съ недопитымъ стаканомъ въ столовую. Произведенная Судебнымъ Слѣдователемъ въ присутствіи врачей-экспертовъ и провизора Лапицкаго проба растворенія мышьяка въ сельтерской водѣ и чаѣ вполнѣ установила, что мышьяковистая кислота, предварительно растворенная въ водѣ, даже въ значительномъ количествѣ совершенно растворяется въ сельтерской водѣ и чаѣ безъ всякаго осадка, нисколько не измѣняя ни вкуса, ни цвѣта чая и воды. Хотя же Александра Максименко въ опроверженіе сего обстоятельства заявила, что вечеромъ мужъ ея вовсе не пилъ налитаго ею для него чаю и что изъ стакана, приготовленнаго для мужа, она сама выпила чай, но такое объясненіе ея опровергается показаніями Марьи Гребеньковой и Евдокіи Бураковой, которыя удостовѣрили, что вечеромъ, разливая чай, Александра Егоровна приготовила стаканъ мужу и въ то же время другой себѣ, что, отнеся

приготовленный мужу стаканъ въ его комнату, она чрезъ нѣкоторое время возвратилась въ столовую съ стаканомъ, въ которомъ чай былъ выпитъ до половины, заявивъ, что Николай Федоровичъ болѣе чаю не захотѣлъ и что изъ этого принесеннаго ею изъ комнаты мужа стакана никто уже чаю не пилъ, а оставшаяся въ немъ половина стакапа чаю была вылита Гребеньковою въ полоскательную чашку. При этомъ нельзя не замѣтить, что день 18 октября, когда Николай Максименко, не вполнѣ еще оправившись, находился въ переходномъ отъ болѣзни къ выздоровленію положеніи, представлялся наиболѣе удобнымъ для безопаснаго выполненія задуманнаго преступнаго намѣренія, такъ какъ при нѣкоторой только уступчивости доктора, неожиданная смерть Максименко могла быть объяснена предшествовавшею его болѣзнью или какими-либо осложненіями, вызванными этою болѣзнью вслѣдствіе неправильности въ діэтѣ, собственной его неосторожности, простуды и другихъ причинъ, что и пытались сдѣлать Александра Максименко, Рѣзниковъ и родные ихъ, настойчиво увѣряя доктора Португалова, когда онъ засталъ Николая Максименко мертвымъ, въ томъ, что съ его стороны все было сдѣлано для спасенія больнаго, что онъ самъ не поостерегся, поѣлъ лишнее и за это поплатился по собственной винѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вся обстановка даннаго происшествія убѣждаетъ въ томъ, что никто другой, кромѣ Александры Максименко и Рѣзникова, даже физической возможности не имѣлъ отравить Николая Максименко, ибо въ теченіе всей болѣзни никто посторонній къ нему не допускался и только жена его, Александра, которая сама давала лекарства и приносила ему пищу, и Аристархъ Рѣзниковъ, нерѣдко заходившій въ его комнату, имѣли во всякое время безпрепятственный къ нему доступъ; точно также и въ день сего событія послѣ того, какъ Николай Максименко возвратился отъ Дмитріева и пришелъ въ свою комнату, къ нему заходили только Александра Максименко и Рѣзниковъ; первая изъ нихъ сама отнесла къ нему сифонъ съ сельтерскою водою и затѣмъ стаканъ чаю, при чемъ нѣкоторое время оставалась въ комнатѣ больного, какъ до того, пока былъ принесенъ вечерній самоваръ, такъ и потомъ, когда входила къ нему съ стаканомъ чаю, Рѣзниковъ же заходилъ къ нему черезъ часъ по возвраще-

ніи его отъ Дмитріева, слѣдовательно приблизительно около 6 часовъ вечера, и ушелъ въ то время, когда подавался самоваръ, а за тѣмъ, вторично пришелъ уже въ то время, когда у Николая Максименко появилась рвота. Даже Варвары Дубровиной весь этотъ день не было дома и она вернулась только на другой день, уже послѣ смерти Николая Максименко. Хотя же и Александра Максименко и Рѣзниковъ заявляютъ, что 18 октября послѣдній изъ нихъ весь день не былъ у Максименковыхъ и зашелъ къ нимъ только около 9 часовъ вечера, вслѣдствіе приглашенія Николая Максименко, уже послѣ того, какъ съ нимъ приключилась рвота, но приведенное объясненіе ихъ опровергается показаніемъ Маріи Гребеньковой, заявившей, что въ означенный день Рѣзниковъ два раза приходилъ къ Максименковымъ и каждый разъ заходилъ въ комнату больного, какъ это выше сказано, при чемъ оба раза она сама отворяла и затворяла за нимъ двери. Такимъ образомъ только Александра Максименко и Рѣзниковъ имѣли возможность вечеромъ 18 октября всыпать заранѣе приготовленный ими мышьякъ въ то питье, которое предназначалось для Николая Максименко, чѣмъ и объясняется та непонятная и несвойственная имъ заботливость, которую они проявили въ вечеръ происшествія по отношенію къ больному частымъ посѣщеніемъ его и просиживаніемъ у его постели.

Наконецъ и всѣ послѣдующія событія вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что отравленіе Николая Максименко было дѣломъ рукъ жены его, Александры, и Рѣзникова, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ: 1) когда вечеромъ 18 октября докторъ Португаловъ былъ приглашенъ къ больному Николаю Максименко, то, уходя, замѣтилъ, что жена его, всегда до того времени совершенно спокойная и ко всему равнодушная, была вопреки обыкновенію, чрезвычайно взволнована, голосъ ея дрожалъ и замѣтна была въ ней какая то несвойственная ей растерянность; точно также и Рѣзниковъ, по словамъ Португалова, проявлялъ тогда необычайную суетливость и, уходя съ нимъ въ аптеку, сказалъ Александрѣ Максименко: не безпокойтесь, не волнуйтесь, я самъ возьму ключъ, при чемъ дѣйствительно взялъ съ собою ключъ отъ парадной двери, хотя раньше этого не дѣлалъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ аптеки, какъ показала Марія Гребень-

кова, всю ночь провелъ въ квартирѣ Максименковыхъ, что впрочемъ самъ Рѣзниковъ отрицаетъ; послѣ же обнаруженія во внутренностяхъ Максименко мышьяка, Рѣзниковъ, по показанію свидѣтеля Куколевскаго, сдѣлался весьма сосредоточеннымъ; 2) во второй разъ рано утромъ 19 октября за докторомъ Португаловымъ, по показанію той же Гребеньковой, послали уже въ то время, когда Николай Максименко умеръ, изъ чего слѣдуетъ, что ни Александра Максименко, ни Рѣзниковъ вовсе не заботились о спасеніи умершаго и объ оказаніи ему медицинской помощи и что вторичное приглашеніе его было вызвано единственнымъ желаніемъ поскорѣе добыть отъ него удостовѣреніе о причинѣ смерти для погребенія; это обстоятельство подтверждается и показаніемъ Португалова относительно той странности, которую онъ замѣтилъ въ поведеніи и разговорѣ явившагося за нимъ Рѣзникова. По объясненію Португалова, Рѣзниковъ пришелъ за нимъ пѣшкомъ, безъ извощика, и при этомъ весьма растерянно и сбивчиво говорилъ, что Максименко умираетъ, что, можетъ быть, онъ уже умеръ, что, можетъ быть, и не зачѣмъ ѣхать; а когда Португаловъ выразилъ упрекъ—зачѣмъ же его безъ нужды ночью безпокоили? Рѣзниковъ прибавилъ: впрочемъ, поѣдемте, и, приведя извощика, поѣхалъ съ нимъ къ Максименко, который оказался мертвымъ, въ квартирѣ же его тогда было уже много постороннихъ людей, въ числѣ коихъ находились между прочимъ старикъ Дубровинъ, дядя Александры Максименко, и мать Рѣзникова; 3) потребовавъ во второй пріѣздъ утромъ предъявленія лекарствъ: касторового масла и миндальной эмульсіи, которыя имъ были прописаны больному наканунѣ вечеромъ, докторъ Португаловъ, какъ онъ положительно удостовѣрилъ на слѣдствіи, замѣтилъ, что, какъ коробка съ капсюлями касторового масла, такъ и бутылочка съ микстурою, были совершенно не тронуты, хотя съ бутылочки бумажка надъ пробкою была снята, изъ чего явствуетъ, что означенныя лекарства вовсе не давались больному; на вопросъ же его, почему таковыя остались безъ употребленія, Александра Максименко отвѣтила, что мужъ ея будто-бы не пожелалъ принять лекарства, хотя онъ самъ наканунѣ умолялъ доктора прописать ему что нибудь для уменьшенія испытываемыхъ имъ страданій. Очевидно, что прописанныя Португаловымъ

лекарства умышленно не были даны больному для того, чтобы они не могли противостоять дѣйствію мышьяка, и 4) какъ только умеръ Николай Максименко, жена его, Александра Максименко, и Рѣзниковъ, не обнаруживая ни малѣйшаго горя и сожалѣнія по поводу приключившагося несчастія, тотчасъ же, не останавливаясь ни предъ какими средствами, прибѣгли ко всевозможнымъ мѣрамъ для того, чтобы скрыть дѣйствительную причину смерти умершаго. Съ этою именно цѣлью Португаловъ, какъ надо полагать, и былъ приглашенъ во второй разъ, послѣ смерти уже Максименко, такъ какъ тотчасъ послѣ прихода его у него настойчиво стали просить выдачи свидѣтельства о смерти Николая Максименко отъ тифа; когда же Португаловъ не согласился исполнить это требованіе и совѣтовалъ Рѣзникову и роднымъ Максименко заявить полиціи о вскрытіи трупа умершаго, то Александра Максименко, не присутствовавшая при послѣднемъ разговорѣ Португалова и не слышавшая такого его предложенія, выйдя въ переднюю и будучи заинтересована единственно этимъ предметомъ, обратилась къ кому то изъ бывшихъ въ передней лицъ съ вопросомъ: «ну что?» и узнавъ, что Португаловъ возбуждаетъ вопросъ о вскрытіи, стала кричать, что она скорѣе застрѣлится, убьетъ себя и ничего ни пожалѣетъ, но не допуститъ вскрытія. Такой рѣшительный протестъ со стороны Александры Максименко при тѣхъ отношеніяхъ, которыя у нея существовали къ умершему мужу, конечно не можетъ быть объясняемъ горемъ или отчаяніемъ ея и свидѣтельствуетъ лишь о той страшной боязни, которую она испытывала при мысли о вскрытіи трупа, долженствовавшемъ обнаружить истинную причину смерти ея мужа.

Послѣ того Рѣзниковъ еще три раза пріѣзжалъ къ Португалову съ тѣмъ же предложеніемъ относительно выдачи свидѣтельства, при чемъ на заявленіе Португалова о томъ, что смерть Максименко, можетъ быть, послѣдовала отъ отравленія, высказалъ, что Португалову нечего бояться, такъ какъ у нихъ имѣется и свой священникъ, а потому никакой опасности не можетъ быть; когда же и послѣ этого Португаловъ наотрѣзъ отказался исполнить требованіе Рѣзникова, тогда онъ и Александра Максименко сначала обратились съ подобною же просьбою къ доктору Лешкевичу, который когда то одинъ или два раза навѣщалъ боль-

ного Максименко; а затѣмъ, не получивъ и отъ него необходимаго свидѣтельства, распространили ложный слухъ о томъ, что докторъ Португаловъ требовалъ за выдачу свидѣтельства на погребеніе Николая Максименко 300 рублей и не выдалъ таковаго только потому, что ему не было дано требуемыхъ денегъ. Хотя же это послѣднее обстоятельство для настоящаго собственно дѣла не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ послѣ того, какъ по настоянію Португалова произведено было химическое изслѣдованіе внутренностей Максименко и въ нихъ найденъ былъ мышьякъ, для дѣла совершенно безразлично — дѣйствовалъ ли Португаловъ въ данномъ случаѣ въ видахъ обнаруженія истины или по инымъ какимъ либо побужденіямъ, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ справедливости, надлежитъ заявить, что заявленіе Александры Максименко и Рѣзникова о требованіи яко бы съ нихъ докторомъ Португаловымъ 300 руб. за выдачу свидѣтельства на предметъ погребенія Николая Максименко не только является совершенно голословнымъ и ни на чемъ не основаннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть признано и прямо вымышленнымъ въ виду показанія Егора Дубровина, который удостовѣрилъ, что, когда Александра Максименко просила у Португалова выдачи означеннаго свидѣтельства, то онъ тогда же заявилъ, что не можетъ выдать просимое свидѣтельство, такъ какъ сомнѣвается въ причинѣ смерти его. Такимъ образомъ, изъ показанія Дубровина видно, что отказъ со стороны Португалова въ выдачѣ свидѣтельства при первомъ же обращенномъ къ нему по сему предмету требованіи послѣдовалъ не вслѣдствіе неуплаты ему 300 руб., а единственно по причинѣ возбужденнаго имъ сомнѣнія въ естественности смерти Николая Максименко. Слухъ же о 300 руб. очевидно былъ пущенъ впослѣдствіи съ тою цѣлью, чтобы хоть этимъ путемъ какъ нибудь объяснить причину неполученія свидѣтельства и тѣмъ самымъ скрыть истинную причину смерти Максименко.

Привлеченные къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ Александра Егорова Максименко и Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ, не признавая себя виновными въ преднамѣренномъ лишеніи жизни мужа первой изъ нихъ, Николая Максименко, путемъ отравленія, объяснили, что они вовсе не состояли между собою

въ любовныхъ или иныхъ какихъ-либо отношеніяхъ, въ силу которыхъ могли бы желать смерти Максименко, и что они поэтому не виновны въ причиненіи ему насильственной смерти; а Александра Максименко сверхъ того добавила, что отношенія къ умершему мужу были вполнѣ хорошія и она его любила. Хотя же выставленные обвиняемою свидѣтели подтвердили дѣйствительность хорошихъ отношеній супруговъ Максименковыхъ, но показанія всѣхъ этихъ свидѣтелей, исключительно родственниковъ Максименковыхъ, или служащихъ въ конторѣ Дубровиныхъ, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ означенные свидѣтели только изрѣдка бывали въ домѣ Максименковыхъ и могли наблюдать семейную ихъ жизнь исключительно по наружности, чѣмъ и объясняется, что они свидѣтельствовали о семейныхъ отношеніяхъ Максименковыхъ въ самыхъ лишь общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ родѣ того, что отношенія ихъ были повидимому хороши и, кромѣ хорошаго, они больше ничего не замѣчали.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на несознаніе названныхъ обвиняемыхъ, виновность ихъ по настоящему дѣлу вполнѣ удостовѣряется совокупностью всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и данныхъ предварительнаго слѣдствія, сопоставленіе коихъ приводитъ къ слѣдующимъ несомнѣннымъ и безспорно-свидѣтельствующимъ о виновности Александры Максименко и Рѣзникова выводамъ: 1) что Николай Максименко умеръ отъ отравленія весьма значительнымъ количествомъ мышьяка; 2) что отравленіе это совершено было умышленно постороннимъ лицомъ; 3) что въ лишеніи Николая Максименко жизни единственно заинтересованными лицами были жена его, Александра, и Аристархъ Рѣзниковъ, въ силу, какъ особенно близкихъ, интимныхъ отношеній, существовавшихъ между ними, такъ и крайне недружелюбныхъ и тяжелыхъ отношеній, бывшихъ между супругами Максименковыми; 4) что только они одни во все время болѣзни Николая Максименко и въ день происшествія имѣли къ нему доступъ, а потому никто другой, кромѣ ихъ, не имѣлъ физической возможности всыпать ядъ въ питье Максименко и вообще совершить означенное преступленіе; 5) что послѣ обнаруженія признаковъ отравленія Максименко ими не только не было предпринято никакихъ мѣръ къ

спасенію жизни его и къ предотвращенію вредныхъ послѣдствій, а напротивъ предпринимались прямо противодѣйствующія тому мѣры и 6) что послѣ смерти Николая Максименко ими предпринимались самыя рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію вскрытію трупа умершаго съ цѣлью сокрытія какъ самаго факта, такъ и слѣдовъ преступленія. Обнаруженная же предварительнымъ слѣдствіемъ общность интересовъ, которая преслѣдовалась обоими обвиняемыми при достиженіи ими задуманной преступной цѣли, и та общность, полная солидарность, которая выразилась въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ, какъ до смерти Николая Максименко, такъ и послѣ того, съ несомнѣнностью убѣждаютъ въ томъ, что отравленіе Максименко совершено было обвиняемыми Александрою Максименко и Рѣзниковымъ, съ общаго ихъ согласія, по предварительному между ними уговору и при взаимномъ ихъ другъ съ другомъ участіи; причемъ установленіе того обстоятельства, какое именно каждый изъ нихъ принималъ физическое участіе въ этомъ преступленіи, кто изъ нихъ заготовилъ ядъ и кто собственно изъ нихъ поднесъ этотъ ядъ жертвѣ—не можетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ никакого юридическаго и нравственнаго значенія при разрѣшеніи вопроса о виновности каждаго изъ названныхъ обвиняемыхъ въ отдѣльности.

На основаніи вышеизложеннаго, вдова потомственнаго почетнаго гражданина Александра Егорова Максименко, 21 года, и ростовскій мѣщанинъ Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ, 19 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что, задумавъ, по предварительному между собою соглашенію изъ личныхъ видовъ, лишить жизни мужа первой изъ нихъ, Николая Максименко, путемъ отравленія, они съ этою цѣлью заготовили значительное количество сильнодѣйствующаго яда, мышьяка, и затѣмъ, оба они, при взаимномъ участіи, или же кто-либо одинъ изъ нихъ съ вѣдома и согласія другаго, 18 октября 1888 г., въ г. Ростовѣ на-Дону, означенный ядъ всыпали въ приготовленное Николаю Максименко питье, которое, будучи имъ выпито, повлекло за собою смерть его, послѣдовавшую на разсвѣтѣ 19 того же октября.

Преступное дѣяніе это предусмотрѣно: въ отношеніи Александры Максименко 1450 и 1 ч. 1451 ст. Улож. о нак., а въ отношеніи Рѣзникова 1452 и 5 п. 1453 ст. того-же Улож.

По сему и на основаніи 201 ст. уст. угол. суд., Александра Максименко и Аристархъ Рѣзниковъ подлежатъ суду Таганрогскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Составленъ въ г. Таганрогѣ 23-го іюня 1889 г. Прокуроромъ *Е. Н. Хлодовскимъ.*

Утвержденъ Харьковскою Судебною Палатою 12 іюля 1889 г.

На вопросы о виновности подсудимые отвѣтили отрицательно, и Судъ постановилъ: произвести судебное слѣдствіе.

СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

По постановленію Суда прочитаны слѣдующіе документы:

Протоколъ осмотра и обыска дома Дубровиной.

1888 г. декабря 17, и д. Суд. Слѣд. 2 уч. г. Ростова Любимовъ прибылъ въ домъ матери обвиняемой Александры Максименко, Варвары Дубровиной, гдѣ въ присутствіи понятыхъ и хозяйки дома, Дубровиной, производилъ осмотръ и обыскъ съ цѣлью отысканія переписки, бывшей между супругами М—ко, могущей служить для характеристики ихъ супружескихъ отношеній, а также другихъ писемъ, имѣющихъ какое либо значеніе для выясненія обстоятельствъ настоящаго дѣла, или характеристики обвиняемыхъ Александры М—ко и А. Рѣзникова, и вообще отобранія всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые могутъ служить къ разъясненію преступленія. По осмотру и обыску оказалось: домъ Дубровиной обширный, красивой архитектуры, съ балкономъ, вообще это домъ типа домовъ состоятельныхъ купцовъ; находится домъ на углу Николаевскаго спуска и Донской ул. и выходитъ своими многими окнами на обѣ сказанныя улицы; парадное крыльцо, съ тамбуромъ передъ дверью, и ворота во дворъ выходятъ на Донскую ул. Изъ парадной двери до двери во внутреннія комнаты ведетъ довольно большой съ окнами во дворъ корридоръ, корридоръ этотъ раздѣленъ на двѣ половины перегородкой и дверью; изъ

первой половины корридора ведетъ дверь въ комнаты, гдѣ живетъ Дубровина съ дочерью, Александрою М—ко, изъ второй въ комнаты, гдѣ квартировалъ, въ южной части дома, Дмитріевъ; отсюда же имѣется дверь во дворъ. Въ первой половинѣ корридора, близь парадной двери, лежатъ мѣшки съ зерновымъ хлѣбомъ. Расположеніе комнатъ въ домѣ слѣдующее: при входѣ въ дверь изъ корридора обширная передняя, изъ нея двери на право въ обширную комнату, судя по большому столу и буфетному шкафу, — столовую, на лѣво двѣ двери въ кабинетъ и въ спальню, прямо въ обширный залъ; рядомъ съ заломъ на лѣво—соединенная дверью гостинная, въ которую также имѣется дверь изъ спальни; изъ залы направо дверь въ комнаты бывшаго квартиранта Дмитріева. Внутренняя отдѣлка комнатъ—расписные стѣны и потолки и вообще вся обстановка дома: цвѣты, рояль, дорогая мебель, рѣзной буфетный шкафъ и проч.—доказываетъ, что тутъ живутъ люди багатые. Послѣ произведеннаго тщательнаго обыска во всѣхъ комнатахъ и хранилищахъ взято для дѣла, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, изъ коммода въ спальнѣ и изъ письменнаго стола въ кабинетѣ только слѣдующее, признанное слѣдователемъ, какъ могущее служить для разъясненія настоящаго дѣла: два письма Н. Максименко къ женѣ, письмо А. Рѣзникова къ Н. М—ко, письмо Ив. Радченко на имя Алек. Ег., визитная карточка А. Рѣзникова и 6 рецептовъ д-ра Португалова отъ 3-го по 18 октября 1888 г.

Протоколъ обыска (2-го).

1889 г. января 28 и. д. Суд. Слѣд. 2 уч. г. Ростова Любимовъ, въ присутствіи нижепоименованныхъ понятыхъ, производилъ обыскъ въ домѣ Варвары Дубровиной съ цѣлью отысканія того пузырька съ лекарствомъ, которое было прописано врачемъ Португаловымъ въ ночь на 19 октября покойному Максименко, для установленія, осталось-ли лекарство въ томъ видѣ, какъ было отпущено изъ аптеки, причемъ оказалось: Присутствовавшая при обыскѣ Варвара Дубровина объявила, что она не знаетъ, въ какомъ пузырькѣ было требуемое лекарство и сохранился-ли этотъ

пузырекъ; не указала на комнату заднюю въ домѣ, въ которой оказались на окнѣ разставленными разные пузырьки и стклянки, числомъ 15 штукъ; посуда эта видимо отъ стараго лекарства, запыленная, запачканная, безъ пробокъ, большею частію съ надписями: «внутреннее» и «наружное»; въ нѣкоторыхъ пузырькахъ, на днѣ осталось немного какой-то жидкости разныхъ цвѣтовъ, на однихъ есть надписи «зубной элексиръ», «карболовая кислота»; въ одной только стклянкѣ безъ пробки, запыленной, имѣется на половину мутной прозрачной жидкости; но ее нельзя принять за то лекарство, миндальную эмульсію, какое дано было Максименко, какъ слабительное: вѣроятно то лекарство было не въ большой стклянкѣ, а въ маленькомъ пузырькѣ и бѣлаго цвѣта; свѣжихъ стклянокъ и пузырьковъ не оказалось, какъ между этими указанными, такъ и нигдѣ во всемъ домѣ, корридорѣ и шкафахъ.

Актъ вскрытія (№ 1).

1888 г. 21-го октября, я, нижеподписавшійся врачъ, вслѣдствіе отношенія пристава 2 уч. г. Ростова на-Дону отъ 20-го с. октября за № 13395, въ присутствіи врачей Моргулиса и Лешкевича, помощника пристава и понятыхъ Кожухова и Самсонова, производилъ судебно-медицинское изслѣдованіе трупа пот. почет. гражд. Н. Ф. Максименко съ цѣлью опредѣленія причины смерти послѣдняго, причемъ оказалось:

А. Наружный осмотръ.

Вскрытіе произведено по Донской ул. въ домѣ Дубровиныхъ; трупъ Н. Максименко лежалъ на столѣ, одѣтый въ черный сюртукъ, жилетъ и брюки, бѣлую сорочку и подштанники, на ногахъ туфли и чулки. По снятіи одежды оказалось, что умершій роста выше средняго, тѣлосложенія умѣреннаго, по виду 35 лѣтъ. Волосы темнорусые, глаза каріе, впалые въ орбитахъ, зрачки умѣренно расширены, въ полостяхъ рта, носа и ушей ничего не найдено, зубы сжаты, языкъ не прикушенъ. Шея умѣренной длины, грудная клѣтка развита правильно; животъ и пахи втя-

нуты, зеленовато-труннаго цвѣта; спина и ягодицы покрыты трупною краснотою, половые органы нормальны; задній проходъ не замаранъ. Верхнія и нижнія конечности окоченѣлы и ногти синіе; знаковъ наружнаго насилія на тѣлѣ не найдено.

Б. Внутреннее изслѣдованіе.

Подъ мягкимъ покровомъ головы ничего ненормальнаго не найдено. Кости черепа тонки и цѣлы. Венозныя пазухи, сосуды твердой, мягкой мозговыхъ оболочекъ, ткани мозга, мозжечка и продолговатаго мозга переполнены кровью; мягкая мозговая оболочка отечна и въ мозговыхъ желудочкахъ находится изліяніе серозной жидкости.

II. Органы шеи.

Гортань, дыхательное горло, глотка и начало пищепріемника ничего ненормальнаго не представляютъ.

III. Грудная полость.

По вскрытіи грудной клѣтки найдено, что кости послѣдней цѣлы, въ обоихъ отдѣлахъ грудной полости находится значительное изліяніе кровянисто-серозной жидкости; легкія цвѣта темно-мраморнаго, ткань ихъ умѣренно налита кровью и отечна; въ полости около-сердечной сорочки находится значительное изліяніе кровянисто-серозной жидкости. Сердце не увеличено въ объемѣ, желудочки его не сокращены и въ полостяхъ ихъ находится темная жидкая кровь и только мѣстами между перекладинами попадаются небольшіе кровяные черные сгустки величиною въ горошинку; клапаны сердца и заслонки нормальны.

IV. Брюшная полость.

Что касается органовъ, въ брюшной полости помѣщающихся, то при изслѣдованіи ихъ найдено, что стѣнки желудка не представляютъ видимыхъ уклоненій отъ нормы и въ полости его нѣтъ

ничего, кромѣ желтоватаго (прозрачнаго) свертка волокнины (фибрина) величиною въ дѣтскій кулачекъ, помѣщающагся на слизистой оболочкѣ у перехода въ 12-ти перстную кишку. По отдѣленіи этого фибринознаго свертка подъ нимъ была открыта язвенная поверхность слизистой оболочки, покрытая мелкими кровяными свертками; величина язвенной поверхности въ дѣтскую ладонь, формы почти круглой, не проникающая во всю толщу; остальныя части слизистой оболочки желудка не представляютъ уклоненія отъ нормы. Брыжжечныя желѣзы значительно увеличены съ кровоизліяніями въ ткань, нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ величины орѣха. У перехода тонкихъ кишекъ въ слѣпую поверхность кишекъ въ разныхъ мѣстахъ представляется темно-фіолетоваго цвѣта; при отдѣленіи такихъ частей и разрѣзѣ кишки опредѣляется, что эти темныя мѣста суть язвы тифознаго происхожденія съ неровною поверхностію, покрытою гноевидной слизью; величина ихъ различна, отъ серебрянаго пятачка до мѣднаго пятака (у слѣпой кишки); въ кишкахъ свойственное имъ содержимое. Печень умѣренно налита кровью и желчный пузырь наполненъ желчью; селезенка увеличена около $2^1/_2$ разъ, дольчата. Почки не представляютъ видимыхъ уклоненій отъ нормы; въ мочевомъ пузырѣ небольшое количество свѣтлой мочи. (Подписи врача Красса, врачей, пом. пристава и понятыхъ).

Заключеніе: изъ всего вышеописаннаго при наружномъ и внутреннемъ изслѣдованіяхъ, а именно изъ переполненія кровью сосудовъ, оболочекъ и мозга, изліянія серозной жидкости въ мозговые желудочки; изъ изліянія кровянисто-серозной жидкости въ грудную полость и околосердечную сорочку заключить должно, что смерть Максименко послѣдовала отъ изліянія кровянисто-серозной жидкости въ грудную и сердечную полости. Принимая же во вниманіе вышеописанныя явленія со стороны кишекъ, брыжжечныхъ железъ и желудка, а также и предварительныя свѣдѣнія, добытыя у пользовавшаго Максименко врача, нѣтъ научныхъ данныхъ отрицать, что тифозныя пораженія, найденныя нами при вскрытіи, могли вызвать ослабленіе дѣятельности сердца, окончившееся параличемъ послѣдняго и вызвавшаго тѣмъ вышеописанныя явленія со стороны мозга, легкихъ и сердца.

Подписали: врачъ тюремной больницы Красса, врачи Моргулисъ и Лешкевичъ.

Протоколъ судебно-медицинскаго изслѣдованія трупа пот. поч. гражд. Н. Ѳ. Максименко (№ 2).

1888 г. октября 21-го д., вскрытый мною вслѣдствіе отношенія г-на Пристава 2 участка гор. Ростова на Дону отъ 20-го октября сего года за № 13395 въ присутствіи врачей О. Я. г-на Моргулиса и В. Г. г-на Лешкевича, г-на помощника пристава и понятыхъ крестьянъ Ивана Кожухова и Максима Самсонова трупъ пот. поч. гражд. Н. Ѳ. Максименко былъ зашитъ, но по предложенію г. пристава 2 уч., согласно отношенію г. товарища прокурора отъ 21 же сего октября за № 1070, въ присутствіи гг. пристава и помощника, врача П. Г. Португалова и тѣхъ же понятыхъ, швы брюшной полости были удалены, при чемъ вырѣзанный желудокъ положенъ въ банку и обозначенъ № 1; содержимое тонкихъ и толстыхъ кишекъ помѣщено было во вторую банку, обозначенную № 2, а часть тонкихъ и толстыхъ кишекъ въ третью съ обозначеніемъ № 3; въ четвертой банкѣ подъ № 4 помѣщены были часть печени и селезенки. Банки, вмѣщающія вышеозначенныя части органовъ и жидкостей, были долиты спиртомъ, обвязаны плотно пузыремъ и содержимое ихъ надписано. На концѣ нитокъ были положены печати полиціи и переданы г. приставу для дальнѣйшихъ распоряженій. Содержимое желудка не было помѣщено, такъ какъ при вскрытіи желудокъ былъ пустъ, что видно изъ протокола судебно-медицинскаго изслѣдованія трупа Максименко. Врачъ тюремной больницы М. Красса. Присутствовали: П. Г. Португаловъ, приставъ 2 уч. г. Ростова кол. ас. Пушкаревъ, пом. прист. 2 уч. И. Англиченковъ, понятые: крестьяне Ив. Кожуховъ и Макс. Самсоновъ.

Протоколъ открытія могилы и вскрытія трупа (№ 3).

1889 г. марта 14, и. д. Суд. Слѣд. 2 уч. г. Ростова Любимовъ составилъ настоящій протоколъ о слѣдующемъ: сего числа Слѣдователь, прибывъ на Ростовское городское кладбище, произво-

дилъ чрезъ Нахичеванскаго городскаго врача Кечекьяна вторичное вскрытіе трупа Н. Максименко и вынутіе изъ него внутренностей, для химическаго изслѣдованія, въ присутствіи понятыхъ, ниже поименованныхъ. На кладбище, для указанія мѣста, гдѣ былъ погребенъ 21 октября 1888 г. Н. М—ко и для установленія тождественности трупа М—ко, явились приглашенные: тюремный врачъ Красса, производившій первоначальное вскрытіе трупа М—ко 21 октября, родственникъ М—ко, купецъ Егоръ Дубровинъ, Пом. Прист. Англиченковъ, служащій въ конторѣ Дубровиныхъ Леонтьевъ, кромѣ того, приглашены для указанія, гдѣ похороненъ М—ко, смотритель городскаго кладбища Андреевъ и сторожа кладбища Гр. Щербаковъ, Ив. Щербаковъ и Ив. Шатуринъ. Прибылъ также для присутствованія при вскрытіи тов. прок. Шмидтъ. Осмотромъ мѣста погребенія Максименко, указаннаго вышеуказанными лицами, установлено слѣдующее: мѣсто это—склепъ, находящійся вблизи кладбищенской церкви; ходъ въ этотъ склепъ закрывается желѣзной крышкой, состоящей изъ двухъ половинъ, запирающейся висячимъ замкомъ (ключъ отъ котораго находится у Слѣдователя, взявшаго его 13 марта); при поднятіи этой крышки оказывается лѣстница кирпичная, ведущая внизъ 12-ю ступеньками; на концѣ лѣстницы имѣется дверь желѣзная, рѣшетчатая, тоже запертая висячимъ замкомъ, ключъ отъ котораго также находился у Слѣдователя съ 13 марта; за дверью этой устроенъ склепъ семейный, судя по четыремъ находящимся въ немъ отдѣльнымъ склепамъ; склепъ вышины 3 арш. 5 вершковъ, длины 6 аршинъ 9 вершковъ, ширины 7 аршинъ, оштукатуренъ видимо недавно; съ потолка склепа штукатурка отъ сырости отвалилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, полъ асфальтовый; на полу наваленъ мусоръ, состоящій изъ извести и кирпичей; на потолкѣ сквозное отверстіе величиною въ 6 вершковъ; налѣво отъ входа въ склепъ положенъ, по словамъ Дубровина, и задѣланъ гробъ родственницы Дубровиныхъ, умершей лѣтъ 6 назадъ; гробъ этотъ заложенъ кирпичами и оштукатуренъ со всѣхъ сторонъ весьма прочно, представляя видъ четыреугольника длиною 3 арш. 3 верш., ширины $1^1/_2$ аршина, вышиною 1 аршинъ; прямо противъ двери у задней стѣны два склепа такого же вида, какъ описанный; на меньшемъ склепѣ на мраморной

доскѣ надпись, изъ которой видно, что здѣсь похороненъ Федулъ Федоровъ Дубровинъ; направо отъ входа въ общій склепъ, также у стѣны, имѣется четвертый склепъ такой-же формы и вида, вышиною въ 1 арш. 5½ вершковъ, какъ и лѣвый склепъ. Штукатурка на этомъ склепѣ известковая, на ощупь сухая, какъ и на всѣхъ другихъ склепахъ, стѣны общаго склепа также оштукатурены и видимо оштукатуреніе было одновременное и недавнее. Слѣдователь предложилъ Егору Дубровину, Леонтьеву, Андрееву, Шатурину и Щербаковымъ указать, гдѣ похороненъ Н. М—ко, и они всѣ единогласно указали мѣсто погребенія М—ко въ правомъ отъ входа склепѣ. Послѣ этого указанія на мѣсто погребенія М—ко было приступлено къ разломкѣ этого склепа. Сверху склепа сняты кирпичи, лежащіе плашмя. Когда сняли эти кирпичи, то открылись три доски толстыя, которыя положены вдоль склепа довольно плотно одна къ другой. По снятіи досокъ открылся гробъ; на крышкѣ гроба положенъ сдѣланный изъ искусственныхъ цвѣтовъ крестъ во всю длину гроба; на срединѣ крышки гроба въ одномъ мѣстѣ прилипла известь, кусками засохшая; крышка гроба прибита гвоздями, наружная стѣна склепа въ одинъ кирпичъ. Затѣмъ гробъ вынутъ былъ изъ склепа наружу и поставленъ на площадкѣ, на удобномъ для вскрытія мѣстѣ. Гробъ оказался деревянный, обитый глазетовой парчей; крышка плотно прибита двумя гвоздями у ногъ и у головы. По открытіи крышки гроба, оказалось, что трупъ, находящійся въ этомъ гробѣ, покрытъ кисеей, руки соединены на груди и въ нихъ вложенъ деревянный крестъ; лице и руки покрыты плѣсенью, какъ-бы ватой; одежда на трупѣ—черный сюртукъ, брюки, туфли и бѣлая крахмальная сорочка застегнуты и вообще видна неприкосновенность трупа. На вопросы Судебнаго Слѣдователя врачу Крассѣ, пом. прист. Англиченкову, Леонтьеву и Ег. Дубровину о тождественности трупа Н. М—ко, они всѣ отвѣтили, что предъявленный имъ трупъ есть трупъ Н. М—ко, какъ они узнаютъ по чертамъ лица и одеждѣ. Приступлено было, затѣмъ, къ вскрытію. По раскрытіи одежды—сюртука, сорочки, штановъ и подштанниковъ, швы на груди и животѣ оказались цѣлы. Наружные покровы трупа лица, кистей рукъ цѣлы, грязно-сѣраго цвѣта. Разрѣзана грудная и брюшная полости. Легкія

находятся въ состояніи гнилостнаго разложенія, мягки, чернаго цвѣта. Вырѣзана часть праваго легкаго и положена въ предварительно вымытую банку, обозначенную № 1. Сердце цвѣта буро-краснаго, мышцы его довольно плотны, сосочки сглажены, мало замѣтны; сердце все вынуто изъ грудной полости и положено въ ту-же банку № 1. Печень темно-зеленаго цвѣта, какъ на поверхности, такъ и въ разрѣзѣ, консистенціи мягкой; вся печень, имѣющаяся въ трупѣ, взята и положена въ банку, обозначенную № 3. Селезенка зеленовато-чернаго цвѣта, дрябла, легко разрывается; вся она взята и положена въ банку № 3. Почки довольно хорошо сохранились; ткань упруга, величина нормальна, цвѣта снаружи бураго, въ разрѣзѣ сплошного темно-краснаго цвѣта; капсула легко отдѣляется—правая почка взята и положена въ ту-же банку № 3. Кишки скомканы, цвѣтъ ихъ темно-розовый, вообще хорошо сохранились, гнилостнаго разложенія нѣтъ. Изъ тонкихъ кишекъ взята вмѣстѣ съ содержимымъ часть въ $1^1/_4$ арш. длины и изъ толстыхъ кишекъ вся нисходящая часть до прямой кишки вмѣстѣ съ содержимымъ и положены въ банку, обозначенную № 2, причемъ мѣста разрѣза толстой кишки перевязаны ниткой, съ цѣлію не смѣшать ихъ содержимое съ содержимымъ тонкихъ кишекъ. Врачи Кечекьянъ и Красса заявляютъ Суд. Слѣд., что части взятыхъ внутренностей должны быть залиты спиртомъ, для избѣжанія дальнѣйшаго разложенія и развитія гнилостныхъ газовъ, послѣдствіемъ чего можетъ быть разрывъ или банки или пузыря, которымъ будетъ обвязана банка. Сдѣлано распоряженіе Слѣдователемъ купить въ аптекѣ по рецепту тѣхъ же врачей $1^1/_2$ ф. спирта. Отпущеннымъ изъ аптеки Левинсона по рецепту № 990 спиртомъ залиты вышеописанныя банки съ внутренностями, обвязаны пузыремъ и сверху его вощеной бумагой, при чемъ на концы нитокъ приложена бумага съ наложеніемъ на нее, за невзятіемъ врачемъ своей печати, одной сургучной печати Суд. Слѣд. Таганр. Ок. Суда; на банкахъ сдѣлана надпись названія частей внутренностей; банки поставлены въ жестянку и засыпаны плотно свѣжими сухими опилками. Крышка жестянки плотно закрываетъ банки и имѣетъ быть сейчасъ-же запаяна въ мастерской жестяныхъ дѣлъ, о чемъ будетъ составленъ особый протоколъ. Жестянка съ внутренностями взята самимъ Суд. Слѣд.

Актъ 1-го химическаго изслѣдованія.

1888 г. октября 31-го дня, полученъ въ Областной Аптекѣ изъ Областнаго Врачебнаго Отдѣл. при представленіи за № 4825 ящикъ съ внутренностями Пот. Поч. Гражд. Н. Максименко, представленный при рапортѣ Пристава 2-го уч. г. Ростова на Дону за № 13395, для химическаго ислѣдованія. Изслѣдованіе было произведено въ Областной Аптекѣ въ присутствіи членовъ Врачебнаго Отдѣленія; при наружномъ осмотрѣ деревяннаго ящика, который былъ завернутъ въ бумагу и перевязанъ на крестъ веревкой, по вскрытіи ящика въ немъ оказалось 4 стеклянныхъ банки, завернутыхъ въ различныя бумаги; всѣ 4 банки были завязаны снизу пузыремъ, а сверху бѣлой бумагой; концы завязокъ на всѣхъ 4 банкахъ были опечатаны печатью О. В. Д. Пристава 2 уч. г. Ростова на Дону, печати оказались всѣ въ цѣлости. По вскрытіи банокъ оказалось: подъ № 1 желудокъ, при взвѣшиваніи оказалось всего 9 унцій и 2 драхмы; для химическаго изслѣдованія взято $4^1/_2$ унца; въ банкѣ подъ № 2 содержимое тонкихъ и толстыхъ кишекъ, при взвѣшиваніи оказалось 7 драхмъ, для химическаго изслѣдованія взято 3 драхмы; въ банкѣ подъ № 3 тонкія и толстыя кишки, при взвѣшиваніи оказалось всего 7 унцевъ и 6 драхмъ, для химическаго изслѣдованія взято $3^1/_2$ унца; въ банкѣ подъ № 4 печень и селезенка, при взвѣшиваніи оказалось всего 5 унцевъ и 6 драхмъ, для химическаго изслѣдованія взято $2^1/_2$ унца; всѣ вышеупомянутыя внутренности были залиты спиртомъ. Химическое изслѣдованіе вышеупомянутыхъ внутренностей пот. поч. гражд. Н. Максименко было произведено въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ, на органическіе и неорганическіе яды, по способу, указанному въ наставленіи для судебно-химическаго изслѣдованія ядовъ профессора Ю. Н. Траппъ. При химическомъ изслѣдованіи вышеупомянутыхъ внутренностей на органическіе яды таковыхъ не открыто. При химическомъ изслѣдованіи тѣхъ-же внутренностей на неорганическіе яды, открытъ въ значительномъ количествѣ сильнодѣйствующій минеральный ядъ мышьякъ. Заключеніе: При химическомъ изслѣдованіи вышеупомянутыхъ внутренностей пот. поч.

гражд. Н. Максименко на органическіе яды таковыхъ не открыто; при химическомъ изслѣдованіи тѣхъ же внутренностей на неорганическіе яды, открытъ сильнодѣйствующій минеральный ядъ мышьякъ въ значительномъ количествѣ, который былъ собранъ въ возстановительной трубочкѣ въ видѣ налета и прилагается при семъ актѣ, какъ вещественное доказательство. Фармацевтъ Врачебнаго отдѣленія Провизоръ *Роллеръ*, при изслѣдованіи присутствовалъ помощникъ Областнаго Врачебнаго Инспектора Петровскій.

Актъ 2-го химическаго изслѣдованія.

Вслѣдствіе предписанія Врачебнаго отдѣленія Областнаго Правленія, отъ 21 марта 1889 г. о вторичномъ химическомъ изслѣдованіи внутренностей Максименко, присланныхъ приставомъ 2 участка города Ростова на-Д. 31 окт. 1888 г., изслѣдованіе было произведено въ Областной аптекѣ, въ присутствіи членовъ Врач. Отдѣленія, при наружномъ осмотрѣ деревяннаго ящика, который забитъ гвоздями, перевязанъ на крестъ веревкой съ надписью: «№ 13395, внутренности Максименко изъ Ростова». По вскрытіи ящика, въ немъ оказались 4 стеклянныхъ банки, завернутыя въ бумагу, завязанныя снизу пузыремъ и сверху бумагой; сверху надписано: № 1 желудокъ, № 2 содержимое тонкихъ и толстыхъ кишекъ, № 3 тонкія и толстыя кишки, № 4 печень и селезенка. По вскрытіи банки № 1 и по взвѣшеніи желудка оказалось $4^1/_2$ унца; для вторичнаго химическаго изслѣдованія взято 2 унца, оставшаяся часть желудка была помѣщена обратно въ банку № 1, которая вновь завязана и опечатана. По вскрытіи банки № 2 и взвѣшеніи содержимаго тонкихъ и толстыхъ кишекъ оказалось 4 драхмы; для вторичнаго изслѣдованія взято 2 драхмы; остальная часть содержимаго тонкихъ и толстыхъ кишекъ помѣщена обратно въ банку № 2, которая завязана и опечатана. По вскрытіи банки № 3 и по взвѣшеніи тонкихъ и толстыхъ кишекъ, оказалось всего 4 унца; для вторичнаго изслѣдованія взято 2 унца, а остальное помѣщено въ банку № 3, которая опечатана. По вскрытіи банки № 4 и взвѣшеніи частей

печени и селезенки, оказалось всего 3 унца; взято полтора унца, а остальное уложено въ банку № 4.

По предварительномъ осмотрѣ посуды и по испытаніи необходимыхъ для изслѣдованія реагентовъ и убѣдившись въ ихъ химической чистотѣ, приступлено было ко вторичному химическому изслѣдованію половинной части оставшейся половины внутренностей Максименко, т. е. 1/4 органовъ первой высылки, на минеральные яды въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ, а именно желудка изъ банки № 1, содержимаго изъ тонкихъ и толстыхъ кишекъ изъ банки № 2, тонкія и толстыя кишки изъ банки № 3, какъ органы, въ которые чрезъ желудокъ поступаетъ принимаемый ядъ, были изслѣдованы вмѣстѣ; печень и селезенка изъ банки № 4, какъ органы, въ которые ядъ поступаетъ уже чрезъ кровь, были также вмѣстѣ изслѣдованы. Количественный и качественный анализъ вышеупомянутыхъ органовъ былъ произведенъ по способу, указанному для изслѣдованія ядовъ профессоромъ Траппъ. Затѣмъ приступлено къ химическому изслѣдованію желудка, содержимаго и кишекъ изъ банокъ № 1, 2, 3, которыхъ отвѣшено 4 унца и 2 драхмы; все помѣщено въ колбу, въ которую налито столько чистой солян. кислоты и перегнан. воды, чтобы образовалась жидкая масса; къ массѣ прибавлено чистое хлорновато-кислое кали; все смѣшано и колба поставлена въ водяную баню. Нагрѣваніе бани и колбы съ содержимымъ, прибавляя къ кислой жидкости, по временамъ, чистое хлорновато-кислое кали, продолжался до тѣхъ поръ, пока масса сдѣлалась почти безцвѣтной. Затѣмъ жидкость горячая процѣжена сквозь чистую тонкую бѣлую пропускную бумагу и остатокъ на цѣдилкѣ промытъ кипячею водою. Профильтрованная, прозрачная жидкость поставлена въ водяную баню для окончательнаго удаленія хлора и избытка соляной кислоты. Затѣмъ приступлено ко 2-му отдѣлу операціи, т. е. къ осаженію металла въ видѣ сѣрнистаго соединенія. Прозрачная кислая жидкость, изъ которой хлоръ и избытокъ соляной кислоты удалены нагрѣваніемъ, влита была въ колбу, а послѣдняя поставлена въ чашку съ водою такъ, чтобы послѣдняя въ продолженіе операціи могла быть нагрѣваема. Затѣмъ сквозь кислую жидкость пропускалась медленная и продолжительная струя промытаго сѣроводороднаго газа. Жидкость по временамъ нагрѣваема

была въ водяной банѣ до 60 и 70% Ц. и снова насыщаема сѣроводороднымъ газомъ. Насыщеніе кислой жидкости промытымъ сѣроводороднымъ газомъ продолжалось 4 сутокъ. Жидкость, насыщенная сѣроводороднымъ газомъ, поставлена была въ закупоренной колбѣ въ тепломъ мѣстѣ для совершеннаго осажденія сѣрнистаго металла. По истеченіи сутокъ, когда осадокъ сѣрнистаго металла съ сѣрою совершенно осѣлъ, прозрачная кислая жидкость осторожно слита была съ осадка и послѣдній собранъ на небольшой цѣдилкѣ изъ шведской бумаги; осадокъ на цѣдилкѣ промывался смѣсью, состоявшей изъ равныхъ частей раствора сѣроводороднаго газа и чистой воды.

Затѣмъ приступлено къ очищенію осадка, полученнаго отъ сѣроводорода, и взвѣшиванію части сѣрнистаго мышьяка. Въ осадкѣ, полученномъ отъ дѣйствія сѣроводорода въ кислой жидкости получился мышьякъ, въ видѣ сѣрнистаго мышьяка, затѣмъ сѣра и органическія вещества; чтобы очистить сѣрнистый мышьякъ отъ этихъ примѣсей, полученный промытый сѣрнистый осадокъ вмѣстѣ съ цѣдилкой высушенъ въ фарфоровой чашкѣ въ водяной банѣ, затѣмъ, прибавлено столько чистой, дымящейся азотной кислоты, сколько понадобилось для смачиванія цѣдилки съ осадкомъ, и содержимое чашки выпарено въ водяной банѣ до суха; къ сухому остатку прибавлена была крѣпкая, предварительно нагрѣтая, сѣрная кислота; чашка нагрѣвалась сперва въ водяной банѣ, потомъ въ песчаной банѣ до тѣхъ поръ, пока взятая проба полученнаго сухаго чернаго остатка перестала давать съ водою по процѣживаніи бурую и не прозрачную, а стала давать безцвѣтную прозрачную жидкость. Послѣ этого черная масса обработана была разведенною соляною кислотою. При нагрѣваніи въ водяной банѣ, жидкость процѣжена, а остатокъ на цѣдилкѣ промытъ водою, подкисленною соляною кислотою. Въ полученной жидкости заключался мышьякъ въ видѣ мышьяковистой кислоты. Мышьяковистая кислота превращена была опять въ мышьякъ посредствомъ сѣроводорода продолжительнымъ дѣйствіемъ послѣдняго, при нагрѣваніи жидкости. Полученный осадокъ сѣрнистаго мышьяка собранъ былъ на цѣдилкѣ, промытъ водою и растворенъ въ аммiакѣ для отдѣленія сѣрнистаго мышьяка отъ сѣры. Получивъ такимъ способомъ растворъ чистаго сѣрнаго мы-

шьяка въ аммоніи, половинная часть этого раствора была выпарена въ водяной банѣ до суха въ часовомъ стеклышкѣ, предварительно взвѣшенномъ, а другая половина раствора сѣрнистаго мышьяка въ аммоніи была оставлена для приготовленія изъ него жидкости для испытанія въ приборѣ Марша. При взвѣшиваніи сѣрнистаго мышьяка, высушеннаго на часовомъ стеклышкѣ, скинувъ вѣсъ стеклышка, оказалось чистаго вѣсу добытаго сѣрнистаго мышьяка 0,012 граммъ, а съ оставленной половиной для приготовленія жидкости для испытанія въ приборѣ Марша, добыто всего 0,023 грамма, что составляетъ $^1/_4$ часть добытаго сѣрнистаго мышьяка изъ органовъ въ банкѣ подъ № 1, 2 и 3 первой высылки. При вычисленіи, т. е. при переводѣ вышеозначеннаго количества сѣрнистаго мышьяка на вѣсъ мышьяковистой кислоты, что 0,024 грамма сѣрнистаго мышьяка соотвѣтствуетъ 0,019 грамма мышьяковистой кислоты, а при переводѣ на медицинскій вѣсъ 0,019 грамма = $^1/_3$ грана мышьяковистой кислоты. Полученный сѣрнистый мышьякъ на часовомъ стеклышкѣ былъ накрытъ другимъ такимъ стекломъ, края которыхъ были заклеены бумагой, и обозначено: «сѣрнистый мышьякъ, добытый изъ внутренностей изъ банокъ подъ № 1, 2, 3». Половинная часть раствора сѣрнистаго мышьяка въ аммоніи, оставленная для приготовленія жидкости для испытанія въ приборѣ Марша, была выпарена въ фарфоровой чашкѣ на водяной банѣ до-суха; послѣ къ сухому остатку прибавлена смѣсь, состоящая изъ 3-хъ частей азотно-кислаго натра и 1 части чистаго безводнаго углекислаго натра; все это было растерто посредствомъ небольшаго пестика, при чемъ сѣрнистый мышьякъ смѣшивался съ азотно-кислымъ и углекислымъ натромъ. Полученная такимъ образомъ смѣсь была всыпана въ фарфоровый тигель, затѣмъ смѣсь сѣрнистаго мышьяка съ азотно-кислымъ и углекислымъ натромъ была совершенно высушена въ тиглѣ и постепенно нагрѣваема на лампѣ до плавленія массы. При разложеніи сѣрнистаго мышьяка посредствомъ смѣси съ азотно-кислымъ и углекислымъ натромъ произошло окисленіе самого металла, а также сѣры и образованіе мышьяковистаго натра. Но такъ какъ для разложенія сѣрнистаго мышьяка всегда берется избытокъ смѣси азотно-кислаго съ углекислымъ натромъ, то разумѣется, что послѣ разложенія въ сила-

вленной массѣ всегда заключается не разложившійся азотнокислый и азотисто-кислый натръ, которые непремѣнно должны быть разложены и удалены посредствомъ сѣрной кислоты. Къ полуостывшей бѣлой массѣ прибавлена была чистая крѣпкая сѣрная кислота при слабомъ нагрѣваніи тигля до тѣхъ поръ, пока перестали выдѣляться краснобурые пары азотноватой кислоты и пока начали образовываться густые бѣлые пары сѣрной кислоты. Этимъ доказано совершенное разложеніе азотно-кислаго натра и превращеніе его въ дву-сѣрно-кислый натръ. Остывшая бѣлая кристаллическая масса въ томъ же тиглѣ кипятилась съ водою для удаленія азотноватой кислоты, не вполнѣ устраненной кипяченіемъ массы съ водою. Затѣмъ растворъ мышьяковисто-кислаго натра (т. е. растворъ полученной соляной массы) былъ профильтрованъ для изслѣдованія въ приборѣ Марша.

Устроивъ приборъ Марша, прежде всего приступлено было къ испытанію тѣхъ веществъ, которыя служатъ для добыванія водороднаго газа, т. е. цинка и сѣрной кислоты, съ цѣлью полнаго убѣжденія въ чистотѣ ихъ и, убѣдившись въ совершенной ихъ чистотѣ, приступлено было къ испытанію жидкости (раствора сплава) въ приборѣ Марша. Испытуемая жидкость была вливаема небольшимъ количествомъ въ приборъ Марша при постоянномъ накаливаніи возстановительной трубки, при чемъ въ скоромъ времени началъ образовываться зеркальный налетъ возстановленнаго мышьяка въ значительномъ количествѣ. Сверхъ того во время выдѣленія газа къ зажженному концу возстановительной трубки поднесены были въ горизонтальномъ положеніи фарфоровыя пластинки съ цѣлью полученія пятенъ на фарфорѣ, которыя при тщательномъ изслѣдованіи послужили намъ доказательствомъ, что полученный зеркальный налетъ въ возстановительной трубкѣ дѣйствительно мышьякъ. Трубка съ полученнымъ зеркальнымъ налетомъ возстановленнаго мышьяка была запаяна съ обоихъ концовъ на спиртовой лампѣ и обозначено: «налетъ возстановленнаго мышьяка, добытый изъ внутренностей въ банкахъ подъ № 1, 2 и 3». Химическое изслѣдованіе внутренностей Максименко изъ банки № 4, которыхъ по вѣсу взята была половинная часть оставшейся половины послѣ перваго изслѣдованія, т. е. $^1/_4$ часть присланныхъ въ первый разъ органовъ, были тѣмъ

же способомъ и въ томъ же порядкѣ изслѣдованы, какъ внутренности изъ банокъ № 1, 2 и 3.

Получивъ растворъ чистаго сѣрнистаго мышьяка въ аммоніи, добытый изъ внутренностей изъ банки № 4 по выпариваніи его въ часовомъ стеклышкѣ до суха для опредѣленія вѣса сѣрнистаго мышьяка, при взвѣшиваніи его, скинувъ вѣсъ стекла, оказалось 0,007 грамъ сѣрнистаго мышьяка; при вычисленіи, т. е. при переводѣ вышеозначеннаго количества сѣрнистаго мышьяка на вѣсъ мышьяковистой кислоты, оказалось что 0,007 грамъ сѣрнистаго мышьяка, соотвѣтствуетъ 0,005 грамъ мышьяковистой кислоты, а при переводѣ на медицинскій вѣсъ = $^1/_{12}$ грана мышьяковистой кислоты. Полученный сѣрнистый мышьякъ на часовомъ стеклышкѣ накрытъ другимъ стеклышкомъ, края ихъ заклеены бумагой и обозначено: сѣрнистый мышьякъ, добытый изъ внутренностей въ банкѣ № 4.

Заключеніе. Въ вышепомянутыхъ частяхъ внутренностей Максименко *первой высылки* при количественномъ и качественномъ анализѣ ихъ въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ открытъ въ значительномъ количествѣ сильнодѣйствующій минеральный ядъ— мышьякъ, а именно: изъ банокъ № 1, 2 и 3 добыто 0,024 грамма сѣрнистаго мышьяка, что соотвѣтствуетъ $^1/_3$ грана мышьяковистой кислоты; изъ банки № 4 добыто 0,007 граммъ сѣрнистаго мышьяка, что соотвѣтствуетъ $^1/_{12}$ грана мышьяковистой кислоты, такъ что изъ $^1/_4$ части органовъ Максименко, взятыхъ изъ банокъ № 1, 2, 3 и 4 добыто всего 0,031 грамма сѣрнистаго мышьяка, который соотвѣтствуетъ 0,024 грамма мышьяковистой кислоты; при переводѣ на медицинскій вѣсъ $^5/_{12}$ гранъ мышьяковистой кислоты, а если принять во вниманіе все количество присланныхъ органовъ первой высылки въ банкахъ подъ № 1, 2, 3 и 4, остальныя $^3/_4$ части, то все количество въ этихъ органахъ равняется 1,66 грамма мышьяковистой кислоты. Сѣрнистый мышьякъ на часовомъ стеклышкѣ, добытый изъ желудка, содержимаго тонкихъ и толстыхъ кишекъ, изъ тонкихъ и толстыхъ кишекъ въ банкѣ № 1, 2 и 3 и сѣрнистаго мышьяка, добытаго изъ части печени и селезенки банки № 4, а также стеклянная трубочка съ налетомъ возстановленнаго мышьяка, добытаго изъ внутренностей въ банкахъ № 1, 2 и 3, прилагаются

при семъ актѣ, какъ вещественное доказательство.—Фармацевтъ Врач. Отд. провизоръ *Ф. Роллеръ*. Управляющій областн. аптекою Тобинъ. При изслѣдованіи присутствовалъ ст. врачъ Войск. Шт. Нубыковъ.

Актъ 3-го химическаго изслѣдованія.

1889 г. марта 21 полученъ въ Областной аптекѣ изъ Областнаго Врачебнаго Отдѣленія, при предписаніи за № 1576, ящикъ съ внутренностями, взятыми при второмъ вскрытіи трупа пот. ноч. гражд. Николая Максименко, присланными при отношеніи Суд. Слѣд. Таганрогскаго Окружнаго Суда 2 уч. г. Ростова на-Дону за № 501, для химическаго изслѣдованія. Изслѣдованіе было произведено въ Областной аптекѣ въ присутствіи членовъ Врачебнаго Отдѣленія. При наружномъ осмотрѣ деревяннаго ящика, который былъ обшитъ холстомъ, перевязанъ накрестъ веревкой, конецъ который опечатанъ печатью Судеб. Слѣд. Таганрог. Окруж. Суда 2 уч. г. Ростова на Д., печать оказалась въ цѣлости, на ящикѣ надпись: «верхъ, осторожно, въ Областное Врачебное Отдѣленіе въ Новочеркасскъ къ № 501. Судеб. Слѣд. 2 уч. г. Ростова на Д.». По вскрытіи деревяннаго ящика въ немъ оказался жестяной ящикъ, запаянный со всѣхъ сторонъ на глухо; по вскрытіи жестянаго ящика, въ немъ оказались три стеклянныя банки, обложенныя опилками; всѣ три банки обвязаны снизу пузыремъ, а сверху пергаментомъ; концы завязокъ опечатаны печатью Суд. Слѣд. Таганрог. Окружн. Суда 2 уч. г. Ростова на Д.; печати оказались на всѣхъ трехъ банкахъ въ цѣлости, на оборотѣ печатей надпись: «органы Максименко», на завязкахъ сверху и на ярлыкахъ, приклеенныхъ къ банкамъ, надписи: на банкѣ подъ № 1 «часть легкихъ и сердца», на банкѣ подъ № 2 «часть тонкихъ и толстыхъ кишекъ съ ихъ содержимымъ», на банкѣ подъ № 3 «печень, селезенка и правая почка»; всѣ эти внутренности были облиты спиртомъ. По вскрытіи банки подъ № 1 и по взвѣшиваніи частей легкаго и сердца, оказалось твердыхъ частей $1^1/_2$ фунта; для химическаго изслѣдованія взято было 9 унцевъ; при взвѣшиваніи жидкости, оказалось таковой 7 унцевъ; для химическаго изслѣдованія взято было $3^1/_2$ унца, остальныя части

легкаго и сердца съ жидкостью были помѣщены обратно въ ту же банку подъ № 1, завязаны, вновь опечатаны. По вскрытіи банки подъ № 2 и по взвѣшиваніи тонкихъ и толстыхъ кишекъ съ ихъ содержимымъ, оказалось твердыхъ частей 8 унцевъ; для химическаго изслѣдованія взято было 4 унца, при чемъ тонкія и толстыя кишки, находившіяся въ вышеупомянутой банкѣ подъ № 2, оказались не вскрытыми; по вскрытіи взятой части кишекъ, таковыя оказались хорошо сохранившимися; при взвѣшиваніи жидкости изъ той-же банки подъ № 2, оказалось таковой 6 унц.; для химическаго изслѣдованія взято было 3 унца; остальныя части кишекъ и жидкости были помѣщены обратно въ ту же банку подъ № 2, завязаны и вновь опечатаны. По вскрытіи банки подъ № 3 и по взвѣшиваніи печени, селезенки и правой почки, оказалось твердыхъ частей 2 ф. 7 унц.; для химическаго изслѣдованія взято было 1 ф. 3 ун.; при взвѣшиваніи жидкости, оказалось таковой $2^1/_2$ унца; для химическаго изслѣдованія взято было 1 унц., остальныя части селезенки и правой почки съ жидкостью были помѣщены обратно въ ту же банку подъ № 3, завязаны и вновь опечатаны. По предварительномъ осмотрѣ посуды и по испытаніи всѣхъ необходимыхъ для химическаго изслѣдованія реагентовъ, приступлено было къ химическому изслѣдованію вышеупомянутыхъ внутренностей пот. поч. гражд. Н. Максименко на минеральные яды, въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ, а именно: тонкія и толстыя кишки изъ банки подъ № 2, какъ органы, въ которые чрезъ желудокъ поступаетъ принятый ядъ, были изслѣдованы отдѣльно; легкія, сердце изъ банки подъ № 1 и части печени, селезенки и правой почки изъ банки подъ № 3, какъ органы, въ которые ядъ поступаетъ уже черезъ кровь, были также отдѣльно изслѣдованы. Количественный и качественный анализъ этихъ органовъ былъ произведенъ по способу, указанному въ наставленіи для судебно-химическаго изслѣдованія ядовъ профессора Ю. К. Траппъ.

(Слѣдуетъ описаніе послѣдовательнаго хода анализа—тождественное съ предыдущимъ актомъ).

Заключеніе: въ вышеупомянутыхъ частяхъ внутренностей пот. поч. гражд. Н. Максименко 2-ой присылки, при количественномъ и качественномъ анализѣ ихъ въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ,

открытъ въ весьма значительномъ количествѣ сильно дѣйствующій минеральный ядъ мышьякъ, а именно изъ внутренностей въ банкѣ подъ № 2 добыто 21 милиграммъ сѣрнистаго мышьяка, что соотвѣтствуетъ $^{1}/_{4}$ грана мышьяковистой кислоты; изъ внутренностей въ банкѣ подъ № 1 и № 3 добыто 92 милиграмма сѣрнистаго мышьяка, что соотвѣтствуетъ одному и $^{12}/_{100}$ (1,12) грана мышьяковистой кислоты, такъ что изъ половинной части органовъ Н. Максименко взятыхъ изъ банокъ подъ № 1, 2 и 3 открыто всего 1 гранъ и $^{37}/_{100}$ грана (1,37 гр.) мышьяковистой кислоты, и если принять во вниманіе оставшуюся не изслѣдованною половину органовъ 2-й присылки въ банкахъ подъ № 1, 2 и 3, то все количество присланныхъ органовъ содержитъ два и $^{74}/_{100}$ (2,74) грана мышьяковистой кислоты. Сѣрнистый мышьякъ на часовомъ стеклышкѣ, добытый изъ тонкихъ и толстыхъ кишекъ въ банкѣ подъ № 2, и сѣрнистый мышьякъ, добытый изъ части легкаго, сердца, печени, селезенки и правой почки, въ банкахъ подъ № 1 и № 3, а также стеклянныя трубочки съ зеркальнымъ налетомъ мышьяка, добытаго изъ банки подъ № 2, и изъ банки подъ № 1 и № 3, прилагаются при семъ актѣ, какъ вещественное доказательство. Фармацевтъ врач. отд. провиз *Ф. Роллеръ*. Управ. област. апт. Тобинъ. При изслѣд. присутств. ст. врачъ войск. шт. Нубыковъ.

Показанія свидѣтелей.

Затѣмъ, по постановленію суда, прочитаны слѣдующіе, составленные на предварительномъ слѣдствіи, протоколы допроса свидѣтелей обвиненія, неявившихся въ судебное засѣданіе.

Португаловъ Платонъ Григорьевъ, врачъ. *(Протоколъ допроса 14-го декабря 1888 года).* Я пользовалъ Николая Максименко съ 3 октября по 18 октября отъ брюшного тифа, когда въ 3 часа пополудни, будучи у него, объявилъ ему, что въ дальнѣйшей моей помощи онъ больше не нуждается, такъ какъ можетъ считаться выздоровѣвшимъ и лишь долженъ заботиться о томъ, чтобы лично сохранять себя, избѣгая различныхъ погрѣшностей въ діэтѣ, въ движеніяхъ и въ отношеніи могущей быть

простуды. Въ это время, 18 октября, М—ко былъ веселъ и свободно ходилъ по комнатѣ, радовался своему выздоровленію и излагалъ разные планы относительно какой-то своей поѣздки, кажется, въ Екатеринославъ, на счетъ принятія парохода. Я оставлялъ пользовать М—ко на томъ основаніи, что онъ уже нѣсколько дней чувствовалъ себя здоровымъ. Когда, 3 октября, я былъ призванъ для пользованія М—ко, я нашелъ у него тифъ въ періодѣ высокаго развитія: у него была сильная розеолёзная высыпь, урчаніе въ слѣпой кишкѣ, увеличеніе печени и селезенки, высокое лихорадочное состояніе, доходившее до 40°/₀, кашель и разстройство желудочно-кишечныхъ путей. По состоянію періода болѣзни и по отвѣтамъ, получаемымъ изъ разспросовъ, я долженъ былъ заключить, что это было начало третьей недѣли тифознаго страданія, самое тяжелое вообще при теченіи тифовъ. Во все время своей болѣзни М—ко не терялъ сознанія, и болѣзнь шла довольно удовлетворительно. Числа около 10 октября температура тѣла М—ко пришла въ нормальное состояніе, но я не дозволялъ ему вставать еще съ постели въ теченіе трехъ или четырехъ дней. Когда же, 18 числа, я оставлялъ его, онъ уже дня три какъ расхаживалъ съ моего разрѣшенія по комнатѣ. Прощаясь 18 числа съ М—ко, я получилъ отъ него за лѣченіе гонораръ, который составлялъ всю плату за все время моихъ къ нему визитовъ. За все время лѣченія М—ко отношенія къ нему окружающихъ его мнѣ казались въ высшей степени странными; такъ, когда я былъ приглашенъ къ больному М—ко извѣстнымъ мнѣ раньше Рѣзниковымъ и констатировалъ у него тифъ, я рѣшилъ, въ виду серьезности болѣзни, сообщить объ этомъ его женѣ, о чемъ и сказалъ Рѣзникову; но этотъ послѣдній сталъ меня просить не тревожить ее, что мнѣ показалось удивительнымъ, ибо сама она довольно индиферентно смотрѣла на больного и должна же была она, какъ жена, какъ самый близкій человѣкъ, знать о серьезномъ положеніи своего мужа, котораго привезла больнымъ изъ Калача, какъ мнѣ говорила она сама. Такое мое странное положеніе длилось нѣсколько дней, до пріѣзда брата М—ко, которому наконецъ, какъ одному изъ близкихъ родственниковъ, я и объявилъ о серьезности имѣющейся болѣзни и предложилъ также разсказать о томъ женѣ М—ко. Братъ съ мнѣніемъ моимъ

согласился, и я въ его присутствіи разсказалъ женѣ, на которую дѣйствительно извѣстіе это не произвело такого ужаснаго впечатлѣнія, какого повидимому ожидалъ Рѣзниковъ, только одинъ и знавшій отъ меня болѣзнь до пріѣзда брата М—ко. Страннымъ мнѣ также казалось, что больной М—ко, повидимому главный хозяинъ въ домѣ, оставался большею частью одинокимъ, безъ особеннаго близкаго присмотра, тогда какъ не только мнѣ, но и каждому врачу и каждому человѣку изъ публики извѣстно, какого тщательнаго ухода требуетъ всегда всякій тифозный больной и какимъ на самомъ дѣлѣ безпрерывнымъ уходомъ такіе больные пользуются отъ окружающихъ. Невольно страннымъ и нѣсколько непонятнымъ въ то же время казалось, что жена больного находила возможнымъ проводить время за разговорами съ Рѣзниковымъ, за каковымъ разговоромъ мнѣ приходилось ихъ встрѣчать при моихъ визитахъ, тогда какъ больной тутъ же по сосѣдству предоставленъ былъ самому себѣ. Иногда я видѣлъ какую-то старуху, выходившую изъ одной изъ комнатъ, которую мнѣ какъ-то рекомендовали какъ тещу больного М—ко, но къ больному она видимо не касалась, такъ какъ я не встрѣчалъ ея возлѣ постели. Короче сказать, страннымъ мнѣ казалась вся обстановка дома, въ которомъ, какъ будто бы, какъ во всякомъ домѣ, долженъ быть хозяинъ, но этого хозяина на самомъ дѣлѣ и нѣтъ; я хочу сказать, что извѣстно каждому, т. е. когда мы находимъ больного хозяина дома въ постели, мы все же видимъ его главенство, его правящую руку въ его домѣ, здѣсь же, въ домѣ М—ко, я видѣлъ только какую-то пассивную роль его. Наоборотъ, Рѣзниковъ же здѣсь какъ бы всѣмъ распоряжался; я не могу сейчасъ припомнить всѣхъ мелочей всей окружающей обстановки и всѣхъ его, Рѣзникова, дѣйствій и поведенія, изъ которыхъ у меня составился такой взглядъ. Но впрочемъ, для характеристики, я могу припомнить хотя бы слѣдующій примѣръ: мнѣ не разъ приходилось задавать вопросы Александрѣ М—ко о наблюдавшихся явленіяхъ въ теченіе болѣзни ея мужа, и вотъ въ то время, когда она начинала мнѣ излагать, что̀ она замѣчала, Рѣзниковъ безцеремонно останавливалъ ее, говоря ей, что она не можетъ разсказать такъ, какъ слѣдуетъ, и разсказывалъ мнѣ самъ, она-же послушно уступала ему свои права, какъ близкаго

къ больному человѣка, предоставляла ему объясняться со мной на мои вопросы. Если принять во вниманіе, какое должно быть поведеніе прикащика въ присутствіи хозяйки дома и его госпожи, тогда станетъ ясно, почему образъ дѣйствій Рѣзникова я называю, такъ сказать, самостоятельнымъ въ домѣ, гдѣ онъ служитъ. *(На допросѣ 15 декабря 1888 года).* Для характеристики отношеній Алексанры М—ко къ своему мужу еще имѣю сказать слѣдующее: Александра М—ко, кромѣ того, что не ухаживала за больнымъ мужемъ, повидимому тяготилась тѣмъ временемъ, которое иногда удѣляла ему; такъ, напр., я припоминаю выраженную ею досаду по поводу пребыванія ея возлѣ больного, вотъ ея слова: «господи, хоть бы скорѣе умиралъ! а то вотъ уже пять дней сижу черезъ него здѣсь взаперти и погулять нельзя пойти!» Видя такія отношенія ея къ больному мужу, я позволилъ себѣ однажды прямо обратиться къ Рѣзникову съ вопросомъ, что за странныя такія отношенія между супругами М—ко, и онъ на это мнѣ отвѣчалъ, что больной М—ко совершенно не заслуживаетъ лучшаго къ нему отношенія его жены, такъ какъ онъ вообще ужасный скотина и негодяй въ обращеніи съ нею, между тѣмъ, какъ она въ высшей степени прелестная и милая личность, которой нуженъ былъ-бы совсѣмъ другой мужъ. На вопросъ слѣдователя, пользовалъ-ли я раньше мужа или жену М—ко и семейство Рѣзникова, я могу отвѣтить, что дѣйствительно въ семействѣ Рѣзниковыхъ я неоднократно пользовалъ мать Рѣзникова отъ болѣзни печени, а Аристарху Рѣзникову давалъ совѣты на счетъ болѣзни трипера, которымъ онъ страдалъ; я лѣчилъ отъ трипера Рѣзникова въ концѣ зимы 1888 г. Ник. М—ко я пользовалъ по приглашенію Аристарха Рѣзникова отъ какого-то, въ точности не помню, лихорадочнаго состоянія, тоже зимой прошлаго, кажется, года. Александру М—ко пользовалъ я отъ бѣлей заразнаго происхожденія — я былъ приглашенъ къ ней тѣмъже Рѣзниковымъ въ началѣ весны этого года, когда мужа ея въ Ростовѣ не было, какъ мнѣ говорилъ Рѣзниковъ, кажется; Рѣзниковъ говорилъ мнѣ тогда, что я, вѣроятно, нашелъ у Александры М—ко бѣли и что въ этомъ виноватъ негодяй мужъ ея, который страдаетъ хроническимъ трипером. Обращаюсь опять къ характеристикѣ отношеній окружающихъ къ больному М—ко. Меня

крайне поражало слѣдующее: въ то время какъ вездѣ у другихъ больныхъ мы видимъ сильное возбужденіе и безпокойство окружающихъ за больного,—здѣсь я видѣлъ положительно спокойное отношеніе къ больному М—ко; и меня просто коробили при этомъ вопросы, обращенные ко мнѣ Александрой М—ко и Рѣзниковымъ, которыхъ я только и видалъ около больного, а именно: «а что, докторъ, какъ вы думаете, умретъ онъ? вѣроятно онъ не выздоровѣетъ?» Я, какъ врачъ, утѣшалъ ихъ, что окончится болѣзнь вѣроятно благополучно, и теперь только могу припомнить, что мое утѣшеніе повидимому не производило того благопріятнаго дѣйствія, какого въ подобномъ случаѣ слѣдовало ожидать. И такъ я оставилъ Ник. М—ко 18 октября, около 3 часовъ дня, совершенно выздоровѣвшимъ. Но вечеромъ того же дня, часовъ около $8^1/_2$, я снова былъ приглашенъ Рѣзниковымъ къ Ник. М—ко, причемъ Рѣзниковъ на мой вопросъ, что съ М—ко, отвѣчалъ, что съ нимъ опять что-то сдѣлалось дурно. Когда я пріѣхалъ, я засталъ М—ко сидящимъ въ постели, облокотившись нѣсколько на столъ; онъ былъ блѣденъ, лицо носило испуганный видъ; каждыя пять секундъ онъ совершалъ рвотныя движенія въ стоявшій на полу мѣдный тазъ, причемъ рвота представляла тягучую прозрачную слизь; по временамъ на лицѣ его изображалось сильное страданіе, причемъ онъ жаловался на ужасныя боли желудка, на которомъ держалъ правую руку, потирая это мѣсто; въ особенности боли были сильныя при каждомъ рвотномъ позывѣ, такъ какъ при многихъ такихъ движеніяхъ рвать было не чемъ; пульсъ у больного былъ очень частый, напряженный и свыше 120 ударовъ въ минуту, сердце работало такъ энергично, что грудная стѣнка сильно вздымалась; все тѣло при этомъ было покрыто обильнымъ холоднымъ потомъ. На мой вопросъ, что это съ нимъ такое, почему это случилось, не объѣлся ли онъ чего, Ник. М—ко отвѣчалъ мнѣ, что онъ самъ не знаетъ, что съ нимъ случилось, что онъ ничего особеннаго не ѣлъ, что онъ былъ только у сосѣда, у которого выпилъ стаканъ чаю и съѣлъ маленькій кусочекъ хлѣба. На мои упреки ему, что онъ, какъ маленькій, не бережетъ себя, что онъ мнѣ обѣщалъ выполнять мои совѣты, данные ему на прощаньи сегодня, а между тѣмъ уже расхаживаетъ по разнымъ сосѣдямъ, онъ заявилъ мнѣ,

что сосѣди это квартиранты въ его домѣ, живущіе черезъ коридоръ. Во время этого и послѣдующаго разговора М—ко все умолялъ меня дать ему что нибудь такое изъ лекарствъ, что успокоило-бы его страшную боль въ желудкѣ. Я осторожно спросилъ его, не попалось ли чего сквернаго въ чаѣ; быть можетъ, прибавилъ я, отъ нелуженаго самовара; онъ, мучаясь отъ боли, прерываемой рвотою, отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ, и снова сталъ просить облегчить страданія. Не будучи въ состояніи найти связь между настоящимъ положеніемъ больного и предшествовавшей болѣзнью, брюшнымъ тифомъ, я рѣшилъ поступить такимъ образомъ: назначилъ больному касторовое масло на томъ основаніи, что видѣлъ, что въ организмъ его попало что-то вредное, для него непріятное, будь это пища или что либо другое, съ чѣмъ онъ справиться не можетъ и старается изъ себя выбросить, и такимъ образомъ я старался ему въ этомъ выбрасываніи помочь черезъ послабленіе его иа низъ; для того чтобы успокоить боль, я счелъ болѣе пригоднымъ въ данномъ случаѣ назначить ему амигдалинъ въ миндальной эмульсіи; затѣмъ я предположилъ, что болѣзнь въ дальнѣйшемъ выяснится и тогда можно будетъ видѣть, какъ дѣйствовать. Какъ вели себя въ это время Алекс. М-ко и Рѣзниковъ не знаю, такъ какъ все мое вниманіе было поглощено больнымъ. Но, когда я уходилъ изъ ихъ дома и меня сопровождали Алекс. М—ко и Рѣзниковъ, то замѣтилъ, что Алекс. М—ко была сильно взволнована—голосъ у нея дрожалъ, замѣтно было какая-то въ ней растерянность, чего прежде я никогда въ ней не замѣчалъ. Въ поведеніи Рѣзникова тоже я замѣтилъ бо́льшую суетливость, чѣмъ всегда; при выходѣ въ дверь вмѣстѣ со мной, онъ сказалъ Алекс. М—ко: «не безпокойтесь, не волнуйтесь, я самъ возьму ключъ!» и при этомъ взялъ съ собой ключъ отъ парадной двери, чего прежде между прочимъ не было: Рѣзниковъ хотя такъ же уѣзжалъ со мной, но ключа отъ двери не бралъ. Рѣзниковъ, отвезши меня, поѣхалъ съ моимъ рецептомъ въ аптеку. Передъ свѣтомъ, часовъ около 4 или 5, меня опять позвалъ тотъ-же Рѣзниковъ къ больному М—ко. Когда я, разбуженный прислугой своей, спросилъ прислугу, есть-ли извощикъ, она отвѣтила, что за мной пріѣхалъ человѣкъ на извощикѣ; но, выйдя на крыльцо, я нашелъ Рѣзникова, а извощика не было,

это мнѣ показалось страннымъ; страннымъ показалось и то, что Рѣзниковъ, приглашая меня къ М—ко, говорилъ, что онъ умираетъ и что, впрочемъ, прибавилъ онъ, можетъ-быть, я и не поѣду, можетъ быть не зачѣмъ ѣхать, что, можетъ быть, онъ уже умеръ; на это я отвѣтилъ съ сердцемъ, зачѣмъ же онъ будитъ меня, зачѣмъ-же зоветъ; тогда онъ сказалъ: «впрочемъ, поѣдемте». Тогда я послалъ его за извощикомъ, подождавъ въ корридорѣ; извощика вскорѣ Рѣзниковъ привелъ и мы поѣхали съ нимъ къ М—ко. М—ко я засталъ уже умершимъ; тамъ было уже много людей, въ числѣ коихъ я видѣлъ старика Дубровина и мать Рѣзникова. Когда я вошелъ въ переднюю, прежде всего ко мнѣ обратилась мать Рѣзникова со словами: «что же, господинъ докторъ, уже поздно!» Послѣ этихъ словъ я не зналъ, что дѣлать, ѣхать-ли назадъ, или идти смотрѣть умершаго. Я рѣшился войти и посмотрѣть умершаго; сопровождая меня, Рѣзникова говорила: «вы съ своей стороны все сдѣлали, что же дѣлать: человѣкъ не поберегся, поѣлъ лишнее, вотъ и несчастье, и поплатился». Посмотрѣвши на умершаго М — ко, я спросилъ, какія съ нимъ были явленія послѣ принятія лекарства, для того, чтобы уяснить себѣ причину смерти, такъ какъ смутныя до сего времени подозрѣнія относительно ненормальности всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ съ М—ко явленій стали формироваться въ опредѣленную идею насильственной смерти; и тутъ-же, не дожидаясь отвѣта, я круто задалъ вопросъ, не помню кому изъ окружающихъ, но кажется женѣ М—ко: «сколько онъ принялъ лекарства? покажите мнѣ лекарство!» Жена М—ко подала мнѣ коробочку съ капсулями касторового масла и бутылочку съ эмульсіей; и то и другое было совершенно не тронуто, хотя съ бутылочки бумажечка, что подъ пробкой завязывается, была снята. Когда я удивленно спросилъ, отчего не было принято лекарство, она мнѣ отвѣтила, что больной не пожелалъ принять лекарство; мнѣ это показалось довольно подозрительнымъ, ибо больной такъ умолялъ меня о помощи, чтобы я прекратилъ его страданія; наконецъ за мной-же посылали, чтобы я прописалъ лекарство, и вдругъ это лекарство не принимается. Тогда я объявилъ всѣмъ окружающимъ, въ особенности старику Дубровину, что для меня смерть М—ко загадочна и непонятна; на это Ду-

бровинъ сталъ мнѣ говорить, что-же тутъ непонятнаго—человѣкъ больной, только что съ постели всталъ, должно быть отъ болѣзни и умеръ, и сталъ просить, чтобы дать имъ записку для похоронъ умершаго; эту-же просьбу о запискѣ поддерживала и мать Рѣзникова, при чемъ то съ одной, то съ другой стороны мнѣ толковали, что я тутъ не при чемъ, что лечилъ я хорошо, правильно, и что не по моей винѣ онъ умеръ, а теперь надо хоронить. Такъ какъ я видѣлъ, что просьбы эти будутъ безконечны, и такъ какъ я рѣшилъ не давать записки потому, что у меня уже сложилось подозрѣніе въ насильственной смерти М—ко, то я отвѣчалъ имъ, что не могу дать записки, потому что мнѣ непонятна причина смерти его, и при этотъ совѣтовалъ имъ дать знать полиціи, чтобы она распорядилась о вскрытіи трупа М—ко, во избѣжаніе могущихъ возникнуть впослѣдствіи какихъ либо слуховъ, которые могутъ непріятно отозваться на имени жены, еще молодой женщины. Во время этихъ разговоровъ Алек. М—ко не было; она вышла изъ двери комнаты, выходящей въ переднюю и находящейся противъ кабинета, когда я вышелъ въ корридоръ и надѣвалъ пальто, намѣреваясь уходить отъ нихъ. Когда Алек. М—ко вышла въ переднюю, то я слышалъ слова «ну что?» На это ей кто-то отвѣтилъ: «да что, говоритъ надо вскрывать». Тутъ Алек. М—ко стала громко говорить, вѣрнѣе выкрикивать: «какъ вскрывать? я не допущу, я не позволю, я застрѣлюсь, убьюсь, ничего не пожалѣю!» Уходя, я сказалъ ей, что она напрасно волнуется, что я понимаю, что ей непріятно, но она не должна протестовать противъ вскрытія, а напротивъ, стараться объ этомъ; Рѣзникова я въ это время не замѣтилъ потому, что собралось тогда народу у нихъ много, но, когда я садился на пролетку извощика, то со мной поѣхалъ и Рѣзниковъ, проводивъ меня до моей квартиры; это было, когда уже совсѣмъ разсвѣтало. Дорогой Рѣзниковъ также просилъ дать записку о смерти М—ко, но я отказалъ ему въ этомъ, говоря, что не хочу подвергать себя какому либо риску въ дѣлѣ, мнѣ непонятномъ, при чемъ прямо высказывалъ ему свои опасенія, что возможно, что здѣсь была отрава, что можетъ возникнуть какое либо дѣло, и если бы отрава оказалась, то первымъ виновникомъ, понятно, буду я, выдавшій записку въ нормальности смерти, а я хочу спать спокойно; если что окажется,

спросятъ священника, какъ онъ могъ хоронить человѣка, умершаго ненормальной смертью, а священникъ сошлется на мою записку. На это Рѣзниковъ сталъ меня уговаривать, что ничего подобнаго быть не можетъ, что священникъ у нихъ тоже свой и потому напрасно безпокоиться нечего. Эти слова Рѣзникова еще болѣе укрѣпили меня въ подозрѣніи въ насильственной смерти М — ко, и я на отрѣзъ сказалъ Рѣзникову, что записки не дамъ. Въ полдень, около часу или двухъ, когда я вообще заѣзжаю домой за адресами, оставленными моими паціентами, Рѣзниковъ снова ко мнѣ явился и сталъ опять просить о запискѣ. Я говорилъ ему то же самое, что и прежде, убѣждая, если онъ можетъ имѣть вліяніе на жену покойнаго М—ко, убѣдить ее заявить полиціи о вскрытіи трупа М—ко, ибо онъ, Рѣзниковъ, говорилъ мнѣ, что женѣ тяжело будетъ выносить это вскрытіе; затѣмъ извинился передъ нимъ въ томъ, что не могу съ нимъ больше разговаривать, такъ какъ долженъ ѣхать по больнымъ. Вечеромъ, часовъ въ 5 или 6, явился ко мнѣ Рѣзниковъ въ третій разъ, при чемъ заявилъ мнѣ свою просьбу о выдачѣ записки на счетъ того, что больной былъ боленъ тифомъ, отъ котораго я его пользовалъ, и тутъ же сказалъ, что онъ имѣетъ записку отъ д-ра Лешкевича о томъ, что онъ навѣщалъ больного, какъ тифознаго; онъ прибавилъ мнѣ, что теперь бояться за мою записку нечего, такъ какъ есть записка отъ д-ра Лешкевича. Я объявилъ Рѣзникову, что готовъ ему выдать записку въ такомъ родѣ, что я пользовалъ М—ко отъ тифа съ 3 по 18 октября, когда съ нимъ попрощался, оставивъ его совершенно здоровымъ въ 3 часа по полудни, что спустя 5 часовъ я былъ къ нему призванъ снова, когда нашелъ его при такихъ-то припадкахъ болѣзни, что передъ свѣтомъ былъ призванъ вторично, при чемъ констатировалъ смерть, но отъ чего онъ умеръ, мнѣ неизвѣстно; что, если такая записка можетъ послужить Дубровинымъ, отъ лица которыхъ онъ являлся ко мнѣ, въ пользу, то я готовъ дать. На это мое предложеніе Рѣзниковъ отвѣчалъ, что это будетъ неудобно, что оно ни къ чему не послужитъ; тогда я предложилъ ему убраться отъ меня и заявить Дубровинымъ, что, если они не пойдутъ и не заявятъ о смерти М—ко полиціи, то это сдѣлаю я самъ. Спустя часа $1^1/_2$ или 2 послѣ этого ко мнѣ явился при-

ставъ Пушкаревъ съ предложеніемъ отъ Полиціймейстера о произведеніи дознанія на счетъ вымогательства мною 300 руб. съ Рѣзникова, явившагося ко мнѣ за запиской о смерти М—ко. Согласно этому предложенію я далъ приставу свое показаніе. Эта дерзость со стороны Дубровиныхъ поразила меня, и я просилъ пристава выдать мнѣ копію съ предложенія, чтобы начать дѣло объ оклеветаніи меня, которое мною и возбуждено. Въ то время у меня уже несомнѣнно не осталось прежняго нѣкотораго колебанія въ безусловно насильственной смерти М—ко. На другой день вечеромъ я узналъ отъ д-ра Лешкевича, что 21-го октября утромъ назначено вскрытіе трупа М—ко, на каковое вскрытіе онъ приглашенъ; по настоятельной моей просьбѣ, онъ обѣщалъ мнѣ, что будетъ требовать моего присутствія при вскрытіи, какъ пользовавшаго врача. Утромъ дѣйствительно я былъ приглашенъ полицейскимъ чиновникомъ на вскрытіе, за которымъ я уже засталъ своихъ товарищей, не дождавшихся меня; вскрыты были уже грудная и брюшная полость; сердце и легкія были разсмотрѣны ими; желудокъ же и кишечникъ я видѣлъ еще цѣлыми, сквозь серозные покровы желудка я видѣлъ значительную красноту его. На мой вопросъ, предложенный врачамъ о причинѣ смерти М—ко, мнѣ отвѣтили, что по видимому отъ паралича сердца; но для меня, какъ врача, это являлось одной общей фразой. Я предложилъ врачамъ, чтобы вынуты были внутренности для химическаго изслѣдованія ихъ, но въ исполненіи этого предложенія врачи отказали мнѣ, такъ какъ они: 1) не видятъ признаковъ насильственной смерти М—ко, 2) что это не судебно-медицинское вскрытіе, а полицейское, какъ объявилъ мнѣ врачъ Красса, что подтвердилъ и полицейскій чиновникъ, бывшій при вскрытіи. Тогда, видя, что слѣды преступленія могутъ исчезнуть, трупъ могутъ похоронить, я отправился къ тов. прокурора для заявленія объ обстоятельствахъ дѣла. Тов. прок. далъ мнѣ на руки оффиціальное отношеніе на имя полицейскаго чиновника о томъ, чтобы были вынуты и запечатаны внутренности М—ко; когда я прибылъ на мѣсто вскрытія М—ко въ домѣ Дубровиныхъ для передачи отношенія чиновнику, то засталъ уже одного врача Крассу, который уже обмывалъ руки и собирался уходить, а трупъ М—ко былъ зашитъ и, кажется, одѣтъ,

или одѣваемъ. Такимъ образомъ внутренности М—ко были вынуты и запечатаны печатью полицейскаго чиновника.

Когда М—ко былъ въ періодѣ выздоровленія, я дѣйствительно въ числѣ прочихъ предписаній моихъ относительно діэты разрѣшилъ ему ѣсть въ незначительномъ количествѣ свѣжую икру, что онъ неоднократно и дѣлалъ, какъ мнѣ извѣстно; разрѣшалъ пить и кофе. Относительно Рѣзникова имѣю добавить, что, когда М—ко дня два послѣ того, какъ поднялся съ постели и чувствовалъ себя еще слабымъ, мнѣ было страннымъ въ это время слышать настоятельныя просьбы Рѣзникова о томъ, чтобы я дозволилъ М—ко отправиться съ нимъ, Рѣзниковымъ, въ театръ.

(На допросъ 8 февраля 1889 г.). Когда я отъ д-ра Лешкевича узналъ, что въ желудкѣ покойнаго М—ко найдена свѣжая язва, принятая вскрывавшими за тифозную, хотя по моему мнѣнію за таковую ее ни въ какомъ случаѣ принимать было нельзя,—то вмѣстѣ съ видѣнной мною наружной краснотой передней поверхности невскрытаго желудка и видѣнной клинической картиной припадковъ страданія М—ко, во мнѣ уже не оставалось сомнѣнія, что М—ко отравленъ.

Съ разрѣшенія г. предсѣдательствующаго, подсудимый **Рѣзниковъ** представилъ слѣдующее объясненіе. Самымъ главнымъ свидѣтелемъ обвиненія является врачъ Португаловъ, котораго я оскорбилъ, сказавъ въ семьѣ Дубровиныхъ, что онъ требуетъ 300 рублей за выдачу записки на погребеніе тѣла умершаго Николая М—ко. Португалову страннымъ кажется вся обстановка дома и мое положеніе въ домѣ М — ко. Но всѣ эти странности и ловко придуманная сказка объ однородныхъ болѣзняхъ, будто бы бывшихъ одновременно у меня и у г-жи Максименко, явились лишь послѣ того, когда я былъ причиною обнаруженія его постыднаго вымогательства, когда Португаловъ рисковалъ быть высланнымъ въ 24 часа изъ Ростова и скомпрометированъ распространившимся въ городѣ слухомъ. Португаловъ даетъ пространное показаніе, въ которомъ ворохъ неправды: я повторяю, что требованіе 300 р. было, и тогда, когда никакого дѣла и въ поминѣ не было, когда не могъ разсчитывать, что меня будутъ обвинять въ отравленіи, я не имѣлъ нужды сочинять такую исторію: Португаловъ мнѣ ровно ничего не сдѣлалъ. 18 ок-

тября въ 7 час. вечера, я былъ въ конторѣ. Пришелъ я къ Максименко въ 8 час. и тотчасъ же пошелъ за докторомъ; не застаю его дома, ѣду къ Петрыковскимъ, гдѣ Португаловъ былъ въ гостяхъ, ѣду въ аптеку за лекарствами, на разсвѣтѣ опять ѣду за докторомъ. Что касается этой выдумки о какихъ-то болѣзняхъ, то не только такими болѣзнями, но даже никакими я не былъ боленъ до заключенія въ тюрьму. Когда слушалось это дѣло въ Таганрогскомъ Окружномъ Судѣ и Португаловъ говорилъ объ этихъ болѣзняхъ, защитникъ сообвиняемой, прис. пов. Холева, обратился къ суду съ просьбой провѣрить г-на Португалова такимъ образомъ: по закону, всѣ рецептурныя книги должны храниться при аптекахъ; такъ какъ Португаловъ указываетъ время: осень или весна 88 г., когда подавалъ помощь, слѣдовательно рецепты должны быть записаны и это будетъ видно. Тогда Португаловъ заявилъ Суду, что онъ не помнитъ — можетъ быть онъ и не писалъ рецептовъ, а подавалъ словесные совѣты. Когда, вслѣдствіе протеста прокурора, Сенатъ, кассировавъ оправдательный приговоръ Таганрогскаго Суда, передалъ дѣло въ Харьковскій Судъ, я вновь просилъ Судъ о провѣркѣ аптекарскихъ книгъ, при чемъ не только въ Ростовѣ, но и въ ближайшихъ Ростову городахъ и мѣстахъ, гдѣ имѣются аптеки. Что касается взаимныхъ отношеній моихъ съ покойнымъ Николаемъ Максименко, то вы увидите, странно-ли было мое положеніе въ домѣ Максименко, кто я былъ для покойнаго и представляла-ли Алекс. Егоровна для меня госпожу. Мой отецъ раньше жилъ на шахтахъ въ Об. В. Д. и занимался углепромышленностью. Тамъ же, на шахтахъ, жилъ частный повѣренный Антонинъ Ѳедоровичъ Максименко, а у него находился младшій его братъ, Коля, въ то время выбывшій изъ 3-го класса реальнаго училища. Антонинъ М—ко былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ и часто бывалъ у насъ, а Коля вскорѣ былъ совсѣмъ принятъ въ нашемъ домѣ и жилъ у насъ. Отецъ помѣстилъ его въ учебное заведеніе, кажется въ семинарію. Я выдержалъ экзаменъ въ Новочеркасскую гимназію, уѣхалъ съ шахтъ, и мы разстались. Проучившись 4 года въ гимназіи, при переходѣ въ 5-й классъ, я выбылъ. Семья наша въ то время переѣхала на жительство въ Ростовъ. Пріѣхавъ въ Ростовъ, я началъ изучать бухгалтерію и

нѣмецкій языкъ и поступилъ въ иностранный магазинъ Бахмайера. Года черезъ $1^1/_2$, на Пасху, къ намъ съ визитомъ пріѣхали братья Максименко, Антонинъ и Николай. Послѣ долгой разлуки, я встрѣтилъ Николая совершенно взрослымъ мужчиной. Онъ мнѣ сообщилъ, что онъ поступилъ въ контору пароходства Дубровиныхъ и, служа тамъ, женился на дочери учредителя этого торговаго дома, что, послѣ пережитыхъ невзгодъ, счастье ему улыбнулось. Сообщилъ мнѣ, что родственники жены смотрѣли непріязненно на бракъ, такъ какъ хотѣли бы, чтобъ зять былъ богатый и именитый, что онъ жилъ одно время въ гостинницѣ, но что теперь это все прошло, перемѣнилось и что теперь его командируютъ въ Калачъ, гдѣ онъ будетъ какъ хозяинъ. Прошла недѣля. Онъ пришелъ ко мнѣ въ магазинъ попрощаться, такъ какъ на цѣлое лѣто уѣзжалъ въ Калачъ. Въ началѣ октября 1887 года супруги Максименко переѣхали на жительство въ Ростовъ. Какъ только они пріѣхали, въ тотъ же день были у насъ. Посѣщенія М—ко нашего дома были ежедневны. Съ М—ко мы ходили въ садъ, театръ. Какъ то разъ, въ первыхъ числахъ ноября, когда я былъ дома, пришелъ къ намъ Николай Максименко и сказалъ мнѣ, что сегодня у нихъ въ конторѣ праздникъ, потому что окончена навигація и годъ былъ хорошъ. Они всѣ идутъ группой сниматься, а вечеромъ въ гостинницѣ «Лондонъ» ужинъ, на который соберутся всѣ служащіе. «Пойдемъ, Аристархъ, посмотришь, какъ меня служащіе уважаютъ». Вечеромъ мы пошли съ нимъ въ гостинницу. Въ этомъ обществѣ былъ молодой человѣкъ—Леонтьевъ. Николай меня познакомилъ съ нимъ, и, обращаясь къ Леонт., сказалъ; «Миша, давай перетащимъ къ намъ Аристарха»! Леонтьевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могу-ли я перейти къ нимъ, при чемъ сказалъ, что мнѣ представляется возможность изучить основательно практически бухгалтерію. Черезъ три дня я оставилъ свою службу и перешелъ къ Дубровинымъ. Какъ только я поступилъ, мы съ Николаемъ поѣхали на два дня въ Кагальникъ, къ его роднымъ. По пріѣздѣ изъ Кагальника, я началъ посѣщать контору—въ это время приготовлялись отчеты. Въ свободное отъ занятій время я посѣщалъ М—ко; мы еще больше сдружились, всюду ходили вмѣстѣ и меня считали его родственникомъ.

Въ конторѣ я пріобрѣлъ довѣріе. Въ 1888 г. вышло предписаніе Войскового Наказнаго Атамана о веденіи домовыхъ книгъ домовладѣльцами, виновные-же въ неисполненіи подвергались штрафу въ 500 рублей. Всѣхъ это напугало, и вотъ М—ко, кромѣ службы конторской, даетъ мнѣ довѣренность на отдачу въ аренду имѣній, принадлежащихъ его тещѣ, Варварѣ Дубровиной. Такія-же довѣренности мнѣ выдали и Егоръ и Исай Дубровины. Прошла зима; открылась навигація, и супруги Мак. опять уѣхали въ Калачъ; теща-же, заарендовавъ землю по Воронежской дорогѣ, уѣхала туда на все лѣто. Меня просили остаться въ ихъ домѣ и хозяйничать. Я ходилъ въ домъ Дубровиныхъ ночевать, а иногда посылалъ вмѣсто себя кого-нибудь изъ приказчиковъ, чтобъ старуха экономка не боялась. Въ отсутствіе М—ко и его тещи, я отдалъ въ аренду низы подъ домомъ для склада товаровъ, и половину дома подъ квартиру помощнику пристава Дмитріеву. За все лѣто ни Н. М—ко, ни его жена въ Ростовъ не пріѣзжали. Переписки частной у меня съ ними не было, за исключеніемъ одного раза, когда они мнѣ послали ключи отъ гардероба, чтобъ прислать имъ платье. О положеніи домашнихъ дѣлъ я всегда передавалъ черезъ капитановъ, плававшихъ въ Калачъ, или на дѣловой корресподенціи приписывалъ, что дома все благополучно. Такъ прошло лѣто. 3 октября Ник. М—ко привезли больного въ Ростовъ. На мой вопросъ, послали-ли за докторомъ? онъ ничего не отвѣтилъ, а жена сказала, что распорядилась въ конторѣ, чтобъ дали знать по телефону Лешкевичу; но я самъ отправился къ нему. Лешкевичъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ, какъ желѣзнодорожный врачъ, долженъ уѣхать по службѣ въ Владикавказъ и не можетъ посѣтить больного. Тогда я отправился къ Португалову, котораго я зналъ, потому что онъ посѣщалъ нашъ домъ и подавалъ помощь матушкѣ моей, страдающей постоянной болѣзнью печени. Португалова я раньше познакомилъ съ домомъ Макс., я приглашалъ его къ г-жѣ М—ко, только не для излеченія секретной болѣзни—это онъ нагло лжетъ. Г-жа М—ко, при приготовленіи разныхъ соленій въ погребѣ, подорвалась, потомъ я приглашалъ Португалова къ Ник. М—ко, когда онъ былъ боленъ лихорадкой. Португаловъ пріѣхалъ и, осмотрѣвъ больного, сказалъ мнѣ, что у М—ко брюшной тифъ и совѣтовалъ-бы мнѣ

къ больному близко не подходить, «а то вамъ будетъ въ чужомъ пиру похмѣлье». 7 октября съ больнымъ было очень дурно: рвота, изъ носу шла кровь, вообще, онъ очень страдалъ. Пріѣхалъ братъ Антонинъ. Когда, въ присутствіи брата, пріѣхалъ Португаловъ и вошелъ въ комнату больного, у послѣдняго была рвота; Португаловъ сказалъ, что больному нужно сдѣлать клистиръ. Находившаяся здѣсь жена отвѣтила: «ну, такъ сдѣлайте, если нужно». «Нѣтъ», возразилъ докторъ, это не мое дѣло, а если вы сами не можете, то позовите вотъ цирульника Подгородниченко, онъ вамъ это сдѣлаетъ. Говоря это, Португаловъ возвысилъ нѣсколько голосъ; тогда Антонинъ, отозвавъ меня, сказалъ: «что это за докторъ, который въ присутствіи больного, кричитъ и вступаетъ въ пререканія? нужно будетъ послать за Лешкевичемъ». Въ это время вошелъ въ кабинетъ, гдѣ мы съ Антониномъ были, Португаловъ и сказалъ Антонину, что вѣроятно, жена не знаетъ, что мужъ опасно боленъ—нужно бы предупредить. Тогда Антонинъ М—ко отвелъ Алек. Егор. и сказалъ ей, чтобъ она была на все готова, что Коля опасно боленъ. Въ тотъ же день я поѣхалъ къ Лешкевичу и просилъ его хоть одинъ разъ посѣтить больного, говоря, что больной такъ вѣритъ въ него, что отъ одного того, что онъ его увидитъ, ему легче станетъ. Лешкевичъ согласился одинъ разъ посѣтить больного, но съ условіемъ, если другого доктора тамъ не будетъ. Вечеромъ пріѣхалъ Лешкевичъ—осмотрѣлъ больного и лекарства, сказалъ: тифъ это такая болѣзнь, которая требуетъ времени, нужно воздержаться въ пищѣ. Единственно, говоритъ, что я могу посовѣтовать,—это перевести больного изъ этой комнаты въ болѣе просторную. Больной былъ переведенъ въ гостинную. 14 октября Ник. М—ко былъ имянинникъ, и я ему прислалъ тортъ. 16 я зашелъ къ нему, когда шелъ обѣдать; онъ былъ довольно веселъ. Разсказывалъ мнѣ, какъ жилъ въ Калачѣ, что онъ выстроилъ себѣ изъ холста лодку—на ней-то онъ и простудился. Въ это время я увидѣлъ идущаго домой квартиранта Дмитріева. Я указалъ Николаю: «вотъ твой квартирантъ». Онъ просилъ меня познакомить его съ Дмитріевымъ и позвать его сейчасъ къ нему; а то, молъ, мнѣ скучно, а также просилъ меня, чтобъ я домой уже не ходилъ обѣдать, а чтобъ побылъ у него. Я пошелъ къ Дмитріеву, передалъ ему просьбу

М—ко. Дмитріевъ пришелъ, и я ихъ познакомилъ. Подана была закуска, вино, водка, и мы втроемъ разговаривали. Когда Дмитріевъ ушелъ, М—ко мнѣ сказалъ, что онъ хочетъ завтра разсчитать «жида», т. е. доктора. 18 числа я уже обѣдать пошелъ домой, а вечеромъ разсчитывалъ пойти въ театръ, такъ какъ, за болѣзнью М—ко, я уже давно нигдѣ небылъ. Въ $7^1/_2$ часовъ пришла дѣвочка отъ М—ко и принесла записку Ник. М—ко управляющему Леонтьеву; послѣдній, прочитавъ, поднесъ ее мнѣ; она была слѣдующаго содержанія: «Миша, приходи вечеромъ ко мнѣ на чай и захвати съ собой Аристарха». Вскорѣ мы окончили занятія и пошли домой. Я всегда ходилъ домой съ Леонтьевымъ и намъ нужно идти мимо дома М—ко; дойдя до него, Леонтьевъ сказалъ мнѣ: «я пойду на свой заводъ». Я зашелъ къ М—ко. Когда я вошелъ въ комнату больного, то засталъ его рвавшимъ. На мой вопросъ, что съ нимъ, онъ отвѣтилъ, что ему дурно сдѣлалось отъ того, что онъ выпилъ слишкомъ крѣпкаго чаю у Дмитріевыхъ, а сказать, чтобъ чай разбавили, онъ постѣснился; я удивился тому, что онъ такъ рано выходитъ, но онъ отвѣтилъ, что ему было скучно и онъ рѣшился выйти, а также сообщилъ мнѣ, что онъ, по разрѣшенію доктора, ѣлъ икру, пилъ кофе, ѣлъ алву и сладкій пирогъ. Говоря это, онъ порывался часто рвать. Я предложилъ позвать доктора, но онъ говорилъ, что не нужно, что это пройдетъ само собой; рвота усиливалась, и я рѣшилъ тотчасъ-же идти за докторомъ. Идя къ доктору, я встрѣтилъ въ Казанскомъ переулкѣ Леонтьева, идущаго съ завода, и сказалъ ему, что съ М—ко хуже опять. Пришелъ къ Португалову, прислуга сообщила мнѣ, что Португаловъ уѣхалъ къ знакомымъ Петрыковскимъ въ гости; я отправился туда, вызвалъ доктора и сообщилъ ему, что М—ко опять рветъ. Когда мы ѣхали, Португаловъ выразилъ, что вѣроятно объѣлся, что эти хамы всегда невоздержны, и не напился-ли онъ еще пьянъ? и очень былъ недоволенъ, когда узналъ, что больной выходилъ даже въ холодный корридоръ, къ Дмитріеву. Въ присутствіи доктора, больного сильно рвало, изъ носу шла кровь; докторъ началъ ему читать нотаціи, что онъ его совѣтами пренебрегъ, а больной просилъ, чтобъ онъ ему далъ чего-нибудь такого, что бы прекратило рвоту. Португаловъ, прописавъ лекарства, уѣхалъ.—Уѣхалъ и я за лекарствами; принесъ

я лекарство, и жена въ моемъ присутствіи дала ложку миндальной эмульсіи, которую нужно принимать по столовой ложкѣ черезъ 2 часа, капсюли-же больной отказался принимать. Выпивъ лекарство, онъ вскорѣ вырвалъ его и скоро совершенно успокоился, закрылъ глаза и началъ засыпать. Я ушелъ домой. Прійдя домой утомленный, я легъ спать. На разсвѣтѣ, часа въ 4, меня разбудилъ отецъ и сказалъ, что отъ Дубровиныхъ пришли, что съ Николаемъ Федоровичемъ сдѣлалось хуже. Я одѣлся и пошелъ къ нимъ. Прійдя, я засталъ такую картину: Николай лежалъ на краю постели, голова была свѣшена на бокъ, жена и старуха—экономка ахали около больного, при чемъ жена вскрикивала: «Котичка, Котичка»! Я спрашиваю, что такое? мнѣ старуха Гребенькова довольно хладнокровно говоритъ, что больной просится на землю, слѣдовательно отходитъ. Жена кричитъ: «идите за дядей!» Я выскочилъ, началъ стучать въ дверь квартиранту Дмитріеву и говорю, что Ник. Ѳед. умираетъ, чтобъ шли къ нему, а самъ побѣжалъ за дядей, Егоромъ Дубровинымъ. Сказавъ дядѣ, я отправился къ доктору, разбудилъ его и просилъ идти со мной, но онъ спросилъ извощика, а пѣшкомъ не желалъ идти; я побѣжалъ за извощикомъ на Садовую ул. (Португаловъ говоритъ, что будто-бы извощикъ былъ, но что я его услалъ куда-то нарочно. Эта неправда сама за себя говоритъ, такъ какъ въ 4 ч. утра, въ октябрѣ мѣсяцѣ, на Донской улицѣ, въ Ростовѣ, извощика невозможно найти, да и, вообще, тамъ не бываетъ извощиковъ, такъ какъ это крайняя улица на Дону и тамъ спускъ). Я привелъ извощика и мы поѣхали; когда мы пріѣхали, больной уже скончался. Португаловъ высказалъ удивленіе, что онъ умеръ, спрашивалъ, что, можетъ быть, самоваръ, изъ котораго пилъ больной, былъ нелуженый. Присутствующій здѣсь Егоръ Дубровинъ сказалъ, что М—ко вѣрно не поберегся, объѣлся, не дождавшись выздоровленія. Португаловъ на это отвѣтилъ, что онъ его вполнѣ вылечилъ, и сказалъ, что безъ записки его нельзя хоронить, нужно молъ отъ доктора записку. На это Дубровинъ отвѣтилъ: «такъ вы же и напишете записку».—«Нѣтъ, возразилъ Порт., его можетъ быть прійдется рѣзать». Жена старика Дубровина вскрикнула: «Какъ рѣзать? да этого у насъ въ роду не было». Португал. началъ уходить, а за нимъ двинулись всѣ,

прося, чтобъ онъ написалъ записку. Я въ то время былъ около постели покойнаго. Когда я вышелъ въ гостинную, Португаловъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «заѣзжайте ко мнѣ часовъ въ 11, я подумаю и вамъ скажу». Въ назначенное время я пріѣхалъ къ Португалову, и онъ меня пригласилъ въ кабинетъ; тогда онъ мнѣ сказалъ, что онъ считаетъ выдачу записки нѣсколько неудобной, говоритъ, что онъ слышалъ будто-бы въ домѣ Дубровиныхъ было отравленіе, что ихъ невѣстка была отравлена, но я сказалъ, что это сплетни. Тогда онъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «Знаете, мы съ вами на единѣ; еслибъ это для кого нибудь другого, я бы съ удовольствіемъ, а для этихъ хамовъ — чортъ съ ними! Вы сами видѣли, какъ они обращаются съ докторомъ—все равно, какъ со своимъ лакеемъ». При этомъ онъ разсказалъ мнѣ случай: когда онъ былъ еще студентомъ, то въ Харьковѣ одна купчиха, у которой умеръ мужъ, дала одному доктору 10 тыс. рублей за то, чтобы не вскрывали мужа, потому что, вообще, въ простыхъ семьяхъ это считается позоромъ. Немного помолчавъ, онъ сказалъ: «да скажите тамъ этому... ея дядькѣ Егору, что, молъ, докторъ сказалъ, что если ему дадутъ 300 руб., то онъ дастъ записку — понимаете?» и въ это время началъ себѣ ногти чистить. Я всталъ и говорю: «хорошо»; когда я началъ прощаться, Португаловъ жметъ мнѣ руку и говоритъ: «такъ вы же мнѣ отвѣтъ въ 6 часовъ вечера, до тѣхъ поръ я никому ни слова». Я вышелъ. Подошелъ къ своему дому; здѣсь стоялъ Леонтьевъ съ своей женой и ждали мою сестру; я сказалъ имъ, что Португаловъ проситъ 300 руб., а Леонтьевъ отвѣтилъ: «да скажите тамъ имъ: что хотятъ, пусть и дѣлаютъ». Я пришелъ въ домъ покойнаго, гдѣ собралось много родныхъ и знакомыхъ, и объявилъ требованіе Португалова; тетка сказала: «съ какой стати давать такія деньги». А дьяконъ Безклубовъ и Егоръ Дубровинъ сказали мнѣ, чтобъ я поѣхалъ къ Лешкевичу и у него попросилъ записку. Я поѣхалъ къ Лешкевичу и онъ мнѣ выдалъ записку о томъ, что былъ приглашенъ къ больному 7 октяб. и нашелъ у него тифъ; но эта записка не годилась. Тогда Дубровинъ послалъ Леонтьева къ полиціймейстеру съ заявленіемъ о вымогательстгѣ, а я поѣхалъ къ Португалову дать ему знать, что 300 р. не даютъ. Когда я сказалъ, что родные не даютъ 300 рублей, говорятъ

«не за-что», Португаловъ сказалъ: «такъ пусть-же у нихъ животы поболятъ». Я отъ Португалова уѣхалъ; полиціймейстеръ поручилъ приставу произвести дознаніе о вымогательствѣ 300 р. и о томъ, почему онъ не заявилъ полиціи о скоропостижной смерти М—ко. Португаловъ отвѣтилъ, что онъ денегъ не требовалъ, а не заявилъ потому, что думалъ, что сами заявятъ. Такимъ образомъ состоялось вскрытіе, которое было поручено испр. должн. гор. врача Крассѣ, а по желанію родныхъ были приглашены Лешкевичъ и Моргулисъ.

Моргулисъ, Іосифъ Яковлевъ, врачъ *(Протоколъ допроса 26-го декабря 1888 года)*. Я пользовалъ года 4 тому назадъ старика Дубровина, его сына и невѣстку; послѣдніе умерли отъ чахотки. Александру Максименко я тоже лечилъ года 4 назадъ, кажется, отъ кашля. 20 октября вечеромъ, около 7 часовъ, Александра М—ко съ извѣстнымъ мнѣ Рѣзниковымъ, мать и сестру котораго я лѣтомъ этого года пользовалъ, остановили меня на Садовой ул.; я ѣхалъ въ это время къ больницѣ; соскочивъ съ пролетки извощика и подойдя ко мнѣ, стали просить меня присутствовать при вскрытіи трупа ея мужа, при чемъ сказали, что они ѣхали именно ко мнѣ по этому поводу. Неудобно было выслушивать ихъ объясненія на улицѣ и потому я сказалъ имъ, чтобы они ѣхали ко мнѣ на квартиру, гдѣ я буду въ 8 ч. вечера, когда у меня пріемъ больныхъ. Пріѣхавъ къ сказанному времени домой, я засталъ у себя и М—ко съ Рѣзниковымъ. Пригласивъ ихъ въ кабинетъ, я просилъ ихъ разсказать мнѣ, въ чемъ дѣло, и они, перебивая другъ друга, разсказывали мнѣ о болѣзни Николая М — ко, что онъ заболѣлъ тифомъ въ Калачѣ, что его пользовалъ врачъ Португаловъ, что онъ уже поправился было отъ болѣзни, сталъ ходить, но что, когда пошелъ къ сосѣду, то тамъ пилъ чай, ѣлъ икру—вообще, я понялъ изъ ихъ разсказовъ, что М—ко чѣмъ то объѣлся и съ нимъ опять сдѣлалось плохо и къ утру онъ умеръ. При этомъ они говорили, что пользовавшій М—ко врачъ Португаловъ не даетъ свидѣтельства о смерти его, требуя за это 300 руб. Когда я высказалъ свое сомнѣніе по поводу этого требованія 300 руб. Португаловымъ, то Рѣзниковъ сталъ увѣрять меня, что это вѣрно, что это онъ ему говорилъ, когда онъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему на квар-

тиру за удостовѣреніемъ, посылаемый Дубровиными. Когда они сказали, что на вскрытіи будетъ, вмѣсто больного врача Панова, врачъ Красса и пользовавшій М — ко врачъ Лешкевичъ, то я согласился на ихъ просьбу, сказавъ, что буду на вскрытіи, хотя высказывалъ желаніе, чтобы я приглашенъ былъ полицейскимъ чиновникомъ, на что они отвѣчали мнѣ, что этого не нужно, что уже извѣстно все полиціймейстеру, которому заявлено о вскрытіи. Утромъ 21 октября, часовъ около 7, за мной пріѣзжалъ Рѣзниковъ, которому впрочемъ я вечеромъ 20 говорилъ, чтобы кто-нибудь за мной пріѣхалъ, такъ какъ я, можетъ быть, не встану въ 7 часовъ, когда назначалось вскрытіе. На вскрытіе пріѣзжалъ и Португаловъ, который настаивалъ на томъ, чтобы были вынуты внутренности М—ко и положены въ банки, но врачъ Красса говорилъ, что этого онъ не можетъ сдѣлать безъ судебнаго слѣдователя, такъ какъ онъ считаетъ, что это было полицейское вскрытіе, а не судебно-медицинское. Я и самъ заявилъ врачу Крассѣ, чтобы была удовлетворена просьба Португалова относительно вынутія внутренностей М—ко, но Красса говорилъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ судебнаго слѣдователя. *(На допросѣ 8 февраля 1889 г.).* При вскрытіи употреблялось дезинфекціонное средство для омыванія рукъ, а именно Красса принесъ съ собой растворъ сулемы, въ каковой онъ и омачивалъ руки, когда нужно было касаться внутренностей. Я не спрашивалъ, крѣпкій или нѣтъ растворъ сулемы принесъ Красса, но думаю, что не болѣе одной тысячной части раствора, какъ можетъ употребляться. При вскрытіи трупа М—ко мы, врачи, видѣли явленія тифа, но найденное при вскрытіи не исключаетъ возможности отравленія М—ко мышьякомъ, потому что можетъ быть отравленіе мышьякомъ даже и безъ всякихъ язвъ.

Дмитріевъ П. Д. кол. рег., пом. пристава 2 уч. г. Ростова на-Дону *(Протоколъ допроса 8 декабря 1888 г.).* Въ концѣ сентября или началѣ октября сего года изъ Калача былъ привезенъ больной Н. Ф. Максименко въ домъ своей тещи, Дубровиной, гдѣ я живу; съ нимъ вмѣстѣ пріѣхала жена его, Александра Егоровна (урожденная Дубровина). Покойный М—ко, какъ я слышалъ, былъ боленъ тифомъ и его пользовалъ врачъ Португаловъ. 16 числа октября текущаго года, часовъ около 3 дня, ко мнѣ

пришолъ въ квартиру служащій въ конторѣ Дубровина Аристархъ Рѣзниковъ и просилъ меня пойти съ нимъ къ Н. М—ко, который желалъ со мною познакомиться, какъ съ жильцомъ дома, переѣхавшимъ въ домъ во время его бытности въ Калачѣ, причемъ Рѣзниковъ мнѣ сказалъ, что больной чувствуетъ себя лучше и мое присутствіе его не затруднитъ, послѣ чего я вмѣстѣ съ Рѣзниковымъ отправился къ М—ко, которому меня рекомендовалъ Рѣзниковъ. Максименко сидѣлъ въ то время въ постели, любезно, какъ подобаетъ хозяину, меня принялъ, разсказывалъ о своей болѣзни и о томъ, что чувствуетъ себя лучше и что врачъ разрѣшилъ ему прогулку по комнатамъ, а также ѣсть легкую пищу. Затѣмъ высказывалъ свое желаніе быть въ тотъже день въ театрѣ. Говорилъ мнѣ, что съ удовольствіемъ побывалъ бы у меня въ квартирѣ и хотѣлъ познакомиться съ моей женою и вообще съ семьею моею; на это я высказалъ и свое желаніе видѣть его у меня. Прошло два дня послѣ нашего съ нимъ свиданія, именно во вторникъ, 18 числа октября мѣсяца, часовъ около 4 дня, я пришелъ домой обѣдать и въ это время ко мнѣ въ квартиру явилась прислуга Дубровиной, Марія Васильевна, которая сказала мнѣ въ присутствіи жены моей, что Ник. Фед. желаетъ прійти ко мнѣ; на это я отвѣтилъ ей, что съ удовольствіемъ готовъ принять, но черезъ нѣсколько времени. Пообѣдавъ, я послалъ свою прислугу сказать Маріи Васильевнѣ, что, я ожидаю М—ко, который вскорѣ и пришелъ ко мнѣ, гдѣ прежде отрекомендовался моей женѣ, а потомъ, поздоровавшись со мною, начались разговоры, въ которыхъ онъ высказалъ, что сегодня ѣлъ дома икру и тортъ, пилъ даже кофе. Черезъ полчаса, я приказалъ прислугѣ своей приготовить чай для себя, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ и гостю, который не отказался; затѣмъ мнѣ и гостю было подано женою моею два стакана чаю, при этомъ Максименко спросилъ бѣлаго хлѣба; онъ выпилъ стаканъ чая, причемъ съѣлъ два кусочка хлѣба; послѣ этого прошло минутъ 20, онъ началъ собираться домой и ушелъ, должно быть, въ 5 час. по полудни. Ни на какую боль мнѣ не жаловался, кромѣ только на то, что отекаютъ ноги отъ долгаго сидѣнья. Затѣмъ я ушелъ скоро по дѣламъ службы, возвратился домой ночью, все было спокойно. Утромъ 19 октября, часовъ въ 5, я

услыхалъ стукъ въ дверь своей квартиры; подойдя, спросилъ кто? отвѣчали Рѣзниковъ и жена Максименко, что Ник. Фед. очень дурно, и просили меня немедленно зайти въ квартиру. Одѣвшись, я отправился и нашелъ М—ко въ той самой комнатѣ, гдѣ я видѣлъ его въ первый разъ; былъ онъ въ положеніи полусидячемъ поперекъ кровати, подъ спиною была подушка, глаза у него были закрыты, губы сжаты, дыханіе было очень слабое и видно было его предсмертное состояніе. Я попробовалъ сдѣлать вопросъ, что за причина, но отвѣта не получилъ; тутъ-же около кровати стоялъ тазъ съ какой-то жидкостью, на которую не обратилъ вниманія. Изъ словъ Александры М—ко было видно, что съ ея мужемъ происходила рвота. Потомъ я спросилъ, былъ-ли врачъ, и получилъ отвѣтъ, что былъ. Въ то время находились Рѣзниковъ и его мать, прислуга Марія Васильевна и жена покойнаго, а потомъ вскорѣ пришли Исай Дубровинъ и жена его, а также и моя жена. Потомъ я и моя жена ушли къ себѣ въ квартиру, такъ какъ заплакалъ грудной ребенокъ, и когда я пришелъ вторично чрезъ нѣсколько времени, то нашелъ М—ко умершимъ. Самой домовладѣлицы, Варвары Дубровиной дома совсѣмъ не было. Аристархъ Рѣзниковъ постоянно ходилъ къ Дубровинымъ и при жизни М—ко, гдѣ часто ночевалъ во время болѣзни послѣдняго. Лѣтомъ получалъ съ меня деньги за квартиру и пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Александры Егоровны. Послѣ-же смерти Ник. М—ко Рѣзниковъ постоянно находится у Дубровиной и ведетъ себя, какъ хозяинъ. Вдова Алекс. Ег. все проводитъ время съ нимъ и даже ходитъ ночевать въ квартиру Рѣзникова, если послѣдній не ночуетъ у ней. Вдова М—ко обладаетъ хорошимъ состояніемъ: имѣетъ долю въ конторѣ братьевъ Дубровиныхъ по пароходству, приблизительно болѣе ста тысячъ рублей, и состоитъ единственною наслѣдницею къ домамъ матери ея, Варвары Дубровиной. Рѣзниковъ получаетъ жалованья 30 руб. въ мѣсяцъ; судя по его костюму и жизни роскошной, на такія средства безъ иной помощи обходиться невозможно. Жена моя разсказывала слухъ, полученный отъ швеи Авдотьи Ильинишны, что вдова М—ко съ Рѣзниковымъ находится въ особой дружбѣ, что даже замѣчалъ дворникъ дома, Климъ Жировъ. Въ домѣ Дубровиной, гдѣ и я живу,

проживаютъ теперь дѣвочка Авдотья, а до смерти М—ко жили Марія Васильевна и дочь ея, Марфа Романова, которая недавно выбыла, и къ нимъ то приходила Авдотья Ильинишна. Лѣтомъ текущаго года Александра Егоровна пріѣзжала въ Ростовъ, жила въ домѣ своей матери; Рѣзниковъ также часто ходилъ. Покойный М—ко прежде, до женитьбы, служилъ у Дубровиныхъ, потомъ былъ какъ хозяинъ въ домѣ своей жены. Жена моя слышала, что М—ко имѣлъ ссору съ женою чрезъ Рѣзникова и упрекалъ ее, что она промѣняла его на мальчишку Рѣзникова; передавала это женѣ Авдотья Ильинишна. Варвара Дубровина пришла домой утромъ или днемъ 19 октября.

(На допросѣ 16 декабря 1888 г.). О семействѣ Дубровиныхъ я слышалъ отъ Евдокіи Ильиной Кривенко слѣдующее: Федулъ Федоровъ (онъ же Егоръ) Дубровинъ былъ человѣкъ бѣдный, чернорабочій, служилъ у купца Семена Кошкина, женился на Варварѣ Матвѣевой—урожденной Голькиной, которая въ то время была женщина бѣдная, работала на мойкѣ, впослѣдствіи торговала борщемъ для чернорабочихъ. Затѣмъ самъ Дубровинъ находился у того же Кошкина прикащикомъ и еще гдѣ-то, а потомъ началъ свою торговлю и пріобрѣлъ богатое состояніе, которое послѣ его смерти досталось вдовѣ, Варварѣ Матвѣевой, сыну Федору и дочери Александрѣ; сынъ Федоръ былъ женатъ на дочери купца Дутикова, Натальѣ Матвѣевнѣ, умершей вскорѣ послѣ своего тестя, Федора Дубровина; до смерти своей она жила вмѣстѣ съ семействомъ Дубровиныхъ. Отношенія тещи къ ней были не особенно хороши, и она тяготилась своимъ положеніемъ. Приходилось ей, Кривенко, иногда носить отъ тетки покойной, купчихи Евдокіи Жаровой, пищу и передавать тайно черезъ окно. Послѣ отъѣзда мужа, Федора Егорова Дубровина, на излеченіе въ Ялту, она умерла отъ скоротечной чахотки, а потомъ вскорѣ, проѣздомъ изъ Ялты, и мужъ ея умеръ въ г. Кіевѣ. Изъ семьи осталось только вдова Варвара Дубровина и дочь Александра (нынѣ вдова Максименко), которой въ то время было 15 лѣтъ. По полученіи свѣдѣній о смерти сына, Варвара Дубровина уѣхала въ Кіевъ; дома, т. е. въ квартирѣ, остались дочь Александра и прислуга Марія Гребенькова. Ник. Фед. Максименко состоянія никакого не имѣлъ, находился тогда служащимъ въ

конторѣ братьевъ Дубровиныхъ и, какъ человѣкъ знакомый, часто бывалъ въ домѣ. Во время отъѣзда В. Дубровиной между дочерью ея Александрою и Максименко начались любовныя отношенія, о которыхъ только знала Марія Гребенькова, а потомъ, по возвращеніи изъ Кіева, узнала и мать Александры; послѣдняя изъявила желаніе выдти замужъ за М—ко, на что мать не давала согласія, но, узнавши ближе о знакомствѣ дочери съ М—ко, изъявила согласіе и такимъ путемъ состоялся бракъ. Образованія никто изъ семейства Дубровиныхъ не получилъ, а также и Александра М—ко. Сама вдова В. Дубровина женщина крайне необразованная и любитъ выпивать.

Дмитріева. Эмма Карловна *(Протоколъ допроса 9 декабря 1888 г.)*. О смерти Н. Ф. Максименко знаю слѣдующее: Максименко привезли въ Ростовъ больнымъ тифомъ, въ концѣ сентября; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала и жена его, Александра Егоровна. Во время болѣзни М—ко я не ходила въ комнаты М—ко; о выздоровленіи М—ко я узнала отъ жены его, а потомъ, 16 октября, приходилъ къ намъ въ квартиру Рѣзниковъ и передалъ моему мужу желаніе М—ко познакомиться съ мужемъ (мы заняли квартиру въ домѣ Дубровиной, тещи его, лѣтомъ, когда М—ко жилъ въ Калачѣ). Намъ непріятно было это приглашеніе къ М—ко, какъ болѣвшему заразительною болѣзнію—тифомъ, но все-таки, благодаря усиленной просьбѣ Рѣзникова, мужъ мой пошелъ къ М—ко, у котораго онъ былъ болѣе часу. 18 октября, въ пятомъ часу дня, когда мужъ мой только что пришелъ со службы обѣдать, пришла къ намъ прислуга Дубровина, Марья Васильевна, и говорила, что М—ко желаетъ къ намъ придти и что можно-ли ему теперь придти; ей сказали, что теперь нельзя, такъ какъ мы будемъ обѣдать, а послѣ обѣда пришлемъ сказать дѣвочку. М—ко пришелъ къ намъ въ началѣ пятаго часа и посидѣлъ не больше $^3/_4$ часа; привела его къ намъ Александра Егоровна до дверей, а въ комнату не вошла. М—ко выпилъ у насъ стаканъ чаю, въ который положилъ одну ягодку варенья аладжи; съ чаемъ онъ съѣлъ два кусочка бѣлаго хлѣба; о здоровьи своемъ говорилъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо, что есть аппетитъ, что онъ ѣлъ икру, тортъ и пилъ кофе, что бульенъ ему надоѣлъ, что онъ съ удовольствіемъ ѣлъ-бы борщъ; говорилъ, что

онъ собирается въ театръ; уходя отъ насъ, онъ не жаловался ни на какую боль. Послѣ ухода М—ко мы до 5 часовъ утра не слышали никакой суеты въ домѣ Дубровиныхъ; въ 5 часовъ постучали къ намъ въ дверь отъ Александры Егоровны; какъ оказалось, мужъ тотчасъ пошелъ на зовъ, а за нимъ вслѣдъ пошла и я въ комнату, гдѣ находился М—ко. Максименко уже былъ безъ сознанія и кончался. Когда я шла въ комнаты М—ко, то въ корридорѣ встрѣтила Александру Егоровну съ матерью Рѣзникова; я спросила Алекс. Ег., что случилось съ Николаемъ Федоровичемъ, на что она мнѣ задорно отвѣтила: «еще-бы, вы ему дали пить крѣпкаго чаю и ѣсть булку съ макомъ!» Рѣзникова тогда сказала, что не отъ этого,—вѣдь онъ съ нами ѣлъ икру, тортъ и пилъ кофе. Посмотрѣвъ на М—ко, я тотчасъ-же ушла къ себѣ на квартиру, такъ какъ заплакалъ мой грудной ребенокъ; вскорѣ пришелъ и мужъ мой, говоря, что М—ко уже умеръ. Утромъ я слышала изъ своей комнаты крикъ въ сосѣдней комнатѣ матери Александры Егоровны—кричала Алекс. Ег. на вопросы матери, что съ нимъ случилось—что «онъ былъ у нихъ», очевидно говоря о насъ, т. е., что у насъ былъ М—ко и пилъ чай. Затѣмъ утромъ или днемъ я разговаривала съ прислугой Дубровиной, Марьей Васильевной, которой я высказала претензію на Алекс. Ег., что она оскорбительно для меня говоритъ, что мы будто дали крѣпкаго чаю М—ко, отчего съ нимъ будто и сдѣлалось дурно. Марья Васильевна сказала мнѣ на это, что значитъ и она виновата, что ее посылали къ намъ сказать, что М—ко хотѣлъ придти къ намъ посидѣть, но что, когда М—ко вернулся къ себѣ отъ насъ, то на столѣ у нихъ стоялъ самоваръ и М—ко просилъ, чтобы ему налили стаканъ чаю на ночь. Въ тотъ же день приходилъ къ намъ въ комнаты Рѣзниковъ, спрашивая моего мужа; когда я ему сказала, что мужъ мой ушелъ на службу, то онъ сталъ мнѣ говорить, что д-ръ Португаловъ не даетъ свидѣтельства, что онъ лечилъ М—ко, что требуетъ за это свидѣтельство 300 руб., потомъ, черезъ нѣсколько времени, въ тотъ же день, Рѣзниковъ опять приходилъ къ намъ въ квартиру и говорилъ мнѣ, что д-ръ Португаловъ не выдаетъ свидѣтельства потому, что наводитъ справки, не было ли любовной связи Алекс. Ег. съ моимъ мужемъ и какъ жили супруги М—ко. О поведеніи Алекс.

Ег. во время болѣзни ея мужа я могу сказать слѣдующее: видѣла я разъ во дворѣ Алекс. Ег.; она брала воду: въ это время проходилъ Рѣзниковъ по двору и они обмѣнялись такими взглядами, какіе бываютъ между людьми близкими,—они улыбались другъ другу. Вообще поведеніе Алекс. Ег. было такое странное, что я возненавидѣла ее невольно. Приходилось мнѣ часто заходить во время болѣзни М—ко въ ихъ кухню, гдѣ работала швея, между прочимъ, и для меня, и въ кухнѣ этой я заставала Алекс. Ег., которая по долгу тамъ оставалась и вела себя совершенно покойно, вовсе не какъ жена опасно больного мужа; я говорила ей тогда, что какъ-же она оставляетъ мужа одного, что онъ такъ слабъ, что можетъ умереть и она не успѣетъ и проститься съ нимъ; она покойно отвѣтитъ, что ничего. Разъ она говорила, что съ мужемъ хуже, что она одна, что матери ея нѣтъ въ Ростовѣ, и я совѣтовала ей пригласить другого доктора и швея указала на д-ра Лешкевича, котораго и дѣйствительно звали къ больному. Послѣ похоронъ М—ко Алекс. Ег. дома находилась мало, а все больше у Рѣзниковыхъ; въ день имянинъ матери ея у нихъ раздавалась музыка—кто то игралъ на рояли. Я слышала, что въ день имянинъ предполагался сговоръ Алекс. Ег. съ Рѣзниковымъ; были приглашены повара, но сговоръ этотъ состоялся, или нѣтъ—я не знаю; не помню отъ кого то я слышала, что будто Алекс. Ег. выдала векселя Рѣзникову, что сначала она устроитъ сговоръ, потомъ отложатъ свадьбу на полгода. Я сама слышала, что Алекс. Ег. называла Рѣзникова только по имени «Аристархъ»; Рѣзниковъ разъ сказалъ о ней, на другой день похоронъ М—ко, что одна Саша знаетъ, какъ открывать несгораемый шкафъ, стоящій въ нашей квартирѣ. Рѣзниковъ пришелъ тогда къ намъ въ комнаты и, смотря на шкафъ, спросилъ, кто приходилъ и что брали изъ этого шкафа; я отвѣтила, что вчера приходила старуха Дубровина и Алекс. Ег. и брали изъ шкафа серебро; тогда Рѣзниковъ и сказалъ, что тамъ вѣроятно добра много и одна Саша знаетъ, какъ отпирать. О поведеніи Рѣзникова я могу сказать, что онъ велъ себя какъ хозяинъ и во время болѣзни М—ко, и въ особенности послѣ его смерти. Объ отношеніяхъ Алекс. Ег. съ Рѣзниковымъ я слышала слѣдующее: дочь прислуги Маріи Васильевны, Марфа, послѣ похоронъ М—ко говорила мнѣ, что въ прошлое лѣто 1887 г. Алекс.

Ег. пріѣзжала лѣтомъ изъ Калача въ Ростовъ варить варенье, что жила она въ Ростовѣ мѣсяцъ, гуляла съ Рѣзниковымъ, что М—ко писалъ ей письма, а потомъ пріѣхалъ и звалъ въ Калачъ, но она говорила, что еще не окончила варенье варить, что она, Марфа, слышала ссору между ними, во время которой М—ко упрекалъ жену, что она промѣняла его на мальчишку. На другой день похоронъ М—ко была у насъ на квартирѣ сестра М—ко и разсказывала, что брата ея обижали въ семействѣ Дубровиныхъ, такъ что онъ хотѣлъ бросить домъ. Сестра, Елисавета Фед. Максименко, живетъ въ с. Кагальникѣ, она дочь священника. Марья Васильевна по отъѣздѣ сестры М—ко говорила мнѣ, что приходилъ къ Александрѣ Егоровнѣ капитанъ съ того парохода, на которомъ уѣзжала изъ Ростова сестра М—ко, и говорилъ Алекс. Ег., что вотъ золовка ея говорила на пароходѣ, что отравили ея брата и потрошили. Отъ дворника Дубровиныхъ я слышала, что онъ часто ходилъ за Рѣзниковымъ, за которымъ посылала его часто Алекс. Ег., и что часто она сама ходила къ Рѣзниковымъ, что разъ онъ слышалъ въ корридорѣ Алекс. Ег. была съ Рѣзниковымъ и что-то они такое дѣлали, шептались, что ему стыдно говорить о молодой барынѣ.

Максименко Елизавета Федорова *(Протоколъ допроса 21 декабря 1888 г.)*. Братъ мой, Николай, поступилъ на службу въ контору Дубровиныхъ въ 1884 году, получая жалованья кажется болѣе 50 руб. Я была особенно дружна съ моимъ покойнымъ братомъ и онъ со мною былъ откровененъ. Такъ, онъ передъ женитьбой на Александрѣ Дубровиной говорилъ, что она, Дубровина, интересовалась имъ, бѣгала въ контору съ цѣлію видѣться съ нимъ. Это было еще лѣтомъ 1884 г. до 20 іюля; послѣ этого, когда я пріѣзжала сюда въ Ростовъ къ замужней сестрѣ, братъ показывалъ мнѣ карточку Александры Дубровиной, спрашивая, нравится-ли мнѣ, при чемъ говорилъ, что она богатая и ухаживаетъ за нимъ. Тогда-же я познакомилась съ Александрой Дубровиной на пароходѣ, на которомъ я, по приглашенію брата, ѣздила съ ними кататься въ Старочеркасскъ. Дубровина мнѣ не понравилась съ перваго раза, она слишкомъ неразвита, странныя манеры у нея слишкомъ простой, не воспитанной дѣвушки, при этомъ она была худая, на видъ болѣзненная. Бывая затѣмъ зи-

мою послѣ этого, я слышала отъ покойнаго брата, что онъ бывалъ часто у Дубровиныхъ, что его полюбилъ братъ Александры Дубровиной, Федоръ, тогда больной чевовѣкъ, которому онъ ходилъ читать книги по вечерамъ, игралъ съ нимъ въ карты, что Александра Дубровина тоже играла съ ними въ карты и во время игры подъ столомъ жала ему ноги; когда онъ по приглашенію Федора Дубровина оставался у нихъ ночевать, то Александра Дубровина звала его къ себѣ въ спальню, научая, какъ пройти къ ней ночью, чтобы не заскрипѣла дверь, которую нужно было приподнимать, чтобы не скрипѣла; приходила она къ нему сама въ залъ, гдѣ ему готовилась постель, когда онъ оставался у нихъ ночевать. Когда Варвара Дубровина уѣхала къ сыну Федору въ Кіевъ, гдѣ онъ умеръ, не доѣхавъ за границу, куда онъ поѣхалъ было лечиться, то просила моего покойнаго брата жить у нея въ домѣ и смотрѣть за ея дочерью, Александрой; я пріѣзжала въ Ростовъ въ это время, кажется, передъ пасхой, и братъ Николай говорилъ мнѣ, что онъ близко сошелся съ Александрой Дубровиной и не знаетъ, что ему теперь дѣлать—жениться или нѣтъ; я отвѣтила ему, какъ знаетъ, и онъ, задумавшись, а потомъ вскочивши, сказалъ, «ну или панъ, или пропалъ—женюсь!» При этомъ онъ говорилъ, что Александра Дубровина просила его не оставлять ее теперь; говорила также, что будто узнала объ этомъ прислуга Дубровиной, которую онъ просилъ не говорить матери, Варварѣ Дубровиной, но послѣдняя узнала все таки и брата уже не выпускала,—онъ былъ у нихъ день и ночь; я думаю, что его заставили жениться на Александрѣ Дубровиной. Когда я пріѣхала на свадьбу, устроенную вскорѣ послѣ похоронъ Федора Дубровина, тѣло котораго привезла старуха Дубровнна изъ Кіева, то при мнѣ приходилъ давно сватавшійся за Александру Дубровину какой то женихъ; сидѣлъ онъ тогда въ залѣ; проходилъ въ это время мой покойный братъ и старуха Дубровина, взявъ за руку его, сказала тому жениху, что вотъ кто будетъ мой зять, хотя и бѣдный. Вѣнчали ихъ въ посадѣ Азовѣ. На свадьбѣ былъ только одинъ дядя Исай Дубровинъ, а Егора Дубровина не было. Первый годъ братъ, кажется, хорошо жилъ съ молодой женой. Но на второй годъ ихъ жизни я увидѣла, что жизнь брата несчастлива; онъ ужасно измѣнился, похудѣлъ, на лицѣ появились тем-

ныя пятна вмѣсто прежняго румянца. Въ великій постъ 1887 г. я получила лично приглашеніе отъ невѣстки Александры, когда пріѣзжала въ Ростовъ къ сестрѣ, чтобы я пріѣхала къ ней работать — шить бѣлье. Я пріѣхала къ нимъ и прожила у нихъ всего съ масляной шесть недѣль. За это время я видѣла, какъ обращались жена и теща съ покойнымъ братомъ; обращались такъ пренебрежительно, такъ враждебно, что онъ видимо боялся ихъ; такъ, напримѣръ, жена и теща секретно отъ него и отъ меня ѣли лакомства; насъ кормили капустой, картофелемъ, а сами тихонько отъ насъ ѣли на кухнѣ аладьи съ вареньемъ; попроситъ иногда, бывало, братъ сварить ему яицъ, такъ теща такъ злобно исполняла его просьбу и на кухнѣ произносила такія фразы: «чертъ ихъ подери; нищіе соберутся, а ихъ корми!» Обо мнѣ Александра Егоровна говорила брату, что зачѣмъ я пріѣхала; а на кухнѣ ругаетъ и говоритъ, что это я за подаркомъ пріѣхала къ празднику, но что она шишъ мнѣ купитъ, и себѣ не будетъ покупать, чтобы мнѣ не купить. Кормили меня тогда такъ, что я заболѣла катаромъ желудка. Я слышала разъ, старуха теща говорила своей дочери Александрѣ въ то время, когда я сидѣла съ ними въ кабинетѣ, читая книгу, что зачѣмъ она въ зубы смотритъ мужу, что она должна держать его въ рукахъ, не давать потачки. Наставленіе матери не проходило даромъ; она по приходѣ покойнаго брата со зломъ спрашивала: гдѣ онъ былъ, деньги истратилъ, пилъ? заставляла его дышать, чтобы узнать, не пахнетъ ли виномъ, смотрѣла кошелекъ его, чтобы узнать, цѣлы ли деньги. Это повторялось не одинъ разъ. Затѣмъ въ другой мой пріѣздъ къ брату, весной ранней, кажется, я была свидѣтельницей возмутительной сцены, сдѣланной тещей моему брату. Пріѣхала она тогда пьяная отъ какого-то кума; братъ спрашивалъ ее о какихъ-то бумагахъ; она придралась и начала ругать его, называя подлецомъ, мошенникомъ, что онъ съ братомъ хочетъ обобрать ея дочь; братъ такъ былъ возмущенъ поступкомъ тещи, говорилъ, что они изъ него кровь сосутъ, что онъ не можетъ жить съ ними, что они его мучатъ; сталъ онъ тогда одѣваться и уходить, но невѣстка тоже говорила, что она пойдетъ съ нимъ; и они жили въ гостинницѣ почти недѣлю, а потомъ теща приходила, кланялась и просила

прощенія, и они опять стали жить въ домѣ тещи. Осенью 1887 г. братъ пріѣзжалъ къ намъ въ Кагальникъ съ Рѣзниковымъ; собрались гости и конечно всѣ выпили; когда братъ захмѣлѣлъ, то онъ, разговорившись о своей жизни, о своемъ состояніи, расплакался, говорилъ, что онъ несчастный человѣкъ, что его мучатъ, притѣсняютъ, что онъ ничего не можетъ для насъ, родныхъ, сдѣлать, что его заставляютъ ссориться съ нами и при этомъ сказалъ мнѣ, что я украла бархатную кофту у его жены, какъ сказала ему она; я конечно увѣряла брата, что это выдумка его жены. Послѣ оказалось, что кофта у нея цѣла, какъ сама она мнѣ сказала. Рѣзниковъ велъ себя просто, былъ веселъ и уговаривалъ брата успокоиться. Послѣ этого вскорѣ я заболѣла и пролежала шесть мѣсяцевъ въ постели. Въ первыхъ числахъ іюня, я по приглашенію Александры Егоровны пріѣхала къ нимъ въ Калачъ и прожила болѣе двухъ мѣсяцевъ. Живя у нихъ, я замѣчала, что отношенія между братомъ и его женой были «такъ себѣ»; разъ только по поводу прислуги у нихъ произошла ссора—братъ говорилъ ей, что она унижаетъ себя, связывается съ прислугой, а она разсердилась, покраснѣла, начала «фыркать» и говорила, что онъ ее стѣсняетъ, что ей здѣсь скучно, что онъ держитъ ее въ четырехъ стѣнахъ. Просилась невѣстка въ Ростовъ, но братъ не пускалъ и уговаривалъ ее, потому что ему скучно. Вообще я видѣла, что невѣстка не любила моего покойнаго брата. Уѣхавъ отъ нихъ изъ Калача, я больше уже брата не видѣла; о болѣзни брата насъ въ Кагальникъ не извѣстили, а извѣстили, когда онъ уже умеръ. При мнѣ вскрывали и похоронили брата. Александра Егоровна была покойна, не плакала. Я видѣла, что она постоянно была съ Рѣзниковымъ; куда онъ, туда и она, и все шушукались. Въ день похоронъ, вечеромъ, когда Александра Егоровна провожала Рѣзникова, я случайно видѣла, что они цѣловались въ корридорѣ. Четыре ночи послѣ похоронъ Алекс. Ег. ночевала у Рѣзниковыхъ. Я видѣла и другой разъ, когда Алекс. Ег. цѣловалась съ Рѣзниковымъ, тоже въ корридорѣ, когда она ходила его провожать—я, стоя у двери, слышала поцѣлуи, это было на второй день похоронъ, когда возвратились съ кладбища, куда ѣздили мы на могилу брата; на кладбище пріѣзжалъ и Рѣзниковъ, съ которымъ Алекс. Ег. смѣялась и видимо по-

вольна была, что онъ пріѣхалъ на кладбище. На третій день послѣ похоронъ я уѣхала домой съ своей матерью, бывшей тоже на похоронахъ. На пароходѣ, на которомъ мы ѣхали, въ разговорѣ съ капитаномъ парохода о братѣ, капитанъ говорилъ, что братъ мой отравленъ, что во внутренностяхъ его нашли отраву. Къ намъ, родственникамъ покойнаго брата, Дубровины относились вообще пренебрежительно и въ особенности это замѣтно было послѣ смерти брата — мнѣ даже не отдали на память пальто брата, не смотря на то, что я просила Алекс. Ег., не дали ни одной нитки.

(На допросѣ 27 февраля 1889 г.). Лѣтомъ прошлаго года, когда я гостила у покойнаго брата въ Калачѣ, тамъ въ погребѣ дѣйствительно была масса крысъ, которыя все портили и поѣдали. Ставили и крысоловки, привязывали сундукъ, въ которомъ хранилось варенье, на веревку, держали на вѣсу, но крысы не унимались, и жена покойнаго брата, Алекс. Ег., не одинъ, а нѣсколько разъ просила конторщика Дьяконова купить мышьяку или сулемы для истребленія крысъ. На его вопросъ, гдѣ можно купить, она говорила — въ аптекѣ, или у торговокъ, которыя продаютъ дѣлаемое ими притираніе для лица. При мнѣ крысъ не травили никакимъ ядомъ, но травили-ли по моемъ отъѣздѣ и покупалъ-ли Дьяконовъ для этого мышьякъ или сулему, я не знаю.

Максименко, Антонинъ Федоровъ, братъ умершаго *(Протоколъ допроса 10 декабря 1888 г.).* О покойномъ братѣ моемъ, Николаѣ, могу сказать слѣдующее: воспитывался онъ въ Ростовскомъ реальномъ училищѣ на мой счетъ послѣ смерти нашего отца. Выйдя изъ реальнаго училища, гдѣ онъ курса не окончилъ, я держалъ для него репетитора, чтобы поступить ему въ другое какое либо заведеніе, но и этого не удалось; я далъ было ему занятіе—онъ сталъ было торговать зерновымъ хлѣбомъ; для чего я ему далъ 5 тысячъ рублей; торговля не удалась и онъ поступилъ конторщикомъ къ купцу Плотицыну; отъ него братъ поступилъ на службу къ начальнику дистанціи, а отсюда въ контору Дубровиныхъ; здѣсь онъ служилъ конторщикомъ и получалъ жалованья, кажется, рублей 50—прослуживъ мѣсяцевъ восемь или больше, братъ пріѣхалъ ко мнѣ (переписки у насъ не было, я

былъ имъ недоволенъ) и говорилъ, что онъ хочетъ жениться на дочери своего хозяина, при чемъ просилъ меня пріѣхать и познакомиться съ невѣстой. Ему было тогда 23 года. Я ѣздилъ въ Ростовъ, познакомился съ его невѣстой, очень молоденькой дѣвушкой, ей еще не было 16 лѣтъ. Мѣсяца черезъ два была у нихъ свадьба, въ апрѣлѣ 1885 г.; одинъ изъ дядей, Егоръ Дубровинъ, былъ противъ этого брака; не совѣтовала выходить дочери своей и старуха Дубровина за моего брата, на томъ основаніи, что онъ бѣденъ. Въ первое время братъ видимо хорошо жилъ съ женой; родился было у нихъ ребенокъ, но онъ умеръ даже не окрещеннымъ. Года черезъ два послѣ женитьбы, братъ сталъ мнѣ высказывать, что онъ тяготится своей жизнію, недоволенъ ни тещей, ни женой; вообще жаловался на свое тяжелое положеніе, и видно было, что онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ сравнительно съ тѣмъ, когда онъ женился—онъ тогда былъ совершенно здоровъ. Я избѣгалъ разспрашивать брата о причинахъ его тяжелой жизни, и онъ такъ и не говорилъ мнѣ ничего по душѣ. Одинъ разъ онъ мнѣ говорилъ, что онъ жилъ въ гостинницѣ мѣсяца четыре, такъ какъ невозможно было жить въ домѣ тещи; жена его тоже жила съ нимъ въ гостинницѣ. Послѣднія два лѣта братъ жилъ въ селеніи Калачѣ. О болѣзни брата я узналъ 7 октября, когда пріѣхалъ въ Ростовъ по своимъ дѣламъ; отъ доктора, его пользовавшаго, я узналъ, что у него былъ тифъ, и что ему лучше. Уѣзжая изъ Ростова, я просилъ Рѣзникова, бывшаго тогда у брата, чтобы онъ увѣдомлялъ меня о здоровьѣ брата. 19 октября я пріѣхалъ изъ Новочеркасска, засталъ у себя письмо и телеграмму, извѣщающую о смерти брата; вечеромъ 19 октября я пріѣхалъ въ Ростовъ и узналъ отъ тещи брата, что онъ поѣлъ икры, пирога и кофе пилъ, отчего съ нимъ и сдѣлалось плохо. Александру Егоровну и Рѣзникова я ни о чемъ не разспрашивалъ. Теща видимо соболѣзновала о смерти брата, а Александра Егоровна была покойна. Похоронивши брата, я уѣхалъ домой. Затѣмъ во время пріѣзда моего въ Ростовъ 18 ноября, ко мнѣ приходилъ Аристархъ Рѣзниковъ, у отца котораго я былъ тогда; Рѣзниковъ пригласилъ меня позавтракать и во время завтрака онъ сталъ говорить мнѣ, что онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ сказать мнѣ, что онъ намѣренъ жениться на Александрѣ Егоровнѣ;

я отвѣтилъ ему, что очень скоро, что это обидно для памяти брата, благодаря которому, какъ я узналъ отъ брата, онъ, Рѣзниковъ, поступилъ въ контору Дубровиныхъ. При этомъ я сказалъ еще Рѣзникову, что я теперь чужой Александрѣ Егоровнѣ и потому пусть онъ дѣлаетъ, какъ ему угодно. Вечеромъ того же дня я въ театрѣ разговаривалъ съ отцомъ Рѣзникова о женитьбѣ его сына на вдовѣ моего брата, и Рѣзниковъ былъ противъ этого брака. Рѣзниковъ еще очень молодъ, ему 19 лѣтъ. Объ отравленіи моего брата я не подозрѣвалъ. Теперь, когда вы, слѣдователь, мнѣ объявляете, что братъ мой Николай отравленъ, я тоже ничего не могу сказать, кто отравилъ его. Я не обращалъ вниманія на Рѣзникова при жизни моего брата, когда встрѣчалъ его случайно; но послѣ смерти брата я замѣчалъ, что Рѣзниковъ располагаетъ деньгами, да и самъ онъ мнѣ говорилъ, что у него есть деньги въ банкѣ.

Жировъ, Климъ Титовъ, 60 л., крестьянинъ. *(Протоколъ допроса 8 декабря 1888 г.).* Я служилъ сторожемъ у Максименкова; нанимала меня мать жены Максименкова, старуха Варвара Дубровина, которая и есть главная хозяйка въ домѣ. Поступилъ я на мѣсто на 2-й или 3-й недѣлѣ великаго поста этого года; черезъ недѣлю, какъ я нанялся, покойный М—ко уѣхалъ на своемъ пароходѣ въ Калачъ и пріѣхалъ сюда въ Ростовъ только передъ Покровомъ (1 октября), когда его привезли сюда больнымъ; въ Калачѣ у него два дома и тамъ ихъ пароходная пристань. Послѣ отъѣзда покойнаго М—ко въ Калачъ жена его оставалась въ Ростовѣ и уѣхала къ нему въ Калачъ на послѣднихъ дняхъ Пасхи. Я слышалъ отъ служащихъ на баржахъ М—ко, что М—ко присылалъ письмо къ Александрѣ Егоровнѣ, звалъ ее къ себѣ и былъ будто недоволенъ, что она не ѣдетъ къ нему. Алекс. Ег. лѣтомъ, кажется, пріѣзжала въ Ростовъ, но въ какое время и долго ли пробыла здѣсь, не помню хорошо; помнится, что я видѣлъ ее на балконѣ дома, выходящемъ на Николаевскій пер., я тогда былъ на улицѣ, сторожилъ домъ. Когда М—ко привезли больнымъ въ Ростовъ, то съ нимъ пріѣхала и Алекс. Ег. М—ко болѣлъ около 3 недѣль въ Ростовѣ; кто за нимъ за больнымъ ухаживалъ, я не знаю, такъ какъ въ комнаты меня не допускали. Отъ кухарки ихъ, Васильевны, я слышалъ,

что М—ко стало лучше, что выздоравливаетъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, Васильевна, провожая кого-то, сказала мнѣ, что М—ко умеръ, что уже обмыли и положили; тутъ и докторъ, что лѣчилъ М—ко, пріѣхалъ и я сказалъ ему, что М—ко уже умеръ. Во время болѣзни М—ко въ домѣ находились мать Алекс. Ег. и прислуга, дѣвушка Авдотья, и Марья Васильевна, кухарка, постоянно находился служащій въ конторѣ Дубровиныхъ, Аристархъ Данилычъ Рѣзниковъ, онъ всегда ѣздилъ за докторомъ и за лекарствомъ ходилъ. Когда похоронили М—ко, то всѣ стали говорить, что Алекс. Ег. имѣетъ любовную связь съ Рѣзниковымъ. Замѣтилъ и я одинъ разъ послѣ похоронъ М—ко, что вечеромъ, часовъ въ 7—8, Алекс. Ег. въ корридорѣ тихо разговаривала съ Рѣзниковымъ, я въ это время сидѣлъ у двери параднаго крыльца и имъ меня не видно было; они не долго съ полчаса «шептались» въ корридорѣ; я подумалъ, что это должно быть старуха Дубровина что нибудь ищетъ, такъ какъ въ корридорѣ стояли мѣшки съ пшеномъ и ячменемъ и спросилъ: «это вы, Варвара Матвѣевна?» но мнѣ ничего не отвѣтили, только вскорѣ отперли дверь и вышла изъ корридора съ Рѣзниковымъ Алекс. Ег.; Рѣзниковъ пошелъ домой на квартиру, а она вернулась въ домъ. Нѣсколько разъ я видѣлъ, что Алекс. Ег. уходила съ Рѣзниковымъ къ нему на квартиру и оставалась тамъ ночевать; часто она посылала меня за Рѣзниковымъ въ контору на берегъ Дона и на квартиру къ нему. Въ послѣднее время Рѣзниковъ уже поселился въ домѣ Алекс. Ег. и ведетъ себя, какъ хозяинъ, такъ что я обратился къ нему, какъ хозяину, чтобы онъ заплатилъ мнѣ деньги за службу, такъ какъ Алекс. Ег. наняла другого сторожа три дня тому назадъ, не знаю почему. По отъѣздѣ М—ко въ Калачъ, Рѣзниковъ часто, каждый день, былъ въ домѣ Алекс. Ег. Послѣ смерти М—ко, какъ-то разъ днемъ, проходила какая-то женщина мимо дома Алекс. Ег. и громко проговорила, остановившись противъ двора, что вотъ не успѣла еще похоронить мужа, а ужъ другого нашла. Во время болѣзни М—ко приходила мать и отецъ Рѣзникова и дяди Алекс. Ег., Дубровины. Передо мной служилъ сторожъ какой-то старикъ, не знаю, какъ звать и гдѣ живетъ. Когда оба М—ко уѣхали въ Калачъ, то лѣтомъ часто приходилъ смотрѣть за домомъ Рѣзниковъ

и часто ночевалъ. Старуха Дубровина лѣтомъ не жила въ Ростовѣ, а гдѣ-то на хуторѣ, гдѣ арендовала землю и занималась хлѣбопашествомъ.

Въ день смерти М—ко я пришелъ сторожить домъ, какъ и всегда, въ сумерки; я видѣлъ, что Рѣзниковъ пришелъ въ домъ Дубровиной вскорѣ, какъ я сталъ сторожить домъ; прошелъ онъ, какъ всегда и прежде, не черезъ парадное крыльцо, а черезъ калитку воротъ во дворъ, откуда есть дверь въ корридоръ дома. Уходилъ ли Рѣзниковъ послѣ этого изъ дома Дубровиной, я не видѣлъ, такъ какъ я не сижу на одномъ мѣстѣ—возлѣ парадного крыльца или воротъ, а хожу кругомъ дома, выходящаго на Донскую ул. и Николаевскій пер.; если я иду возлѣ дома по Николаевскому пер., то нельзя видѣть, кто входитъ, или выходитъ изъ дома Дубровина, такъ какъ дверь и ворота выходятъ на Донскую ул. О смерти М—ко я узналъ отъ Васильевны, которая вышла на парадное, когда она провожала какую-то женщину, кажется мать Рѣзникова, тогда Васильевна сказала мнѣ, что М—ко уже умеръ, о чемъ я сказалъ доктору, пріѣхавшему съ кѣмъ-то—не замѣтилъ. Меня никто никуда не посылалъ тогда, въ ночь смерти М—ко, а также и утромъ никуда не посылали. Прислугу дѣвочку Евдокію куда-то посылали; можетъ быть, посылали куда сторожа изъ конторы съ берега, но меня не посылали. Рѣзниковъ въ ночь смерти М—ко ночевалъ въ домѣ Дубровиной; я не видѣлъ, чтобы онъ уходилъ изъ дому.

По поводу показанія Антонина Максименко, *Рѣзниковъ* объяснилъ, что онъ никогда Антонину не говорилъ, что хочетъ жениться на Алекс. Ег., а что, напротивъ, Антонинъ предлагалъ ему устроить женитьбу на вдовѣ брата и просилъ его, Рѣзникова, какъ близкаго человѣка къ семьѣ М—ко, достать ему документы, по которымъ Николай М—ко являлся владѣльцемъ части въ пароходствѣ Дубровиныхъ. Разговоръ этотъ происходилъ въ гостинницѣ «Грандъ-Отель» за завтракомъ, куда пригласилъ его Максименко. Я увѣренъ, что когда Ант. М—ко разспрашивалъ меня о женитьбѣ на вдовѣ брата, онъ хитрилъ—хотѣлъ у меня выпытать, такъ какъ онъ въ тотъ-же вечеръ предлагалъ отцу моему женить меня на Алекс. Ег., но отецъ мой не согласился на такой бракъ.

По поводу показанія сторожа Жирова—Рѣзниковъ объяснилъ, что разсчитанъ былъ Жировъ потому, что по заведенному у Дубровиныхъ порядку, когда кончалась навигація и оставалось много служащихъ, большею частью водоливовъ и боцмановъ, людей молодыхъ, здоровыхъ, совершенно безъ дѣла, ихъ оставляли сторожами. Такъ-же и Жировъ былъ замѣненъ водоливомъ съ баржи.

Свидѣтель *Леонтьевъ* подтвердилъ существованіе такого порядка.

Куколевскій, Иванъ Павловъ *(Протоколъ допроса 21 декабря 1888 г.).* Я второй годъ служу въ конторѣ Дубровиныхъ. Рѣзниковъ поступилъ послѣ меня на службу въ ту же контору, по протекціи покойнаго Ник. М—ко, съ которымъ они были въ дружбѣ. Мнѣ извѣстно, что Рѣзниковъ часто бывалъ у М—ко—онъ его приглашалъ. О характерѣ Рѣзникова я ничего не могу сказать—это еще не установившійся характеръ, я видѣлъ въ немъ еще мальчика; я не видѣлъ въ Рѣзниковѣ хорошихъ задатковъ; такъ, онъ неохотно работалъ, былъ разсѣянъ, любилъ франтить, носилъ золотое кольцо, разсказывалъ, что онъ часто бываетъ въ театрѣ, но впрочемъ онъ ходилъ въ театръ по даровому билету, не знаю откуда имъ добытому, но думаю, что это ему далъ кто-либо изъ артистовъ, такъ какъ онъ всегда старался быть знакомымъ съ артистами; я самъ видѣлъ, что онъ ходилъ за кулисы во время представленія. Въ прошлое лѣто этого года Рѣзниковъ, я видѣлъ, бывалъ въ семейномъ саду, имѣя тоже билетъ безплатный для входа въ садъ и въ театръ. Въ послѣднее время, когда стало извѣстнымъ, что во внутренностяхъ М—ко найденъ мышьякъ, я замѣчалъ, что Рѣзниковъ сталъ сосредоточенъ. Не знаю, правду ли говорилъ Рѣзниковъ, что будто онъ вноситъ деньги въ Государств. Банкъ, но какія это деньги онъ вноситъ—не знаю, во всякомъ случаѣ не свое жалованье, котораго онъ получалъ до 35 р. Послѣ похоронъ М—ко, кажется, на 42 день, я видѣлъ, что въ театрѣ въ ложѣ были старуха Дубровина, вдова М—ко, Рѣзниковъ, мать и сестра Рѣзникова. Я слышалъ разговоръ, что Рѣзниковъ намѣренъ былъ жениться на вдовѣ М—ко. У отца Рѣзникова громадное семейство, 8 человѣкъ дѣтей; бывая у нихъ изрѣдка по приглашенію Аристарха Рѣзникова, я видѣлъ въ квартирѣ ихъ бѣдность, грязную, безпорядочную обстановку, слы-

шалъ, разъ мать Рѣзникова говорила, что она своего сына Аристарха женитъ только на богатой невѣстѣ; говорила она это, когда зашелъ разговоръ вообще о женитьбѣ. Отецъ Рѣзникова уличный адвокатъ, а теперь мѣсяцевъ 5 какъ завѣдуетъ дѣлами умершаго купца Старкова. Я слышалъ, что послѣ смерти М—ко Александра М—ко ходила къ Рѣзниковымъ.

Затѣмъ, прочитано показаніе Ивана Григорьева *Левитскаго*, женатаго на родной сестрѣ умершаго Н. Максименко, жительствующаго въ Кубанской области и допрошеннаго 6 апрѣля 1889 г. и. д. суд. слѣд. 2 уч. въ г. Ростовѣ на Дону. Свидѣтель выѣхалъ изъ Ростова въ мартѣ 1887 г. и съ тѣхъ поръ не видѣлъ супруговъ Максименко. Предметомъ показанія Левитскаго была исключительно характеристика супружескихъ отношеній Максименко и личности подсудимой, состоявшей, по мнѣнію свидѣтеля, въ 1886—87 гг. въ интимныхъ отношеніяхъ съ полицейскимъ чиновникомъ П—мъ. Показаніе Левитскаго здѣсь не приводится, такъ какъ содержаніе его полностью занесено въ обвинительный актъ.

Саржинскій, Александръ Яковлевъ (на допросѣ 28 апрѣля 1889 г.). Я знакомъ съ Левитскимъ и, когда онъ жилъ въ Ростовѣ, часто ходилъ къ нему на квартиру, какъ и онъ ходилъ ко мнѣ. Бывая у Левитскаго, я встрѣчалъ у него бывшаго помощ. прист. Панфилова; бывали у Левитскаго и покойный Максименко съ женой. Отъ Панфилова я слышалъ, что онъ знакомъ съ М—ко; я слышалъ, что Александра М—ко была воспріемницею ребенка у Панфилова, и то, впрочемъ, утвердительно сказать не могу. Панфиловъ дѣйствительно одинъ разъ давалъ мнѣ, кажется, весною 1887 г. золотыя вещи для продажи, объясняя, что ему нужны деньги. Мнѣ помнится, что вещи были въ трехъ, кажется, коробкахъ, замѣтно потертыхъ уже: два кольца, изъ коихъ одно съ бриллiантомъ, брошка и браслетъ. По просьбѣ его, я носилъ ихъ для продажи моимъ знакомымъ; впрочемъ я даже еще и не успѣлъ никому предложить ихъ купить, такъ какъ обидѣлся на Панфилова, который, мнѣ показалось, недовѣрчиво на меня сталъ смотрѣть, такъ какъ онъ мнѣ далъ росписку, что вещи тѣ его собственныя. Откуда у него были тѣ вещи, я не знаю—онъ говорилъ, что вещи его собственныя.

Предсѣдат. Свидѣтель д-ръ Красса! Помня данную вами присягу, разскажите все, что извѣстно вамъ по этому дѣлу.

Красса, Маркъ Федоровичъ, врачъ ростовской тюремной больницы. Вечеромъ 19 октября 1888 г. я получилъ два отношенія отъ г. Приставовъ о вскрытіи труповъ и опредѣленіи причины смерти, изъ которыхъ въ одномъ изъ отношеній было упомянуто о потомственномъ почетномъ гражданинѣ Н. Ѳ. Максименко.

На другой день, я отправился въ городскую больницу исполнять означенныя въ отношеніяхъ порученія, что почти всегда исполняется въ больницѣ. По пріѣздѣ туда я вскрылъ только доставленный туда одинъ трупъ, а трупа Максименко не было, вслѣдствіе чего я по телефону спросилъ пристава 2-го уч. о причинѣ, который мнѣ отвѣтилъ, что трупъ въ дорогѣ уже и сейчасъ будетъ доставленъ, но трупа все-таки не было. Къ этому времени въ городскую больницу пріѣхалъ и городовой врачъ Пановъ; а вскорѣ въ контору больницы явились два господина, изъ которыхъ, какъ я послѣ узналъ, одинъ былъ братъ покойнаго—Антонинъ Максименко, а другой—Рѣзниковъ. Максименко обратился къ Панову съ просьбой поѣхать вскрыть трупъ на квартиру, на что Пановъ отвѣтилъ ему, что трупъ буду вскрывать я, чтобы они обратились съ этой просьбой ко мнѣ, и, между прочимъ, спросилъ: «неужели никто не могъ пригласить врача»? Антонинъ Максименко отвѣтилъ: «нѣтъ, какъ же!.. Его лечилъ докторъ отъ брюшного тифа, но знаете—больные этого рода не аккуратны и чуть ему стало лучше, онъ «обожрался» и икрой и тортомъ и проч.: ну и конецъ...» «Въ такомъ случаѣ, лечившій врачъ и долженъ былъ дать свидѣтельство о смерти, тѣмъ болѣе, что опредѣляется даже и форма болѣзни», сказалъ Пановъ. «Вотъ въ томъ-то и вся суть, что Португаловъ не даетъ свидѣтельства, а требуетъ за него 300 р., почему мы и обратились къ полиціймейстеру съ просьбой о вскрытіи»... Дабы прекратить этотъ, какъ намъ казалось тогда, пасквиль на врача, я заявилъ, что вскрывать трупъ я буду завтра въ 9 часовъ утра. 20-го вечеромъ, часовъ въ 5 или 6, ко мнѣ на квартиру заходитъ діаконъ Безклубовъ и проситъ, отъ лица всего клира Казанской церкви, произвести вскрытіе раньше для того, чтобы успѣть отпѣть покойнаго, — иначе онъ останется 21 октября въ церкви, а этотъ день—канунъ

торжественнаго, престольнаго дня этой церкви. Уступивъ просьбѣ отца діакона, я попросилъ его съѣздить къ фельдшеру и увѣдомить его, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ не въ 9 часовъ, а пораньше. Часовъ въ 6 21 октября ко мнѣ явился одинъ изъ тѣхъ двухъ людей, которые пріѣзжали въ больницу, назвавшійся Рѣзниковымъ. Онъ извинился, что потревожилъ меня въ такое время, но, чтобы не вышло какого нибудь недоразумѣнія, пріѣхалъ спросить—«не обижусь ли я, если при вскрытіи будутъ еще доктора?..» По этому поводу я, напротивъ, выразилъ крайнее удовольствіе и даже поблагодарилъ, когда узналъ, что ими приглашены доктора Лешкевичъ и Моргулисъ, пользующіеся въ городѣ популярностью и уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что Лешкевича я зналъ, какъ старшаго, опытнаго врача, и пользовался его совѣтами на консиліумахъ.

Отправившись на вскрытіе по данному мнѣ адрессу и проѣзжая мимо аптеки Рейвича, я взялъ растворъ сулемы 10 гранъ на два фунта воды. По пріѣздѣ на квартиру Дубровиныхъ, которыхъ, какъ и покойнаго Максименко, я тоже не зналъ, я засталъ многихъ, и между прочими доктора Моргулиса.

Не прошло десяти минутъ, какъ пріѣхалъ и д-ръ Лешкевичъ. При нашемъ разговорѣ присутствовалъ пом. прист. Англичанковъ; я предложилъ врачамъ слѣдующее положеніе: изъ предварительныхъ свѣдѣній ясно, что покойный страдалъ брюшнымъ тифомъ, что подтвердилъ и д-ръ Лешкевичъ, который видѣлъ больного въ періодъ высыпанія розеолъ; у больного были боли въ животѣ, рвота и (сравнительно скорая) смерть при явленіяхъ задушенія. Вѣроятно,—что большею частью бываетъ и на что указывали прижизненные симптомы, — у больнаго должно было имѣться прободеніе кишечной стѣнки на мѣстѣ тифозной язвы, или же вторая частая причина смерти—параличъ сердца, а потому и вскрытіе мы начнемъ съ брюшной полости и, если найдемъ сказанное прободеніе—то и ограничимся этимъ, въ виду опредѣленной причины смерти; если же не найдемъ, то пойдемъ дальше. Помощникъ пристава сообщилъ намъ, что въ отношеніи Португалова приставъ 19 октября производилъ дознаніе о вымогательствѣ 300 р. и Португаловъ на вопросы пристава говорилъ только о томъ, что «ему смерть не ясна», что такимъ образомъ устра-

няется всякая мысль о какой либо неестественной смерти.—Мы приступили къ вскрытію, и я разрѣзалъ во всю толщу брюшныя стѣнки; перфораціи мы не нашли. Я обратился къ врачамъ и Англичeнкову и предложилъ имъ пригласить на вскрытіе и лечившаго врача, на что изъявилъ полное согласіе и Англичeнковъ, который отправился къ Португалову, а я, чтобы не терять времени, не вскрывая органовъ брюшной полости, разрѣзалъ мягкіе покровы головы и началъ пилить черепъ.

Такимъ образомъ я приготовилъ трупъ, такъ сказать, «на черно», не вскрывая органовъ, а отдѣливъ сводъ черепа, грудину съ разрѣзанными ранѣе брюшными стѣнками, которыя и прикрылъ. Въ это время въ залъ явился Португаловъ и Англичeнковъ. Съ Португаловымъ я былъ знакомъ ранѣе. Я попросилъ его разсказать подробно явленія и исторію болѣзни покойнаго. «Да что я могу сказать?!. Я лечилъ покойнаго отъ брюшнаго тифа... температура высокая, жажда и прочія явленія тифа. Я вылечилъ больнаго; вдругъ вечеромъ меня зовутъ; больной мучается, стонетъ, сильная рвота; я прописалъ, знаете, миндальную эмульсію и уѣхалъ». А чѣмъ рвало больного? «Обыкновенная, жидкая слизь, безцвѣтная, простая». Крови не было? Особеннаго ничего не было? «Нѣтъ».

Я развернулъ брюшныя стѣнки и указалъ на рѣзко выдѣляющіяся темнофіолетовыя пятна на мѣстѣ брюшныхъ язвъ. Послѣ этого я вырѣзывалъ отдѣльныя петли кишекъ. Во время осмотра язвъ, сзади себя я вдругъ слышу голосъ Португалова: «а все-таки мнѣ смерть не ясна»... На это мы отвѣтили, что «если вамъ не ясна смерть, то намъ еще того менѣе пока; подождемъ немного и авось найдемъ и причину»... При изслѣдованіи печени, Португаловъ говоритъ, чтобы я уже ему далъ «часть органовъ». На это по меньшей мѣрѣ странное желаніе послѣдовалъ съ моей стороны вопросъ: для какой же цѣли вамъ это желательно? Онъ мнѣ, въ присутствіи всѣхъ отвѣтилъ: «такъ себѣ, я хочу дома сдѣлать изслѣдованіе». Когда мы дошли до желудка и какъ только я упомянулъ, что у выхода начинается язвенная поверхность и показалъ ее врачамъ, Португаловъ прерываетъ меня, и проситъ дать ему желудокъ съ цѣлью опять таки дома *сдѣлать какое то изслѣдованіе,* на что я, пріостановивъ

дальнѣйшее вскрытіе, обратился къ Португалову съ просьбой дать намъ объясненіе его словъ; онъ упорно молчалъ, тогда я спросилъ, не имѣетъ ли онъ что сообщить.

«Если у васъ, сказалъ я, имѣется какое нибудь подозрѣніе на что нибудь, то заявите—вотъ представитель полиціи, который въ отсутствіе слѣдователя есть какъ бы представитель судебной власти. Кромѣ того, Португаловъ, если наброшена петля, то хотя не затягивайте ее и не набрасывайте на насъ. Я обращаюсь къ вамъ уже оффиціально, чтобы вы, въ присутствіи помощ. пристава, объяснили бы: имѣете ли что нибудь сообщить, а васъ, г-нъ Англичeнковъ, прошу потребовать объясненій отъ Португалова».

Я отошелъ отъ трупа и ждалъ результата и слышалъ, какъ помощникъ пристава громко предложилъ тотъ-же вопросъ Португалову... Португаловъ, не говоря ни слова, уѣхалъ. «Въ виду того, что Португаловъ уклонился отъ отвѣта и даже оставилъ вскрытіе, будучи приглашенъ оффиціально, я, помощникъ пристава, постановилъ—производить вскрытіе дальше»,—заявилъ намъ Англичeнковъ. Окончивъ вскрытіе, мы пришли къ единогласному заключенію, что смерть послѣдовала отъ паралича сердца при осложненіи тифа. Врачи уѣхали, я же остался зашить трупъ. Въ это время снова явился Португаловъ и передалъ Англичeнкову предложеніе товарища прокурора о выемкѣ внутренностей. Такъ какъ нужно было все приготовить для выемки, то я отправился съ Англичeнковымъ въ аптеку для пріобрѣтенія банокъ, пузырей и спирта. Затѣмъ мною произведена была выемка внутренностей, помѣщенныхъ мною въ 4 банки.

При вскрытіи трупа нами было найдено слѣдующее: исхудалость трупа, глаза впалые въ орбитахъ; мягкая мозговая оболочка отечна; со стороны мозга—переполненіе темною, жидкою кровью ткани—мозга, мозжечка, продолговатаго мозга и изліянія серозной жидкости въ мозговыхъ желудочкахъ; въ обѣихъ плевральныхъ полостяхъ—изліяніе кровянисто-серозной жидкости; плевра не представляла ничего особеннаго при прямомъ свѣтѣ и косомъ: легочная ткань умѣренно была налита кровью, но очень отечна, такъ что при разрѣзѣ выдѣлялось огромное количество кровянистой, пѣнистой жидкости; кровоподтековъ (пе-

техій) на плеврѣ или инфрактовъ не было; въ сердечной сорочкѣ такое же изліяніе. Въ желудочкахъ сердца темная, жидкая кровь и кое гдѣ величиной въ горошину между перекладинами имѣлись черные кровяные сгусточки; печень сочная, темнокраснаго цвѣта, переполненная темною, очень жидкою кровью; селезенка увеличена въ $2^1/_2$ раза, сочная, дольчатая. Поверхность кишекъ буроватаго цвѣта и у перехода тонкихъ кишекъ въ слѣпую имѣются темно-фіолетовыя пятна, отъ просвѣчивающихся мѣстъ, вслѣдствіе истонченія стѣнокъ кишекъ; разрѣзанная кишка въ этомъ мѣстѣ представляла характерныя по формѣ расположенныя по длиннику кишки продолговатыя язвы съ подрытыми краями и грязноватымъ дномъ, числомъ болѣе 10; слизистая оболочка, какъ по длинѣ, такъ и въ окружности язвъ характернаго ничего не представляла; брыжжечныя железы были увеличены до размѣра орѣха и болѣе, съ кровоизліяніемъ въ ткань ихъ; какъ поверхность, такъ и слизистая оболочка желудка, ничего ненормальнаго не представляли; полость желудка пуста, какъ бы выметена, и только у выхода желудка имѣлась изъязвленная поверхность, на которой помѣщался безцвѣтный кровяной свертокъ, величиной въ дѣтскій кулачекъ, подъ которымъ находились мелкіе черные кровяные свертки; эта язвенная поверхность занимала такое положеніе у pylorus (выхода), что $^2/_3$ ея помѣщались уже въ 12-перстной кишкѣ; какъ въ окружности ея, такъ и въ другихъ мѣстахъ никакихъ воспалительныхъ или язвенныхъ явленій не было. Что же касается почекъ, мочеваго пузыря, полости рта и проч., то ничего особеннаго они не представляли. Вотъ что приходилось наблюдать намъ при патолого-анатомическомъ изслѣдованіи органовъ.

Прокуроръ. Вы приступили къ вскрытію ранѣе пріѣзда Португалова? объясните, что значитъ «приготовилъ трупъ на-черно»?

Красса. До прихода Португалова я органовъ, какъ брюшной полости, такъ и грудной, не вскрывалъ, не разрѣзывалъ, не изслѣдывалъ, а разрѣзалъ кожу на черепѣ, отпилилъ крышку, отсепаровалъ кожу на груди, вынулъ грудную кость и разрѣзалъ брюшныя стѣнки, т. е. приготовилъ все для изслѣдованія, но, напримѣръ, мозговъ изъ черепа не вынималъ, печени не разрѣзывалъ и т. д. *В.* Вы не были знакомы съ Максименко и Рѣз-

никовымъ? *О.* Нѣтъ; я ихъ совершенно не зналъ. Александру Максименко я въ первый разъ увидѣлъ въ тюрьмѣ; Рѣзникова—когда онъ пріѣхалъ съ Антониномъ Максименко въ городскую больницу; Дубровиныхъ—на судѣ въ Ростовѣ. *В.* Вы говорили, что сами вскрывали; значитъ были у васъ инструменты, а фельдшера не было; какъ намъ это понять? *О.* Инструменты почти всегда находились или у меня дома, или въ тюрьмѣ, такъ какъ мнѣ приходилось вскрывать или въ замкѣ, или въ городской больницѣ, а оттуда фельдшеръ бралъ къ себѣ домой; послѣ вскрытія трупа въ больницѣ, куда долженъ былъ быть доставленъ и трупъ Максименко, фельдшеръ взялъ къ себѣ; мнѣ привезъ рано утромъ пѣвчій казанской церкви. *В.* Какой пѣвчій? *О:* Я не знаю; онъ привезъ отъ имени жены фельдшера; она ждала мужа и даже посылала къ знакомымъ, но его не было, и, зная, что мнѣ нужно, она и прислала ихъ. Такъ мнѣ сказалъ пѣвчій. *В.* Вы уѣхали изъ дому при свѣчахъ? Когда вскрывали было еще темно? *О.* Когда пилъ чай дома, то горѣла лампа, а вскрывалъ при дневномъ свѣтѣ, такъ какъ было уже около 8 часовъ. *В.* А въ аптекѣ вамъ отпускали при огнѣ или безъ огня? *О.* Нѣтъ, при огнѣ. *В.* Почему вы брали сулему и всегда ли вы ее употребляете? *О.* Такъ какъ мнѣ приходится часто вскрывать и въ больницѣ почти всегда быть около заразныхъ больныхъ, то отъ частаго обмыванія сулемой, карболкой и пр. кожа на рукахъ у меня загрубѣла и всегда трескается на сгибахъ. Теперь, напр., я проѣхалъ изъ Ростова всего 500 верстъ, а отъ перемѣны даже только температуры—у меня уже имѣются трещины; относительно же того, всегда ли я употребляю сулему, долженъ сказать, что нѣтъ, а въ больницѣ у себя и въ городской, — что̀ дадутъ изъ аптеки, большей частью сулему, потому что карболка воняетъ и я ея не люблю. Въ данномъ же случаѣ въ виду того, что покойный тифозный, да еще свѣжій, я употреблялъ растворъ сулемы только въ силу самосохраненія; каждому дорога жизнь. *В.* Скажите, въ Уставѣ Судебной Медицины упоминается о такомъ пріемѣ омовенія рукъ, съ цѣлью самосохраненія?—*О.* О сулемѣ не сказано, но вообще упоминается о мѣрахъ въ огражденіе возможности заразиться.—*В.* Знали ли другіе врачи, что вы употребляли сулему?—*О.* Не только врачи, но даже и Англичен-

ковъ.—*В.* Скажите, сколько вы взяли, въ чемъ привезли, какъ употребляли?—*О.* Мнѣ отпустили изъ аптеки въ бѣлой стклянкѣ 10 гранъ въ растворѣ двухъ фунтовъ воды; употреблялъ я ее такъ: половину налилъ въ небольшой фарфоровый тазикъ, а половину оставилъ въ стклянкѣ. Изъ таза я зачерпывалъ пригоршнями и смачивалъ какъ ладонныя, такъ и тыльныя поверхности кистей и предплечій, надъ трупомъ; а изъ бутылки мнѣ сливали по надобности струей на слизистую оболочку кишекъ и пр., когда мы разсматривали.—*В.* Кто же вамъ лилъ такъ?—*О.* Я самъ, Лешкевичъ, Англиченковъ.—*В.* Почему же у Слѣдователя вы показывали, что «смачивали нѣсколько разъ», а теперь выясняется, что вамъ даже лили изъ бутылки?—*О.* Я показывалъ г. слѣдователю не такъ; да и многое, записанное имъ, изложено превратно. Мнѣ пришлось даже обратиться къ Прокурору Харьковской Судебной Палаты, который присутствовалъ при моемъ допросѣ, съ просьбой внушить Слѣдователю записывать показаніе правильно, а не произвольно.—*В.* Вы мыли руки надъ трупомъ?—*О.* Я не мылъ рукъ, а смывалъ, поливая жидкостью. Очищая отъ слизи кусокъ кишки, покрытой язвами, я даже поливалъ ее растворомъ.—*В.* И это вы дѣлали надъ трупомъ?—*О.* Да, надъ трупомъ.—*В.* Какая это была жидкость?—*О.* Безцвѣтная.—*В.* Вы видѣли, какъ приготовляется растворъ?—*О.* Нѣтъ, не видѣлъ.—*В.* Гдѣ же вы были?—*О.* Тамъ же, въ аптекѣ: я писалъ рецептъ.—*В.* Потрудитесь посмотрѣть, это тотъ рецептъ, который вы писали, и прочитайте его?—*О.* Да, это тотъ самый: Rp. Hydrar. gr X Sublimati corrosivi gr X. Aquae destillatae ℔jj. Растворъ 10 гранъ сулемы на два фунта воды.—*В.* Вамъ, вы говорите, отпускалъ ученикъ, можетъ быть Рейвичъ? или онъ не былъ въ аптекѣ?—*О.* Можетъ быть, онъ и былъ въ аптекѣ, а отпустилъ мнѣ ученикъ.—*В.* Вы сказали, что ѣздили къ товарищу прокурора; какая у васъ была цѣль?—*О.* Заявить 1) что мы, врачи, констатировали смерть отъ тифа и 2) заявить, что я употреблялъ сулему.—*В.* Когда вы возвратились, трупъ былъ одѣтъ?—*О.* Нѣтъ, онъ лежалъ на полу въ сорочкѣ только, такъ что приходилось откинуть только сорочку.—*В.* Сколько времени прошло, пока вы съѣздили въ аптеку, къ товарищу прокурора и вернулись?—*О.* Часа полтора.—*В.* Вы тюремный врачъ? Почему вы вскрытіе

производили за городового врача?—*О.* Я тюремный врачъ и всегда помогалъ Панову въ виду того, что онъ очень старъ и страдаетъ сильною одышкою. Кромѣ того, я членъ медико-полицейскаго комитета, и по смерти Панова вскрытія и другія требованія на меня возлагались даже оффиціально.—*В.* Не согласитесь ли со мной, что вы поступили поспѣшно, давъ заключеніе, не подождавъ химическаго анализа?—*О.* Нѣтъ, я не согласенъ; я долженъ былъ дать заключеніе согласно анатомо-патологическимъ явленіямъ, найденнымъ на вскрытіи, немедленно.—*В.* Сколько раствора сулемы приблизительно могло попасть въ трупъ, т. е. въ полости покойнаго?—*О.* Почти все, не менѣе $^{9}/_{10}$ частей.—*В.* Сколько стакановъ было этой жидкости?—*О.* Стакана $2^{1}/_{2}$.

Прис. пов. Холева. Кто вамъ отпускалъ сулему?—*О.* Аптекарскій ученикъ или помощникъ.—*В.* Но не самъ Рейвичъ?—*О.* Нѣтъ,—Рейвича я знаю.—*В.* Было уже свѣтло?—*О.* Нѣтъ, горѣлъ огонь.—*В.* Вскрытіе трупа Максименко было-ли единственнымъ случаемъ исполненія вами обязанностей городового врача?—*О.* Нѣтъ, я всегда производилъ вскрытія.—*В.* Полиція не обращалась-ли непосредственно къ вамъ, обходя даже городового врача?—*О.* Да. Присылаютъ прямо, даже безъ вѣдома городоваго врача, потому что все его дѣло по городу велъ я.—*В.* Сколько вамъ приходится производить вскрытій втеченіе года?—*О.* 110—120 труповъ.—*В.* Часто бываете вызываемы въ качествѣ эксперта къ слѣдователямъ и на судъ?—*О.* Да. Требованія идутъ отъ городскаго полицейскаго управленія, окружнаго, Конвойной Команды, Окружного Суда, 4-хъ полицейскихъ частей, отъ 4-хъ слѣдователей и т. д.—*В.* Сильный ли былъ запахъ отъ трупа, при вскрытіи первомъ?—*О.* По моему, не очень сильный, но нужно принять во вниманіе привычку.—*В.* Не помните ли, чтобы д-ръ Лешкевичъ приказалъ отворить дверь на балконъ отъ сильной вони?—*О.* Да помню. Могу даже прибавить, что съ однимъ изъ понятыхъ стало дурно, и я выслалъ его на время и приказалъ дать ему водки.—*В.* Когда вы производили первое вскрытіе, вы разрѣзали діафрагму?—*О.* Разрѣзалъ, когда вынималъ внутренности.—*В.* Не замѣтили ли вы желтаго цвѣта ткани мозговъ, печени?—*О.* Ничего подобнаго!..—*В.* Когда вы выѣхали изъ дома было темно?—*О.* Да, почти темно.—*В.* Апте-

карскій ученикъ, который отпускалъ сулему, былъ уже одѣтъ?—*О.* Наскоро одѣтъ.—*В.* При послѣднемъ вскрытіи на кладбищѣ въ какомъ состояніи оказались органы?—*О.* Легкія, печень—очень мягкія, разрывающіяся, грязно-черно-зеленоватаго цвѣта, селезенка представляла жидкую кашицу. Словомъ, въ сильной степени гніенія.—*В.* Вы не пробовали-ли, при вскрытіи, ножемъ оболочку желудка и кишекъ?—*О.* Да—она не сдиралась.—*В.* Какое было содержимое кишекъ?—*О.* Полугустой желтовато-бураго цвѣта калъ.—*В.* Не было содержимаго, похожаго на рисовый отваръ?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Какъ выразился д-ръ Лешкевичъ на вскрытіи о свойствѣ тифа?—*О.* Онъ воскликнулъ: «да это классическій тифъ!»—*В.* Вы были въ Ростовѣ на судѣ по этому же дѣлу?—*О.* Былъ.—*В.* Слышали-ли вы допросъ и отвѣты Португалова относительно заразныхъ и незаразныхъ бѣлей.—*О.* Да.—*О.* Что отвѣтилъ Португаловъ на эти вопросы о тѣхъ признакахъ, по которымъ бѣли у Алекс. М—ко онъ призналъ заразнаго происхожденія. Указалъ-ли онъ какой-нибудь признакъ?—*О.* Португаловъ не могъ указать ни одного признака, только мялся, ежился...—*В.* Вамъ, какъ тюремному врачу, не приходилось-ли осматривать и лечить Александру Максименко.—*О.* Да, много разъ.—*В.* Отъ какой болѣзни вы лечили ее?—*О.* Изъ тѣхъ, что я помню,—цынга (въ рѣзкой формѣ), вскорѣ послѣ поступленія въ замокъ; неоднократныя лихорадочныя состоянія; всегда почти жаловалась на боли внизу живота—маточныя, на бѣли, вслѣдствіе катаральнаго состоянія маточной шейки; я обнаруживалъ еще пораженіе верхушки лѣваго или праваго легкаго, не помню; были кашель, неправильныя мѣсячныя.—*В.* Вы лечили бѣли; что же онѣ поддавались леченію, какой онѣ имѣли характеръ?—*О.* Всегда передъ регулами выдѣлялись онѣ, но разъ были сильнѣй и отъ нѣсколькихъ смазываній на 3—4 день прошли, вообще были характера очень податливаго для леченія и качества хорошаго.

Присяжный засѣдатель проф. Данилевскій. Какое было содержимое тонкихъ кишекъ? *О.* Полугустое, желтовато бураго цвѣта. *В.* Сколько именно было язвъ въ тонкихъ кишкахъ, при переходѣ въ слѣпую, и какія? *О.* Отъ 8 до 12; воспалительныхъ явленій не замѣчалось; язвы характерныя для тифа: про-

долговатыя, съ подрытыми краями по длиннику кишки. *В.* Не было ли крови? *О.* Нигдѣ.

Старшина присяжныхъ, проф. Зубашевъ. Трупъ обмывали? *О.* Нѣтъ, такъ вытерли: я не имѣю обыкновенія пачкать (кровью) трупы; помню, что я только приказалъ мокрой губкой обтереть лицо и причесать. *В.* Трупа не перегибали, не переворачивали, когда обтирали? *О.* Нѣтъ, трупъ былъ одѣтъ очень осторожно.

Предсѣдатель. Такъ какъ выходитъ недоразумѣніе относительно «мытья рукъ», то нельзя ли вамъ такъ опредѣлить, что вы руками *перевели* изъ таза въ трупъ растворъ сулемы? *О.* Да, это будетъ именно то опредѣленіе, которое подходитъ ближе всего. *В.* Скажите, тазъ стоялъ около трупа? Недалеко? *О.* О нѣтъ! рядомъ: мнѣ нельзя далеко ставить въ виду того, что приходилось часто обращаться. *В.* И вы утверждаете, что почти $^{9}/_{10}$ раствора было переведено въ трупъ? *О.* Точно я не могу сказать... приблизительно почти вся жидкость.

Экспертъ Беллинъ. Не было ли на плеврѣ петехій, кровоподтековъ?—*О.* Нѣтъ; я смотрѣлъ при прямомъ свѣтѣ и косомъ.—*В.* Скажите, въ какомъ состояніи находились слизистыя оболочки пищевода, желудка?—*О.* Особеннаго ничего не представляли, были малокровны, не припухшія.—*В.* Не было ли разлитыхъ темныхъ пятенъ, не были ли расширены сосуды и т. д?—*О.* Нѣтъ положительно.—*В.* Опишите подробнѣе язву, которую вы наблюдали у выхода желудка.—*О.* Язвенная поверхность находилась большею своею частью въ 12-ти перстной кишкѣ; формы она почти круглой; края ея были таковы: слизистая оболочка у язвы была какъ бы обрѣзанной, не глубоко проникающей, а только слой слизистой оболочки, величиной въ пятакъ; терассовидной или воронкообразной, кратерообразной формы она абсолютно не имѣла.—*В.* Неужели не казалось страннымъ вамъ отнести эту язву къ тифознымъ?—*О.* Нѣтъ, ничуть. Брюшной тифъ не такая болѣзнь, которая только поражаетъ одиночныя фолликулы и бляшки тонкихъ кишекъ. Она поражаетъ и другія железы, которыя находятся очень далеко отъ кишекъ.—*В.* Вы только что сказали, чтобы вскрывать отравленнаго, вы должны были разрѣзать діафрагму, значитъ вы знали, что онъ

отравленъ?—*О.* Вы ошибаетесь, экспертъ! я сказалъ, что разрѣзалъ ее, когда уже имѣлъ бумагу отъ прокурора.

Экспертъ проф. Патенко. Что вы наблюдали при наружномъ осмотрѣ?—*О.* При наружномъ осмотрѣ оказалось слѣдующее: трупъ выше средняго роста, значительно исхудалый, facies Hyppocratica, рѣзко выраженные трупные гипостазы на спинѣ и ягодицахъ; умѣренное расширеніе зрачковъ.—*В.* Какого цвѣта и вида были пахи и брюшныя стѣнки?—*О.* Животъ и пахи сильно втянуты, окрашены въ зеленоватый трупный цвѣтъ.—*В.* Вы разрѣзывали ткань легкихъ, въ какомъ состояніи нашли вы кровь, ткань легкихъ?—*О.* Въ полостяхъ плевральныхъ былъ трансудатъ кровянистосерозный, при разрѣзѣ ткани легкихъ въ огромномъ количествѣ лилась кровянистая жидкость, которая не имѣла ничего общаго съ кровью и ничѣмъ не отличалась отъ того, что носитъ названіе «мясные помои», только съ огромнымъ содержаніемъ пѣны, вслѣдствіи чего она сейчасъ же стекала съ бистуры; при надавливаніи разрѣза опять тѣ-же явленія пѣнистой, разжиженной, кровянистой жидкости въ большомъ размѣрѣ; переполненія кровью ткани положительно не было.—*В.* А печень?—*О.* При разрѣзѣ печени жидкая темная кровь лилась струей.—*В.* Почки?—*О.* Темнокраснаго цвѣта и переполнены кровью.—*В.* Слизистая оболочка желудка содержала ли на своей поверхности что нибудь?—*О.* Нѣтъ, полость желудка была пуста, а слизистая оболочка какъ бы вѣникомъ сметена.—*В.* Не было ли кофейной слизи, кровоподтековъ?—*О.* Абсолютно нѣтъ.—*В.* Этотъ кровяной свертокъ на язвенной поверхности требовалъ ли нѣкотораго усилія при отдѣленіи?—*О.* Чтобы удалить его, пришлось содрать ногтями.—*В.* Язва была неглубокая?—*О.* Нѣтъ, поверхностная и свертокъ желтоватый именно помѣщался на ней, какъ шапка гриба.—*В.* Значитъ, края его были наклонны?—*О.* Да, отлогіе, наклонные въ видѣ холма.—*В.* Язва подрытыхъ краевъ, приподнятыхъ, нависшихъ, кратерообразныхъ не представляла? кромѣ того, была поверхностна?—*О.* Такъ точно, профессоръ.—*В.* Поверхность этого свертка не была ли неровная.—*О.* Нѣтъ, гладкая.—*В.* Въ какомъ мѣстѣ находилась язвенная поверхность?—*О.* Въ нижне-боковой части передней стѣнки желудка и киш-

ки.—*В.* Какъ былъ вскрытъ желудокъ?—*О.* Разрѣзомъ по малой кривизнѣ.—*В.* Что сдѣлано было съ желудкомъ при выемкѣ органовъ?—*О.* Желудокъ былъ вырѣзанъ; для этого перерѣзанъ пищеводъ и 12-перстная кишка.

Экспертъ Петровскій. Какія были данныя у васъ поставить діагнозъ—брюшной тифъ, да еще, какъ, говорилось здѣсь, классическій?—*О.* Я уже говорилъ; предварительныя свѣдѣнья пользовавшаго врача, другого врача, наблюдавшаго даже высыпаніе розеолъ, анатомо-патологическія данныя: язвы тонкихъ кишекъ у Баугиніевой заслонки, расположеніе ихъ, форма, увеличенье брыжжечныхъ железъ, увеличеніе селезенки...—*В.* Значитъ, по вашему, достаточно найти язву и опредѣлить, что это брюшной тифъ?—*О.* Не язву, а язвы, и не въ желудкѣ, а у Баугиніевой заслонки.—*В.* Для чего вы разрѣзали діафрагму?—*О.* Какъ для чего?—*В.* Для чего вы разрѣзали, я спрашиваю, діафрагму? Какая для выемки внутренностей была въ томъ надобность?—*О.* Иначе вѣдь нельзя вынуть желудка: вѣдь пищеводъ проходитъ черезъ грудо-брюшную преграду!

Лешкевичъ Викторъ Герасимовичъ, врачъ. Я пользовалъ Ник. Максименко 7 октября отъ брюшного тифа; приглашали меня сначала по телефону, а затѣмъ пріѣзжалъ ко мнѣ прикащикъ Дубровиныхъ, Рѣзниковъ. Этотъ же Рѣзниковъ затѣмъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ, что М—ко умеръ, и просилъ меня дать ему удостовѣреніе о смерти М—ко, въ чемъ конечно я ему отказалъ; тогда онъ сталъ просить дать ему удостовѣреніе такого рода, что я былъ у больного М—ко и какую нашелъ у него болѣзнь. Такую записку я ему далъ. При этомъ Рѣзниковъ говорилъ мнѣ, что пользовавшій Максименко врачъ Португаловъ не даетъ удостовѣренія о смерти М—ко, требуя за это 300 рублей. Пріѣзжалъ онъ ко мнѣ за этой запиской около 3 или 4-хъ час. дня. Затѣмъ Рѣзниковъ, 20 октября, пріѣзжалъ ко мнѣ вечеромъ час. около 7 и просилъ, чтобы я присутствовалъ при вскрытіи трупа М—ко, такъ какъ мнѣ извѣстна его болѣзнь. Я отвѣтилъ ему, что готовъ быть при вскрытіи, если вскрытіе это будетъ производить полицейскій врачъ. Александры Максименко не было тогда у меня съ Рѣзниковымъ. Послѣ этого я отправился въ клубъ съ цѣлью видѣться съ Португаловымъ, чтобы сказать ему, что говорилъ о

немъ Рѣзниковъ и что я буду присутствовать при вскрытіи трупа М—ко. Съ Португаловымъ я и говорилъ объ этомъ въ клубѣ. Рѣзниковъ, прося меня быть при вскрытіи трупа М—ко, говорилъ, что вскрытіе будетъ въ 7 час. утра, на что я ему отвѣтилъ тогда, что рано. 21 октября въ 7 час. утра дѣйствительно меня кто-то звалъ по телефону.

Прибывъ въ домъ Дубровина, я засталъ тамъ уже докторовъ Крассу и Моргулиса. Трупъ М—ко лежалъ уже на столѣ, одѣтый и готовый къ погребенію. Онъ былъ раздѣтъ и положенъ на скамейку. На вопросъ мой, дано-ли знать о вскрытіи доктору Португалову, мнѣ кто-то отвѣтилъ, что за нимъ послали. Пока пріѣхалъ докторъ Португаловъ, д-ръ Красса, производившій вскрытіе, сдѣлалъ разрѣзъ общихъ покрововъ груди и живота. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ Португаловъ и сказалъ, что нужно будетъ сдѣлать выемку желудка, печени и почекъ; на это д-ръ Красса, какъ руководившій вскрытіемъ, замѣтилъ, что выемку изъ трупа можно производить не иначе, какъ по распоряженію суд. слѣдователя. Португаловъ уѣхалъ. Вскрытіе производилось дальше, при чемъ въ мозгу найдено было полнокровіе его, отекъ мягкой мозговой оболочки и скопленіе серозной жидкости въ мозговыхъ желудочкахъ. Въ легкихъ найдено полнокровіе; въ обѣихъ плеврахъ обильное количество серозно-кровянистой жидкости, которая найдена была также и въ около-сердечной сумкѣ. Сердце было дрябло, стѣнки его утонченны; въ сердцѣ и большихъ сосудахъ темная полусвернувшаяся кровь. Въ тонкихъ кишкахъ, именно въ подвздошной, видны были, черезъ серозный покровъ ихъ, темныя пятна, которыя по вскрытіи кишки оказались овальной формы, продолговатыми, расположенными параллельно оси кишечника язвами, покрытыми гнойнымъ отдѣленіемъ и еще совершенно незажившими. Язвы эти имѣли характерный и несомнѣнный видъ тифозныхъ язвъ—брюшного тифа. Окружность ихъ была на протяженіи пальца пропитана кровянистымъ темнаго цвѣта пропотѣніемъ—инфильтратомъ. Брыжжечныя железы были увеличены до размѣровъ круглыхъ горошинъ и даже лѣсного орѣха, темнаго цвѣта, пропитаны кровью. Такихъ язвъ встрѣтилось около 10. Печень была темнаго цвѣта, сильно полнокровна; селезенка увеличена въ объемѣ, очень дряблая, легко разрывалась пальцами.

Вскрытіе желудка показало совершенно блѣдную слизистую оболочку, которая ножемъ не соскабливалась и вообще ничего ненормальнаго не представляла, только въ выходѣ желудка, въ привратникѣ его (pylorus), найдена большая опоясывающая язва, на которой лежалъ кусокъ фибрина бѣловатаго цвѣта; окружность этой язвы имѣла такое-же темное кольцо кровяного пропитыванія, какъ и кишечныя язвы, и по внѣшнему виду она была очень похожа на кишечныя язвы. Видѣвъ одинъ разъ больного во время послѣдней его болѣзни, я слышалъ его жалобы на постоянную и упорную рвоту; по вскрытіи желудка поэтому явленіе рвоты для меня стало ясно въ зависимости отъ язвы желудка. Совпаденія кишечной язвы съ язвами тонкихъ кишекъ несомнѣнно тифознаго характера я объяснилъ себѣ весьма рѣдкимъ случаемъ подобнаго пораженія желудка при тифѣ (желудочный тифъ—gastro-typhus). Имѣя передъ глазами картину тифа, я и пришелъ къ заключенію, что смерть М—ко послѣдовала отъ паралича сердца вслѣдствіе тифа, на что указывали язвы въ кишкахъ, разжиженіе крови, жидкая кровь въ полостяхъ плевръ и сердечной сумки и отекъ мозга и мозговыхъ желудочковъ. Язва въ желудкѣ представлялась, хотя явленіемъ исключительнымъ и весьма рѣдкимъ при тифѣ, но не невозможнымъ. Словомъ, всѣ явленія, найденныя при вскрытіи, указывали на причину смерти—отъ тифа. Поэтому, мы врачи, и удостовѣрили, что смерть М—ко послѣдовала отъ брюшного тифа.

Прокуроръ. Какое антисептическое средство употреблялось при вскрытіи?—*О.* Красса говорилъ, что сулема.—*В.* Какъ употреблялась эта жидкость?—*О.* Красса смачивалъ ею себѣ руки; кромѣ того, когда онъ очищалъ вырѣзокъ кишки, мы, кажется, поливали ему изъ пузырька на кишку, на руки. *Холева.* Могла быть израсходована вся стклянка?—*О.* Очень легко, вѣдь ея было стакана $2^1/_2$.—*В.* На что особено жаловался больной 7 октября?—*О.* На постоянную упорную рвоту; его отъ всего тошнило.—*В.* Очень-ли былъ прикрѣпленъ свертокъ фибрина къ язвѣ?—*О.* Да, его пришлось оторвать съ усиліемъ.—*В.* Какая была большая язва желудка—свѣжая или давняя?—*О.* Старая, не менѣе 2 недѣль.—*В.* Какъ вы объяснили себѣ этотъ свертокъ?—*О.* Фибринозными выдѣленіями или-же рвотой.—*В.* Ка-

кого она была свойства?—*О*. По внѣшнему виду, по окраскѣ—несомнѣнно тифозная, хотя встрѣчающаяся рѣдко—при высокомъ пораженіи кишечника.—*В*. Что показала картина вскрытія?—*О*. Классическій брюшной тифъ.—*В*. Видно-ли было выздоровленіе?—*О*. Нѣтъ, М—ко далеко еще не поправился.—*В*. Когда вы были у М—ко, какими вамъ показались отношенія супруговъ? *О*. Вполнѣ хорошими; жена была озобочена, видимо безпокоилась.—*В*. Не жаловался-ли больной на дурной уходъ, на то, что онъ брошенъ?—*О*. Нѣтъ, уходъ былъ заботливый, хорошій; я только посовѣтовалъ перемѣстить больного въ болѣе просторную комнату, что и было сдѣлано.—*В*. Говорилъ-ли Португаловъ при вскрытіи, что онъ подозрѣваетъ отравленіе?—*О*. Нѣтъ, онъ говорилъ только намъ, что онъ совершенно вылечилъ больного, а мы ему указывали на полное развитіе тифознаго процесса.—*В*. Вы присутствовали при допросѣ мною Португалова въ Таганрогскомъ Судѣ о признакахъ, по которымъ бѣли у Алекс. М—ко онъ считаетъ заразнаго происхожденія; не помните-ли, указалъ-ли Португаловъ хоть одинъ какой-нибудь признакъ?—*О*. Нѣтъ, онъ что то говорилъ о воспаленіи, но это признакъ общій.—*В*. Кто кому первый сообщилъ о слухѣ о 300 р.: Португаловъ вамъ или вы ему?—*О*. Нѣтъ, я первый сказалъ ему объ этомъ въ клубѣ.

Проф. Патенко. На что, кромѣ рвоты, жаловался еще больной?—*О*. На боли въ желудкѣ, появлявшіяся послѣ какихъ-то капель Португалова.—*В*. Какой видъ имѣлъ трупъ?—*О*. Истощенный, ужасно исхудавшій.—*В*. Какой былъ запахъ?—*О*. Сильный трупный запахъ, котораго я, какъ очень рѣдко присутствующій при вскрытіяхъ, не могъ переносить.—*В*. Каково было положеніе язвенной поверхности?—*О*. Скорѣе всего она находилась соотвѣтственно большой кривизнѣ желудка, потому что, когда желудокъ былъ разрѣзанъ по малой кривизнѣ и развернутъ, то я видѣлъ всю эту язвенную поверхность цѣликомъ.—*В*. Если бы язвенная поверхность находилась соотвѣтственно нередней стѣнкѣ желудка, то, при разрѣзѣ желудка по малой кривизнѣ, вы видѣли-бы ее цѣликомъ?—*О*. Да.—*В*. А если бы она находилась соотвѣтственно задней стѣнкѣ, то тоже была-бы видна цѣликомъ?—*О*. Полагаю.

Гребенькова, Марья Васильевна, 65 л. Я давно знаю Дубре-

виныхъ, лѣтъ 15 я жила у нихъ въ домѣ за экономку и кухарку. Знакома съ ними я лѣтъ 40, и покойный Егоръ Дубровинъ крестилъ мою дочь, Марфу. Въ концѣ сентября Ник. Максименко привезли больного изъ Калача; во время его болѣзни я входила въ комнату—такъ подать что нибудь, а иногда и посидѣть; лечилъ его докторъ Португаловъ, лекарство давала больному Александра Егоровна, кушанья больному готовила я сама—супы изъ цыплятъ. Во время болѣзни М—ко къ намъ въ домъ ходилъ Аристархъ Рѣзниковъ и его мать; приходили провѣдывать дяди, Егоръ и Исай Дубровины, и старшій конторщикъ Дубровиныхъ, Леонтьевъ. Наканунѣ смерти Максименко я подавала въ 12 ч. дня кофе въ столовую, приказала приготовить Алекс. Ег., тогда была мать Рѣзникова. Утромъ 18 октября я, часовъ въ 9 или 10, подала самоваръ; Ник. Фед. ѣлъ свѣжую икру, закусывая сладкимъ пирогомъ, прямо изъ коробки-жестянки. Я сказала-было Ник. Фед. чтобы не много ѣлъ икры, но онъ отвѣтилъ, что ему докторъ разрѣшилъ и что онъ уже пилъ кофе. Въ это время въ столовой была еще дѣвочка, тринадцати-лѣтняя Евдокія, живущая у нихъ—она крестница Варвары Матвѣевны. Поѣвши икры и пирога, М—ко выпилъ стаканъ чаю и ушелъ въ свою комнату. Утромъ къ чаю прежде подавался только бѣлый хлѣбъ и икры не подавалось, только 18 утромъ подали икру къ чаю. Черезъ нѣсколько часовъ я, войдя въ комнаты, видѣла, что Ник. Фед., одѣтый въ теплое пальто, ходилъ по комнатамъ—его водила жена. Часовъ около 3 или 4 дня меня позвала изъ кухни Алекс. Ег. и послала спросить жильца Дмитріева, можно ли придти къ нему Николаю Федоровичу. Я пошла къ Дмитріеву, который мнѣ сказалъ, что теперь нельзя, такъ какъ они будутъ обѣдать, а послѣ обѣда онъ пришлетъ сказать свою прислугу. Вскорѣ отъ Дмитріева прислали, и мы съ Алекс. Ег. проводили Ник. Фед. до двери квартиры Дмитріева. Послѣ этого Алекс. Ег. и я пришли въ кухню, откуда вскорѣ увидѣли, что Дмитріевъ ведетъ Ник. Фед. изъ своей квартиры по корридору; пошли мы сейчасъ же въ комнаты и Ник. Фед. легъ на свою постель; онъ не жаловался ни на какую боль въ это время, говорилъ, что съ удовольствіемъ выпилъ у Дмитріева стаканъ чаю съ хлѣбомъ. Черезъ часъ послѣ этого

пришелъ Рѣзниковъ, которому я отпирала парадную дверь; Рѣзниковъ прошелъ въ комнату больного, а я пошла на кухню; стала я тутъ ставить самоваръ и, когда онъ поспѣлъ, подала его въ столовую; и прежде чай я подавала вечеромъ, часовъ въ 7 или 8. Обѣдать никто не сталъ въ этотъ день: я часа въ три дня предлагала подать обѣдъ Ник. Фед., но онъ отказался, предлагала и Алекс. Ег., и она отказалась, такъ никто и не обѣдалъ—я готовила тогда борщъ и жаркое, а для Николая Федоровича бульенъ. Приготовивъ посуду и самоваръ въ столовой, я пошла въ комнату больного, сказать Алекс. Ег., что готовъ самоваръ; больной въ это время лежалъ на постели, а Алекс. Ег., какъ и всегда, сидѣла въ креслѣ возлѣ постели. Рѣзниковъ уже ушелъ, когда я подавала самоваръ, и я за нимъ заперла дверь. Алекс. Ег. вышла въ столовую и сѣла разливать чай; налила она стаканъ чаю и отнесла Ник. Ф—чу въ его комнату; побывъ тамъ нѣкоторое время, она вернулась и принесла обратно стаканъ, говоря, что Николай Федоровичъ не хочетъ больше чаю. Выпивъ въ столовой одинъ стаканъ чаю, Алекс. Ег. пошла къ мужу; я тоже, выпивъ нѣсколько стакановъ чаю и напоивъ Дуню, убрала самоваръ и ушла въ кухню. Черезъ нѣсколько минутъ я опять вошла въ комнаты и сидѣла въ столовой, гдѣ находилась и Евдокія. Когда я сидѣла въ столовой съ Евдокіей, то выбѣжала изъ комнаты больного Алекс. Ег. и приказала дать скорѣе тазъ, что Ник. Ф—ча тошнитъ; подавши тазъ, я осталась въ столовой. Вскорѣ послѣ этого пришелъ Рѣзниковъ, входилъ въ комнату больного и сейчасъ же поѣхалъ за докторомъ, который пріѣхалъ и прописалъ лекарство; я не входила въ комнату больного и не слышала, что говорилъ больной доктору. Я не знаю, принималъ ли больной лекарство. Часовъ въ пять, шесть утра Николай Федоровичъ умеръ; я видѣла, какъ онъ умиралъ; еще заживо успѣли позвать Дубровиныхъ, и мать Рѣзникова тоже пришла. Объ отношеніяхъ Александры Егоровны къ Рѣзникову я ничего не могу сказать. Одно только могу сказать, что Рѣзниковъ постоянно бывалъ въ домѣ Дубровиной и при жизни Ник. Ф—ча и послѣ его смерти, и Алекс. Ег. ходила часто къ Рѣзниковымъ. Рѣзниковъ лѣтомъ, когда Максименковы жили въ Калачѣ, часто приходилъ и ночевалъ. Въ день смерти Ник.

Ф—ча, Варвары Матвѣевны не было дома—она ночевала у какой-то своей родни. И пришла только утромъ, 19 октября, когда онъ уже умеръ.

Въ ночь смерти Ник. М—ко Рѣзниковъ былъ всю ночь въ домѣ Дубровиной. Послѣ ухода доктора Португалова, часовъ въ 9 или 10, я постлала ему постель въ залѣ, гдѣ онъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось плохо Ник. Ф—чу утромъ; я постлала для Рѣзникова въ залѣ теплое ваточное одѣяло, а другое, байковое, дала покрываться; я видѣла, что Рѣзниковъ сталъ снимать сюртукъ, чтобы ложиться, но легъ ли онъ сейчасъ, или потомъ—я не знаю, такъ какъ я ушла, притворивъ за собою дверь въ залѣ, когда сталъ онъ снимать сюртукъ; часа въ три ночи я, полулежа въ спальнѣ Александры Егоровны вмѣстѣ съ нею, услышала стонъ Ник. Ф—ча; вскочили мы обѣ и пошли къ нему—онъ лежалъ въ гостинной, рядомъ съ спальней; спросили мы, что съ нимъ, онъ отвѣтилъ, что ничего, мы постояли и опять легли въ спальнѣ. Вскорѣ мы опять услышали, что Ник. Ф—чъ охаетъ и мы пошли къ нему; Алекс. Ег. спросила: «что съ тобою, Колечка?» А онъ: «что вы стоите надо мною—идите, ложитесь!» Поздно ночью онъ въ третій разъ застоналъ; тутъ онъ вскорѣ приподнялся, спустилъ ноги съ постели, приклонился головой къ стѣнкѣ и сталъ кончаться; когда сталъ кончаться, мы, конечно, закричали отъ страху. Во время болѣзни Ник. Ф—ча Рѣзниковъ никогда не ночевалъ въ домѣ Дубровиной, только одинъ разъ, въ ту ночь, когда умеръ Ник. М—ко, онъ и ночевалъ, только этотъ разъ я и постилала ему постель въ залѣ. Послѣ похоронъ Максименко я не видѣла, чтобы Рѣзниковъ ночевалъ въ домѣ Дубровиной.

Прокуроръ. Кто именно былъ въ домѣ въ ночь смерти?—*О*. Алекс. Ег—на, Рѣзниковъ, я и дѣвочка Дуня.—*В*. Вѣрно-ли, что Алекс. Ег. принесла изъ комнаты больного полный стаканъ чаю?—*О*. Полный, полный.—По просьбѣ прокурора, *Судъ* удостовѣряетъ, что на предварительномъ слѣдствіи Гребенькова показывала, что стаканъ былъ принесенъ недопитый.—*В*. Отчего же вы слѣдователю иначе говорили?—*О*. И слѣдователю я то же самое говорилъ, и въ Ростовѣ на судѣ подъ присягою,—что стаканъ былъ совсѣмъ полный, не тронутый; я не знаю, что

они тамъ висали. *Холева.* Когда Алекс. Ег. принесла отъ мужа стаканъ чаю, куда она поставила?—*О.* Въ столовой на столъ.—*В.* Кто въ это время былъ въ столовой?—*О.* Я и Дуняшка.—*В.* Скоро ушла къ мужу Алекс. Ег.?—*О.* Сейчасъ же и ушла.—*В.* А стаканъ оставался на столѣ съ чаемъ? Куда же дѣвался чай?—*О.* Стаканъ былъ на столѣ; когда мы напились чаю, я стала убирать посуду и изъ этого стакана тоже вылила въ полоскательную чашку.—*В.* За долго до смерти всталъ съ постели Ник. Фед.?—*О.* Въ этотъ же день, когда умеръ, въ первый разъ.—*В.* Хорошо-ли смотрѣла Алекс. Ег. за больнымъ мужемъ?—*О.* А какъ же не хорошо? Все время за нимъ ухаживала, ни разу за 3 недѣли изъ дому не вышла.—*В.* Хорошо жили Максименковы?—*О.* Очень хорошо, любили другъ друга; она его во всемъ слушалась.—*В.* Не была ли больна Алекс. Ег.?—*О.* Послѣ родовъ неблагополучныхъ, когда младенецъ родился мертвый, она пролежала мѣсяца два, а потомъ, за годъ до смерти мужа, осенью, когда мы готовили капусту, она переносила боченокъ, надорвалась,—слегла и проболѣла недѣли 3.—*В.* Кто ее лечилъ?—*О.* Докторъ и акушерка.—*В.* Гдѣ спала Алекс. Ег. во время болѣзни мужа?—*О.* Рядомъ съ его комнатою, въ спальнѣ съ матерью.—*В.* А когда матери не было дома?—*О.* Меня брала къ себѣ спать.—*В.* Сколько разъ принимался стонать больной въ ту ночь?—*О.* Три раза: два раза еще до полуночи, когда намъ велѣлъ ложиться; потомъ замолкъ. Мы и думали, что ему лучше стало. А въ 3-й разъ уже подъ утро, когда сталъ кончаться.—*В.* Не помните ли, не давалось ли больному вечеромъ лекарство, не говорили ли вы объ этомъ приставу Пушкареву?—*О.* Не помню.—*В.* Очень грустила Алек. Ег. о смерти мужа?—*О.* А какъ же не очень?—*В.* Были ли у нея любовныя отношенія съ кумомъ Панфиловымъ и съ Рѣзниковымъ?—*О.* Ничего этого не было. *Волкенштейнъ.* Ночевалъ ли Рѣзниковъ у Дубровиныхъ?—*О.* Лѣтомъ, когда никого въ домѣ не было, часто ночевалъ—смотрѣлъ за домомъ; а осенью—одинъ только разъ, когда умеръ Ник. Фед.—*В.* Хорошо ли вы помните, что Рѣзниковъ остался тогда ночевать?—*О.* А какъ же не хорошо? Онъ въ тотъ вечеръ два раза приходилъ. Часовъ въ 10 я постлала ему въ залѣ постель, онъ сталъ при мнѣ снимать

сюртукъ; я ему говорю: «туши свѣчку, чтобъ я тебя не видѣла», ушла и притворила дверь.—*В.* Въ комнату къ больному онъ не входилъ?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Рѣзниковы бывали у М—ко?—*О.* И они у насъ, и наши у нихъ. Алекс. Ег. была въ большой дружбѣ съ старшей ихъ дочкой.—*В.* Не собиралась ли Алекс. Ег. за мужъ за Рѣзникова.—*О.* И разговору объ этомъ не было. *Проф. Патенко.* Чѣмъ кормили больного?—*О.* Дѣлала я ему бульенъ изъ 1/4 цыпленка, иногда засыпала чайную ложку манной крупы. Пилъ много сельтерской воды.—*В.* А въ день смерти что ѣлъ онъ?—*О.* Пилъ чай, кофе съ хлѣбомъ, икру съ сладкимъ пирогомъ.

На предложеніе г. предсѣдателя разъяснить, ночевалъ ли Рѣзниковъ на 19 октября въ домѣ Дубровиной, подсудимая *Максименко* показала, что мужъ ея просилъ Рѣзникова остаться ночевать, но Рѣзниковъ собирался въ театръ и, когда, около 10 час., мужу стало лучше, Рѣзниковъ ушелъ; впрочемъ, прошло уше почти 3 года, и она хорошо этого не помнитъ. Подсуд. *Рѣзниковъ*—что онъ собирался сперва въ театръ, но, сообразивъ, что уже поздно, пошелъ домой; Гребенькова же, думая что онъ останется ночевать, приготовила ему постель въ залѣ.

Маловаткина, Марфа Романова. Моя мать, Гребенькова, жила долго у Дубровиныхъ, лѣтъ 15. Ник. Максименко служилъ у Дубровиныхъ въ конторѣ до женитьбы на Алекс. Ег.; женился онъ въ маѣ 1885 г., лѣтомъ 1887 г. Максименко жили въ Калачѣ, гдѣ контора Дубровиныхъ, Алекс. Ег. жила тамъ же, но лѣтомъ пріѣзжала въ Ростовъ варить варенье и прожила недѣлю или двѣ. Я, какъ и прежде ходила къ Дубровинымъ къ своей матери, такъ приходила и тогда, когда Александра Егоровна варила варенье. У Алекс. Ег. я часто видѣла тогда мать и сестру Аристарха Рѣзникова, но самого Рѣзникова не видѣла у нея и не знаю, ходила-ли Алекс. Ег. гулять съ Аристархомъ Рѣзниковымъ. Я не слышала словъ Ник. Фед.: «ты меня промѣняла на мальчишку!» и не говорила такъ женѣ Помощника Пристава Дмитріева. Во время болѣзни Ник. Фед. я была почти каждый день у Дубровиныхъ и ухаживала за больнымъ—сидѣла съ нимъ; лекарства я ему не подавала, а давала лекарство ему Алекс. Ег., которая тутъ-же всегда сидѣла около больного. Рѣз-

никова я раза два только видѣла въ комнатѣ больного. Въ день смерти М—ко я не была у Дубровиныхъ, а пришла только утромъ, когда уже онъ умеръ. За день до смерти М—ко я слышала, что ему лучше. Я не знаю и не слышала, собиралась-ли Алекс. Ег. выходить замужъ за Рѣзникова и объ отношеніяхъ ихъ я ничего не знаю.

Прис. пов. Холева. Какъ жили супруги Максименко?—*О.* Очень хорошо, дружно.—*В.* Вы отвергаете показаніе Дмитріевой, будто вы ей разсказывали, что во время ссоры мужъ упрекалъ Алекс. Ег., что она «промѣняла его на мальчишку»?—*О.* И не говорила я этого Дмитріевой, и сама не слышала.—*В.* Говорили-ли вы Дмитріевой, что лѣтомъ 1887 г. Алекс. Ег., пріѣхавъ въ Ростовъ, все время проводила съ Рѣзниковымъ?—*О.* Это неправда,—я ей ничего не говорила.—*В.* Вы такъ, какъ сегодня, и суд. слѣдователю показали?—*О.* То-же самое.—*В.* Много жениховъ было у Алекс. Ег.?—*О.* Очень много.—*В.* Гдѣ вѣнчалась Алекс. Ег. и былъ ли кто изъ родственниковъ?—*О.* Вѣнчались они въ Азовѣ, изъ родственниковъ невѣсты никого, даже матери, не было.

Оладова, Александра Петрова. Я служила въ горничныхъ у Дубровиной года два, въ 1885 г. и 1886 г. На страстной недѣлѣ въ четвергъ 1885 года Варвара Дубровина уѣзжала въ Кіевъ къ больному сыну и въ пасху, на 3-й или 4-й день, привезла сына въ гробу. Во время этой поѣздки Дубровиной въ домѣ оставались Александра Егоровна и покойный Максименко, служившій въ конторѣ Дубровиныхъ,—старуха поручила ему смотрѣть за домомъ и чтобы Александра Егоровна не боялась. Мѣсяца черезъ 2 Алекс. Ег. поѣхала съ Максименко вѣнчаться въ Азовъ. Мать была недовольна женихомъ, говорила Алекс. Ег., что лучше-бы выйти за богатаго, что она нашла-бы ей жениха. За Алекс. Ег. сваталось много жениховъ, до 40, и одинъ изъ нихъ очень богатый—по фамиліи Маріолаки. Старуха Варвара Матвѣевна любитъ выпить и постоянно пьетъ. Старуха Дубровина вполнѣ довѣряетъ жившей у нихъ Марьѣ Васильевнѣ, которая постоянно у нихъ живетъ много уже лѣтъ.

Прис. пов. Холева. Не было-ли у Дубровиныхъ обыкновенія присылать кого-нибудь изъ конторы на ночь къ Дубровинымъ?—

О. Всегда присылали приказчиковъ; съ Ник. М—ко ходилъ и другой приказчикъ.—*В.* Какъ жили супруги М—ко?—*О.* Очень хорошо; она, бывало, отъ него ни шагу.—*В.* Не знавали-ли вы полиц. чиновника Панфилова?—*О.* Алекс. Ег. у него крестила ребенка, по просьбѣ Левицкаго.—*В.* Часто онъ бывалъ у М—ко?—*О.* Нѣтъ, раза два или три за всю зиму.—*В.* Одинъ приходилъ?—*О.* Всегда съ женою, и наши къ нимъ ходили вдвоемъ.—*В.* Не бывалъ-ли Панфиловъ у Алекс. Ег. по утрамъ, въ отсутствіе мужа?—*О.* Никогда.—*В.* Не видали-ли вы его въ спальнѣ барыни утромъ въ одномъ бѣльѣ?—*О.* Нѣтъ, этого не было.—*В.* А г-жа Дмитріева показываетъ, будто вы ей объ этомъ говорили.—*О.* Боже упаси, и не говорила я ей ничего подобнаго, и сама не видѣла.—*В.* Слѣдователю вы такъ-же показали?—*О.* И слѣдователю я говорила, и въ Ростовѣ на судѣ подъ присягою, и здѣсь опять скажу, что все это неправда, никогда этого не было.

Кривенкова, Евдокія Ильинишна, швея. Съ Дубровиными я знакома лѣтъ 20—я шила имъ одежду. Родственники Алекс. Ег. были противъ ея брака съ Максименко. Аристарха Рѣзникова я знаю, видѣла—онъ ходилъ къ Дубровинымъ и лѣтомъ, и во время болѣзни, но часто-ли—я не могу сказать; послѣ похоронъ Максименко Рѣзниковъ тоже ходилъ къ Дубровинымъ въ домъ. Объ отношеніяхъ Александры Егоровны и Рѣзникова я ничего не могу сказать. Во время болѣзни М—ко я слышала отъ Алекс. Ег. и Гребеньковой, что когда ему стало лучше, то докторъ разрѣшилъ ему ѣсть икру, и что за день до его смерти для него купили икру, которую онъ и ѣлъ; ѣлъ еще больной сладкій пирогъ и пилъ кофе. Въ день смерти М—ко, Алекс. Ег. говорила мнѣ, что докторъ просилъ за свидѣтельство 300 р. и что она не дастъ ему этихъ денегъ—просудитъ 3 тысячи, а ему не дастъ 300 руб.

Прокуроръ. Не слышали-ли вы, что Алекс. Ег. собиралась выйдти замужъ за Рѣзникова?—*О.* Былъ такой говоръ, но правда-ли—не знаю; бабьи разговоры извѣстны: одно слово—правда, а другое нѣтъ.

Холева. Какова была супружеская жизнь Максименко?—*О.* Самая хороша; Алекс. Ег. очень любила мужа и слушалась его

больше, чѣмъ мать. Я удивлялась даже ея покорности: такая богачиха, а мужъ бѣдный, а она о всякой малости съ нимъ совѣтуется, даже когда платье шьетъ.—*В.* Дмитріевы показываютъ съ вашихъ словъ, будто Алекс. Ег. была съ Рѣзниковымъ въ связи, будто мужъ упрекалъ жену, что она «промѣняла его на мальчишку», что предполагался сговоръ и т. п.; правда-ли это?—*О.* Все неправда—ничего такого я Дмитріевымъ не говорила.—*В.* Не предлагали-ли вы Алекс. Ег. жениха?—*О.* Да, я предлагала ей хорошаго, богатаго жениха—Кречетова, который очень желалъ познакомиться, а она мнѣ: «что ты! у мужа ноги не остыли, а я замужъ выходить?!» и прибавала, что раньше года и слушать объ этомъ не станетъ.—*В.* Была опечалена Алекс. Ег. смертью мужа?—*О.* Очень печалилась.—*В.* Какія вы ей платья шили?—*О.* Извѣстно, траурныя.—*В.* А можетъ-быть и свѣтлыя, въ родѣ вѣнчальнаго?—*О.* Нѣтъ, только черныя.

Бурыкова, Евдокія Павлова, 15 лѣтъ. Я живу у Варвары Матвѣевны Дубровиной, которая приходится мнѣ крестной матерью, уже 4 года. Во время болѣзни Николая Федоровича я входила въ его комнату, когда онъ позвонитъ и велитъ что нибудь подать или сходить за лекарствомъ; чай, кофе и супъ я не подавала Ник. Фед., а подавала Алекс. Ег. Въ тотъ день, когда умеръ Ник. Фед., онъ всталъ и ходилъ въ гости къ постояльцу Дмитріеву, къ которому провожали его Алекс. Ег. и Марья Васильевна. Передъ тѣмъ, какъ пошелъ Николай Федоровичъ къ Дмитріеву, меня послала Алекс. Ег. за зельтерской водой. Когда я принесла воду, то поставила въ корридоръ. Прежде всегда сифонъ стоялъ на столикѣ возлѣ кровати больного. Самоваръ ставила Марья Васильевна, а я готовила посуду къ чаю въ столовой. Чай пили Александра Егоровна, я и Марья Васильевна, а Николаю Федоровичу относила стаканъ чаю Александра Егоровна, но принесла назадъ стаканъ, полный чаю, сказавши, что онъ не хочетъ чаю, и опять ушла къ мужу. Рѣзникова я не видѣла въ это время въ комнатахъ. Посуду послѣ чаю прибирала Марья Васильевна. Вечеромъ Ник. Фед. стало хуже; легла я спать часовъ въ 10 въ столовой и проспала до утра, когда уже Ник. Фед. умеръ. Я видѣла, что Николай Федоровичъ ѣлъ икру въ тотъ день, когда умеръ; я ему подавала эту икру, за которой

Александра Егоровна посылала меня въ погребъ. Вечеромъ, послѣ того—какъ больной ходилъ къ Дмитріеву, я носила записку Леонтьеву въ контору.

Прокуроръ. В. Ночевалъ-ли Рѣзниковъ у Дубровиной въ ночь смерти?—*О.* Не знаю,—я рано легла спать. *В.* Вѣрно-ли показываете вы, что Алекс. Ег. принесла обратно стаканъ чаю полнымъ?—*О.* Вѣрно говорю, что полный.—По просьбѣ прокурора, *Судъ* удостовѣряетъ, что на 1-омъ допросѣ у слѣдователя Бурыкова говорила: «полъ-стакана чаю», а на 2-мъ допросѣ: «немного отпитый стаканъ». *Холева.* Ну, а въ Ростовѣ на судѣ что вы говорили?—*О.* Тоже, что и здѣсь—полный стаканъ; такъ-же говорила я и слѣдователю. — *В.* Куда поставила Алекс. Ег. этотъ стаканъ?—*О.* На столъ, а сама опять пошла къ мужу—*В.* Скоро стали убирать посуду?—*О.* Черезъ 1/2 часа мы напились и Марья Вас. стала убирать.—*В.* Куда же дѣвался чай изъ этого стакана?—*О.* Тоже вылили въ полоскательную чашку.—*В.* А Алекс. Ег. была при этомъ?—*О.* Нѣтъ, она сидѣла у мужа.—*В.* Гдѣ спала Алекс. Ег.?—*О.* Въ спальнѣ съ матерью, а когда матери не было дома, съ Марьей Васильевной.—*В.* Вы были лѣтомъ съ Максименковыми въ Калачѣ?—*О.* Жила все лѣто.—*В.* Какъ они обращались другъ съ другомъ, не ссорились-ли?—*О.* Нѣтъ, хорошо жили.—*В.* Не уѣзжала-ли Алекс. Ег. изъ Калача въ 1888 г.?—*О.* Ни разу.—*В.* Когда заболѣлъ Ник. Фед., какъ вела себя Алекс. Ег.?—*О.* Очень безпокоилась, выписывала доктора, потомъ поскорѣе перевезла больного на пассажирскомъ пароходѣ въ Ростовъ.—*В.* Во время болѣзни мужа уходила Алекс. Ег. изъ дому?—*О.* Ни разу.—*В.* Гдѣ она проводила время?—*О.* Почти всегда находилась при больномъ.—*В.* Когда въ первый разъ всталъ съ постели Ник. Фед., когда вы видѣли его уже на ногахъ?—*О.* Въ самый послѣдній день, когда умеръ.

Дубровина, Варвара Матвѣевна, мать подсудимой. — Ник. Максименко ходилъ къ намъ въ домъ, когда былъ боленъ мой сынъ, Федоръ, для развлеченія его: игралъ съ нимъ въ карты; ходили и другіе служащіе въ конторѣ. Сынъ мой умеръ на страстной недѣлѣ 1885 г. въ Кіевѣ, гдѣ онъ остался по пути за границу, куда ѣхалъ лечиться. Уѣзжая въ Кіевъ, я просила

М—ко смотрѣть за домомъ. Послѣ похоронъ сына своего, Федора, я выдала свою дочь за М—ко въ маѣ 1885 г. Вѣнчаться они ѣздили въ Азовъ. По пріѣздѣ моемъ изъ Кіева, мнѣ никто изъ прислуги моей не говорилъ дурного о М—кѣ и моей дочери. Были и другіе женихи у моей дочери Александры, ихъ было штукъ до 40; одинъ былъ женихъ очень богатый. За М—ко я выдала дочь потому, что очень хотѣла выйти за него дочь моя. Во время болѣзни зятя, я ходила въ его комнату, подавала ему ѣсть, когда находилась дома. На три дня во время его болѣзни я уѣзжала изъ Ростова на хуторъ, гдѣ у меня были посѣвы. Въ день смерти зятя я не была дома; я ушла еще наканунѣ вечеромъ, часовъ въ 7, къ своему брату на Богатомъ Источникѣ, такъ что ничего не знаю о томъ, какъ зять провелъ день, какъ ходилъ къ постояльцу Дмитріеву. Меня позвали въ среду, 19 октября, когда зять уже умеръ.

Прокуроръ. Почему свадьба была въ Азовѣ?—*О.* Такъ они сами хотѣли.—*В.* А вы были на свадьбѣ? — *О.* Нѣтъ, не была.—*В.* Дочь ваша жила съ мужемъ въ согласіи? — *О.* Они очень пріятно жили. — *В.* Не было ли случая, что дочь ваша ушла съ мужемъ жить въ гостинницу?—*О.* Разъ вышла непріятность — они по капризу и ушли; а дня черезъ три я ихъ упросила, и они опять возвратились въ домъ.—*В.* Пилъ больной сельтерскую воду? — *О.* Всегда пилъ; послѣ смерти осталось полъ-сифона въ корридорѣ.

Холева. Была-ли у дочери вашей особая комната?—*О.* Нѣтъ, она всегда спала со мною, а когда я уѣзжала—съ Марьей Васильевной.—*В.* Были у Алекс. Ег. дѣти?—*О.* Она въ 1-й годъ была беременна, но ребенокъ родился мертвымъ, и она очень болѣла послѣ родовъ, мѣсяца два не вставала. — *В.* Не было-ли случая, что Алекс. Ег., такъ, за годъ до смерти мужа, была больна?—*О.* Да, это было послѣдней зимой передъ его смертью: мы, по хозяйству, готовили на зиму капусту, и Саша сама переносила боченокъ, надорвалась и прохворала недѣли три.—*В.* Что же съ нею было?—*О.* Женская болѣзнь.—*В.* Скажите, дяди были на свадьбѣ?—*О.* Нѣтъ, «мы не довольны», они говорили, не хотѣли выдавать Сашу за М—ко. — *В.* Послѣдніе 2 года гдѣ проводила лѣто дочь ваша? — *О.* Въ Калачѣ, съ му-

жемъ. Сперва уѣхалъ онъ, а за нимъ скоро и она.—*В.* Когда вы узнали Рѣзниковыхъ? — *О.* Зять познакомилъ насъ съ ними за годъ до смерти .Онъ былъ въ большой дружбѣ съ ними, и Сашу туда водилъ; Саша подружилась съ старшей дочерью—Соней. И Аристарха въ контору помѣстилъ зять.—*В.* Опасно былъ боленъ зять вашъ?—*О.* Тяжелый былъ больной.—*В.* А рвота была у него?—*О.* Нѣсколько разъ видѣла рвоту.—*В.* Вы ушли изъ дому за день до его смерти—что онъ былъ уже на ногахъ, одѣтъ?—*О.* Нѣтъ, я оставила его еще въ постели; всталъ онъ уже безъ меня.—*В.* Давно вы знаете Гребенькову?—*О.* Лѣтъ 40.—*В.* Очень опечалена была Саша смертью мужа?—*О.* А какъ же не очень?—*В.* На кладбищѣ плакала?—*О.* Все время плакала—только, извѣстно, не по старинному—безъ причиту.—*В.* Скажите, гдѣ хранились драгоцѣнныя вещи вашей дочери: бриллiанты, кольца и проч?—*О.* У меня въ коммодѣ; дамъ ей надѣть, да и опять спрячу.—*В.* А ключъ былъ у васъ, она безъ вашего вѣдома не могла взять вещей?—*О.* Нѣтъ, не могла.—*В.* Такъ какъ же это Левицкій показываетъ, будто Саша давала золотыя вещи Панфилову?—*О.* Левицкій, этотъ пьяница, все вретъ, и Панфиловъ-то всего раза три былъ въ домѣ, всегда былъ съ женою и Саша безъ мужа никуда не ходила. Саша крестила у него ребенка изъ милости, по просьбѣ Левицкаго, который говорилъ: вотъ прiѣхалъ человѣкъ бѣдный, никого здѣсь не знаетъ.

Волкенштейнъ. Давали-ли вы довѣренность Аристарху на управленiе домомъ?—*О.* Дала; лѣтомъ онъ сдалъ Дмитрiеву квартиру и получалъ деньги. — *В.* Не просили-ли вы его присматривать за домомъ, ночевать?—*О.* Просила.—*В.* Ник. Фед. зналъ, что вы выдали довѣренность Аристарху? — *О.* Да онъ самъ за меня неграмотную и росписался.—*В.* Часто бывалъ Аристархъ въ домѣ?—*О.* Онъ ухаживалъ за больнымъ, ѣздилъ за докторомъ, за лекарствомъ. — *В.* Не собирались-ли вы выдать дочь за Рѣзникова?—*О.* Эти сплетни послѣ пошли, потому что моя дочь ходила къ Софьѣ Рѣзниковой.

Федоровъ-Дубровинъ Егоръ Федоровичъ, ростовск. 1-й гильдiи купецъ.—Весною 1884 г. поступилъ въ нашу контору пароходства конторщикомъ Н. Ф. Максименко и состоялъ въ этой

должности до апрѣля 1885 г. т. е. до женитьбы на моей племянницѣ Александрѣ. За нѣсколько недѣль до свадьбы ко мнѣ, какъ къ старшему родственнику, обратилась племянница моя за совѣтомъ относительно выхода ея замужъ. Я находилъ этотъ бракъ неравнымъ и былъ противъ него, но такъ какъ она заявила, что сильно любитъ М — ко, то я имъ не препятствовалъ. Вскорѣ послѣ свадьбы покойный М — ко, какъ родственникъ, сталъ принимать участіе въ торговомъ дѣлѣ, имѣя довѣренность отъ жены и тещи. Онъ былъ человѣкъ добрый, трудолюбивый, совершенно трезвый и жену свою ни въ чемъ не стѣснялъ. Онъ часто бывалъ съ женою въ моемъ домѣ—и какъ я, такъ и вся семья моя, радовались, глядя на ихъ счастливую жизнь. Послѣдніе два года передъ смертью М—ко, мы оказывали ему большое довѣріе по торговымъ дѣламъ и всегда оставались имъ довольны. Въ 1888 году онъ былъ посланъ нами въ Калачъ для завѣдыванія нашей конторой и былъ тамъ все лѣто, до послѣднихъ чиселъ сентября мѣсяца, т. е. до болѣзни. 3 октября онъ былъ привезенъ въ Ростовъ больнымъ. Я вмѣстѣ съ служащими вышелъ встрѣтить его — онъ настолько былъ слабъ, что его пришлось съ парохода нести до экипажа на рукахъ. Немедленно былъ приглашенъ д-ръ Португаловъ, но черезъ нѣсколько дней племянница моя обратилась ко мнѣ съ просьбой пригласить еще и другого врача, такъ какъ положеніе больного не улучшалось. Былъ приглашенъ д-ръ Лешкевичъ, который заявилъ, что леченіе производится правильно. Въ день смерти покойнаго, около 5 часовъ утра, Рѣзниковъ извѣстилъ меня, что Н. Ф. умираетъ. Я и моя жена, наскоро одѣвшись, отправились къ М — ко, а Рѣзниковъ поѣхалъ за докторомъ. Когда мы вошли къ М — ко, онъ уже умеръ. Около кровати стояли: жена покойнаго, полицейскій чиновникъ Дмитріевъ съ своею женою, прислуга Гребенькова и Дуня. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ д-ръ Португаловъ, который выразилъ удивленіе по поводу смерти М—ко и спросилъ, что онъ наканунѣ ѣлъ и пилъ. Племянница за рыданіями ничего не могла ему отвѣтить, а Гребенькова сказала, что онъ ѣлъ сладкій пирогъ, икру, пилъ вино и сельтерскую, былъ въ гостяхъ у Дмитріевыхъ и тамъ пилъ чай съ хлѣбомъ и почувствовалъ себя тамъ дурно. Португаловъ замѣтилъ: «ну, что-жъ дѣлать! теперь

надо записку о его смерти». Я ему отвѣтилъ: «такъ вы и напишите записку, вѣдь это вашъ же паціентъ». Португаловъ замялся и собирался уходить. Онъ держалъ себя какъ-то странно, надѣвъ пальто и взявшись за дверную ручку, то открывалъ дверь, то закрывалъ, видимо было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшался, такъ что я обратился къ окружающимъ съ вопросомъ, заплачено-ли ему за леченіе. Въ это время подходитъ ко мнѣ моя жена и говоритъ, что докторъ, вѣроятно, хочетъ «штаны полатать,» т. е. сорвать взятку; я снова обратился къ Португалову за запиской, но онъ просилъ прислать къ нему послѣ. Черезъ нѣсколько времени къ нему былъ посланъ Рѣзниковъ, который вернулся безъ записки, сказавъ, что докторъ просилъ прійти во время обѣда; Рѣзниковъ отправился къ нему въ назначенное время и, вернувшись, передалъ, что Португаловъ безъ уплаты ему 300 рублей записки не выдастъ. Вечеромъ женою и всѣми родственниками покойнаго было рѣшено заявить полиціи о дѣйствіяхъ Португалова, что было поручено Леонтьеву и Безклубову. 21-го октября состоялось вскрытіе тѣла покойнаго. Затѣмъ, за нѣсколько дней до Рождества, Рѣзниковъ и моя племянница были арестованы. Мать ходила къ ней въ тюрьму и передавала ея настойчивую просьбу составить прошеніе о новомъ вскрытіи тѣла умершаго, такъ какъ племянница была вполнѣ увѣрена, что мужъ ея не былъ отравленъ.

Я обратился по этому вопросу къ присяжному повѣренному и къ другимъ лицамъ за совѣтомъ, какъ лучше поступить, на что всѣ, разсмотрѣвъ актъ перваго химическаго изслѣдованія, отвѣчали, что просить о вторичномъ вскрытіи не слѣдуетъ, а присяжный повѣренный находилъ, что—актъ химическаго анализа неправильный, составленъ не по закону и что на судѣ онъ не будетъ имѣть никакого значенія. По этому всѣми нами, ея родственниками, было рѣшено не хлопотать о вторичномъ вскрытіи, но она продолжала умолять насъ хлопотать о новомъ вскрытіи, которое докажетъ всю ея невиновность, и лишь послѣ ея столь настоятельныхъ просьбъ я рѣшился подать прошеніе.

Прокуроръ. Какая сумма въ пароходствѣ принадлежитъ Ал. Ег.?—*О.* До ста тысячъ рублей.—*В.* Знали-ли вы, что она передала своему мужу свое право на участіе въ пароходномъ дѣ-

лѣ? — *О.* Нѣтъ, я узналъ объ этомъ только послѣ смерти М—ко. — *В.* Говорилъ вамъ Португаловъ, что тѣло нужно вскрыть?—*О.* Да; уклоняясь дать записку, онъ отговаривался тѣмъ, что, можетъ быть, придется сдѣлать вскрытіе.

Прис. пов. Холева. Были вы на свадьбѣ племянницы?—*О.* Не былъ.—*В.* Послѣ женитьбы какое участіе въ торговомъ домѣ принималъ М—ко?—*О.* Раньше онъ былъ простымъ приказчикомъ съ жалованьемъ въ 35 р., а тутъ уже сталъ довѣреннымъ своей жены.—*В.* Когда послѣдній разъ и какимъ видѣли вы М—ко?—*О.* 16-го октября, онъ сидѣлъ на кровати, но встать еще не могъ.—*В.* Говорилъ-ли вамъ Партугаловъ о своихъ подозрѣніяхъ?—*О.* Нѣтъ, онъ сказалъ только: «странно, я его вылечилъ». Тогда я его спросилъ: «а къ кому васъ звали вчера въ 8 ч. веч.—къ здоровому или къ больному?» Онъ промолчалъ.—*В.* Кто утромъ 19-го раньше ушелъ отъ М—ко: вы или Португаловъ?—*О.* Португаловъ раньше.—*В.* Кричала-ли племянница, услышавъ о вскрытіи: «застрѣлюсь, убьюсь, не допущу!» и т. п.?—*О.* Ничего подобнаго: она просто все время плакала, какъ и раньше. Мы, правда, всѣ родственники были возмущены словами Португалова, что, можетъ быть, «придется рѣзать»?—*В.* Хорошо жили супруги?—*О.* Прекрасно, были вполнѣ счастливы, всегда вмѣстѣ.—*В.* Какъ вела себя подсудимая на кладбищѣ и вообще послѣ смерти?—*О.* Очень была убита.—*В.* Какъ вы подавали прошеніе о новомъ вскрытіи?—*О.* По настоянію Саши, я телеграфировалъ въ Петербургъ, чтобы составили такое прошеніе, но передать его въ тюрьму не разрѣшили. Было много съ нимъ хлопотъ. Тогда я ѣздилъ въ Таганрогъ, къ прокурору, но и онъ...

Предсѣдатель. Довольно объ этомъ.

Леонтьевъ Михаилъ Васильевичъ, управляющій главной конторой Дубровиныхъ—Максименковыхъ, Ник. Фед. и Алекс. Ег., я знаю съ Мая 1885 г., а Аристарха Рѣзникова съ Ноября 1887 г. Съ покойнымъ Н. М—ко я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, часто бывали одинъ у другого и вообще много проводили времени вмѣстѣ. Человѣкъ онъ былъ симпатичный, добрый и кроткаго характера. Жену свою любилъ горячо и рѣдко гдѣ бывалъ безъ нея. Она въ свою очередь отвѣчала ему тѣмъ же, а въ 1886 году, опа-

саясь неблагополучнаго исхода родовъ, передала ему по нотаріальному акту все свое состояніе, желая его обезпечить. Рѣзниковъ былъ съ покойнымъ въ дружескихъ отношеніяхъ, были они на «ты»; Рѣзниковъ поступилъ въ контору Дубровиныхъ по протекціи покойнаго. Въ апрѣлѣ 1888 г. Максименко былъ командированъ въ Калачъ для завѣдыванія конторою; вскорѣ выѣхала къ нему и Алекс. Ег. Въ концѣ сентября была получена телеграмма о серьезной болѣзни Н. М—ко и что докторъ совѣтуетъ перевезти его въ Ростовъ.

Въ первыхъ числахъ октября М—ко былъ привезенъ женою на пассажирскомъ пароходѣ въ Ростовъ; я встрѣтилъ покойнаго, который оказался настолько слабымъ, что безъ посторонней помощи не могъ встать съ койки, и мы вынесли покойнаго на рукахъ. Немедленно былъ посланъ А. Рѣзниковъ за докторомъ Португаловымъ; послѣдній констатировалъ болѣзнь—брюшной тифъ.—Во время болѣзни я нѣсколько разъ навѣщалъ больного и разъ встрѣтилъ тамъ д-ра Партугалова, который предупредилъ меня, что бы я не особенно долго оставался близъ больного, такъ какъ его болѣзнь имѣетъ заразительный характеръ, а Александрѣ Егоровной докторъ совѣтовалъ лучше чаще приходить, но по долгу не оставаться. Наканунѣ смерти я получилъ отъ покойнаго записку, въ которой онъ меня приглашалъ на вечерній чай вмѣстѣ съ Рѣзниковымъ.—Выйдя изъ конторы около 7 час. вечера, я, по неимѣнію свободнаго времени, къ больному не ношелъ, а попросилъ Рѣзникова передать, что я зайду завтра утромъ.—Приблизительно черезъ часъ или менѣе, идя изъ своей механической мастерской, я встрѣтился въ Казанскомъ пер. съ Рѣзниковымъ, который сообщилъ мнѣ, что Николаю Федоровичу дурно и что онъ спѣшитъ за докторомъ.

На слѣдующій день, 19 октября, часовъ около 6 утра, мнѣ прислали сказать, что М—ко умираетъ.—На-скоро одѣвшись, я пришелъ въ домъ М—ко, но М—ко былъ уже мертвъ.

Часа въ $2^1/_2$ дня я встрѣтилъ Рѣзникова идущимъ отъ доктора, и онъ сообщилъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ былъ у Португалова за запиской, но что послѣдній выдачу записки все откладывалъ съ часа на часъ, а въ концѣ концовъ заявилъ, что безъ 300 р. записки не выдастъ.

На вопросъ мой: чѣмъ докторъ мотивируетъ требованіе 300 руб., вѣдь онъ гонораръ за леченіе, кажется, получилъ? Рѣзниковъ отвѣтилъ: «Дубровины, говоритъ онъ, люди богатые и религіозные, 300 р. для нихъ деньги не большія, а вскрытіе могло бы оскорбить ихъ религіозное чувство, слѣдовательно, 300 р. заплатятъ. Въ Харьковѣ былъ подобный случай, когда жена, не желавшая вскрытія тѣла своего мужа, заплатила доктору 10 тыс. руб. за такую записку, а я прошу только 300 р! Наконецъ эти деньги можно будетъ употребить на какую либо благотворительную цѣль». Я былъ удивленъ столь страннымъ требованіемъ доктора и сказалъ Рѣзникову, чтобы онъ передалъ объ этомъ родственникамъ покойнаго.

Вечеромъ часовъ въ 8 или 9 я зашелъ въ домъ покойнаго; родственники его, въ томъ числѣ и Александра Егоровна, обратились ко мнѣ съ просьбою заявить полиціймейстеру о дѣйствіяхъ Португалова и просить принять должныя мѣры къ похоронамъ.

Тотчасъ-же я и дьяконъ Безклубовъ поѣхали въ полицію и заявили о вымогательствѣ. 20 октября я узналъ, что тѣло покойнаго будутъ вскрывать, а 21 октября утромъ явились доктора: Красса, Лешкевичъ, Моргулисъ и Португаловъ и произвели вскрытіе.

Прокуроръ. Съ какого времени вы служите въ пароходствѣ Дубровиныхъ?—*О.* Съ 10 мая 1885 г.—*В.* Какъ смотрѣли на бракъ съ Максименко дяди и мать подсудимой?—*О.* Видимо было, что для Дубровиныхъ бракъ казался не равнымъ, но вслѣдствіе того, что А. Е. выходила замужъ по любви—они не особенно препятствовали.—*В.* Какія у васъ съ Никол. Федор. были отношенія?—*О.* Отношенія были чисто дружескія, да и по лѣтамъ мы были почти ровесники.—*В.* Когда вы узнали о совершеніи акта, по которому все имущество перешло къ Ник. М—ко?—*О.* Вскорѣ послѣ его совершенія.—*В.* Какъ это совершилось и почему Дубровины требовали отъ покойнаго М—ко довѣренности отъ жены и тещи, зная, что онъ является фактическимъ хозяиномъ части пароходства?—*О.* Актъ былъ совершенъ въ 1886 г., въ періодъ беременности Алекс. Егор., которая, боясь неблагополучнаго исхода родовъ, пожелала обезпечить мужа. Дубровины

о существованіи этого акта не знали: его отъ нихъ самымъ тщательнымъ образомъ скрывали. Передъ совершеніемъ акта опекуншею надъ Алекс. Егор. была мать ея, но такъ какъ безъ ея участія совершить актъ нельзя было и она могла воспрепятствовать совершенію и предупредить Дубровиныхъ, то для избѣжанія этого былъ назначенъ вмѣсто опекунши-матери попечитель, братъ покойнаго Антонинъ Максименко.—*В.* А вы, зная о существованіи акта, служа представителемъ интересовъ Дубровиныхъ, не говорили имъ?—*О.* Нѣтъ, не говорилъ, мною дано было покойному честное слово хранить это въ тайнѣ и я старался быть вѣрнымъ данному обѣщанію.—*В.* Не можете-ли объяснить причину, заставившую Никол. Федоров. хранить въ тайнѣ свои права на участіе въ дѣлѣ?—*О.* Дубровиныхъ было три брата, одинъ изъ нихъ умеръ; дочь послѣдняго находится теперь на скамьѣ подсудимыхъ; между братьями былъ заключенъ товарищескій договоръ, по которому предоставлено каждому въ отдѣльности неограниченное право, какъ по распоряженію дѣлами пароходства, такъ и по кредитной операціи. Максименко-же являлся элементомъ новымъ и такъ скоро не могъ, конечно, разсчитывать на столь широкое довѣріе; вотъ это соображеніе и заставляло пока не заявлять о своихъ правахъ.—*В.* Когда же, по вашему мнѣнію, Максименко могъ заявить о своихъ правахъ?—*О.* Когда именно—опредѣлить трудно, но думаю, что не въ далекомъ будущемъ онъ могъ бы это сдѣлать. Послѣднее время Дубровины относились къ нему съ большимъ довѣріемъ, доказательствомъ этому служитъ командировка его въ Калачъ для управленія конторою. Къ тому же Дубровины люди въ преклонныхъ лѣтахъ; такой внимательный и трудолюбивый человѣкъ, какимъ былъ покойный, для нихъ существенно былъ необходимъ. Узнавши же, что онъ давнымъ давно былъ фактическимъ участникомъ, но скромно молчавшимъ,—это еще болѣе возвысило бы покойнаго въ глазахъ Дубровиныхъ; такъ думалъ онъ, такъ думалъ и я.—*В.* Не можете ли сообщить намъ что либо о семейной жизни покойнаго Ник. Фед?—*О.* Съ женою онъ жилъ прекрасно; съ тещей иногда выходили недоразумѣнія, но онъ имъ не придавалъ особаго значенія; былъ, между прочимъ, одинъ случай, когда Н. Ф. вмѣстѣ съ женою ушелъ изъ дома тещи и жилъ нѣсколько дней въ

гостинницѣ, но затѣмъ опять переѣхалъ жить въ ея домъ.—*В.* Не знаете ли причины этой ссоры?—*О.* Думаю, что никакой причины не было, а просто теща не въ мѣру выпила и, благодаря бурному характеру, стала упрекать въ чемъ либо покойнаго.—*В.* Какая часть въ пароходствѣ принадлежала Ал. Егор?—*О.* Тысячъ около 50-ти.—*В.* Е. Ф. Дубровинъ на судѣ показалъ, что ея часть равнялась ста тысячамъ, а вы говорите, что 50/т.; не можете ли объяснить намъ эту разницу?—*О.* Капиталъ находится въ пароходномъ инвентарѣ, а не въ наличныхъ деньгахъ, такъ что точное опредѣленіе цифры въ данномъ случаѣ почти невозможно,—Дубровинъ имѣетъ вѣроятно въ виду ту сумму, которая заплачена за имущество, а я имѣю въ виду сумму, какая можетъ быть выручена при внезапной ликвидаціи пароходства, — т. е. почти на 50% цѣню дешевле заплаченной стоимости.—*В.* Не помните ли содержанія записки, полученной вами наканунѣ смерти отъ Н. М—ко?—*О.* Приблизительно содержаніе было таково: «Миша, приходи вечеромъ на чай и захвати съ собою Рѣзникова».—*В.* Отчего вы не пошли къ покойному?—*О.* Я уже раньше сказалъ, что не имѣлъ времени; да и не придавалъ особаго значенія необходимости посѣщенія, такъ какъ больному было нѣсколько лучше.

Прис. пов. Холева. По чьей просьбѣ было произведено вторичное вскрытіе трупа Н. М—ко?—*О.* По просьбѣ Александры Максименко.—*В.* Не давали-ли Алекс. Ег. совѣта, кто либо изъ ея родственниковъ или знакомыхъ, не требовать вторичнаго вскрытія?—*О.* Всѣ родственники были противъ вторичнаго вскрытія, основываясь на томъ, что первый актъ химическаго анализа внутренностей покойнаго былъ составленъ далеко не такъ, какъ этого требуютъ законъ и наука, и что, по увѣренію лица компетентнаго, его легко будетъ на судѣ опровергнуть; но Алекс. Ег. умоляла произвести вторичное вскрытіе, и лишь послѣ столь настоятельной просьбы родственники рѣшили подать прошеніе о вторичномъ вскрытіи.—*В.* Не читали-ли вы этого прошенія и, если читали, то не припомните-ли его содержанія?—*О.* Читалъ, и кажется не одинъ разъ, но содержаніе его мало помню; помню, что въ прошеніи была выражена убѣдительнѣйшая просьба произвести анализъ не въ донской аптекѣ и не черезъ Роллера, а

послать внутренности въ Медицинскій Департаментъ.—*В.* Бумаги, адресованныя на имя конторы, всѣ-ли проходятъ чрезъ ваши руки?—*О.* Всѣ, и даже у меня хранятся.—*В.* Не помните-ли, какія бумаги были получены изъ Таганр. Ком. Суда по предъявленному къ Дубровинымъ иску наслѣдника покойнаго—Антонина Максименко?—*О.* Три копіи съ прошенія объ обязаніи фирмы дать отчетъ Антонину Максименко о торговой операціи пароходства со дня смерти брата его.—*В.* Какой документъ былъ предъявленъ въ Судъ Антониномъ Максименко въ подтвержденіе принадлежности его покойному брату товарищескаго пая?—*О.* Нотаріальная выпись изъ книги нотаріуса Фоллендорфа, съ указаніемъ времени совершенія акта, при какихъ свидѣтеляхъ былъ совершенъ, за какую сумму состоялась продажа, кто росписался въ книгѣ; были, словомъ, въ этой выписи всѣ подробности акта.—*В.* Не помните-ли суммы, за которую пай былъ проданъ?—*О.* 6000 р.—*В.* Какъ проводила время Алекс. Ег. послѣ 20 февраля 1890 г.?—*О.* На второй день по оправданіи и освобожденіи ея отслужила въ домѣ молебенъ, а на могилѣ покойнаго мужа панихиду. Затѣмъ дня черезъ два или три уѣхала изъ Ростова къ своимъ родственникамъ, гдѣ и жила все время въ деревнѣ.—*В.* Второй арестъ былъ произведенъ властями, или она сама явилась въ тюрьму?—*О.* Какъ только стало извѣстно, что Сенатъ кассацію уважилъ, тогда было подана отъ имени ея и ея матери въ судъ просьба отдать ее на поруки, но судъ отказалъ. На отказъ суда подана была жалоба въ Судебную Палату, которая постановила потребовать залога 20.000 р. наличными. Выполнить требованіе Палаты было весьма трудно, и Алекс. Ег. попросила отвезти ее въ Харьковъ и заявить суду о ея арестѣ, что и было сдѣлано.—*В.* При жизни покойнаго Н. Ф. не раскаявалась-ли Алекс. Ег., что передала мужу все свое состояніе?—*В.* Не только не сожалѣла, но она съ особенною радостію ждала того времени, когда онъ оффиціально сдѣлается равноправнымъ членомъ фирмы.—*В.* Зналъ-ли о существованіи запродажнаго акта Рѣзниковъ?—*О.* Навѣрное не знаю, но, судя по ихъ отношеніямъ, предполагаю, что онъ могъ знать.—*В.* Какой родственникъ И. Е. Левицкій покойному Н. Ф.—*О.* Левицкій женатъ на родной сестрѣ покойнаго.—*В.* Бывалъ-ли Левицкій

въ домѣ Н. Ф. и какъ относилась къ нему и его женѣ Алекс. Ег.? *О.* Левицкій и его жена бывали очень часто, Алекс. Ег. относилась вообще къ родственникамъ покойнаго довольно любезно, а къ семьѣ Левицкихъ въ особенности, такъ какъ семья часто терпѣла нужду и имѣла малолѣтнихъ дѣтей; Алекс. Ег. многимъ женѣ Левицкаго помогала.—*В.* Все-ли время до смерти покойнаго Левицкій былъ принятъ въ домъ Н. Ф? — *О.* Нѣтъ, въ концѣ 1886 г. или началѣ 1887 г. Левицкому было отказано отъ дома.—*В.* Не знаете-ли причины отказа и не по желанію-ли Алекс. Ег.? — *О.* Помню, что покойный возмущался дѣйствіями Левицкаго въ отношеніи его семьи. Разсказывалъ мнѣ, что Левицкій чрезвычайно плохой семьянинъ, что получаемое имъ жалованье рѣдко когда приноситъ домой, что больше тратитъ деньги на напитки и охоту, чѣмъ на семью.—*В.* Не жаловался-ли вамъ Левицкій на Алекс. Ег.?—*О.* Въ отказѣ Николаемъ Федоровичемъ въ пособіи и пріемѣ въ домъ онъ обвинялъ всецѣло Алекс. Ег.—*В.* Чѣмъ занимался Левицкій?—*О.* Онъ служилъ писаремъ въ полиціи, но за что-то неблаговидное былъ уволенъ.—*В.* Когда вы въ послѣдній разъ видѣли Ник. Фед.?—*О.* 16 октября.—*В.* Онъ былъ уже на ногахъ?—*О.* Нѣтъ, сидѣлъ на кровати, обложенный подушками.—*В.* Не жаловался-ли больной во время болѣзни на рвоту?—*О.* Нѣсколько разъ.—*В.* Не было-ли у васъ уголовнаго дѣла съ Португаловымъ?—*О.* Португаловъ подалъ на меня жалобу, обвиняя въ оклеветаніи его въ заявленіи моемъ полиціймейстеру о его вымогательствѣ.—*В.* Какая же судьба этого дѣла? *О.* Года два назадъ меня вызывали къ мировому для примиренія, но я, не чувствуя за собою никакой вины, отъ всякаго примиренія съ Португаловымъ отказался, и больше меня не тревожили.—*В.* Значитъ, все ограничилось неудавшимся примирительнымъ разбирательствомъ и дальнѣйшаго движенія обвинитель этому дѣлу не далъ?—*О.* Да, слѣдователь меня даже не вызывалъ.—*В.* Пожалуй, и давность прошла—больше 2-хъ лѣтъ со дня разбирательства у мироваго судьи?—*О.* Да, уже 3-ій годъ пошелъ.—*В.* Какъ жили супруги М—ко?—*О.* Прекрасно, любили другъ друга.—*В.* Былъ-ли доволенъ М—ко своею женою?—*О.* Вполнѣ, онъ о ней всегда очень хорошо отзывался.—*В.* Какъ отрази-

лась смерть мужа на подсудимой?—*О.* Она была очень убита, опечалена, плакала, горевала.—*В.* Каково было поведеніе ея на кладбищѣ и вообще въ первые дни послѣ смерти?—*О.* Она производила впечатлѣніе женщины, понесшей чувствительную, тяжелую утрату.—*В.* Не показывалъ-ли свидѣтель Альбовъ, при разбирательствѣ этого дѣла въ Ростовѣ, что, когда, послѣ смерти купца Старкова, обратились къ лечившему его Португалову, Португаловъ за выдачу свидѣтельства о смерти также потребовалъ денегъ? *Предсѣдатель* (къ защитнику). Какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу? *Холева.* Это доказываетъ, что требованіе врачемъ Португаловымъ денегъ за свидѣтельство о смерти М—ко не было случаемъ единичнымъ въ его практикѣ. *Предсѣдатель.* Я устраняю этотъ вопросъ.

Пом. прис. пов. Волкенштейнъ. Какимъ образомъ Рѣзниковъ поступилъ въ контору Дубровиныхъ и ваше съ нимъ знакомство?—*О.* По закрытіи навигаціи въ 1887 г. всѣмъ служащимъ въ пароходствѣ данъ былъ въ гостинницѣ «Лондонъ» обѣдъ. На обѣдѣ былъ я и покойный Ник. Фед. Вечеромъ онъ представилъ мнѣ Рѣзникова и тутъ же предложилъ принять его въ контору, разсказавъ мнѣ свое знакомство съ семьей Рѣзникова, которой онъ многимъ обязанъ. Гдѣ-то на шахтахъ онъ очень нуждался, въ это время семья Рѣзникова его пріютила и нѣсколько мѣсяцевъ держала у себя, пока онъ пріискалъ должность. Помня это добро, онъ желалъ-бы отплатить семьѣ тѣмъ-же. Послѣ этого я предложилъ Рѣзникову чрезъ нѣсколько дней явиться на службу. *В.* Какъ Рѣзниковъ велъ себя во время службы и пользовался ли довѣріемъ?—*О.* Всегда былъ исправенъ и старателенъ, довѣріемъ пользовался довольно большимъ; были случаи, что ему поручалось полученіе по счетамъ до 5000 р.—*В.* Имѣлъ-ли Рѣзниковъ отъ Дубровиныхъ довѣренности?—*О.* Имѣлъ на веденіе домовыхъ книгъ, а во время выѣзда тещи покойнаго М—ко и его самого Рѣзникову было поручено полученіе съ квартирантовъ арендныхъ денегъ.—*В.* Въ какихъ отношеніяхъ былъ Рѣзниковъ съ вашимъ помощникомъ Куколевскимъ?—*О.* Мѣсяца за два до ареста Рѣзникова они были въ ссорѣ и не подавали другъ другу руки.

Пузановъ, Алексѣй Ивановъ, двоюродный братъ подсудимой

М—ко. Я, какъ родственникъ М—ко, знаю, что семейная жизнь Максименковой съ покойнымъ ея мужемъ была очень хорошая. Я пріѣзжалъ къ нимъ въ Ростовъ погостить и они ко мнѣ пріѣзжали. Я присутствовалъ при вскрытіи трупа Н. М—ко; трупъ вскрывали три врача, причемъ во время вскрытія пріѣхалъ врачъ, какъ говорили, изъ евреевъ, который при жизни пользовалъ Максименко, кажется, фамилія его Португаловъ. Врачи, говорили, что М—ко умеръ отъ тифа. Одинъ изъ врачей остался зашивать трупъ, а остальные уѣхали. Въ это время снова явился Португаловъ и заявилъ, что прокуроръ требуетъ взять изъ трупа внутренности. Тотъ-же врачъ взялъ изъ трупа внутренніе органы, вложилъ ихъ въ банки и опечаталъ ихъ печатями. Въ это время опять пріѣхалъ Португаловъ. Какъ и въ первый разъ, онъ былъ сильно смущенъ, дрожалъ, замѣтно было въ немъ «трепетаніе». Онъ былъ возбужденъ, въ лицѣ измѣнился, говорилъ онъ возбужденно съ другимъ врачемъ; что-то говорилъ также съ приставомъ, который жилъ въ домѣ Максименко (Дмитріевымъ). Тотъ сказалъ ему: «Зачѣмъ вы и меня туда примѣшиваете?» Португаловъ былъ такъ смущенъ, что при уходѣ, отыскивая свое пальто на вѣшалкѣ, раза три обронилъ его. Я слышалъ еще до вскрытія трупа, что Португаловъ требовалъ отъ родныхъ Максименко 300 руб. за свидѣтельство.

Холева. Не жаловался-ли когда нибудь Максименко на жену?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Какой разговоръ былъ между Португаловымъ и Дмитріевымъ?—*О.* Португаловъ накляузничалъ приставу, что, вотъ, больной умеръ послѣ того, какъ напился чаю у Дмитріевыхъ; а Дмитріевъ съ сердцемъ и сказалъ тутъ Португалову: «что вы меня путаете!»—*В.* При васъ омывали трупъ послѣ вскрытія и какъ это дѣлалось?—*О.* При мнѣ—его обтирали сверху губкою.—*В.* Когда одѣвали, не переворачивали на грудь?—*О.* Нѣтъ, онъ лежалъ на спинѣ, только немного приподняли.—*В.* На похоронахъ были вы, какъ вела себя вдова?—*О.* Она все время послѣ смерти плакала, тужила.

Замахаевъ Петръ Ивановъ. Я года два служилъ въ конторѣ Дубровиныхъ, откуда отошелъ уже 2-й годъ. Послѣ смерти Ник. М—ко меня посылали изъ конторы ночевать въ домъ Варвары

Дубровиной. Какъ то разъ, черезъ мѣсяцъ послѣ смерти, когда Дубровина уѣхала въ имѣніе, я, просидѣвъ немного съ Гребеньковой, часовъ въ 10 легъ спать. Въ это время съ вокзала воротилась Алекс. Ег. съ Рѣзниковымъ и стали ужинать въ столовой. Рѣзниковъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ: «вотъ меня оставляютъ ночевать, да не хочется». Утромъ я встрѣтился съ Рѣзниковымъ въ корридорѣ и онъ сказалъ мнѣ, что ему не спалось всю ночь. *Прокуроръ*. Въ какихъ отношеніяхъ была Алекс. Ег. съ Рѣзниковымъ?—*О*. Это мнѣ неизвѣстно. *Холева*. Въ какой комнатѣ вы спали: маленькой, или большой?—*О*. Въ кабинетѣ, комната маленькая, тамъ стоялъ диванъ и письменный столъ.—*В*. Сколько разъ вы ночевали у Дубровиной и часто ли видѣли тамъ Рѣзникова?—*О*. Ночевалъ я недѣли двѣ, а Рѣзникова встрѣтилъ одинъ разъ.—*В*. Собиралась ли Алекс. Ег. за мужъ за Рѣзникова?—*О*. Это мнѣ неизвѣстно.

Подсудимый *Рѣзниковъ* по поводу показанія Замахаева объяснилъ: «дѣйствительно, дней чрезъ 20 послѣ смерти Максименко старуха Дубровина уѣзжала на нѣсколько дней на ст. Глубокую, гдѣ у нея имѣніе, и я съ Алек. Ег. ѣздилъ ее провожать на вокзалъ; это было часовъ въ 9½; пріѣхавъ домой, Алек. Ег. приказала приготовить ужинъ для себя и меня, и мы сѣли ужинать въ столовой. Замахаевъ же ночевалъ въ кабинетѣ. Я принесъ ему водки и закуски и говорилъ ему, что мнѣ предлагаютъ остаться ночевать, но мнѣ не хочется. Утромъ я вышелъ въ корридоръ умыться; тамъ встрѣтилъ Замахаева, собиравшагося идти въ контору, и сказалъ ему, что мнѣ было страшно, такъ какъ собака Кадошка выла на томъ мѣстѣ, гдѣ вскрывали М—ко, а я спалъ на диванѣ въ гостинной, гдѣ умеръ М—ко, и такая обстановка нагоняла тоску».

Предсѣд. Не можете ли сказать, почему вы не спали вмѣстѣ съ Замахаевымъ въ кабинетѣ? *Рѣзниковъ*. Потому, что комната была маленькая и не на чемъ мнѣ было лечь.

Безклубовъ Григорій Сафроновичъ, діаконъ. Я состою зятемъ Егора Дубровина. Я бывалъ въ домѣ Варвары Дубровиной и знаю, что супруги Максименко жили хорошо. Когда Ник. М—ко былъ боленъ, я у него былъ 7 и 15 октября. 15 октября онъ былъ еще въ постели и говорилъ, что ему стало лучше, но что

еще въ животѣ есть боль; посидѣлъ я тогда у нихъ не долго; больной выпилъ стаканъ кофе. Когда онъ умеръ, меня пригласили читать надъ нимъ, и я 19 октября часовъ въ 12 прибылъ къ покойнику и читалъ псалтирь. Я слышалъ отъ Рѣзникова, пріѣхавшаго отъ д-ра Португалова, что Португаловъ требуетъ 300 рублей за свидѣтельство о смерти М—ко. Часовъ въ 8 веч. 19 октября, по просьбѣ вдовы и тестя моего, Леонтьевъ и я ѣздили къ полиціймейстеру заявить о вымогательствѣ Португаловымъ 300 рублей. Узнавъ, что Максименко будутъ вскрывать и что вскрытіе это городовой врачъ поручилъ врачу Крассѣ, я передъ вечерней 20-го числа заходилъ къ Крассѣ и просилъ его, что бы онъ назначилъ вскрытіе пораньше, чтобы успѣть тѣло покойника Максименко вынести въ церковь къ обѣднѣ. На другое утро я присутствовалъ при вскрытіи.

Прокуроръ. Почему вы просили Крассу пораньше произвести вскрытіе?—*О.* Это былъ канунъ нашего храмового праздника—Казанской Божіей Матери; мы опасались, что запоздаютъ похороны; я просилъ отъ имени причта.—*В.* Вы говорите, что М—ко жили хорошо; часто ли вы бывали у нихъ?—*О.* Бывалъ я не часто, но, какъ близкій родственникъ, не могъ не знать, если бы отношенія ихъ испортились. *Пр. пов. Холева.* Когда и въ какомъ положеніи въ послѣдній разъ видѣли вы М—ко?—*О.* 15 октября, я пришелъ поздравить его со вчерашними именинами. Онъ чувствовалъ себя лучше, пилъ кофе, выпили мы венгерскаго вина, былъ тутъ тортъ; но больной былъ еще въ постели.—*В.* Какой былъ уходъ за больнымъ?—*О.* Хорошій, жена не отходила отъ больного.—*В.* Какъ подѣйствовало извѣстіе о вскрытіи на Дубровиныхъ?—*О.* Всѣ мы, родственники, были крайне этимъ огорчены и обижены, жена тоже.—*В.* Не обнаруживала ли она страха?—*О.* О, нѣтъ.—*В.* Кто первый заговорилъ съ Португаловымъ о свидѣтельствѣ?—*О.* Егоръ Фед.—*В.* Какой былъ запахъ при вскрытіи?—*О.* Тяжелый, я вышелъ, а одного понятого вынесли.—*В.* Не переворачивали ли трупъ при одѣваніи?—*О.* Нѣтъ, только осторожно приподнимали.—*В.* Какъ отнесся Красса къ приглашенію врачей-ассистентовъ?—*О.* Онъ сказалъ: «очень радъ: чѣмъ больше врачей, тѣмъ лучше».—*В.* Гдѣ были взяты инструменты?—*О.* Пѣвчаго изъ Казанскаго хора послали

къ фельдшеру. *Проф. Патенко.* На что жаловался больной 7 октября?—*О.* На рвоту, на боль въ животѣ.

Англиченковъ Ив. Пав., помощ. пристава. По порученію пристава 2 уч. я присутствовалъ при вскрытія трупа М—ко; это порученіе мнѣ дано было вечеромъ на-канунѣ вскрытія. Врачей для вскрытія я никого не приглашалъ; когда я прибылъ на вскрытіе, то вскорѣ явились и врачи: Красса, Лешкевичъ и Моргулисъ. Былъ на вскрытіи и врачъ Португаловъ, за которымъ я ѣздилъ съ Рѣзниковымъ тогда, когда уже начато было вскрытіе грудной полости; поѣхалъ я за Португаловымъ потому, что врачи желали, чтобы онъ, какъ пользовавшій больного, тоже присутствовалъ при вскрытіи. Португаловъ, посмотрѣвши трупъ, разсуждалъ съ врачами по поводу причины смерти и предлагалъ, чтобы вынуты были внутренности М—ко для изслѣдованія, но врачъ Красса говорилъ, что онъ считаетъ это сдѣлать не вправѣ, такъ какъ это было полицейское вскрытіе, а не судебно-медицинское, и что причину смерти они, врачи, ясно видятъ—отъ тифа. Португаловъ уѣхалъ и, вскорѣ, вернувшись, вручилъ мнѣ отношеніе тов. прокурора Разумовскаго, въ которомъ предписывалось вынуть внутренности М—ко и уложить въ банки. Согласно этому отношенію, внутренности Максименко были вынуты врачемъ Крассой въ присутствіи моемъ и пристава, уложены въ банки, обвязаны пузыремъ и бумагой и запечатаны. При этомъ находился и Португаловъ.

Прокуроръ. Развѣ, требуя выемки внутренностей, Португаловъ не высказывалъ подозрѣній?—*О.* Напротивъ, даже на мое прямое требованіе объясниться онъ уклонился. Вообще, Португаловъ какъ то враждебно, подозрительно относился и къ врачамъ, и даже ко мнѣ.—*В.* Зачѣмъ вы ѣздили съ Крассой къ тов. прокурора?—*О.* Мы заказали въ аптекѣ банки и проч., а потомъ заѣхали къ товар. прокур., чтобы объяснить, нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія, такъ какъ всѣ мы были крайне удивлены предписаніемъ.—*В.* Употреблялъ ли Красса сулему?—*О.* Какъ же, я даже самъ, кажется, поливалъ ему жидкость изъ бутылочки на руки.—*Холева.* Куда же стекала жидкость?—*О.* Во внутрь трупа.

Пушкаревъ Николай Петровичъ, приставъ г. Ростова.—Вече-

ромъ 19 октября полиціймейстеръ поручилъ мнѣ произвести дознаніе по заявленію Дубровиныхъ о вымогательствѣ Португаловымъ за свидѣтельство о смерти 300 р. и въ тотъ же вечеръ я приступилъ къ исполненію этого порученія. Сперва я допросилъ Португалова, который, отрицая фактъ вымогательства, объяснилъ, что больного онъ считалъ выздоровѣвшимъ, и что смерть его, по ея внезапности, ему не ясна; поэтому онъ и воздержался отъ выдачи свидѣтельства. На мой вопросъ: не подозрѣваетъ ли онъ насильственной смерти?—Португаловъ отвѣтилъ отрицательно. Допрашивая свидѣтелей о вымогательствѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ старался выяснить также и причину смерти и прежде всего супружескія отношенія М—ко. Но всѣ: родные умершаго и вдовы, сосѣди, прислуга—всѣ единогласно показали, что супруги жили между собою хорошо и что никакихъ подозрѣній ни у кого нѣтъ. Затѣмъ, я распорядился о вскрытіи трупа, причемъ Дубровины просили допустить еще врачей. Передъ вторымъ вскрытіемъ, т. е. до выемки внутренностей, я увѣдомилъ суд. слѣдователя, но онъ не явился.

Прис. пов. Холева. Мать, братъ, сестра умершаго тоже не выражали никакихъ подозрѣній?—*О.* Даже не допускали мысли о преступленіи.—*В.* А пом. прист. Дмитріевъ и его жена?—*О.* И тѣ также.—*В.* Не спрашивали ли вы Марью Гребенькову, принималъ ли больной прописанное ему по случаю вечерняго припадка лекарство?—*О.* Да, Гребенькова сказала, что больной принялъ ложку микстуры. Объ этомъ, вѣроятно, я записалъ въ актъ дознанія.—*В.* Въ какомъ состояніи была Алекс. М—ко?—*О.* Совершенно убита—какъ бы въ состояніи столбняка.

Грошевъ Кузьма Саватіевъ. Я служу 8 лѣтъ при конторѣ Дубровиныхъ; о семейной жизни Александры М—ко съ ея покойнымъ мужемъ я знаю, что они хорошо жили, не замѣтно было ничего между ними особеннаго. Мнѣ приходилось часто ихъ видѣть вмѣстѣ, я бывалъ у нихъ въ домѣ и замѣчалъ, что они были любезны. Объ отношеніяхъ Александры М—ко къ Рѣзникову я ничего не могу сказать—я не слышалъ, чтобы они были въ близкихъ отношеніяхъ. Мнѣ извѣстно, что покойный М—ко относился къ Рѣзникову по-дружески и бывалъ въ домѣ у Рѣзникова, какъ до женитьбы, такъ и послѣ. Мнѣ нѣсколько разъ

приходилось ночевать въ домѣ Дубровиной, когда никого изъ мужчинъ въ домѣ почему нибудь не было, напр., когда М—ко уѣзжалъ куда-нибудь. Я знаю, что Рѣзниковъ пользовался довѣріемъ Дубровиныхъ; такъ, контора часто посылала его за полученіемъ денегъ отъ разныхъ лицъ, но по сколько онъ получалъ не могу сказать; но могъ получать до 5000 руб.

Прис. пов. Холева. Не было-ли обыкновенія, вообще, посылать къ Дубровинымъ ночевать кого либо изъ конторы?

Грошевъ. Да, это дѣлалось постоянно. *В.* Для чего? *О.* Для безопасности. *В.* Какъ относилась Алекс. Ег. къ больному мужу? *О.* Ласково, очень заботилась и ухаживала за нимъ. *В.* Послѣ смерти М—ко, не слышно было о свадьбѣ вдовы съ Рѣзниковымъ? *О.* Я ни отъ кого объ этомъ не слышалъ.

Самарская Елизавета Прокофьева, 62 л. Я служу у Рѣзниковыхъ нянею болѣе 20 лѣтъ. Я помню ту ночь, когда сторожъ Дубровиной приходилъ за Аристархомъ Рѣзниковымъ и говорилъ, что зятю Дубровиной стало хуже. Сторожъ приходилъ ночью, часа въ 3; Аристарха разбудилъ его отецъ и онъ ушелъ къ Дубровиной; черезъ часъ или больше, когда стало разсвѣтать, приходилъ кто-то за матерью Рѣзникова, и она тоже ушла къ Дубровиной; вернувшись оттуда, мать Рѣзникова говорила, что Николай М—ко умеръ. Аристархъ пришелъ въ тотъ же день передъ смертью М—ко вечеромъ въ 10 час. и никуда не уходилъ изъ дома, пока не приходилъ за нимъ, въ 3 часа ночи, сторожъ Дубровиной и звалъ, говоря, что М—ко хуже. Я слышала тогда ночью, что отецъ Рѣзниковъ, когда будилъ Аристарха, то говорилъ, что отъ Дубровиной принесли записку, что Николаю Федоровичу хуже.

Присяж. пов: Холева. Большая квартира у Рѣзниковыхъ, сколько комнатъ? *Самарская.* 6 комнатъ и кухня. *В.* А семья ихъ большая? *О.* Мужъ, жена и 8 человѣкъ дѣтей. *В.* А сколько прислуги? *О.* Кухарка и я. *В.* Была-ли хоть одна свободная комната? *О.* Нѣтъ, всѣ были заняты. *В.* Аристархъ имѣлъ свою отдѣльную комнату? *О.* Нѣтъ, съ нимъ спалъ младшій братъ—реалистъ. *В.* А у старшей барышни была отдѣльная комната? *О.* Да, была. *В.* Въ какой комнатѣ ночевала Алекс. Ег.? *О.* Вмѣстѣ съ нашей барышней. *В.* Что, онѣ были дружны? *О.* Да,

въ большой дружбѣ. *В.* Почему Алекс. Ег. ночевала у васъ? *О.* Ее привелъ братъ мужа, Антонинъ Фед., и просилъ присмотрѣть за нею: она очень тосковала и дома некому было ее утѣшить. *В.* Далеко-ли отъ васъ живутъ Максименко? *О.* Улицу одну пройти, а тутъ и они на углу. *В.* Вы давно знали Никол. Фед.? *О.* Много лѣтъ, еще на Шахтахъ.

Пом. пр. пов. Волкенштейнъ. А Алекс. Ег. хорошо знаете? *О.* Какъ же не знать: она съ покойнымъ мужемъ очень часто къ намъ ходила. *В.* Оставалась она ночевать у васъ? *О.* Когда было вскрытіе, Антонинъ Федорычъ привелъ ее къ намъ и просилъ присмотрѣть, а то она дома одна — мать любитъ выпить. *В.* Слышали что нибудь о женитьбѣ Аристарха? *О.* Ничего не слыхала—это все глупости.

Анисимовъ Петръ Тимофеевъ. Около 4 лѣтъ я служу при конторѣ Дубровиныхъ приказчикомъ; о жизни Александры Максименко съ ея покойнымъ мужемъ я, кромѣ хорошаго, ничего не знаю—они жили, какъ всѣ говорили и какъ замѣчалъ и я самъ, хорошо, дружно. Объ отношеніяхъ ея къ Рѣзникову я ничего не знаю; я не слышалъ, чтобы они были въ близкихъ между собою отношеніяхъ, и о свадьбѣ ихъ тоже не слышалъ. Рѣзниковъ служилъ исправно, имъ были довольны, относились хозяева къ нему хорошо.

Дьяконовъ Фед. Вас. Я служилъ сторожемъ при конторѣ пароходства Дубровиныхъ въ Калачѣ въ 1885—88 гг. и въ квартирѣ Максименковыхъ, проводившихъ тамъ два лѣта съ мая до октября, бывалъ постоянно. Супруги любили другъ друга и жили между собою хорошо. Жена всегда находилась безотлучно дома, а Ник. Фед. иногда ѣздилъ на охоту. Его сопровождалъ и я. Въ послѣдній разъ, въ концѣ сентября, когда онъ и заболѣлъ, простудившись на охотѣ, Алекс. Егоровна упрашивала его не ѣздить, такъ какъ погода была дурная. Когда онъ заболѣлъ, жена немедленно вызвала изъ Царицына по телеграфу лучшаго доктора, ухаживала за больнымъ, очень безпокоилась и, для ускоренія переѣзда, повезла больного въ Ростовъ на чужомъ пассажирскомъ пароходѣ. Александра Егоровна никогда не просила меня купить ей мышьяку и я ей его не покупалъ. Просила-ли она о томъ кого нибудь другого—мнѣ неизвѣстно.

Прис. пов. Холева. Сестра покойнаго, Елизавета Максименко, показываетъ, будто вы ей передавали, что Алекс. Егоровна неоднократно просила васъ купить ей мышьяку и даже указывала, гдѣ его достать. Правда-ли это? *Дьяконовъ.* Никогда Алек. Егор. меня объ этомъ не просила и ничего подобнаго я не говорилъ и не могъ говорить Елизаветѣ Максименко. Обо всемъ этомъ я услышалъ въ первый разъ на судѣ въ Ростовѣ. *В.* Вы и на первомъ судѣ дали такое же показаніе? *О.* И на первомъ судѣ, и судебному слѣдователю, когда онъ меня спросилъ, не просили-ли меня купить мышьяку. *В.* Каковъ былъ разливъ Дона весною 1888 г.? *О.* Очень сильный, такъ что затопило не только контору, стоявшую на берегу, но даже и повыше — домъ, въ которомъ жилъ М — ко. *В.* Когда спала вода? *О.* Вода стала спадать въ концѣ апрѣля. *В.* Въ какомъ положеніи была квартира М—ко? *О.* Она была вся сырая: полъ, стѣны; полъ срывали, стѣны штукатурили. *В.* Значитъ, ремонтъ былъ большой? *О.* Ремонтировали цѣлый мѣсяцъ. *В.* Не писалъ ли М—ко женѣ, чтобы она не пріѣзжала, пока квартира не будетъ готова? *О.* Да, онъ просилъ ее повременить. Какъ только квартира была исправлена, Алекс. Егор. и пріѣхала. *В.* Не пріѣзжалъ-ли лѣтомъ въ Калачъ Рѣзниковъ? *О.* Ни разу, *В.* Не было-ли на имя Алекс. Егор. какихъ нибудь писемъ? *О.* Всѣ письма относилъ съ парохода я, и на ея имя не было ни одного письма. *В.* Вы теперь не у Дубровиныхъ служите? *О.* Уже 2 года, какъ отошелъ отъ нихъ.

Войцеховскій Юліанъ Александровичъ. Александру Максименко и ея покойнаго мужа, Ник. Фед., я знаю, такъ какъ я служилъ конторщикомъ 3 года при калачевской конторѣ Дубровиныхъ, а М—ко жилъ въ Калачѣ за хозяина, какъ зять хозяйскій. Въ Калачѣ М—ко жилъ только лѣтомъ (съ мая до октября) и въ теченіе двухъ лѣтъ я жилъ съ ними въ одномъ домѣ, дверь о дверь, и корридоръ у насъ былъ общій. Я у нихъ бывалъ. Максименко жили очень мирно и въ очень хорошихъ отношеніяхъ; не ссорились и никакихъ семейныхъ неудовольствій между ними не было. Когда Ник. М—ко простудился и заболѣлъ, то Александра М—ко была очень огорчена, ухаживала за своимъ мужемъ, какъ любящая и заботливая жена, выписала изъ Царицына доктора.

Лѣтомъ 1887 г. Алекс. Ег. уѣзжала въ Ростовъ недѣли на 2—3, а въ послѣднемъ 1888 г. все лѣто провела съ мужемъ въ Калачѣ безвыѣздно.

Прис. пов. Холева. Весною 1888 г. Максименко пріѣхали въ Калачъ вмѣстѣ? *Войцеховскій.* Нѣтъ, сперва пріѣхалъ мужъ. Но такъ какъ квартиру сильно залило водою, то Ник. Федор. и писалъ женѣ, чтобы она повременила пріѣзжать, пока квартиру не отремонтируютъ. *В.* Большой былъ ремонтъ? *О.* Срывали полы, штукатурили стѣны; вода сильно подмочила домъ. *В.* Не выговаривалъ ли Ник. Фед. женѣ, что она рано пріѣхала? *О.* Да, онъ сказалъ ей при мнѣ, зачѣмъ поторопилась: еще квартира сырая. *В.* Когда заболѣлъ М—ко? *О.* Въ 20-хъ числахъ сентября. Онъ простудился на охотѣ. Жена еще говорила ему: «Не ѣзди, Коля, на охоту—дурная погода». *В.* Вы еще служите у Дубровиныхъ? *О.* Нѣтъ, я ушелъ отъ нихъ въ ту же осень, года 3 назадъ, и теперь служу на желѣзной дорогѣ. *В.* По какой причинѣ? *О.* Мы жили рядомъ, двѣ хозяйки—ну, извѣстно, выходили непріятности; а потомъ было еще у меня неудовольствіе въ конторѣ—я и оставилъ у нихъ службу.

Галкинъ Михаилъ Павловичъ. Я двоюродный братъ Александры М—ко и знаю ее съ малолѣтства. Это была хорошая, нравственная дѣвушка. У нея много было жениховъ, но она по любви вышла замужъ за бѣднаго, противъ желанія всей родни. Часто пріѣзжая въ Ростовъ, я всегда останавливался у М—ко; они тоже не разъ пріѣзжали ко мнѣ въ гости, и я всегда видѣлъ, что семейная жизнь ихъ наилучшая. Во время болѣзни и на похоронахъ М—ко я не былъ въ Ростовѣ. На похоронахъ была моя жена, которая, на мои разспросы, передавала мнѣ, что Саша очень печальна, «журится», тоскуетъ. Недѣли черезъ двѣ навѣстилъ вдову и я: она, по прежнему, очень грустила. Узнавъ, передъ Рождествомъ, объ арестѣ Саши, я поспѣшилъ въ Ростовъ. Тетушка попросила меня разсмотрѣть бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго въ маленькомъ дорожномъ сундучкѣ его. Тамъ оказалась масса всякихъ бумагъ. Я всѣ ихъ разсмотрѣлъ, но отобралъ только слѣдующее: всѣ отчеты и дѣловыя бумаги, относящіяся до пароходства, я сказалъ тетушкѣ отнести дядямъ, въ томъ числѣ и актъ на синей гербовой бумагѣ о продажѣ Сашею мужу

за 6 т. р. ея пая; а 6 писемъ Саши къ мужу я взялъ себѣ, думая представить ихъ слѣдователю, но слѣдователь меня не вызвалъ, и я ихъ представилъ при допросѣ меня Таганрогскимъ Судомъ. Тогда-же, передъ Рождествомъ, тетушка, посѣтивъ Сашу въ тюрьмѣ, говорила мнѣ, что Саша не вѣритъ, что мужъ ея отравленъ, что некому его было отравлять, и проситъ насъ хлопотать о новомъ вскрытіи. Я совѣтовался съ знающими людьми, съ присяжнымъ повѣреннымъ, и мы съ дядями порѣшили, что не слѣдуетъ просить новаго вскрытія: присяжный повѣренный объяснилъ мнѣ, что химическій актъ неправильный и незаконный и на судѣ не будетъ имѣть никакой силы. Поэтому, мы и совѣтовали Сашѣ, черезъ мать, чтобы та не просила о вскрытіи, которое только затянетъ дѣло, да и вдругъ что-нибудь окажется: вѣдь она, Саша, можетъ отвѣчать только за себя, а не за другихъ. Но Саша плакала, просила—и тогда телеграфировали присяжному повѣренному въ Петербургъ, и онъ прислалъ большое прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, сказано было, чтобы внутренности послали для изслѣдованія не въ Новочеркасскъ, а въ Петербургъ—въ Медицинскій Департаментъ, и чтобы отстранить отъ этого дѣла евреевъ—и химиковъ, и докторовъ.

Прокуроръ. Кто-жъ этотъ присяжный повѣренный? *О.* Если это нужно знать, — г-нъ Холева. *В.* Гдѣ вы съ нимъ бесѣдовали? *О.* Въ Ростовѣ, гдѣ онъ временно находился, въ гостинницѣ «Грандъ-Отель». *В.* Почему вы не представили писемъ слѣдователю? *О.* Потому-что слѣдователь меня не вызывалъ. *Холева.* Производила-ли подсудимая впечатлѣніе, до ареста,—поведеніемъ ея или въ разговорѣ — что она можетъ быть причастна къ этому преступленію? *О.* Нѣтъ, а когда я сказалъ ей, что ходятъ дурные слухи, она заплакала и была глубоко этимъ обижена. *В.* О продажномъ актѣ вы раньше не слышали? *О.* Ни я, ни кто изъ родственниковъ; всѣ были очень удивлены, увидѣвъ эту бумагу.

Ганусова, Матрена Ив., портниха. — Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти М—ко я шила по два совершенно одинаковыхъ платья—одно черное, другое темно-сѣрое — для Алекс. М—ко и для Софьи Рѣзниковой. Онѣ очень дружили и даже одинаково одѣвались. Алекс. Егор. была очень грустна, слаба, и съ ней,

во время примѣрки, дѣлалось даже дурно. Никакихъ другихъ платьевъ: ни вѣнчальнаго, ни свѣтлыхъ—я для нея не шила.

Сухоруковъ Петръ Ив. Я былъ регентомъ церкви въ Кагальникѣ, гдѣ живетъ родня Н. М—ко, и знаю, что супруги М—ко жили между собою хорошо, а съ своими (матерью, сестрою) Ник. Фед. не ладилъ, и я неоднократно присутствовалъ при ихъ крупныхъ ссорахъ. Въ послѣдній разъ Ник. М—ко упрекалъ сестру Елизавету за ея дурное, распутное поведеніе, говорилъ, что родные его срамятъ, позорятъ, что онъ стыдится ихъ родства, горячился, плакалъ и ушелъ ко мнѣ на квартиру. Послѣ этого онъ, кажется, пересталъ даже оказывать имъ денежную помощь. Елизавета М—ко, дѣйствительно, дѣвушка дурной нравственности: шляется по гостинницамъ, трактирамъ и т. п. Когда Елизавета назвала дурнымъ словомъ Алекс. Ег., Ник. М—ко бросился-было бить сестру. Зять ихъ, Левицкій, тоже нетрезвый и нечестный человѣкъ.

Кирѣевъ Ив. Митроф. Я былъ товарищемъ и шаферомъ покойнаго Н. М—ко и знаю ихъ супружескую жизнь: они жилы хорошо. Съ тещей М—ко не ладилъ, часто ссорился и однажды даже переѣхалъ съ женою въ гостинницу, куда я доставилъ ему нѣкоторыя его вещи.

Маловаткинъ. Я знаю Алекс. Егор. съ дѣтства и, кромѣ хорошаго, ничего не могу сказать о ней. Она добрая, ласковая и хорошо жила съ своимъ мужемъ.

Кошелевъ и **Михайловъ** о личности подсудимой М—ко и объ отношеніяхъ ея къ мужу отозвались съ хорошей стороны.

Татарчевскій Мих. Ив. Я знаю Алекс. Ег. съ дѣтства—она была подругой моей сестры и мы сосѣди — и долженъ сказать, что всегда считалъ ее религіозной и нравственной дѣвушкой и любящей женою.

Игнатенко Надежда Мироновна. Я давно, съ малыхъ лѣтъ, знаю Алекс. Егор. Это была набожная, нравственная, добрая и ласковая дѣвушка. Много молодыхъ людей сватались къ ней, но она вышла по любви за бѣднаго своего приказчика. Жили супруги М—ко любезно, хорошо, и я только радовалась, глядя на нихъ. Ничего дурного объ Алекс. Егор. я никогда не слышала.

Рѣзниковъ Даніилъ Тимоф. Ник. М—ко я зналъ много лѣтъ и даже около года содержалъ его у себя въ домѣ, когда жилъ на Шахтахъ. Въ 1887 г. М—ко пришелъ ко мнѣ, возобновилъ знакомство и пристроилъ Аристарха въ конторѣ Дубровиныхъ. М—ко съ женою очень сдружились съ моею семьею и постоянно бывали другъ у друга, а моя Соня очень подружилась съ Алекс. Ег. Аристархъ тоже былъ принятъ у М—ко, какъ свой. Во время болѣзни М—ко Аристархъ дома почти и не бывалъ—все ухаживалъ за больнымъ. Въ ночь смерти Ник. М—ко сынъ мой Аристархъ ночевалъ дома. Это мнѣ хорошо извѣстно вотъ почему: я пришелъ со службы въ 12 часу ночи, семья моя вся уже спала; сынъ Аристархъ спалъ въ комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно спитъ, заснулъ и я. Вѣроятно, часа въ 2 — 3 проснулся отъ стука въ дверь въ мою квартиру; оказалось, что пришелъ сторожъ Дубровиной, такъ какъ съ Ник. М—ко сдѣлалось хуже, и сказалъ, чтобы кто-нибудь пришелъ къ нимъ, Дубровинымъ. Я разбудилъ Аристарха, и онъ пошелъ туда. Это было часа въ 3 ночи; больше домой Аристархъ спать не приходилъ, а утромъ заходилъ домой, когда ходилъ за докторомъ.

Когда М—ко умеръ, старшій братъ его, Антонинъ, съ которымъ я былъ издавна въ дружбѣ, просилъ мою семью временно пріютить вдову, остававшуюся дома одною. И дѣйствительно, Алекс. Ег. нѣсколько разъ ночевала у насъ вмѣстѣ съ старшею моею дочерью. Мѣсяца черезъ $1^1/_2$ послѣ смерти М—ко, Антонинъ М—ко предложилъ мнѣ женить моего Аристарха на молодой вдовѣ, но я отклонилъ это предложеніе, такъ какъ Аристарху было только 18 лѣтъ. Аристархъ получалъ у Дубровиныхъ 35 р. въ мѣсяцъ и имѣлъ у меня полное готовое содержаніе.

Рѣзникова Софья Даниловна, 23 л., учительница.—Я познакомилась съ М—ко въ 1887 г. и очень сошлась съ Алекс. Ег.: мы даже шили себѣ одинаковыя платья. Мужъ и жена М—ко часто бывали у насъ и мы у нихъ. Аристархъ былъ друженъ съ покойнымъ М—ко и ухаживалъ за нимъ во время болѣзни. Послѣ смерти мужа Алекс. Ег. была сильно подавлена и разстроена, и я старалась развлечь ее и успокоить; нѣсколько разъ она ночевала со мною. О близкихъ отношеніяхъ ея съ моимъ братомъ я не допускаю даже и мысли.

Дьяконова Антонина Пав. — Я знаю А. Рѣзникова нѣсколько лѣтъ, еще по Новочеркасску. Это былъ хорошій, веселый мальчикъ, — всѣ знакомые такъ на него смотрѣли; мнѣ даже странно слышать, что онъ обвиняется въ такомъ преступленіи.

Затѣмъ, по постановленію Суда, были прочитаны слѣдующіе *протоколы показаній свидѣтелей,* допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи и не явившихся въ судъ.

Рейвичъ Абрамъ Наумовъ (на допросѣ 26 марта 1889 г.). 21 октября 1888 г. я отпустилъ изъ своей аптеки по рецепту врача Крассы, который самъ приходилъ въ аптеку, 10 гранъ сулемы въ растворѣ двухъ фунтовъ воды, что составляетъ весьма слабый растворъ, употребляемый при дезинфекціяхъ вообще; представляю рецептъ врача Крассы на этотъ отпускъ сулемы въ сказанномъ количествѣ, въ которомъ значится слѣдующее: «двухлористая ртуть 10 гранъ, дистилированной воды два фунта, Дубровину, 21 октября 1888 г. Красса».

Передопрошенный, по поводу показанія аптекаря Рейвича, свид. *Красса* показалъ, что сулему ему отпускалъ не Рейвичъ, а ученикъ.

Мостъ Софья Моисеева (на допросѣ 4 мая 1889 г.). Въ домѣ Чурилина, гдѣ я квартирую, квартируютъ Рѣзниковы. Я дѣйствительно слышала отъ нашего бывшаго дворника Степана, что въ ночь смерти зятя Дубровиной, ему не давалъ всю ночь спать сторожъ Дубровиной, приходившій за прикащикомъ Рѣзниковымъ. Степанъ говорилъ тогда мнѣ это утромъ, причемъ и сказалъ, что за Рѣзниковымъ приходилъ сторожъ Дубровиной, потому что зять ея умираетъ. Въ какое именно время ночи приходилъ за Рѣзниковымъ сторожъ Дубровиной, я у Степана не спрашивала и онъ самъ мнѣ этого не говорилъ.

Жарова Евдокія Федорова (протоколъ допроса 14 декабря 1888 г.). Моя племянница, Наталья Дутикова, была за мужемъ за Фед. Дубровинымъ, сыномъ Варвары Дубровиной. Послѣ трехъ лѣтъ замужества за Дубровинымъ племянница моя умерла, не знаю отъ какой болѣзни. Случалось ходить мнѣ къ Дубровинымъ,

провѣдать племянницу. О жизни Дубровиныхъ я ничего не могу сказать: племянница ничего мнѣ особеннаго не говорила о свекрови, никогда не жаловалась, чтобы ей плохо жилось; я не знаю, кто изъ врачей лечилъ племянницу. Я не знаю, дружно ли жила племянница съ мужемъ и съ Алекс. Ег. Дѣтей у племянницы не было; послѣ смерти ея я прекратила всякія отношенія съ Дубровинами и о жизни М—ко ничего не знаю. Племянница говорила мнѣ, что свекровь заставляла ее мыть полы и она мыла, слушалась, а больше ничего не говорила.

Замчаловъ Ив. Никит. (на допросѣ 1 марта 1889 г.). Я уже 7 лѣтъ состою сторожемъ при конторѣ Дубровиныхъ въ Калачѣ и потому знаю Александру Максименко и ея покойнаго мужа, Ник. Фед., съ которымъ я нѣсколько разъ даже ѣздилъ на охоту. Кромѣ хорошаго, я ничего не могу сказать о супружеской жизни М—ко; я очень часто бывалъ въ квартирѣ М—ко и никакихъ семейныхъ неудовольствій между супругами не замѣчалъ и долженъ сказать, что жили они съ собою въ очень хорошихъ отношеніяхъ; когда покойный Ник. М—ко простудился, то жена его при мнѣ просила, чтобы онъ не выходилъ изъ дому и берегъ свое здоровье.

Власовъ Петръ Ив. (на допросѣ 1 марта 1889 г.). Я 6 лѣтъ уже служу старшимъ прикащикомъ при конторѣ Дубровиныхъ въ Калачѣ на-Дону и потому знаю хорошо Александру Максименко и ея покойнаго мужа, какъ дочь и зятя хозяйскихъ, проживавшихъ при конторѣ въ Калачѣ въ одномъ со мною домѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Супруги М—ко жили въ очень хорошихъ отношеніяхъ, никакихъ семейныхъ неудовольствій между ними я никогда не замѣчалъ; Алекс. М—ко была по отношенію къ своему больному мужу очень добра и заботлива, а когда онъ легъ въ постель, простудившись на охотѣ, то она очень сожалѣла о томъ, безпокоилась, выписывала изъ Царицына доктора, г. Гунніуса, который посовѣтовалъ везти больного въ Ростовъ, говоря, что онъ боленъ тифозной горячкой.

Зайцевъ Фед. Ив. (на допросѣ 1 марта 1889 г.). Я служу уже 3 годъ прикащикомъ при конторѣ Дубровиныхъ въ Калачѣ, почему и знаю дочь и зятя моихъ хозяевъ, Алекс. и Ник. Максименко. На сколько я могъ замѣтить и замѣчалъ, М—ко жили

въ очень хорошихъ отношеніяхъ; о супружеской ихъ жизни, кромѣ хорошаго, я ничего сказать не могу.

Старостинъ Куз. Дм. (на допросѣ 1 марта 1889 г.). Я служу прикащикомъ при конторѣ Дубровиныхъ въ Калачѣ на-Дону съ 8 марта 1888 г. Алекс. и Ник., супруговъ Максименко, я знаю, какъ зятя и дочь моихъ хозяевъ, жившихъ лѣтомъ въ Калачѣ при конторѣ. Я хотя и занятъ лѣтомъ дѣломъ на пристани, но мнѣ приходилось почти ежедневно видѣть супруговъ М—ко, которые на мой взглядъ жили въ хорошихъ отношеніяхъ и никакихъ неудовольствій я между ними никогда не замѣчалъ. Прошлымъ лѣтомъ и осенью Алекс. М—ко относилась къ своему больному мужу съ состраданіемъ, какъ любящая жена.

Кочемасовъ Вас. Анд. (протоколъ допроса 19 апрѣля 1889 г.). Александра Максименко — двоюродная сестра моей жены— съ мужемъ своимъ находилась въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и ничуть не было замѣтно, чтобы она своего мужа не любила или находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ А. Рѣзниковымъ. Въ концѣ сентября 1888 г. я получилъ изъ Калача извѣстіе, что Ник. М—ко заболѣлъ лихорадкою; дня черезъ два я получилъ второе письмо, что онъ серьезно заболѣлъ и чтобы пригласить доктора. По полученіи этого письма обратился къ царицынскому д—ру Гунніусу и просилъ его съѣздить въ Калачъ для леченія М—ко. Д—ръ Гунніусъ, по возвращеніи сообщилъ мнѣ, что М—ко серьезно боленъ тифозною горячкою, что для леченія его слѣдуетъ перевезти либо въ Царицынъ, либо въ Ростовъ. Такъ какъ у М—ко свой домъ въ Ростовѣ и родственники, то М—ко сами изъявили желаніе переѣхать въ Ростовъ. М—ко переѣхали туда, а 19 октября я получилъ телеграмму, что Ник. М—ко скончался. Александра Дубровина вышла замужъ за Н. М—ко по собственному своему желанію.

Галкинъ Евдокимъ Матв. (на допросѣ 24 марта 1889 г.). Александрѣ Максименко я родной дядя по матери. О жизни моей племянницы Александры М—ко съ своимъ покойнымъ мужемъ я, кромѣ хорошаго, ничего не знаю—они любили другъ друга, и дай Богъ всякому такъ жить, какъ они жили. Вышла она за Николая по любви, какъ надо думать потому, что онъ бѣдный, а она съ состояніемъ. О близкихъ отношеніяхъ племянницы къ Рѣзникову

я ничего не знаю—я и узналъ Рѣзникова только тогда, когда похоронили Ник. М—ко.

Трушина Неонила Степ. (на допросѣ 24 марта 1889 г.). Мой мужъ служитъ капитаномъ парохода Общества пароходства Дубровиныхъ уже 20 лѣтъ. О жизни Алекс. Максименко, урожденной Дубровиной, съ покойнымъ мужемъ ея я знаю, что они жили хорошо, дружно, любили другъ друга, какъ замѣтно было по тому, что они всегда вмѣстѣ были и обращались другъ съ другомъ ласково. Я ихъ видѣла и въ Калачѣ и въ Ростовѣ, и всегда только и было замѣтно, что они жили хорошо, какъ я желала бы и своимъ дѣтямъ. Рѣзникова я вовсе не знаю, не видѣла никогда.

Жаровъ Ив. Филуменовъ (на допросѣ 25 марта 1889 г.). Я живу напротивъ дома В. Дубровиной. О жизни Александры Максименко съ ея покойнымъ мужемъ могу сказать, что она вышла замужъ за Ник. М—ко по собственному желанію, и ничего дурнаго о ихъ семейной жизни я не слышалъ. Я ничего не знаю объ отношеніяхъ Алекс. М—ко къ Рѣзникову.

Орловъ Іос. Ег. (на допросѣ 30 апрѣля 1889 г.). При обществѣ пароходства Дубровиныхъ я служу 19-тый годъ. О жизни покойнаго Ник. Максименко съ своей женой я, кромѣ хорошого, ничего не могу сказать; видно было, что они жили по любви, душа въ душу, какъ слѣдуетъ мужу съ женой. О связи Алекс. Ег. съ Рѣзниковымъ я ничего не слышалъ—такого разговора никогда мнѣ не приходилось ни отъ кого слышать.

Трушинъ Ник. Мих. (на допросѣ 7 мая 1889 г.). О жизни Алекс. Ег. Максименковой съ покойнымъ ея мужемъ я, кромѣ хорошого, не могу сказать ничего. Приходилось бывать у нихъ въ домѣ и возить на пароходѣ отъ Ростова до Калача и обратно, но ни разу я не видѣлъ, чтобы между ними было какое либо несогласіе; видимо они жили дружно, по любви, и отъ другихъ ни отъ кого я не слышалъ о ихъ жизни ничего дурного.

Москаленко Ив. Сем. (на допросѣ 7 мая 1889 г.). О семейной жизни Алекс. Ег. съ ея покойнымъ мужемъ, кромѣ хорошого, я ничего сказать не могу. Бывая у нихъ въ Калачѣ и въ Ростовѣ, я не замѣчалъ между ними какого-либо неудовольствія. Отъ дру-

гихъ кого-либо тоже ничего дурного о ихъ жизни семейной я не слышалъ. Объ отношеніяхъ Алекс. Ег. къ Рѣзникову тоже ничего не слышалъ.

ДОКУМЕНТЫ.

По просьбѣ г. прокурора, прочитаны: 2 письма Н. Максименко къ женѣ, письмо Радченко къ Алекс. Ег. и резолюція Таганрогскаго Коммерческаго Суда.

Письма Н. Максименко къ женѣ.

1.

Дорогая Санечка!

Пріѣзжай, пожалуйста, пассажирскимъ, не ожидая Ласточку, брось домъ—ну его къ черту: ты для меня дороже всего богатства, а я томлюсь, не зная, что ты тамъ дѣлаешь, какъ живешь, здорова ли. Ожидаю тебя непремѣнно, мнѣ очень скучно безъ тебя, а ты достаточно уже узнала, все ли дома благополучно, ну и пріѣзжай непремѣнно, непремѣнно, а то глубоко оскорбишь твоего Котичку. Купи для Вас. Андр. мыла, начули и купи то, о чемъ просилъ.

Жду съ нетерпѣніемъ. Привези Вантишку и поклонись всѣмъ роднымъ и знакомымъ.

Купи духовъ для меня и табаку, а то нѣтъ.

2.

Калачъ. 2 мая, 1888 г.

Саня!

Когда будешь ѣхать въ Калачъ, то пожалуста не забудь взять мой паспортъ, который лежитъ, кажется, на моемъ столѣ письменномъ; если нѣтъ, то поищи въ ящикахъ. Въ лѣвомъ ящикѣ, въ черной книжкѣ (которая была со мною въ прошломъ году въ

Калачѣ) лежитъ билетъ для права охоты—возьми вмѣстѣ съ книжкой; въ среднемъ ящикѣ бритва, возьми съ приборомъ, захвати мыла для умыванья, вина, какое дома не нужно, возьми мою охотничью шляпу и непромокаемое пальто. На «Александрѣ» выѣзжай, а если хочешь, можешь ѣхать на пассажирскомъ, но на своемъ лучше, потому что въ квартирѣ сыро, а пока ты проѣдешь на своемъ, то за это время успѣетъ высохнуть къ твоему пріѣзду. Не забудь положить книгу Антонину на видномъ мѣстѣ, чтобы онъ могъ ее взять, да сходи, пожалуйста, къ Кахлину и возьми его печатку, тоже положи тамъ же; деньги за работу уплачены. Попроси мамашу, чтобы выдала она мнѣ полную довѣренность, сходи съ ней къ нотаріусу Фолендорфу и привезешь мнѣ. Поспѣши исполнить, потому что Александръ выйдетъ 3 мая. Кланяйся Кадошѣ; здоровъ-ли онъ? Поцѣлуй мамашу. При проѣздѣ береги себя.

Твой Котичка.

Посылаю тебѣ ключъ отъ ящиковъ. Не забудь взять мнѣ духовъ со всѣми атрибутами и лѣтніе и зимніе охотничьи брюки.

Письмо г. Радченко [1]).

Греція. Перей, 10 апрѣля 1885 года.

Добрейшая

Сама изъявившая свое желаніе быть моей нѣвестой

Александра Егоровна!..

Какъ видитѣ, что по приходѣ нашемъ въ Перей, я первымъ долгомъ принялся за исполненіе вашей просьбы а можетъ быть даже и желанія, а моего обѣщанія. Вы навѣрное ужъ и позабыли о томъ, что просили мѣня написать вамъ письмо изъ Греціи, а вотъ я какъ видитѣ исправенъ въ своихъ обѣщаніяхъ. Новостей у меня нѣтъ никакихъ, былъ въ Афинахъ, о которыхъ вы навѣр-

[1]) Печатается съ полнымъ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

ное ужъ знаете, ѣсли только читали исторію древней Греціи: дѣйствительно очень много интересныхъ древностей, да и вообще по первому апсугу както всѣмъ восторгаѣшся. Александра Егоровна у мѣня ѣсть къ вамъ одна большая просьба, которая можетъ быть вамъ и не понравиться, но что дѣлать, какъ-бы тамъ ужъ ни было а я рѣшился написать вамъ ее въ этомъ письмѣ. Просьба моя такова, по пріѣздѣ моемъ въ Ростовъ мнѣ очень, даже еще болѣе нежели очень, хотѣлось бы провѣсти нѣкоторое время въ гуляньи съ вами и кой о чомъ поговорить. По этому я прибѣгаю къ вамъ съ просьбой устроить это какъ нибудь, ѣсли только это гулянье доставитъ вамъ до нѣкоторой стѣпени удовольствіе. Во всякомъ-же случаѣ Александра Егоровна я льщу себя надеждой на то, что вы отвѣтитѣ мнѣ на это письмо по адресу, который я напишу вамъ въ концѣ, а само собою разумѣется, что въ томъ письмѣ и пропишитѣ объ устройствѣ вашего гулянья со мной. Да вотъ опять препятствія какъ намъ сойтись или иначе говоря, какъ мнѣ дать вамъ знать о моемъ пріѣздѣ въ Ростовъ: да впрочемъ я думаю, что вы побѣпозкоитесь обовсемъ написать въ первомъ-же вашемъ письмѣ. Эхъ Александра Егоровна! Вы неможетѣ себѣ представить, какъ мнѣ теперь плавая въ этихъ странахъ, бываетъ грустно при воспоминаніи о техъ временахъ въ которые я плавалъ на «Димитріе». Бывало нѣтъ, нѣтъ, да и встрѣтишься съ вами а при встрѣче поболтаешь о чемъ нибудь, а теперь положительно я лишонъ этихъ удовольствій: да и врядъ-ли когда либо эти удовольствія будутъ опять къ моимъ услугамъ.

Итакъ Александра Егоровна я надѣюсь, что вы въ силу нашихъ дружескихъ отношеній съ самаго дѣтства, не откажитесь написать мнѣ отвѣтъ на все содержаніе этого письма, и также надѣюсь, что вы постараетесь поторопиться съ отвѣтомъ и такъ поторопиться съ отвѣтомъ, чтобы я по приходѣ нашемъ въ Таганрогъ могъ получить отъ васъ письмо, а въ Таганрогъ мы прійдемъ не раньше 23 или 25 апрѣля; пока до свиданія, Бога ради извинитѣ за небрежность моего письма, надѣюсь въ скоромъ врѣмени получить отъ Васъ письмо, остаюсь уважающій васъ.

Ив. Радченко.

Адресъ мой.

Въ Г-дъ Таганрогъ въ Агенство Пароходства по Дону, Азов-

скому и Черному морямъ съ ихъ притоками на пароходъ «Астрахань» Помощ. Капит. Ив. Радченко.

P. S. Виноватъ еще разъ прошу васъ поторопитесь отвѣтить мнѣ.

Уважающій васъ Ив. Радченко.

Рѣшеніе Таганрогскаго Коммерческаго Суда 29 мая 1890 г. по иску Антонина Максименко, какъ наслѣдника брата своего Николая, къ торговому дому «Братья Федоровы—Дубровины и К°» о дачѣ балансоваго отчета по ходу и состоянію торговаго товарищескаго пароходнаго дѣла въ г. Ростовѣ на Дону:

«Обязать торговый домъ «брат. Федоровы-Дубровины и К°» въ 2 мѣсячный срокъ, со дня объявленія сего опредѣленія, дать отчетъ пот. поч. гражд. Антонину Максименко по торговымъ операціямъ въ Ростовѣ на Д. за 1888, 1889 и 1890 гг. по 1 марта. Рѣшеніе это объявить сторонамъ на правѣ апелляціи».

По просьбѣ прокурора, Судъ, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ документовъ, удостовѣряетъ, что на означенное рѣшеніе повѣреннымъ отвѣтчиковъ Федоровыхъ-Дубровиныхъ, присяжнымъ повѣреннымъ Холева, принесена апелляціонная жалоба въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ дѣло это не получило еще окончательнаго разрѣшенія.

По просьбѣ прис. пов. Холева, прочитаны: договоръ отъ 16 іюля 1886 г. и 6 писемъ Алекс. М—ко къ мужу.

Договоръ.

Ростовъ н/Д. 1886 г. іюля 16. Мы, нижеподписавшіеся, несовершеннолѣтняя жена пот. поч. гражд. Алексан. Федуловна Максименко и мужъ ея, Николай Федоровичъ Максименко, заключили этотъ договоръ въ слѣдующемъ: Изъ насъ я, Александра Максименко, имѣя наслѣдственное право на участіе въ товариществѣ

по торговому дому въ Ростовѣ на Дону «братьевъ Федоровыхъ-Дубровиныхъ», значащееся въ договорѣ, совершенномъ у Таганрогскаго нотаріуса Иващенко 17 апрѣля 1882 г. за № 620/2, заключающееся въ движимомъ имуществѣ: пароходахъ, баржахъ, товарахъ и капиталѣ, доставшееся мнѣ послѣ смерти отца моего, купца Федула Федоровича Федорова-Дубровина, къ которому праву я утверждена въ правахъ наслѣдства по опредѣленію Таганрогскаго Окружнаго суда 13 марта 1886 г.,—уступила мужу своему, Николаю Максименко, съ согласія попечителя моего, пот. поч. гражд. Антонина Федоровича Максименко, все то означенное право, какое на мою долю причитается и причитаться можетъ въ сказанномъ торговомъ домѣ,—цѣною за 6.000 руб., которые при подписаніи сего получаю сполна. Къ сему договору подписуюсь и деньги шесть тысячъ рублей отъ мужа своего, Николая Максименко, сполна получила—жена пот. поч. гражд. несовершеннолѣтняя Александра Федуловна Максименко. На подписаніе этого договора несовершеннолѣтней женою пот. поч. гражд. Александрою Федуловою Максименко я изъявляю согласіе, попечитель надъ ней пот. поч. гражд. Антонинъ Федоровичъ Максименко. Пот. поч. гражд. Николай Федоровъ Максименко. 1886 г. іюля 16, договоръ этотъ явленъ у Ростовскаго на Дону нотаріуса Фоллендорфа, по реестру № 240.

Письма Александры Максименко къ мужу.

1.

1887 года, мая 19-го, Ростовъ Донъ.

Дорогой Коля, я тебѣ послала на «Ласточкѣ» кровать, будильникъ и ботики, на Ласточкѣ послалъ письмо тебѣ Ламбро и я. Коля, Василій Ивановичъ и Ирина ѣдутъ въ Керчь на все лѣто и передаютъ тебѣ поклонъ. Коля, у насъ новость: Пруша сынъ застрѣлился въ субботу. Заказала я тебѣ брюки, за наборку 5 рублей, и отдала деньги за пальто. Посылаю тебѣ письмо Гардаревскаго, я получила его въ понедѣльникъ и прошу

тебя напиши мнѣ ты по поводу Гардаревскаго письма. Рѣзниковъ передаетъ тебѣ, что ты очень разсѣянъ; ты сказалъ, что оставишь какой то исполнительный листъ, и не оставилъ. Прощай, кланяются тебѣ Соня Рѣзникова, Марія Васильевна. Цѣлую тебя сто разъ. Твоя Санька.

Коля, напиши, какъ мнѣ быть со сторожами: самой давать имъ деньги, или въ конторѣ пусть берутъ? Еще: если я выѣду, то матери оставить денегъ или нѣтъ? Прощай.

2.

1887 года, мая 21-го, Ростовъ на Дону.

Дорогой Коля.

Прежде всего спѣшу тебѣ написать, что я слава Богу здорова. Посылаю тебѣ зонтикъ, бѣлье, пыжи, подушку, сорочки, сапоги, брюки старыя и новыя, пистоны въ боковомъ ящикѣ въ среднемъ. Коля, я получила отъ мамаши 19 мая письмо; она пишетъ, что къ Троицѣ она не будетъ и что у нихъ дождей нѣтъ, а у насъ, какъ ты уѣхалъ, не переставая. Коля, прошу тебя собирай мнѣ пожалуйста марки. Количка, когда ты уѣхалъ, Марья Васильевна пошла на пристань, а пароходъ отошелъ. Какъ мамаша пріѣдетъ, постараюсь первымъ пароходомъ пріѣхать. Вчера меня и Софью Даниловну ея братъ угощалъ мороженнымъ. Кланяются тебѣ всѣ знакомые; пишетъ тебѣ мамаша поклонъ. Количка, напиши, какъ Кадоша живетъ. Прощай, цѣлую тебя 1000 разъ. Коля, скучаешь ли ты за мной такъ, какъ я за тобой? Это видно: потому я тебѣ послала два письма, а это третье, а ты мнѣ одно. Прощай, дорогой мой котикъ, остаюсь твоя дитинька Санька. Деньги сторожу я буду выдавать. Напиши мнѣ.

3.

Дорогой Коля, я за тобой скучаю. Я, какъ только мамаша пріѣдетъ, такъ съ первымъ пароходомъ пріѣду. Посылаю тебѣ кровать, ботинки и будильникъ. Коля, напиши мнѣ, если я буду уѣзжать, то матери деньги оставить или нѣтъ? Экономка твоя

пошла на пристань съ тобой прощаться, а пароходъ ушолъ. Прощай. Остаюсь твоя Саша. Кланяются тебѣ Рѣзниковы и Махора. Коля, приходили, дашь-ли подъ закладную денегъ подъ имѣніе Андреева или Андріянова, не помню. Прощай, цѣлую тебя сто разъ.

4.

1888 года, 26-го марта, Ростовъ на Дону.

Дорогой Котичка!

Я получила твое письмо 25 марта утромъ, которому очень рада. Я удивляюсь, навѣрно тебѣ очень весело, я это говорю потому, что я тебѣ послала два письма, а ты мнѣ одно. Дорогой Котичка, чтожъ ты мнѣ не пишешь о своемъ здоровьѣ? Я немного заболѣла, напала лихорадка послѣ рыбы. Дома у насъ все хорошо. Я ѣду сегодня въ Кагальникъ. Котичка, позволишь мнѣ купить башмаки, а то у меня эти порвались; если отдать эти починить, не въ чѣмъ будетъ ходить. Еще позволишь ли ты мнѣ сшить платья, а то мнѣ не въ чемъ будетъ пойти на праздники къ дядямъ; теперь возьмутъ дешевле за работу. Котичка, Кадоша скучаетъ, все пищитъ, не пьетъ, не ѣстъ.

Прощай цѣлую тебя—глазки, губки, ушки, ножки, ручки. Котичка . . . . . .
Когда я получила твое письмо, я всю ночь проплакала. Я такъ соскучилась за тобой, что, если-бъ можно, поѣхала бы къ тебѣ сію минуту. Прощай, скорѣй пріѣзжай. Твоя Сашка-дурашка.

5.

Дорогой Коля!

Я, славу Богу, жива и здорова, чего и тебѣ желаю отъ души. Коля, я получила отъ брата письмо и позволила себѣ распечатать, въ которомъ прислалъ матери письмо, что бы ты прочелъ. Коля, напиши мнѣ, какъ поступить: поѣхать ли мнѣ къ нимъ или написать письмо. Въ домѣ у насъ все благополучно. Николая я разочла въ тотъ день, какъ ты уѣхалъ. Кланяются тебѣ всѣ знакомые. Прощай, пиши почаще. Цѣлуетъ тебя мамаша. У насъ

Марья Васильевна. Кадоша все пищитъ, скучаетъ, отъ меня не отходитъ никуда. Прощай, цѣлую тебя 1000 разъ. Твоя Сашка.

6.

1888 года, 1-го апрѣля, Ростовъ на Дону.

Дорогой Котичка!

Первымъ долгомъ спѣшу тебя увѣдомить, что я славу Богу здорова, чего и тебѣ желаю. Я 30-го марта пріѣхала изъ Кагальника. Лиза больна, мать все пьетъ попрежнему, а сама говоритъ, что больна. Я пріѣхала къ нимъ въ 1 часъ дня. Сію минуту къ нимъ пришла старуха и говоритъ, что возлѣ стараго моста есть бабка, которая лечитъ. Мы поѣхали съ Лизой; та посмотрѣла и говоритъ: поѣзжайте—тамъ на краю Кагальника есть Арина слѣпая, та знаетъ отъ этой болѣзни. Поѣхали мы съ ней туда. Она посмотрѣла и говоритъ: «пріѣзжайте еще три раза». Я ѣздила къ ней, она говоритъ, что я не знаю, что это такое. Позвали третью бабку; эта начала шептать. Я сказала: подожди до воскресенья, если лучше не будетъ, тогда пиши письмо, а я напишу Колѣ письмо и посовѣтуемся, что дѣлать. Докторъ говоритъ, что это не ракъ; былъ ракъ, но его выпекли ляписомъ; одна говоритъ, что это простуда, другая говоритъ, что это мали. Сегодня у насъ братъ былъ, ночевалъ; онъ поѣхалъ за Таганрогъ по дѣлу какому то.

Котичка, скажи пожалуйста, долго ты еще пробудешь тамъ. Если ты на этой недѣлѣ не пріѣдешь, то я брошу все и пріѣду къ тебѣ. Котька, ...
Котичка, Кадоша очень соскучился по тебѣ. Котька, тебѣ навѣрное безъ меня лучше; я это потому говорю, что ты даже лѣнишься написать мнѣ лишнихъ двѣ строчки. Я не знаю: или это твоя лѣнь, или это экономія на марки. Прощай, цѣлую тебя, милліонъ разъ . . . . . .
Твоя Сашка. Пиши скорѣй, не лѣнись.

По просьбѣ пом. прис. пов. Волкенштейна, удостовѣрено нахожденіе при дѣлѣ 4-хъ *довѣренностей,* выданныхъ А. Рѣзникову Федоровыми-Дубровиными, изъ которыхъ три—на веденіе домовыхъ книгъ, а четвертая—на полученіе изъ Новочеркасскаго Окружнаго суда различныхъ документовъ.

Свѣдѣнія о времени содержанія подсудимыхъ подъ стражею.

Подсудимые заключены въ Ростовскій тюремный замокъ 17-го декабря 1888 г. и освобождены 20-го февраля 1890 г.

Вновь заключены подъ стражу: Рѣзниковъ, явившійся къ прокурору Таганрогскаго Окружнаго суда,—въ Ростовскій тюремный замокъ 8 іюля 1890 г.; Александра Максименко, явившаяся къ прокурору Харьковской Судебной Палаты,—въ Харьковскую тюрьму 22-го августа 1890 г.

ЭКСПЕРТИЗА.

(Засѣданіе 29-го марта 1891 г.).

Роллеръ Ф. Ф., провизоръ, фармацевтъ врачебнаго отдѣл. Донского Областного Правленія. Я производилъ три химическихъ анализа внутренностей Н. М-ко: въ концѣ 1888 г.—по требованію ростовской полиціи и въ 1889 г.—по требованію суд. слѣд. Таг. Ок. Суда. Въ первый и второй разы изслѣдованію подвергались: желудокъ, тонкія и толстыя кишки и ихъ содержимое, печень и селезенка. Въ третій разъ тонкія и толстыя кишки, легкія, сердце, печень, селезенка и правая ночка. Изслѣдованія производились мною по способу проф. Траппа, въ томъ порядкѣ, какъ это указано во 2 и 3 составленныхъ мною актахъ, на органическіе и неорганическіе яды, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ мною былъ открытъ сильнодѣйствующій минеральный ядъ мышьякъ въ значительномъ количествѣ. На значительное присутствіе мышьяка въ изслѣдуемой жидкости на аппаратѣ Марша

указывали: скорое появленіе въ возстановительной трубочкѣ значительнаго количества возстановленнаго мышьяка и полученіе пятенъ на фарфоровой пластинкѣ.

Что касается сулемы (двухлористая ртуть), то это есть ядъ неорганическій, минеральный. Сулема осаждается изъ кислыхъ растворовъ, при насыщеніи сѣрнистымъ водородомъ, въ видѣ чернаго осадка, состоящаго изъ сѣрнистой ртути. Если-бы сулема содержалась въ внутренностяхъ М—ко, то она должна была бы выдѣлиться при насыщеніи полученной по разложеніи внутренностей кислой жидкости въ видѣ чернаго осадка, но этого въ данномъ случаѣ не получилось, и затѣмъ, при раствореніи осадка, оно было полное безъ остатка. А если бы въ немъ была сулема, то она осталась бы нерастворенной на фильтрѣ въ видѣ чернаго осадка сѣрнистой ртути, такъ какъ она въ сѣрнистомъ аммоніи не растворяется.

Прокуроръ. Анализы вами произведены и акты составлены по указаніямъ закона и Медиц. Д-та?—*О.* Да, я слѣдовалъ наставленію Траппа. *Прис. пов. Холева.* При первомъ анализѣ изслѣдованіе производилось надъ каждымъ изъ органовъ порознь, или надъ всѣми вмѣстѣ?—*О.* Надъ половиной всѣхъ присланныхъ частей внутренностей, смѣшанныхъ вмѣстѣ.—*В.* А при 2-мъ и 3-мъ анализахъ?—*О.* При провѣркѣ изслѣдованіе производилось въ двухъ отдѣльныхъ операціяхъ: надъ органами, въ которые ядъ поступаетъ непосредственно, отдѣльно отъ органовъ, куда ядъ поступаетъ уже черезъ кровь.—*В.* При этомъ легкія и сердце изслѣдовались вмѣстѣ съ печенью, селезенкою и почкою, т. е. смѣшаны были органы различныхъ полостей: грудной и брюшной?—*О.* Да, отдѣльно изслѣдовались только желудокъ и кишки.—*В.* Не считали-ли вы необходимымъ, въ интересахъ точности изслѣдованія, каждый органъ подвергнуть самостоятельному изслѣдованію и не указывало-ли на необходимость такого именно изслѣдованія самое раздѣленіе органовъ по отдѣльнымъ банкамъ?—*О.* Я считалъ достаточнымъ то, что мною сдѣлано.—*В.* Вы положительно утверждаете, что сулемы во внутренностяхъ не было?—*О.* Если бы она тамъ была, присутствіе ея непремѣнно было бы обнаружено даже въ самой незначительной дозѣ.

Лагермаркъ, профессоръ химіи, разсмотрѣвъ составленные провизоромъ Роллеромъ акты химическаго изслѣдованія внутренностей М — ко, находитъ, что изслѣдованіе это произведено по всѣмъ правиламъ науки и не оставляетъ желать ничего лучшаго. По цифровымъ даннымъ, при двухъ повторныхъ изслѣдованіяхъ изъ $2^3/_4$ фун. внутренностей фактически добыто 2 грана мышьяковистой кислоты, т. е. такого соединенія, которое на разговорномъ языкѣ называется мышьякомъ. На основаніи этого, во всемъ количествѣ внутренностей, доставленныхъ для изслѣдованія,—$6^3/_4$ ф., можно предполагать его около $4^8/_{10}$ грана.—Виды мышьяка—стекловидный и фарфоровидный; растворимость ихъ не одинакова: 1 часть стекловиднаго растворяется въ 108 частяхъ холодной воды или въ 30 горячей; 1 часть фарфоровиднаго—въ 355 холодной воды или въ 46—горячей. Мышьякъ въ растворѣ — безцвѣтная и почти безвкусная, немного сладковатая жидкость, почему примѣсь его къ пищѣ или питью не замѣтна ни по цвѣту, ни по вкусу.

Что касается сулемы, то, по мнѣнію эксперта, и при несомнѣнномъ нахожденіи ея въ трупѣ, она могла остаться не открытою по слѣдующимъ причинамъ: 1) сулема, приходя въ соприкосновеніе съ бѣлковыми веществами, находящимися въ органахъ и тканяхъ тѣла, образуетъ съ бѣлками тяжелые ртутные альбуминаты въ видѣ свертковъ; эти свертки могли, по тяжести, опуститься въ самыя низко-лежащія части полостей трупа, собраться здѣсь и, такимъ образомъ, при извлеченіи органовъ легко могли не попасть вмѣстѣ съ ними—тогда при химическомъ изслѣдованіи вынутыхъ органовъ могло и не оказаться слѣдовъ сулемы; 2) если бы даже такіе альбуминаты и попали на изслѣдованіе вмѣстѣ съ органами, то здѣсь было бы столь незначительное количество сулемы, что ее очень легко было просмотрѣть, не обнаружить. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что, хотя при анализѣ сулема и должна была появиться прежде всего, т. е. прежде мышьяка, и появиться въ видѣ чернаго порошка сѣрнистой ртути (въ противоположность желтоватому порошку сѣрнистаго мышьяка), но при анализѣ отлагается также значительное количество и сѣры, которая, смѣшиваясь съ ртутью, можетъ ее совершенно замаскировать. Приблизительно одинаковое содержа-

ніе и процентное отношеніе мышьяка, обнаруженное повторными анализами внутренностей 1-й и 2-й присылокъ, въ связи съ обнаруженіемъ мышьяка въ сердцѣ и легкихъ, указывая на распредѣленіе мышьяка по органамъ черезъ кровь, доказываетъ прижизненное введеніе яда въ организмъ, т. е. отравленіе.

Прокуроръ. Можетъ-ли произвести точный химическій анализъ мышьяка и сулемы человѣкъ, не знающій химіи и только вооружившійся книжкой? — *О.* Это дѣло такъ просто, что по книжкѣ всякій можетъ произвести такой химическій анализъ.— *В.* И такъ, чѣмъ окончательно вы объясняете необнаруженіе сулемы?—*О.* Или она вовсе не попала въ трупъ, или же не осталась на тѣхъ органахъ, которые взяты были для изслѣдованія.

Прис. пов. Холева. Если не ошибаюсь, вопросы о распредѣленіи мышьяка и о прижизненности введенія яда — составляютъ предметъ физіологіи и медицины, а не вашей науки? — *О.* Да, къ моей спеціальности — химіи — это не относится. — *В.* Похожи-ли между собою кристаллы мышьяка и сулемы? — *О.* Кристаллы бѣлаго цвѣта, но различныхъ оттѣнковъ.—*В.* А мышьякъ и сулема въ растворѣ?—*О.* Совершенно однородная безцвѣтная жидкость. — *В.* Вы изволили сказать, что мышьякъ почти безвкусенъ, немного сладковатъ. Вы, благодаря Бога, сами, вѣроятно, его не пробовали?—*О.* Это мнѣ извѣстно изъ научныхъ изслѣдованій. — *В.* Рабюто, «Токсикологія» котораго переведена на русскій языкъ Пеликаномъ, считается-ли въ наукѣ авторитетомъ? — *О.* Да. — *В.* А Рабюто, на стр. 130, поясняетъ, что «мышьяковистая кислота имѣетъ ѣдкій, противный вкусъ». Какова приблизительно степень чувствительности реактивовъ при отысканіи минеральныхъ ядовъ?— *О.* Предѣлъ чувствительности реакціи при отысканіи ртути— $^1/_{60}$ грана. — *В.* Такъ-что даже $^1/_{60}$ грана ртути должна быть обнаружена анализомъ?—*О.* Вполнѣ ясно и отчетливо.

Беллинъ Э. Ф., городовой врачъ, прив-доц. университета, выяснивъ въ общихъ чертахъ выработанный наукою методъ изслѣдованія и доказательства спорнаго факта отравленія, осно-

ванный на оцѣнкѣ и сопоставленіи данныхъ химическаго анализа внутренностей, патолого-анатомическихъ измѣненій на трупѣ и болѣзненныхъ явленій при жизни, указалъ на значеніе различныхъ условій, такъ или иначе измѣняющихъ типическое проявленіе дѣйствія ядовитаго вещества. Въ числѣ такихъ условій въ данномъ случаѣ имѣетъ особенное значеніе почва, на которой произошло спорное отравленіе, — почва, видоизмѣненная подъ вліяніемъ только-что перенесеннаго тифа, значеніе которой требуетъ тщательнаго выясненія. Констатируя на основаніи обстоятельствъ дѣла и специфическихъ измѣненій на трупѣ, что Максименко въ инкриминируемый моментъ находился въ концѣ 4-й или въ началѣ 5-й недѣли брюшного тифа, экспертъ подробно остановился на патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ, которыя наблюдаются въ это время въ организмѣ, касающихся почти всѣхъ внутреннихъ органовъ и особенно желудочно-кишечнаго канала, всѣ составныя части котораго такъ или иначе катаррально измѣнены и специфически перерождены; даже кровь въ этомъ періодѣ реконвалесценціи представляется рѣзко измѣненною, жидкою, гидромичною и. т. д.

Установивъ эти измѣненія и общее значеніе тифа для организма, экспертъ перешелъ къ анализу и оцѣнкѣ отдѣльныхъ данныхъ, начавъ съ результатовъ химическаго анализа, которые имѣютъ въ данномъ случаѣ важнѣйшее, само по себѣ крайне убѣдительное значеніе вслѣдствіе троекратнаго разновременнаго анализа. Представленныя химическою экспертизою цифры, указывающія на приблизительно одинаковое содержаніе и процентное отношеніе мышьяковистой кислоты во внутренностяхъ 1-й и 2-й выемки, вообще, и въ частности—въ частяхъ желудочно-кишечнаго тракта и паренхиматозныхъ органахъ, притомъ — различное въ тѣхъ и другихъ частяхъ, приводятъ эксперта къ убѣжденію, что ядъ введенъ при жизни и что такимъ прижизненнымъ распредѣленіемъ его кровью и объясняется одинаковое содержаніе его въ частяхъ, взятыхъ спустя часа $1^1/_2$ послѣ вскрытія изъ трупа и взятыхъ спустя пять мѣсяцевъ при exhumatio. Исключивъ всѣ возможности случайнаго попаденія мышьяка въ организмъ и трупъ М—ко, исключивъ, далѣе, возможность всякой ошибки со стороны аптекаря при отпускѣ су-

лемы, чему противорѣчатъ цифры химическаго анализа, и. т. д., экспертъ возводитъ результаты химическаго анализа до значенія доказательства полной достовѣрности. Необнаруженіе сулемы при изслѣдованіи объясняется легко самою процедурою анализа, при которомъ слѣды ея могли ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя, а только о слѣдахъ ея при растворѣ 1:1000 могла быть рѣчь. Анализъ и оцѣнка анатомическихъ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ трупа, не противорѣчатъ результатамъ анализа, такъ какъ ближайшая причина смерти, констатированная вскрытіемъ,—параличъ сердца, составляетъ прямое послѣдствіе отравленія. Отсутствіе анатомическихъ измѣненій со стороны желудочно-кишечнаго канала возможно и при отравленіи мышьякомъ, затѣмъ, самое отсутствіе ихъ, при поверхностномъ и небрежномъ вскрытіи, не констатировано. Язвенное измѣненіе у привратника желудка не есть послѣдствіе ни тифа, ни коррозивнаго дѣйствія яда; при тифѣ такихъ язвъ въ желудкѣ въ прямой зависимости отъ специфическаго страданія не бываетъ, а язвенныя измѣненія въ зависимости отъ мышьяка (если онъ принятъ въ порошкѣ) имѣютъ иной характеръ. По мѣсту, отсутствію реактивныхъ явленій, глубинѣ, величинѣ (въ мѣдный пятакъ) нужно думать, что это—круглая язва желудка, осложнившая случайно тифъ, вызывавшая констатированный исключительный симптомъ въ теченіи тифа (рвоту, тошноту) и способствовавшая быстрому всасыванію ядовитаго вещества. Измѣненіе крови (жидкая, темная), констатированное вскрытіемъ трупа, еще не служитъ противорѣчіемъ отравленію, такъ какъ мы не знаемъ, какъ относится разжиженная, гидромичная кровь реконвалесцента отъ тифа къ мышьяку, какимъ измѣненіямъ должна подвергаться такая кровь подъ вліяніемъ отравленія.

Прижизненныя болѣзненныя явленія, констатированныя слѣдствіемъ, а именно: внезапная бурная рвота, жестокія боли въ животѣ, блѣдность, холодный потъ, вскорѣ перешедшіе въ состояніе сонливости, сильнаго безпокойства, томленія и окончившіяся судорожнымъ сжатіемъ челюстей, тяжелымъ дыханіемъ и смертью спустя 7 часовъ отъ начала наступленія припадковъ, съ большимъ вѣроятіемъ указываютъ на цереброспинальную

форму отравленія мышьякомъ, форму, наступающую чаще всего при условіяхъ, благопріятныхъ для быстраго всасыванія яда, какія и имѣются въ данномъ случаѣ, а именно: введеніе яда въ растворенномъ, повидимому, состояніи, пустота желудка, язва желудка. Болѣзненныя явленія, которыми выражалось заболѣваніе Максименко, констатированы точнѣе лишь относительно первыхъ моментовъ заболѣванія, съ момента-же, когда М—ко, послѣ рвоты и болей, уснулъ и до самой почти смерти, скрыты отъ насъ, ихъ никто не видѣлъ, мы знаемъ только, что больной сильно стоналъ; несомнѣнно, стоны эти были внѣшнимъ выраженіемъ тяжелаго, угнетеннаго состоянія больного, можетъ быть безсознательнаго, коматознаго, потому что за все время больной ни разу не звалъ къ себѣ на помощь, не выражалъ своихъ страданій, словомъ онъ былъ лишенъ этой возможности, иначе онъ звалъ-бы къ себѣ находившихся въ сосѣдней комнатѣ жену и Гребенькову, которыя за всю ночь только раза 2 заходили къ больному, констатируя его крайнее безпокойство, томленіе, тяжелое дыханіе и проч. Констатируя съ величайшимъ вѣроятіемъ по припадкамъ нервную, паралитическую скрытую форму отравленія, мы тѣмъ самымъ констатируемъ соотвѣтствіе прижизненныхъ явленій результатамъ химическаго анализа и патолого-анатомическимъ даннымъ. Поноса въ данномъ случаѣ совсѣмъ не было, а разъ не было усиленной потери воды, то опять-таки не было условій для сгущенія крови,—для той сиропообразной консистенціи крови, которая считается характерною для отравленія мышьякомъ. Существовали-ли условія, благопріятныя для рефлекторнаго, вторичнаго паралича сердца подъ вліяніемъ внезапнаго разстройства желудка? Обыкновенныя условія эти—діэтетическія погрѣшности. Но такихъ погрѣшностей не констатировано: 18 октября М—ко ничего не ѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ ложечекъ свѣжей икры, 2-хъ кусочковъ хлѣба, 2-хъ ложекъ супу, чая. Не установлено ничѣмъ, чтобы М—ко ѣлъ какой-то сладкій пирогъ или тортъ. О погрѣшностяхъ, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи. О суммированіи какихъ-то погрѣшностей въ теченіе нѣсколькихъ дней также не можетъ быть рѣчи, такъ какъ тогда же было констатировано то постоянное улучшеніе въ состояніи больного, которое въ дѣйстви-

тельности наблюдалось. Итакъ, нѣтъ основаній предполагать такой параличъ сердца въ зависимости отъ тифа, вслѣдствіе разстройства желудка.

На основаніи изложеннаго экспертъ пришелъ къ заключенію, что фактъ отравленія М—ко при жизни нужно считать доказаннымъ. Смерть съ величайшимъ вѣроятіемъ произошла отъ непосредственнаго дѣйствія мышьяка на центральную нервную систему, но нельзя исключить и того, что она могла явиться и послѣдствіемъ паралича сердца, ослабленнаго предшествовавшимъ тифомъ,—вызваннаго сильною рвотою. Параличъ сердца этотъ могъ скорѣе привести къ смерти, чѣмъ наступило парализирующее вліяніе мышьяка на нервную систему. Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ конкурренціею причинъ смерти, обусловленныхъ введеніемъ яда въ организмъ.

Прокуроръ. Мыслимо-ли отравленіе мышьякомъ, не оставляющее по себѣ никакихъ измѣненій въ органахъ?—*О.* Всѣми авторитетами установлено, что отравленіе, не сопровождающееся никакими измѣненіями въ органахъ, вполнѣ возможно. Такое отсутствіе измѣненій наблюдается часто, когда за пріемомъ большихъ количествъ мышьяка онъ весь извергается изъ желудка рвотою. Но у М—ко былъ одинъ существенный признакъ остраго отравленія мышьякомъ—гиперемія мозга и его оболочекъ и отекъ мозга.—*В.* Какъ вы объясните необнаруженіе сулемы?—*О.* Растворъ сулемы могъ вылиться изъ трупа, который при одѣваніи, вѣроятно, переворачивали. При вскрытіи обыкновенно переворачиваешь трупъ нѣсколько разъ.—*В.* Способенъ ли мышьякъ задерживать гніеніе?—*О.* По самымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, мышьякъ не обладаетъ такимъ консервирующимъ дѣйствіемъ.

Прис. пов. Холева. Что означаетъ отекъ ногъ, на который жаловался больной Дмитріеву въ послѣдній день?—*О.* Слабость сердца.—*В.* Могутъ-ли рвотныя движенія имѣть рефлекторное вліяніе на ослабленное уже сердце?—*О.* Безусловно.—*В.* Дало-ли слѣдствіе абсолютныя, вполнѣ точныя данныя для заключенія о смерти отъ мышьяка?—*О.* Абсолютныхъ—нѣтъ, но въ виду неоспоримыхъ результатовъ химическаго анализа—смерть отъ отравленія имѣетъ весьма значительное вѣроятіе, хотя категорически исключить возможность естественной смерти отъ тифа

нельзя.—*В.* А помимо данныхъ химическаго изслѣдованія, данныя анатомическія и прижизненные симптомы не свойственны-ли тифу?—*О.* Не будь обнаружено большой дозы мышьяка, извлеченнаго изъ нѣсколькихъ органовъ, оставалось бы признать смерть отъ тифа.

Профессоръ Ф. А. Патенко. Помня свою присягу — какъ врача, помня, что я цѣловалъ крестъ и евангеліе, какъ экспертъ, помня, наконецъ, свою человѣческую нравственную сторону,—я буду говорить только то, въ чемъ искренно убѣжденъ научными фактами. Въ качествѣ врача-эксперта я долженъ высказать здѣсь свое мнѣніе о причинѣ смерти Максименко. Каждый врачъ-экспертъ, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, долженъ не только строго обсудить все то, что касается медицинской стороны дѣла, но принять во вниманіе также всѣ обстоятельства случая и свидѣтельскія показанія, конечно по стольку, по скольку они могутъ дополнять медицинскую сторону. Слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ я долженъ остановиться на томъ, что было съ покойнымъ Максименко до дня его смерти, затѣмъ—на явленіяхъ, которыя наблюдались непосредственно передъ смертью, и наконецъ—на результатахъ вскрытія.

Состояніе покойнаго М—ко до дня его смерти выяснено уже настолько, что я считаю лишнимъ останавливаться на этомъ: едва-ли можетъ еще оставаться сомнѣніе въ томъ, что М—ко болѣлъ дѣйствительно брюшнымъ тифомъ, тѣмъ болѣе, что и въ дальнѣйшемъ правильность такого опредѣленія болѣзни вполнѣ подтвердилась. Но пойдемъ по порядку.

При вскрытіи трупа М—ко съ цѣлью опредѣленія вообще причины смерти, три врача, при этомъ находившіеся, признали единогласно, что здѣсь «классическій тифъ». Не ошиблись ли они? Посмотримъ.

При вскрытіи, произведенномъ на 2-я сутки послѣ смерти, найдены, главнымъ образомъ, слѣдующія измѣненія: во 1-хъ, на кожѣ ничего особеннаго, только кожа живота въ пахахъ представляла грязно-зеленоватую окраску,—это есть наружный признакъ начавшагося гніенія трупа; во 2-хъ, въ грудной полости

оказалось скопленіе кровянистой жидкости, въ околосердечной сорочкѣ то же самое,—это опять признаки начавшагося гніенія, и именно гніенія крови, потому что водянистая жидкость, просачивающаяся послѣ смерти изъ крови черезъ стѣнки сосудовъ и скопляющаяся въ различныхъ полостяхъ тѣла, начинаетъ окрашиваться въ красный кровяной цвѣтъ только тогда, когда кровь уже гніетъ и когда красныя тѣльца ея разлагаются, отдавая свое красящее вещество жидкимъ частямъ крови; въ 3-хъ, кровь въ трупѣ оказалась темною и жидкою; сердце все, во всѣхъ своихъ отдѣлахъ, наполнено такою кровью. Жидкое состояніе крови есть признакъ того, что смерть произошла отъ задушенія, а вялость и діастолическое состояніе сердца, т. е. разслабленіе и наполненіе кровью во всѣхъ отдѣлахъ, есть признакъ паралича его. Я долженъ пояснить, что задушеніемъ мы называемъ не только тѣ случаи, когда человѣкъ лишенъ возможности дышать вслѣдствіе закрытія наружныхъ дыхательныхъ отверстій, сильнаго сжатія шеи или грудной клѣтки,—задушеніе наступаетъ и отъ другихъ, весьма разнообразныхъ причинъ. Не имѣя возможности перечислять ихъ здѣсь всѣ, я ограничусь только указаніемъ на то, что параличъ сердца также сопровождается тѣми явленіями, которыя характеризуютъ смерть отъ задушенія. Такъ какъ въ нашемъ случаѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы М—ко былъ задушенъ какимъ нибудь механическимъ способомъ, и всѣ внутреннія причины смерти отъ задушенія, кромѣ паралича сердца, могутъ быть также исключены, то остается единственная причина—параличъ сердца.

Правда, что сердце, повидимому, не представляло такихъ болѣзненныхъ измѣненій его ткани, вслѣдствіе которыхъ параличъ сердце наступаетъ первично. Слѣдовательно, мы должны только поискать ту причину, которая вызвала параличъ сердца вторично. Чтобы найдти эту причину, будемъ изучать дальше измѣненія въ органахъ М—ко. Здѣсь оказались—въ 4-хъ—болѣе или менѣе сильные застои крови во многихъ органахъ, съ отекомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (мозгъ съ его оболочками и легкія), а эти застои вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что смерть наступила при явленіяхъ задушенія, которыми сопровождается также и параличъ сердца; въ 5-хъ, въ тонкихъ кишкахъ, а именно около мѣста перехода ихъ

въ толстыя, найдены язвы и, по виду, по свойствамъ, признаны всѣми врачами за тифозныя. Дѣйствительно—врачи достаточно характерно и ясно описали намъ въ актѣ вскрытія и здѣсь, на судѣ, тифозные признаки этихъ язвъ, а именно: группированіе ихъ въ нижнемъ отдѣлѣ тонкихъ кишекъ при переходѣ этихъ послѣднихъ въ толстыя, расположеніе язвъ ихъ длиннымъ діаметромъ вдоль кишки, припухшіе грязноватые или вообще темные края и подрытіе этихъ краевъ, причемъ, слѣдов., они, такъ сказать, нависаютъ надъ дномъ язвы—все это признаки, которые вполнѣ характеризуютъ тифозныя язвы и не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Другихъ измѣненій въ кишкахъ не оказалось. Содержимое кишекъ было «свойственное имъ», значитъ такое содержимое, которое не представляло по крайней мѣрѣ особенныхъ уклоненій отъ обыкновеннаго, иначе врачи не назвали бы его «свойственнымъ кишкамъ»; въ 6-хъ, мезентеріальныя железы т. е. тѣ лимфатическія железы, которыя во множествѣ заложены въ тонкой перепонкѣ, соединяющей желудочно-кишечный каналъ со стѣнками брюшной полости,—эти железки увеличены до лѣснаго орѣха и кромѣ того съ кровоизліяніями въ ихъ ткань,—это несомнѣнный признакъ тифа; въ 7-хъ, селезенка увеличена въ $2^1/_2$ раза,—при тифѣ она всегда увеличена; въ 8-хъ, въ желудкѣ, при отсутствіи какихъ либо замѣтныхъ измѣненій, найденъ въ одномъ мѣстѣ свертокъ волокнины (фибрина) величиною въ дѣтскій кулачекъ. Свидѣтели на наши вопросы отвѣтили, что этотъ свертокъ не былъ въ родѣ желвака, соотвѣтствующаго дѣтскому кулачку во всѣхъ его размѣрахъ, а имѣлъ только въ окружности такую величину, какую имѣетъ въ окружности дѣтскій кулачекъ. Этотъ свертокъ имѣлъ видъ шапки, гриба и помѣщался въ выходѣ желудка, переходя въ 12-ти-перстную кишку. Когда содрали этотъ свертокъ фибрина, то подъ нимъ открылась «язвенная поверхность», покрытая мелкими кровяными свертками. Эта «язвенная поверхность» была почти круглой формы и не проникала особенно глубоко: какъ разъяснили здѣсь свидѣтели, она едва доходила до средняго слоя стѣнки желудка.

Я обращаю вниманіе на то, что это болѣзненное явленіе въ желудкѣ врачи не назвали «язвой», а только «язвенною поверхностью», тогда какъ язвы въ кишкахъ они такъ и назвали яз-

вами. Значитъ—въ желудкѣ дѣйствительно не было язвы, а было какое-то мѣстное, ограниченное измѣненіе слизистой оболочки, безъ разрушенія ея въ этомъ мѣстѣ. Что-же это за измѣненіе? Тифозныя язвы, при тяжелыхъ формахъ тифа, могутъ распространяться по всѣмъ отдѣламъ тонкихъ кишекъ, но въ желудкѣ, на сколько мнѣ извѣстно, тифозныхъ язвъ въ собственномъ смыслѣ слова не наблюдали. Я много видѣлъ и самъ не мало вскрывалъ умершихъ отъ брюшного тифа, но въ желудкѣ настоящихъ тифозныхъ язвъ не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе возможность развитія здѣсь, если не тифозныхъ язвъ въ тѣсномъ смыслѣ, то измѣненій, похожихъ на язвы и имѣющихъ свое начало въ тифѣ, нисколько не исключается, и происхожденіе этой язвенной поверхности въ выходѣ желудка, могущее показаться такимъ темнымъ для непосвященныхъ въ медицину и незнающихъ патологической анатоміи, станетъ совершенно яснымъ изъ слѣдующаго: дѣло въ томъ, что тифозный ядъ, какъ говорили прежде, или тифозныя бациллы, какъ говорятъ нынче, поселяются, главнымъ образомъ, въ лимфатическихъ железахъ и въ лимфатической ткани. Кишки содержатъ множество лимфатическихъ железокъ и здѣсь раньше всего образуются тифозныя язвы; затѣмъ припухаютъ и изъязвляются лимфатическія железы въ брыжжейкѣ кишекъ, припухаютъ тѣ органы, ткань которыхъ ближе подходитъ по своему строенію къ лимфатической ткани, какъ напр. селезенка,—а въ желудкѣ есть лимфатическая ткань? Да, есть: слизистая оболочка желудка заключаетъ въ себѣ не только отдѣльныя лимфатическія тѣльца, но даже маленькіе лимфатическіе узелки, въ родѣ тѣхъ, какіе находятся въ тонкихъ кишкахъ, и эти лимфатическіе узелки главнымъ образомъ находятся у выхода желудка (pylorus), т. е. какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится «язвенная поверхность», описанная въ желудкѣ Максименко. Вотъ такія-то мѣста, съ яснымъ лимфатическимъ характеромъ, во время тифа подвергаются особенному заболѣванію, извѣстному патолого-анатомамъ подъ именемъ тифознаго лимфаденита, и представляютъ слѣдующую картину: въ пораженномъ участкѣ видно сильное налитіе сосудовъ кровью и размноженіе элементовъ ткани, вслѣдствіе чего такое мѣсто припухаетъ и болѣе или менѣе значительно приподымается надъ остальною, здоровою, поверхностью. Затѣмъ та-

кое мѣсто подвергается некрозу, т. е. омертвѣнію, и тогда оно распознается по своему желтовато-бѣлому цвѣту.

Мнѣ кажется, что описанная въ актѣ вскрытія «язвенная поверхность» въ выходѣ желудка совершенно соотвѣтствуетъ только что описанному тифозному лимфадениту, при чемъ только желтовато-бѣлый омертвѣвшій слой собственно слизистой оболочки былъ нѣсколько торопливо принятъ за свертокъ фибрина. Теперь, когда этотъ мнимый свертокъ фибрина, или правильнѣе сказать—омертвѣвшую слизистую оболочку—отдѣлили, то естественно—на томъ мѣстѣ осталось маленькое углубленіе. А что это углубленіе было рѣзко очерчено, такъ оно и должно быть съ такими рѣзкими очертаніями, потому что всякій омертвѣвшій участокъ посреди здоровой ткани отдѣляется отъ нея такъ называемою *демаркаціонною линіею,* по которой рѣзко кончается омертвѣвшая ткань и также рѣзко начинается живая. Именно по этой-то *рѣзкой линіи* и отдѣляются омертвѣвшія части, все равно—сами собою или когда ихъ насильно отдѣляютъ. Что же касается маленькихъ кровоизліяній на днѣ этого углубленія, такъ это вполнѣ понятно: при сильномъ наполненіи маленькихъ сосудовъ кровью, да еще въ сосѣдствѣ съ омертвѣвающею тканью, нѣкоторые изъ нихъ не выдерживаютъ давленія крови, разрываются и даютъ маленькія кровоизліянія.

И такъ—послѣ обсужденія того, что найдено было при вскрытіи трупа М—ко, я не могу не присоединиться вполнѣ къ мнѣнію вскрывавшихъ врачей и вмѣстѣ съ ними долженъ признать, что вскрытіе дало ясную картину брюшного тифа.

Но здѣсь меня могутъ спросить: во 1) какимъ же образомъ человѣкъ, выздоровѣвшій отъ тифа, вдругъ умеръ отъ того тифа, который у него прошелъ? и во 2) причемъ же тутъ параличъ сердца, на который я раньше обратилъ особенное вниманіе?

Прежде-чѣмъ отвѣтить на это, я долженъ сдѣлать поправку: здѣсь рѣчь можетъ быть не о дѣйствительномъ выздоровленіи М—ко, а только о томъ, что онъ былъ *признанъ* совершенно здоровымъ и получилъ разрѣшеніе вести себя, какъ человѣкъ здоровый, а это большая разница, ибо—если человѣкъ даже всталъ послѣ тифа съ постели, то это еще не значитъ, что онъ *выздоровѣлъ* отъ тифа, потому что развѣ брюшной тифъ не мо-

жетъ, такъ сказать, возвращаться? Да, можетъ, если не возвращаться, то имѣть такое теченіе, которое очень похоже не только на одинъ, а даже на 2 и 3 возврата—это хорошо знаютъ клиницисты. Большею частью при *какой нибудь погрѣшности въ діэтѣ,* при *разстройствѣ желудка* вдругъ припадки возвращаются съ новою силою тогда, когда *все указываетъ на выздоровленіе*... Въ такихъ случаяхъ *снова* появляются боли въ животѣ, урчаніе, тошнота, рвота, поносъ и т. д. Было это у М—ко? Да, было, за исключеніемъ, впрочемъ, поноса, на что я укажу впослѣдствіи. Случаи такихъ внезапныхъ ожесточеній брюшного тифа настолько извѣстны клиницистамъ, что они прямо учатъ насъ слѣдующему: возможность возвращенія припадковъ въ то время, когда больной, повидимому, выздоровѣлъ, требуетъ *крайней осторожности*, особенно въ питаніи больныхъ, у которыхъ въ это время иногда появляется большой, но часто обманчивый аппетитъ. А мы изъ свидѣтельскихъ показаній видѣли у покойнаго М—ко значительныя погрѣшности въ діэтѣ какъ во время болѣзни, такъ и непосредственно передъ смертью: во время болѣзни онъ, во 1-хъ, пилъ сельтерскую воду по 1 и $1^1/_2$ сифона въ день. Клиницисты не допускаютъ при брюшномъ тифѣ такого питья и въ такомъ количествѣ, такъ какъ сельтерская вода раздражаетъ слизистую оболочку желудка и производитъ вздутіе его и кишекъ выдѣляющеюся углекислотою; во 2-хъ, ѣлъ икру съ хлѣбомъ и сладкимъ пирогомъ; въ 3-хъ, пилъ «венгерское» вино (въ $2^1/_2$ руб. полубутылка); считаю лишнимъ доказывать вредъ *спирта* при тифѣ, а говорю вмѣсто «вина» «спиртъ» потому, что такія «венгерскія» вина приготовляются въ ростовскихъ же, харьковскихъ и т. п. погребахъ съ помощью спирта; въ 4-хъ, главнымъ питаніемъ ему служилъ супъ изъ $^1/_4$ цыпленка и изрѣдка небольшой кусочекъ этого же вареннаго цыпленка. Въ настоящее время признаютъ, что супы и бульоны представляютъ собою *не питательныя* вещества, а раздражающія (и возбуждающія), подобныя въ этомъ отношеніи чаю, кофе и т. д.

Что же касается самаго дня смерти, то въ этотъ день М—ко только первый разъ всталъ съ постели; утромъ ѣлъ икру и, кажется, пилъ чай со сладкимъ пирогомъ (кондитерскій тортъ съ глазурью, цукатами и т. д.). Затѣмъ отправился въ гости къ по-

лицейскому чиновнику, пилъ тамъ *крѣпкій* чай. Вотъ тѣ діэтетическія погрѣшности во время болѣзни и передъ смертью, о которыхъ я сказалъ выше. А насколько погрѣшности въ діэтѣ вообще имѣютъ большое значеніе, можетъ свидѣтельствовать то, что этотъ вопросъ уже не разъ служилъ предметомъ научныхъ изслѣдованій и наблюденій. Еще недавно, въ 1889 г., д-ръ William Burr въ Америкѣ, занимаясь вопросомъ о вліяніи желудочнаго разстройства на упадокъ сердечной дѣятельности, приводитъ примѣръ того, что даже *совершенно здоровый* человѣкъ можетъ умереть въ нѣсколько минутъ единственно отъ погрѣшности въ діэтѣ. Именно—онъ приводитъ случай, когда у здороваго, молодого и крѣпкаго человѣка вскорѣ послѣ плотнаго обѣда вдругъ появился грозный упадокъ силъ, сильная боль въ области желудка и сердца и неправильная дѣятельность этого послѣдняго. Быстро наступила сильная рвота, во время которой онъ и умеръ. Авторъ приходитъ къ тому, что «нервная буря, возникающая въ желудкѣ и кишкахъ, можетъ самымъ гибельнымъ образомъ отражаться на кровообращеніи» (т. е. на сердцѣ). Объясняется это тѣмъ, что желудокъ и сердце находятся въ тѣсной связи черезъ посредство *блуждающихъ и симпатическихъ* нервовъ.

У выздоравливающихъ отъ тифа такая катастрофа имѣетъ возможность наступить еще легче потому, что во время тифа дѣятельность сердца, вмѣстѣ съ потерею силъ вообще, значительно ослабляется. Если принять во вниманіе, что тифозные больные при правильномъ режимѣ нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ недѣль питаются однимъ только молокомъ, получая его по $^1/_2$—1 бутылкѣ въ сутки, то ясно станетъ, до какой степени истощенія они могутъ доходить и какъ ослабѣваетъ дѣятельность ихъ органовъ. Вотъ почему клиницисты и учатъ своихъ слушателей тому, что они не должны руководствоваться прихотями такихъ паціентовъ, потому что эти послѣдніе въ періодѣ выздоровленія нерѣдко становятся весьма прожорливы, а между тѣмъ даже небольшое отступленіе отъ діэты можетъ вызвать сильное разстройство желудка, и не только приковать больного снова на нѣсколько недѣль къ постели, но даже вести и къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ.

Вотъ гдѣ очевидно и лежитъ причина того паралича сердца, который оказался у покойнаго М—ко.

И такъ, на основаніи данныхъ о прижизненномъ болѣзненномъ состояніи и данныхъ вскрытія можно прійти только къ одному выводу: *Максименко умеръ* въ періодѣ выздоровленія отъ брюшного тифа *вслѣдствіе паралича сердца*, вызваннаго вторично разстройствомъ дѣятельности желудка вслѣдствіе грубаго нарушенія необходимой діэты.

Но вотъ черезъ нѣкоторое время послѣ вскрытія у судебной власти является *подозрѣніе* объ отравленіи М—ко мышьякомъ. Вынимаютъ изъ трупа, уже зашитаго и полуодѣтаго, внутренности, изслѣдуютъ ихъ, а затѣмъ еще черезъ пять мѣсяцевъ вынимаютъ трупъ изъ склепа, снова берутъ часть внутренностей; все это изслѣдуетъ три раза фармацевтъ Роллеръ и дѣйствительно находитъ мышьякъ всѣ три раза. Всякій, кто незнакомъ съ ученіемъ объ отравленіяхъ, конечно скажетъ: нашли мышьякъ, *значитъ* М—ко отравленъ. Но такой выводъ былъ бы и слишкомъ поспѣшенъ, и, главное, совершенно невѣренъ. Найти какой нибудь ядъ въ трупѣ еще не значитъ указать, что смерть произошла отъ отравленія этимъ ядомъ. Должно имѣть въ виду, что ядъ можетъ попасть въ тѣло человѣка и послѣ смерти. Попадаетъ онъ сюда различнымъ образомъ, такъ, напр., можетъ быть влитъ или всыпанъ постороннею рукою въ самый трупъ или въ оставленныя для изслѣдованія внутренности; въ случаѣ изслѣдованія внутренностей труповъ, вырытыхъ изъ могилъ, не слѣдуетъ забывать, что ядъ можетъ попасть въ трупъ изъ одежды, если она окрашена ядовитыми красками, изъ почвы, если она содержитъ примѣси ядовитыхъ веществъ, наконецъ, есть яды, которые развиваются въ самомъ тѣлѣ при гніеніи его и очень похожи на многіе изъ самыхъ сильныхъ растительныхъ ядовъ. Однимъ словомъ, одно то, что въ трупѣ найденъ ядъ, еще не доказываетъ отравленія, а только вызываетъ вопросъ, рѣшеніе котораго уже дѣйствительно и составляетъ всю суть дѣла, именно: при жизни еще, или уже послѣ смерти попалъ тотъ или другой ядъ въ изслѣдуемый трупъ. Всѣмъ извѣстно, что при отравленіи яды вызываютъ цѣлый рядъ припадковъ, иногда весьма характерныхъ для того или другого яда, и что кромѣ этого въ различныхъ ор-

ганахъ происходятъ различныя измѣненія, по которымъ не только можно распознать отравленіе, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно даже опредѣлить, какимъ именно ядомъ оно произведено. Поэтому, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о томъ, принятъ ли былъ ядъ еще при жизни человѣка и вызвалъ смертельное отравленіе его, или ядъ попалъ въ тѣло какимъ либо путемъ уже послѣ смерти, мы должны знать во 1-хъ, были ли при жизни припадки, могущіе указывать на отравленіе этимъ ядомъ, во 2-хъ, при вскрытіи должны обнаружиться измѣненія въ органахъ, зависящія отъ этого яда (если конечно ядъ такого рода, что оставляетъ послѣ себя видимыя измѣненія), въ 3-хъ, доказать, что ядъ находится въ самомъ существѣ того или другого органа, а не примѣшался отъ окружающихъ органъ частей и, въ 4-хъ, опредѣлить количество яда, если не во всемъ тѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ или другихъ органахъ, т. е. показать, что это количество яда было дѣйствительно достаточно для смертельнаго отравленія человѣка.

Посмотримъ-же, насколько все это имѣется въ нашемъ случаѣ. Не сомнѣваясь въ томъ, что два послѣдніе анализа въ дѣйствительности произведены правильно, я признаю также, что описаніе ихъ соотвѣтствуетъ требованіямъ закона, а представленныя вещественныя доказательства при наружномъ осмотрѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ сѣрнистому мышьяку и мышьячному зеркалу. Однимъ словомъ—я признаю, что анализъ правиленъ съ чисто химической точки зрѣнія. Изъ этого тройного анализа я беру только его окончательный выводъ: въ $6^3/_4$ фун. различныхъ внутренностей должно находиться $4^8/_{10}$ грана мышьяковистой кислоты, т. е. количество, болѣе—чѣмъ достаточное для смертельнаго отравленія, потому что смерть при благопріятныхъ условіяхъ для дѣйствія мышьяка можетъ наступить у взрослаго человѣка даже при $^3/_4$ грана. Но сказанное количество мышьяка опредѣлено только для $6^3/_4$ фунта внутренностей, а ихъ въ трупѣ гораздо больше, слѣдовательно и мышьяка въ тѣлѣ должно было заключаться гораздо больше $4^8/_{10}$ грана. А если такъ, то при такомъ большомъ количествѣ принятаго внутрь мышьяка и прижизненные припадки и посмертныя явленія должны быть выражены очень рѣзко.

Какія-же бываютъ прижизненные припадки при отравленіи мышьякомъ?

Эти припадки различны, смотря по тому, въ какой *формѣ* протекаетъ отравленіе и втеченіе какого времени. Если смерть наступаетъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ, то такое отравленіе мышьякомъ называется острымъ; если смерть наступаетъ только черезъ нѣсколько дней, то такое теченіе отравленія называется под-острымъ, и наконецъ, если отравленіе производится медленно, небольшими количествами мышьяка втеченіе недѣль и мѣсяцевъ, то это называется хроническимъ отравленіемъ.

Кромѣ этого, отравленіе мышьякомъ, по крайней мѣрѣ острое и под-острое, можетъ являться въ свою очередь въ двухъ формахъ: въ одной преобладаютъ припадки, зависящіе отъ сильнаго раздраженія мышьякомъ желудочно-кишечнаго канала, въ другой преобладаютъ припадки, зависящіе также отъ сильнаго раздраженія, но уже головного и спинного мозга. Каждая изъ этихъ формъ отравленія мышьякомъ имѣетъ свои особенные припадки: при остромъ отравленіи съ преобладаніемъ сильнаго раздраженія желудочно-кишечнаго канала на первомъ планѣ выступаетъ *упорная* рвота, настолько сильная и упорная, что даже признается за *самый рѣзкій симптомъ;* далѣе появляется неутолимая жажда, та ужасающая жажда, которая какъ-бы сжигаетъ всѣ внутренности и которая заставляетъ несчастнаго выпивать страшное количество воды или другихъ напитковъ, а сама все не уменьшается, а даже наоборотъ—усиливается. Въ то-же время ощущается жженіе въ зѣвѣ и пищепріемникѣ; появляются сильнѣйшія боли подъ ложечкой, скоро распространяющіяся по всему животу, напоминающія тѣ боли, которыя бываютъ при воспаленіи брюшины. Является сильный поносъ, при которомъ выходятъ особенно вонючія водянистыя или даже кровянистыя испражненія, похожія на рисовый отваръ; въ то же время отдѣленіе мочи быстро начинаетъ уменьшаться и скоро совсѣмъ прекращается. Черты лица поразительно измѣняются, на столько, что это рѣзко бросается въ глаза окружающимъ, которые почти не узнаютъ въ несчастномъ своего близкаго. Развивается упадокъ силъ, доходящій до крайней степени; дѣятельность сердца падаетъ и потому пульсъ слабый, неправильный, прерывистый и едва ощутимый; ко-

нечности и лицо синѣютъ и леденѣютъ. Наконецъ появляются судороги и смерть. Вотъ наиболѣе рѣзкія черты остраго отравленія мышьякомъ, когда преобладаютъ припадки со стороны желудочно-кишечнаго канала. Если преобладаетъ раздраженіе головного и спинного мозга, то тогда рѣзче всего выступаетъ сильная головная боль и внезапно является общая сильная слабость, охватывающая все тѣло; затѣмъ начинается головокруженіе, чувство ползанія мурашекъ по тѣлу, обмороки; наступаетъ быстрое охлажденіе тѣла, чувствительность теряется, появляются судороги, параличи отдѣльныхъ членовъ, затрудненное дыханіе, синюха, совершенный упадокъ силъ, потеря сознанія и смерть.

Если мы теперь сравнимъ эту картину дѣйствительнаго отравленія мышьякомъ съ тѣмъ, что наблюдали передъ смертью у М—ко, то окажется, что изъ всѣхъ перечисленныхъ припадковъ у него была только рвота, да и то обыкновенная, а не та *упорная,* которая бываетъ при отравленіи мышьякомъ. А обыкновенная рвота часто наступаетъ отъ такихъ разнообразныхъ причинъ, что одна, сама по себѣ, никакъ не можетъ указывать на причину, ее вызвавшую. Кромѣ этого, по свидѣтельскимъ показаніямъ, рвота у М—ко была не только въ день предполагаемаго отравленія, но появлялась отъ времени до времени и раньше, а это болѣе-чѣмъ несомнѣнно объясняется присутствіемъ той «язвенной поверхности» въ желудкѣ, которую мы раньше подробно разсмотрѣли.

Поноса очевидно не было, такъ какъ при вскрытіи въ кишкахъ найдены были кашицеобразныя массы, «свойственныя кишкамъ». Д-ръ Португаловъ упоминаетъ о потѣ, которымъ обливался больной не задолго до смерти. Но это ничѣмъ не подтверждается: окружающіе больного не замѣтили никакого пота, а также ни постельнаго, ни носильнаго бѣлья на больномъ не смѣняли. Точно также не было и другихъ припадковъ, которые хоть немного были бы похожи на отравленіе мышьякомъ, не было не только такихъ припадковъ, но даже были наоборотъ — противорѣчащіе такому предположенію, а именно—пульсъ былъ частый, *до 120 ударовъ* въ минуту, и напряженный, что совершенно не соотвѣтствуетъ отравленію мышьякомъ, когда—какъ мы видѣли—пульсъ

бываетъ слабый, неправильный, едва ощутимый, *пульсъ*, котораго *сосчитать нельзя.*

И такъ, *никакихъ прижизненныхъ припадковъ остраго отравленія мышьякомъ у Максименко передъ его смертью не было.*

Объ остальныхъ видахъ отравленія мышьякомъ я не буду говорить, такъ какъ въ дѣлѣ совершенно не возбуждается вопроса о возможности болѣе затяжного, хроническаго отравленія.

Но, можетъ быть, свидѣтели смерти М—ко не были достаточно наблюдательны или перезабыли то, что было въ дѣйствительности; можетъ быть, у М—ко были многіе изъ тѣхъ припадковъ, которыми характеризуется отравленіе мышьякомъ, и только эти припадки прошли не замѣченными? Въ такомъ случаѣ, т. е. если дѣйствительно было отравленіе, мы должны неизбѣжно найти въ трупѣ измѣненія различныхъ органовъ, измѣненія, по которымъ можно даже опредѣлить отравленіе именно мышьякомъ.

Что было найдено при вскрытіи—мы видѣли; теперь намъ остается сравнить найденное съ тѣмъ, *что бываетъ при отравленіи.*

У отравленныхъ мышьякомъ полость рта, пищеводъ и желудокъ представляютъ картину сильнаго воспаленія; а въ желудкѣ дѣло доходитъ иногда до прободенія. Желудокъ часто наполненъ жидкостью, похожею на кофейную гущу. На слизистой оболочкѣ желудка находятъ *бляшки,* 2—3 или болѣе, преимущественно на срединѣ *большой* кривизны. Форма ихъ круглая или овальная, величина различная, а главное—онѣ имѣютъ *фіолетовый* или *черный* цвѣтъ отъ излившейся здѣсь крови.

Что же найдено у Максименко? Въ актѣ вскрытія сказано ясно: «стѣнки желудка не представляютъ видимыхъ уклоненій отъ нормы», т. е. проще сказать относительно здоровы, и «въ полости желудка нѣтъ ничего». Далѣе, вмѣсто воспалительныхъ бляшекъ на большой кривизнѣ, фіолетоваго или чернаго цвѣта, найдена у выхода желудка «язвенная поверхность», поверхность, покрытая желтоватымъ сверткомъ волокнины, — ясно, что это измѣненіе произошло не отъ мышьяка, а очевидно имѣетъ то происхожденіе, на которое мы раньше указали. Далѣе—при отравленіи мышьякомъ въ кишкахъ и особенно въ

12-ти-перстной кишкѣ, въ червеобразномъ отросткѣ и въ слѣпой кишкѣ находятъ, кромѣ воспаленія, еще родъ сыпи, чрезвычайно похожей на ту, которая бываетъ при холерѣ, а именно: слизистая оболочка, особенно въ тонкихъ кишкахъ, напухшая, отечная, представляется усыпанною мелкими узелками отъ просянаго зерна до чечевицы; эти узелки суть увеличенныя отдѣльныя лифматическія железки, а также тѣ скопленія ихъ (въ тонкихъ кишкахъ), которыя называются Пейеровыми бляшками, и *эти измѣненія никогда не превращаются въ язвы.* А у М—ко въ кишкахъ найдены язвы величиною—какъ сказано—отъ серебряннаго пятачка и болѣе, и эти язвы, какъ мы видѣли, несомнѣнно тифозныя. Кромѣ этого, при отравленіи мышьякомъ въ кишкахъ находятся особенно вонючія массы, похожія на рисовый отваръ, а у Максименко, какъ значится въ актѣ вскрытія, въ кишкахъ было «свойственное имъ содержимое», т. е. ничѣмъ не отличающееся отъ обыкновеннаго.

Изъ другихъ измѣненій при отравленіи мышьякомъ наиболѣе постоянныя и быстро развивающіяся—это острое *жировое перерожденіе* печени и почекъ;—у М—ко, какъ видно изъ акта вскрытія, ничего подобнаго не было. За то у него найдено увеличеніе селезенки въ $2^1/_2$ раза и значительное припуханіе мезентеріальныхъ железъ, а этого, въ свою очередь, *при отравленіи мышьякомъ не бываетъ.*

Наконецъ—при отравленіи мышьякомъ кровь имѣетъ *черный цвѣтъ*—и такая густая, студенистая, какъ *смородинное желе*; а размазанная тонкимъ слоемъ по серознымъ или слизистымъ оболочкамъ придаетъ имъ *темносиній* оттѣнокъ,—у М—ко же кровь была во 1-хъ) *жидкая*, но жидкая не отъ полнаго гніенія ея; и свернувшаяся кровь можетъ разжижаться, но только это въ ней наступаетъ тогда, когда въ трупѣ уже имѣется полная картина гніенія; тогда, напримѣръ, сердце уже совершенно пустѣетъ и представляетъ собою вялый, дряхлый мѣшокъ, изъ котораго при вскрытіи выходятъ только гнилостные газы,—а въ трупѣ М—ко, хотя уже загнившемъ, все же до этого было еще далеко, значитъ кровь была жидкою съ самаго начала, она не свернулась послѣ смерти.

Въ 2-хъ) кровь у него была, какъ сказано въ актѣ, *темная*,

но словомъ *темная* принято обозначать *темно-красный* цвѣтъ крови, а не черный; темно-красный цвѣтъ кровь имѣетъ при различныхъ видахъ смерти отъ задушенія, а въ томъ числѣ и при параличѣ сердца.

Сопоставляя измѣненія, которыя должны бы находиться въ трупѣ М—ко, если бы онъ умеръ отъ отравленія мышьякомъ, съ тѣми измѣненіями, которыя въ дѣйствительности найдены, мы видимъ, что это сопоставленіе безусловно опровергаетъ всякую мысль объ отравленіи М—ко мышьякомъ.

Но у не-врача можетъ еще возникнуть вопросъ о томъ, что, можетъ быть, измѣненія въ органахъ, являющіяся при отравленіи мышьякомъ, въ нашемъ случаѣ не наступили потому, что органы были уже измѣнены тифомъ? На это должно отвѣтить, что по законамъ общей патологіи присутствіе въ органахъ измѣненій отъ тифа нисколько не исключаетъ измѣненій этихъ органовъ отъ мышьяка, и мы рядомъ съ измѣненіями органовъ отъ тифа нашли бы также измѣненія отъ мышьяка, а здѣсь этого не было.

И такъ, ни прижизненныя, ни посмертныя явленія въ разбираемомъ нами случаѣ не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ отравленіемъ мышьякомъ, и потому я съ глубокимъ убѣжденіемъ говорю, что *отравленія мышьякомъ въ данномъ случаѣ не было.*

Но вѣдь въ трупѣ нашли мышьякъ? Да, нашли, но изъ вышеизложеннаго ясно, что онъ попалъ въ трупъ М—ко уже послѣ смерти его. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что, какъ мы уже говорили, судя по произведенному анализу, въ трупѣ должно было находиться большое количество мышьяка, количество, котораго было бы достаточно для отравленія 15 человѣкъ. Значитъ при такомъ большомъ количествѣ и измѣненія, вызываемыя имъ, должны бы быть рѣзки, а мы не видимъ никакихъ!

Какъ можетъ попасть мышьякъ въ тѣло человѣка послѣ смерти его—мы уже говорили. Какъ онъ попалъ въ нашемъ случаѣ, мы не знаемъ, это совершенно не выяснено слѣдствіемъ. Есть одно только обстоятельство, весьма странное: вскрывавшій врачъ удостовѣрилъ и присутствовавшіе подтвердили, что во время вскрытія руки врача и инструменты были обмываемы растворомъ су-

лемы, при чемъ это обмываніе совершалось надъ трупомъ. Такимъ образомъ въ трупъ попало количество раствора, содержавшее около 10 grn. сулемы. А между тѣмъ, не только при первомъ, но и при повторныхъ изслѣдованіяхъ не было найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ, тогда какъ этотъ ядъ на столько же стойкій, какъ и мышьякъ, т. е. разрушиться онъ не могъ. Куда же дѣвалась сулема? Для объясненія этого факта мы не имѣемъ въ дѣлѣ никакихъ данныхъ, и потому я воздержусь отъ всякихъ предположеній.

Подводя итогъ всему сказанному, я долженъ выразить его по сущей совѣсти и съ глубокимъ убѣжденіемъ слѣдующимъ образомъ:

1) *Максименко умеръ отъ паралича сердца въ самомъ началѣ выздоровленія отъ брюшного тифа.*

2) *Параличъ сердца произошелъ вторично вслѣдствіе грубаго нарушенія діететическихъ правилъ, какъ во время болѣзни, такъ и въ день мнимаго выздоровленія.*

3) *Никакихъ признаковъ отравленія мышьякомъ нѣтъ.*

4) *Найденный въ трупѣ мышьякъ попалъ въ него послѣ смерти.*

Прокуроръ. Можетъ-ли смертельное отравленіе мышьякомъ не оставить послѣ себя никакихъ измѣненій во внутреннихъ органахъ? Существуетъ такая форма отравленія мышьякомъ? *О.* Такіе случаи невозможны: если весь мышьякъ извергнутъ рвотою, то чѣмъ же вызовется отравленіе и смерть? а если останется такое количество, которое можетъ вызвать смерть, да еще скоротечную, то это количество обязательно вызоветъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя измѣненія, и если даже не очень рѣзкія, то, во всякомъ случаѣ, ясныя и несомнѣнныя. Мышьякъ имѣетъ не только мѣстное, но и общее дѣйствіе, т. е. отравляетъ или, иначе сказать, *вызываетъ измѣненія* не только въ тѣхъ органахъ, въ которые онъ непосредственно попадаетъ, но и тамъ, куда онъ подвозится кровью. Это все равно,—принятъ ли мышьякъ, т. е. попалъ ли онъ въ желудокъ, или попадаетъ въ видѣ пыли въ легкія, а отсюда въ кровь (при обояхъ, окрашенныхъ мышьячными красками), или, наконецъ, входитъ черезъ кожу и всасывается въ кровь (чулки, окрашенные тоже мышьячными красками), — все равно—измѣненія наступаютъ и выражаются тѣми явленія

ми, которыя мы называемъ отравленіемъ, а если эти измѣненія такъ сильны, что вызываютъ смерть, то они ясно замѣтны при изслѣдованіи органовъ или тканей. Это относится безусловно къ такимъ ядамъ, какъ мышьякъ.

Прис. пов. Холева. Что получается отъ химическаго соединенія сулемы съ бѣлками тѣла? *О.* Сулема дѣйствительно образуетъ съ бѣлками тяжелые альбуминаты, но только при условіи, когда концентрированный растворъ сулемы вливаютъ въ растворъ бѣлка; получаются тяжелые свертки, которые и опускаются на дно сосуда. Въ данномъ случаѣ такихъ условій не было. Наоборотъ, здѣсь альбуминаты прежде всего должны были образоваться въ поверхностныхъ слояхъ тѣхъ органовъ, которые обмывались растворомъ сулемы, или брались руками, смоченными этимъ растворомъ, или, наконецъ, на которые попадалъ растворъ, стекая въ трупъ съ рукъ, съ инструментовъ и т. д. Если-же при такихъ условіяхъ на органахъ и образовалось-бы только незначительное количество альбуминатовъ, то не должно забывать, что еще милиграммъ сулемы открывается совершенно легко, а, при точности и совершенствѣ анализа, можетъ быть открыто даже 0,000025 грана. Что касается возможности не замѣтить чернаго осадка сѣрнистой ртути, который появляется задолго до появленія другихъ осадковъ, то допуская такую возможность только въ случаѣ крайне небрежнаго веденія анализа, все же, при дальнѣйшихъ обработкахъ испытуемаго вещества, сулему можно не только открыть, но и совершенно выдѣлить и даже съ извѣстною точностью опредѣлить ея количество. *В.* Имѣетъ ли мышьякъ консервирующее свойство? *О.* Я долженъ сознаться, что «самыхъ новѣйшихъ» изслѣдованій, отрицающихъ это свойство, я не знаю, но по изслѣдованіямъ просто «новѣйшимъ» и не новѣйшимъ мышьякъ такими свойствами обладаетъ. Конечно, это не абсолютно—все зависитъ отъ количества мышьяка, оставшагося въ трупѣ, и отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находился трупъ; если условія для гніенія очень благопріятны, а количество мышьяка въ трупѣ не велико, то очевидно—гніеніе можетъ взять перевѣсъ надъ задерживающимъ дѣйствіемъ мышьяка. Въ данномъ же случаѣ мышьяка должно было находиться въ трупѣ значительное количество, а условія для гніенія трупа не представляли ничего особенно благо-

пріятнаго, да, кромѣ того, и трупъ вскрывался скоро послѣ смерти—на 2-ыя сутки; тѣмъ не менѣе онъ оказался въ значительной степени загнившимъ. *В.* Можно-ли говорить, что ядъ найденъ въ каждомъ изъ изслѣдованныхъ органовъ, если, какъ въ нашемъ случаѣ, всѣ они были смѣшаны и изслѣдовались совмѣстно? *О.* Разумѣется, нѣтъ. Химическое изслѣдованіе должно разрѣшить два вопроса: 1) находится-ли ядъ въ данномъ органѣ? и 2) равномѣрно-ли онъ въ изслѣдуемомъ органѣ распредѣленъ. Особенное значеніе имѣетъ равномѣрное распредѣленіе яда въ органѣ, какъ существующее лишь въ случаѣ прижизненнаго отравленія. Для правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ химикъ долженъ изслѣдовать каждый органъ отдѣльно, анализъ долженъ быть произведенъ въ полномъ объемѣ—только тогда можно говорить, содержится-ли ядъ въ данномъ органѣ. При этомъ, должно срѣзанныя поверхностные слои, глубокіе слои и среднія части собрать отдѣльно и изслѣдовать отдѣльно. *В.* Какъ великъ вѣсъ внутреннихъ органовъ? *О.* Отъ 20 до 25 фунт. Вѣсъ этотъ у человѣка, истощеннаго продолжительною болѣзнью, понижается до 17 и даже 15 ф. *В.* Представляются-ли бѣли распространенною у женщинъ болѣзнью? *О.* Весьма распространенною. *В.* Чѣмъ онѣ вызываются? *О.* Цѣлою массою раздражающихъ причинъ, при томъ, самаго невиннаго свойства. Онѣ наблюдаются иногда даже у маленькихъ дѣвочекъ. *В.* Однообразны-ли бѣли? *О.* Очень разнообразны, но вмѣстѣ съ тѣмъ формы ихъ весьма между собою схожи, почему діагностика влагалищной бленнорреи представляетъ значительныя затрудненія. *В.* По какимъ признакамъ отличимы бѣли заразнаго происхожденія? *О.* Единственный вѣрный и надежный признакъ—присутствіе гонококка. Только открывъ гонококкъ, можно съ увѣренностью говорить о заразной формѣ. *В.* Какимъ образомъ открывается этотъ микробъ? *О.* Довольно сложно—для этого необходимъ микроскопическій анализъ.

Петровскій, врачебный инспекторъ,—разобравъ первоначальный актъ вскрытія трупа, нашелъ его неполнымъ и недостовѣрнымъ. Что касается прижизненныхъ симптомовъ, то наблюдав-

шіяся врачемъ Португаловымъ, вечеромъ 18 октября, тоска и блѣдность больного указываютъ, что онъ былъ отравленъ; такого заключенія не колеблетъ и отсутствіе паталого-анатомическихъ измѣненій. Смертельное отравленіе мышьякомъ бываетъ и такое, при которомъ нѣтъ никакихъ рѣшительно припадковъ, такъ что врачъ, призванный къ больному, не можетъ даже узнать, отравленъ онъ или нѣтъ; словомъ, можетъ случиться такъ, что есть несомнѣнное отравленіе и какъ бы нѣтъ его; въ такихъ случаяхъ и внутреннихъ измѣненій не бываетъ. Эти научныя соображенія приводятъ эксперта къ выводу, что М—ко умеръ несомнѣнно отъ отравленія мышьякомъ.

СУДЕБНЫЯ ПРЕНІЯ.

(Засѣданіе 30 марта 1891 г.)

ОБВИНЕНІЕ *).

Товарищъ прокурора Судебной Палаты В. Д. Шидловскій началъ свою рѣчь съ указанія на крайне неблагопріятныя условія, въ которыя поставлено обвиненіе по настоящему дѣлу, созданныя неявкою главнѣйшихъ и самыхъ существенныхъ свидѣтелей обвиненія. Во главѣ ихъ стоитъ, конечно, д-ръ Португаловъ—

*) Для записи судебныхъ преній въ засѣданіе Харьковскаго Окружнаго Суда былъ приглашенъ стенографъ; но... въ зданіи суда не оказалось свободнаго стола, почему длившіяся отъ 10 ч. утра до 12 ч. ночи пренія и не могли быть записаны стенографически. Въ интересахъ точности и полноты воспроизведенія въ настоящемъ отчетѣ судебныхъ преній, составитель его обращался, между прочимъ, и къ В. Д. Шидловскому съ просьбою дать, для включенія въ отчетъ, текстъ обвинительной рѣчи; къ сожалѣнію, просьба эта не была уважена вслѣдствіе многочисленныхъ служебныхъ занятій г. прокурора, обвинительная рѣчь котораго, посему, приводится здѣсь сокращенно, въ главныхъ ея положеніяхъ.—Въ предупрежденіе нежелательнаго упрека въ неполнотѣ или тенденціозности изложенія отчета, составитель счелъ необходимымъ дать по этому поводу настоящее разъясненіе.

энергичный разоблачитель этого преступленія, давшій слѣдственной власти самый важный и драгоцѣнный матеріалъ для правильнаго и даже безошибочнаго рѣшенія занимающаго всѣхъ насъ вопроса: кто отравилъ Николая Максименко? Но Португаловъ не явился, онъ боленъ, и приходится довольствоваться его письменнымъ показаніемъ. Собственно говоря, слушаніе этого дѣла безъ такого свидѣтеля есть явленіе ненормальное, и если прокуроръ и согласился на это, то единственно изъ сожалѣнія къ подсудимымъ, которые давно уже томятся въ тюрьмѣ и для которыхъ отсрочка нынѣшняго засѣданія удлиннила бы это продолжительное тюремное заключеніе еще на нѣсколько томительныхъ мѣсяцевъ.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу представляетъ собою обширный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то хаотическій матеріалъ, осложненный, при томъ, различными наслоеніями и доброкачественными, и злокачественными. Разбираясь въ этомъ матеріалѣ, необходимо всѣхъ свидѣтелей раздѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ группъ по степени близости ихъ къ самому событію преступленія. Къ первой изъ нихъ относятся свидѣтели, присутствовавшіе почти при самой смерти: экономка Гребенькова, дѣвочка Бурыкова и д-ръ Португаловъ. Во второй группѣ стоятъ лица, показанія которыхъ имѣютъ ближайшее отношеніе къ изслѣдуемому главному факту: супруги Дмитріевы и врачи Красса, Лешкевичъ и Моргулисъ. Далѣе идутъ свидѣтели, которые, по родственнымъ своимъ связямъ, или по нахожденію, въ качествѣ прислуги, подъ одною кровлею съ супругами Максименко, могутъ дать наиболѣе достовѣрный отзывъ о характерѣ взаимныхъ супружескихъ отношеній Максименко, это—мать и дядя подсудимой, Варвара и Егоръ Дубровины, братъ и сестра умершаго—Антонинъ и Елизавета Максименко, зять Левитскій, Саржинскій, горничныя Маловаткина и Оладова, модистка Кривенкова. Къ четвертой и послѣдней группѣ слѣдуетъ отнести всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ здѣсь выслушаны и прочитаны, которые, состоя на службѣ въ торговомъ домѣ Дубровиныхъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, капитановъ пароходовъ, боцмановъ, водоливовъ и т. п., свидѣтельствовали, и довольно согласно, о хорошихъ отношеніяхъ супруговъ Максименко между

собою, но которые эту супружескую жизнь наблюдали издали, видѣли ея наружную, оффиціальную и, такъ сказать, казовую сторону. Совершенно особнякомъ стоятъ, наконецъ, свидѣтели, вызванные подсудимымъ Рѣзниковымъ: его отецъ и сестра, Дьяконова, Самарская и Мостъ.

При оцѣнкѣ значенія и достовѣрности всѣхъ этихъ свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ, прежде всего, исходить изъ соображенія степени близости и доступности для свидѣтеля тѣхъ фактовъ, о которыхъ онъ свидѣтельствуетъ.

Первый вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ: отравленъ-ли Н. М—ко, или же онъ умеръ естественною смертью? Для обвинительной власти вопросъ этотъ всегда казался яснымъ и легко разрѣшающимся въ смыслѣ отравленія. Но онъ нѣсколько осложненъ въ виду, съ одной стороны, постановки защиты, отвергающей самый фактъ преступленія, въ виду, съ другой стороны, излишне категорически высказаннаго экспертомъ г. Патенко мнѣнія о естественности смерти М — ко. Поэтому, вопросъ этотъ вы подвергнете болѣе тщательному обсужденію, тѣмъ болѣе, что ядъ не оставляетъ нерѣдко никакихъ видимыхъ слѣдовъ и вызываетъ такіе прижизненные симптомы, которые сами по себѣ прямо не наводятъ на мысль о преступленіи, и потому присутствіе яда иногда можетъ быть обнаружено только путемъ сложнаго химическаго изслѣдованія.

Химическая экспертиза, построенная на данныхъ, добытыхъ троекратно произведеннымъ химическимъ анализомъ внутренностей покойнаго М—ко, должна быть положена въ основу рѣшенія вопроса о причинѣ смерти М — ко. Основанія такого предпочтенія химической экспертизы слѣдующія: отравленіе мышьякомъ есть такое болѣзненное страданіе, которое выражается въ различныхъ формахъ, въ зависимости отъ условій конкретнаго случая. Тутъ играютъ большую роль: доза и форма яда, состояніе здоровья жертвы, степень воспріимчивости ея органовъ къ яду и т. п. Поэтому нельзя требовать, чтобы всѣ признаки отравленія, которые перечислены въ законѣ и въ учебникахъ судебной медицины, были на-лицо въ каждомъ данномъ случаѣ. Бываютъ такія формы отравленія мышьякомъ, когда оно протекаетъ мало-замѣтно при жизни и совершенно не оставляетъ

послѣ себя никакихъ слѣдовъ по смерти жертвы. Это подтвердилъ намъ г. Беллинъ. Я могъ бы привести изъ одного учебника судебной медицины случай отравленія 20 мальчиковъ одного пансіона, которое, окончившись смертью нѣсколькихъ изъ нихъ, не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ во внутреннихъ органахъ умершихъ. Здѣсь защита добивалась все узнать: а не было-ли какой-то тамъ рисовой кашицы въ кишкахъ покойнаго? а не было-ли полосатой красноты? и т. п., какъ будто если нѣтъ этой пресловутой рисовой каши, то опровергнуто ужъ и отравленіе. Такой пріемъ изслѣдованія вопроса былъ бы просто педантизмомъ.

Двусмысленная, быть-можетъ, картина вскрытія получаетъ значеніе подтвержденія гипотезы отравленія при сопоставленіи ея съ реальными и осязаемыми результатами химическихъ анализовъ. Эти анализы, троекратно, по правиламъ науки и закона произведенные, съ неумолимымъ постоянствомъ трижды обнаружили присутствіе въ органахъ М—ко мышьяка въ количествѣ, значительно превышающемъ отравляющую человѣка, смертельную дозу. Защита обращала здѣсь вниманіе на усмотрѣнныя ею нѣкоторыя погрѣшности въ порядкѣ производства этихъ анализовъ. Указывалось, напр., на то, что органы были перемѣшаны и что, поэтому, не представляется возможности съ точностью установить, откуда именно и въ какомъ именно количествѣ извлеченъ мышьякъ. Я, пожалуй, готовъ, согласиться, что отдѣльное, самостоятельное изслѣдованіе каждаго органа придало бы изслѣдованію большую точность; но это было бы уже чисто-идеальнымъ по точности изслѣдованіемъ. Для нашихъ же цѣлей совершенно достаточно и тѣхъ пріемовъ, которые примѣнены были при изслѣдованіи и которые даютъ ему силу достовѣрнаго судебнаго доказательства. Основной пріемъ, примѣненный экспертомъ-химикомъ при изслѣдованіи внутренностей М—ко, состоялъ въ томъ, что органы, въ которые ядъ поступаетъ непосредственно (желудокъ, кишки), изслѣдовались отдѣльно отъ органовъ, куда ядъ приносится кровью (сердце и друг.). И при такомъ порядкѣ анализа, ядъ обнаруженъ въ органахъ обѣихъ категорій, причемъ процентное отношеніе яда всѣ три анализа обнаружили одинаковое. Что же это значитъ? Это значитъ, что

ядъ попалъ не въ трупъ, гдѣ онъ могъ-бы быть найденъ лишь въ брюшной полости (если только допустить, что вмѣсто сулемы ошибочно употреблялся при вскрытіи растворъ мышьяка), а не въ остальныхъ органахъ, куда онъ могъ быть принесенъ только равномѣрнымъ его распредѣлителемъ—кровью.

Отсюда одинъ выводъ — что М—ко умеръ отъ отравленія мышьякомъ,—выводъ, по достовѣрности своей не допускающій никакихъ возраженій. Ибо что есть,—для насъ смертныхъ, умъ которыхъ ограниченъ, а познанія—предѣльны,—истина, какъ не наивысшая степень достовѣрности? Третьяго дня, какъ и вчера, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, послѣ ночи настало утро и взошло солнце; мы говоримъ, что и завтра также взойдетъ солнце и будетъ день. То-же скажетъ и ученый, астрономъ, на основаніи самыхъ сложныхъ математическихъ, астрономическихъ и иныхъ научныхъ выкладокъ, вычисленій и соображеній. Для насъ этотъ завтрашній день—безспорная, непререкаемая истина; для ученаго-же—лишь наивысшая степень достовѣрности—это 0,9999999.....—почти единица, но все-же еще дробь...

Вопросъ о причинѣ смерти — есть вопросъ, по преимуществу, научный, разрѣшаемый спеціалистами. Когда въ судебныхъ дѣлахъ встрѣчаются подобные вопросы, требующіе для правильнаго ихъ разрѣшенія особыхъ, спеціальныхъ познаній, для этого приглашаются компетентные эксперты. Экспертиза—это, такъ сказать, увеличительное стекло, черезъ которое мы видимъ то, что не доступно простому, невооруженному глазу. Но необходимо, чтобы стекло это было чисто, ибо тогда только оно надежно и пригодно. Къ сожалѣнію, вслѣдъ за фальсификаціею пищевыхъ продуктовъ появляется и фальсификація знаній,—поэтому, къ мнѣніямъ такихъ ученыхъ, по первому впечатлѣнію, быть можетъ, подкупающихъ своею эрудиціею и правильностью выводовъ, должно относиться съ большою осторожностью. Я считаю необходимымъ указать здѣсь на рѣзкое несоотвѣтствіе экспертизы г. Патенко съ согласными между собою мнѣніями всѣхъ остальныхъ экспертовъ, въ познаніяхъ которыхъ мы не можетъ сомнѣваться. Я не стану входить въ подробное обсужденіе заключенія проф. Патенко, а ограничусь только напоминаніемъ, что на вопросъ мой: считаетъ-ли онъ отсутствіе анатомическихъ измѣненій несомнѣннымъ до-

казательствомъ того, что отравленіе не имѣло мѣста, экспертъ г. Патенко отвѣтилъ съ рѣшительностью и категоричностью утвердительно. Послѣ такого отвѣта я, разумѣется, не сталъ уже предлагать этому эксперту никакихъ болѣе вопросовъ. Думаю, что и вы, гг. присяжные засѣдатели, выбросите эту тенденціозную экспертизу за бортъ, совершенно исключивъ ее изъ числа доказательствъ.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, остается сказать два слова о томъ антисептическомъ средствѣ, которое употреблялось д-ромъ Крассою при вскрытіи трупа М—ко. Куда дѣвалась сулема? Я думаю, что, если она и попала въ трупъ, то въ самомъ ничтожномъ количествѣ, тогда какъ мышьякъ найденъ въ количествѣ почти 5 грановъ; слѣдовательно, мышьякъ введенъ былъ отдѣльно и раньше. Нельзя, далѣе, допустить и столь грубой ошибки въ аптекѣ, чтобъ вмѣсто сулемы былъ отпущенъ растворъ мышьяка. Проф. Патенко, однако, и тутъ подчеркнулъ «странность» этого факта, хотя опредѣленно мнѣнія своего не высказалъ. Но мы поняли, что г. Патенко, вѣроятно, знаетъ, что все, недосказанное имъ, дополнятъ въ этомъ отношеніи другіе... Думаю, что этотъ миѳъ о сулемѣ врядъ-ли въ комъ-нибудь встрѣтитъ довѣрчиваго слушателя...

Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Н. М—ко умеръ отъ яда. Никто не возбуждаетъ здѣсь и вопроса, и всѣ данныя дѣла не даютъ никакого указанія на то, чтобы здѣсь было случайное отравленіе или самоотравленіе, самоубійство. Исключивъ эти двѣ возможности, мы неизбѣжно останавливаемся на сознательномъ и умышленномъ отравленіи постороннею рукою, на преступленіи убійства.

Кто-же это убійство совершилъ? Посмотримъ, прежде всего, кто могъ его совершить.

При изслѣдованіи уголовныхъ преступленій, при разрѣшеніи вопроса о виновникѣ принято обыкновенно, въ особенности въ случаѣ отсутствія прямыхъ доказательствъ виновности, искать указаній на личность преступника въ тѣхъ вѣроятныхъ мотивахъ, которыя могло имѣть къ преступленію заподозрѣнное лицо, въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя, какъ плодъ преступленія, наступаютъ для преступника. Такимъ пріемомъ я пользоваться не

стану: по крайней мѣрѣ, вопросу о мотивѣ я отведу второстепенное мѣсто. Я разберу сперва одинъ внѣшній фактъ преступленія, всю обстановку событія, состоящую изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ смерти Н. М—ко, ее сопровождавшихъ и за нею послѣдовавшихъ. Разсмотримъ весь день 18 октября, когда все въ домѣ Максименко отзывается какою-то странностью и необычностью. Въ этотъ день никто, почему-то, не обѣдаетъ, хотя обѣдъ и былъ, какъ всегда, приготовленъ. Въ этотъ день почему-то остановились часы въ столовой и, когда мы пытались установить точно, по часамъ, тотъ или другой моментъ, свидѣтели ссылались на то, что времени точно опредѣлить не могутъ, такъ какъ часы остановились еще съ утра. Въ этотъ вечеръ Александра Егоровна проявляетъ особенную заботливость о мужѣ. Въ этотъ вечеръ Рѣзниковъ приходитъ въ домъ, но не показывается больному и является вторично только послѣ пригласительной записки. Въ эту ночь подсудимая почему-то спитъ не на кровати, а на полу... Да, странный это былъ день. Но важнѣе всего сосредоточить все вниманіе на промежуткѣ отъ 6 до 7—8 часовъ вечера, который, для удобства, условимся называть «преступнымъ моментомъ». «Преступный моментъ» этотъ—центръ всего событія, въ немъ единственно вѣрная разгадка тайны этого преступленія.

Ядъ данъ былъ больному за часъ до появленія у него припадковъ бурной рвоты, т. е. около 7 часовъ вечера. Кто-же былъ въ домѣ Максименко въ это время, кто окружалъ больного въ этотъ роковой вечеръ? Къ счастью, обстоятельство это ясно и не затуманено въ дѣлѣ: вечеромъ 18 октября въ домѣ М—ко было только пять лицъ: самъ больной, его жена, старуха Гребенькова, дѣвочка Бурыкова и, наконецъ, Рѣзниковъ. Если мы отбросимъ тѣхъ, кто въ комнату больного до его вечерняго припадка вовсе не входилъ, то останутся только двое: жена его, подсудимая А. Максименко, и подсудимый Аристархъ Рѣзниковъ. Рукъ, значитъ, было не много и эти руки—на лицо.

Какимъ способомъ совершено отравленіе, въ чемъ поднесена была жертвѣ отрава? На вопросъ этотъ есть отвѣтъ въ обвинительномъ актѣ: въ томъ стаканѣ чая, который Александра Егоровна отнесла мужу. Въ 7-омъ часу вечера, по обыкновенію, въ столовую поданъ былъ самоваръ; обвиняемая Максименко, на-

ливъ чаю себѣ, Гребеньковой и Бурыковой, въ то же время приготовила стаканъ чаю и для мужа, которому и понесла его, но черезъ нѣкоторое время вернулась въ столовую со стаканомъ, на половину отпитымъ, сказавъ, что Николай Федоровичъ больше чаю не захотѣлъ; этотъ недопитый стаканъ она поставила на столъ и изъ него никто чая не пилъ, а когда убиралась посуда, чай изъ этого стакана вылитъ былъ въ полоскательную чашку. Такъ объ этомъ показывали дважды допрошенныя на предварительномъ слѣдствіи свидѣтельницы Гребенькова и Бурыкова. Теперь на судѣ онѣ измѣнили свои показанія и, согласуя ихъ съ объясненіями подсудимой, утверждаютъ, будто она вернулась отъ мужа съ совершенно полнымъ, нисколько не отпитымъ стаканомъ. Но, если принять во вниманіе ихъ прежнія показанія и ихъ близкія отношенія къ семьѣ Дубровиной, въ которой онѣ—свои люди: Гребенькова—старая слуга, а Бурыкова—крестница и воспитанница Варвары Дубровиной, а также и то, что прежнія свои показанія онѣ измѣняютъ лишь въ отношеніи одного этого обстоятельства, для дѣла столь важнаго, то станетъ понятно, по какимъ побужденіямъ послѣдовала эта перемѣна въ показаніяхъ свидѣтельницъ и къ какому изъ ихъ показаній—прежнему или нынѣшнему—должно отнестись съ довѣріемъ. Такимъ образомъ, фактъ, что Н. М—ко выпилъ полъ-стакана чаю, принесеннаго ему женою, слѣдуетъ признать установленнымъ совершенно прочно. А черезъ часъ послѣ этого у больного проявились рельефные симптомы отравленія. Гдѣ же былъ въ это время Рѣзниковъ и каково отношеніе его къ «преступному моменту»? Самъ Рѣзниковъ утверждаетъ, что въ первый разъ онъ пришелъ въ домъ М-ко только по полученіи записки, т. е. около 7 час. А свидѣтельницы говорятъ, что онъ былъ раньше—не заходилъ только къ больному, ибо, если бы его видѣлъ больной лично, то, разумѣется, не было-бы уже надобности въ приглашеніи письменномъ. Но Рѣзниковъ понавѣдался своевременно — онъ заходилъ какъ-разъ передъ самоваромъ: вотъ когда онъ передалъ своей соучастницѣ ядъ, вотъ когда Николаю Максименко подписанъ былъ смертный приговоръ. Рѣзниковъ ушелъ—и заботливая жена ласково подноситъ больному мужу отраву!

Что-же предпринимаютъ подсудимые далѣе? Совершивъ престу-

пленіе, они уже задумываются надъ созданіемъ такой обстановки, которая отклоняла бы отъ нихъ подозрѣніе, они заботятся уже о будущемъ оправданіи. Такъ, немедленно за появленіемъ припадковъ у Н. М—ко, приглашается врачъ Португаловъ, но только не для поданія медицинской помощи больному, ибо лекарство, прописанное врачемъ, вовсе не было дано больному и на утро оказалось нетронутымъ, что подсудимая объяснила нежеланіемъ мужа принять его. Но совершенно невѣроятно, чтобы больной, который такъ упрашивалъ доктора дать ему какое-либо лекарство, которое прекратило-бы переносимыя имъ мучительныя боли, самъ добровольно отказался отъ пріема лекарствъ. Совершенно безразлично, были-ли цѣлесообразны или нѣтъ эти лекарства, какъ противоядіе; важно то, что въ убѣжденіи обвиняемыхъ они могли противодѣйствовать отравѣ, почему и не были даны больному.

Гдѣ былъ Рѣзниковъ въ этотъ вечеръ и эту ночь? Послѣ своего таинственнаго визита передъ чаемъ, онъ является по запискѣ послѣ 7 час. и, по его словамъ, подкрѣпляемымъ отчасти подсудимою М—ко, уходитъ въ 10 час. Его другу и благодѣтелю дурно; онъ проситъ Рѣзникова посидѣть, не уходить. Но «доброму другу» необходимо быть—почему то именно въ этотъ вечеръ—въ театрѣ: онъ бросаетъ больного и уходитъ. Да такъ ли это, ушелъ ли Рѣзниковъ? Отвѣтъ на это даетъ старуха Гребенькова. Многое она старалась затемнить въ своемъ показаніи, ради близкихъ отношеній своихъ къ семьѣ Дубровиной, о многомъ она умалчиваетъ, какъ бы говоря: «если хотите, сами поймите». Но, говоря объ этомъ обстоятельствѣ, она никакъ не могла скрыть правду. Да, съ 9 часовъ вечера и до самаго утра Рѣзниковъ безотлучно оставался въ домѣ Максименко. Гребенькова приготовила Рѣзникову постель въ залѣ, выходя изъ которой, въ 10 ч. вечера, когда Рѣзниковъ снималъ уже съ себя сюртукъ, сказала ему: «туши свѣчку, чтобъ я тебя больше не видѣла». Рѣзниковъ, по его словамъ, не остался у Максименко, желая отправиться въ театръ; а пошелъ ли онъ въ театръ? Нѣтъ, и самъ подсудимый, и его свидѣтели утверждаютъ, что въ 10 час. вечера онъ былъ уже дома. Сопоставленіе свидѣтельскихъ показаній относительно моментовъ пребыванія Рѣзникова въ домѣ М—ко при-

водитъ обвиненіе къ убѣжденію, что Рѣзниковъ въ эту ночь оттуда вовсе не уходилъ. А не уходилъ онъ потому, что подсудимые съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали результата своего преступленія—смерти М—ко.

Тяжелые болѣзненные припадки повторялись съ М—ко втеченіе ночи нѣсколько разъ. Была ли, однако, оказана ему какая нибудь помощь? Нѣтъ, раза два только жена навѣдывалась въ его комнату, и, говорятъ намъ, больной самъ отсылалъ ее спать. Да, оставаясь въ эту мрачную ночь въ четырехъ стѣнахъ, окруженный врагами, которые, подъ личиною любви и дружбы, поднесли ему смертоносное питье, несчастный, быть можетъ, смутно сознавалъ уже, что онъ отравленъ, что около него—невѣрная, преступная жена и вѣроломный другъ, отъ которыхъ не ждать ему спасенія, которые сами ожидаютъ его смерти!

Обрисовавъ «преступный моментъ» дѣла, прокуроръ находитъ, что въ немъ одномъ, въ предѣлахъ этихъ нѣсколькихъ часовъ вечера и ночи 18 октября,—сосредоточены главнѣйшія доказательства виновности подсудимыхъ, доказательства, которыми обвиненіе могло бы даже совершенно спокойно ограничиться. Но и все послѣдующее поведеніе подсудимыхъ подтверждаетъ виновность ихъ въ этомъ преступленіи. Сюда относятся слѣдующіе факты: вторичное приглашеніе доктора, когда Н. М—ко былъ уже мертвъ, отпускъ Рѣзниковымъ извозчика, на которомъ онъ пріѣхалъ за Португаловымъ, настойчивое требованіе выдачи медицинскаго свидѣтельства о естественной смерти Н. М—ко отъ тифа, клеветническій вымыселъ о вымогательствѣ Португаловымъ 300 р., боязнь вскрытія, ускореніе похоронъ и рядъ другихъ дѣйствій, направленныхъ къ сокрытію слѣдовъ преступленія и слагающихъ полное убѣжденіе въ виновности этихъ лицъ.

Для чего, однако, совершено было это преступленіе, каковъ мотивъ его? По этому вопросу г. прокуроръ нѣсколько расходится съ выводами обвинительнаго акта, по которому смерть Ник. М—ко, въ виду тѣхъ отношеній, которыя существовали между подсудимыми, была желательною и необходимою, ибо она устраняла препятствіе къ продолженію этихъ отношеній. Прокуроръ полагаетъ, что, на основаніи изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ данныхъ, въ существованіи любовной связи между подсудимыми

не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но не въ этихъ только любовныхъ отношеніяхъ мотивъ преступленія. Любовный мотивъ — второстепенный, придаточный. Главный же мотивъ заключался въ томъ *матеріальномъ интересѣ*, который достигался со смертью Ник. М—ко.

Взгляните на матеріальную сторону супружескихъ отношеній Максименко, на хозяйственную роль жены. Женившись на богатой купеческой дочери, Максименко, — человѣкъ, повидимому, себѣ на умѣ,—поспѣшилъ прибрать къ рукамъ и жену, и ея состояніе. Черезъ годъ послѣ женитьбы онъ уже устраиваетъ передачу ему женою всего ея состоянія, заключающагося въ третьей части торговаго пароходнаго предпріятія, и затѣмъ думаетъ только о себѣ, о своей охотѣ, о своихъ удовольствіяхъ. Это былъ человѣкъ, женившійся на приданомъ, это былъ мужъ—эгоистъ, который во всемъ «окоротилъ» жену. Александра Егоровна потеряла всякую самостоятельность: она ничѣмъ не могла распорядиться, не смѣя купить даже башмаковъ или сшить платья безъ особаго разрѣшенія мужа! Такое зависимое положеніе, естественно, не могло ее не тяготить. Вдобавокъ, жизнь ея ничѣмъ не была наполнена: дѣтей у нихъ не было, а осень любви уже давно наступила. Тяжелое, зависимое положеніе жены, все отдавшей мужу, который сталъ къ ней равнодушенъ, пустота жизни и присоединившаяся къ этому интрига съ Рѣзниковымъ— все это заставило Александру Егоровну искать выхода изъ ея положенія. Два возраженія, которыя, вѣроятно, будутъ высказаны защитою: засвидѣтельствованныя многими лицами хорошія супружескія отношенія и добровольная передача мужу всего состоянія—ни мало не парализуютъ указанныхъ обвиненіемъ мотивовъ преступленія.

Семья, какъ извѣстно, есть такой тайникъ, куда трудно проникнуть постороннему глазу; а всѣ свидѣтели видѣли лишь наружную оболочку семейной жизни М—ко. Что касается передачи состоянія мужу, то, по законамъ гражданскимъ, эта сдѣлка можетъ быть доказываема существованіемъ лишь самого акта и съ утратою документа уничтожается; а документъ-то и былъ скрытъ и появился только на судѣ.

Мелкій приказчикъ Рѣзниковъ желалъ «культивировать и

эксплоатировать свою любовь на чисто матеріальной почвѣ», желалъ пріобрѣсти самостоятельное, независимое положеніе, сдѣлавшись мужемъ богатой вдовы. Ради этихъ интересовъ, подсудимые и рѣшились на это ужасное преступленіе. Это особый типъ преступниковъ, наблюдаемый въ нашъ испорченный вѣкъ,— «преступныя дѣти», которыхъ ничто не задерживаетъ отъ подчиненія страстнымъ влеченіямъ и господствующимъ идеямъ. Такіе преступники—продуктъ нашей современности, и имъ, пожалуй, нельзя отказать въ нѣкоторомъ снисхожденіи.

Настоящій процессъ представляетъ столкновеніе совершенно противуположныхъ другъ другу интересовъ трехъ семей: Дубровиныхъ, Максименко и Рѣзниковыхъ. Въ результатѣ этого столкновенія — нарушены интересы закона и правосудія, во имя которыхъ прокуроръ и требуетъ для подсудимыхъ обвинительнаго приговора.

Защита А. Максименко.

Присяжный повѣренный Н. І. Холева.

Гг. присяжные засѣдатели! Уголовное дѣло, о которомъ вы призваны сказать ваше авторитетное, рѣшающее слово — на этотъ разъ, вѣроятно, послѣднее,—безспорно, представляется рѣдкимъ, исключительнымъ и выдающимся въ судебныхъ лѣтописяхъ послѣдняго десятилѣтія. Помимо свойства самого преступленія и бытовой обстановки событія, особенности этого дѣла— въ процессуальной сторонѣ его, во внѣшней судьбѣ дѣла.

Обойдя нѣсколько судебныхъ инстанцій, оно стало предметомъ обсужденія и споровъ и въ обществѣ, и въ печати: появлялись газетныя и журнальныя статьи, фельетоны, драмы, до неузнаваемости искаженные отчеты. Нѣтъ ничего хуже для правосудія, когда судебному рѣшенію дѣла предшествуетъ обсужденіе его мнѣніемъ общественнымъ, которое, незаслуженно нося эту громкую кличку, сводится, у насъ обыкновенно, къ мнѣнію отдѣльныхъ лицъ. Эти самозванные судьи, стоящіе за три-девять-

земель отъ дѣла, не знающіе его подробностей, а зачастую—и самой его сути, сплошь и рядомъ бываютъ крайне опрометчивы и ошибочны въ своихъ поспѣшныхъ заключеніяхъ, которыя, между тѣмъ, нерѣдко остаются, къ сожалѣнію, не безъ вліянія и на настоящихъ судей. Первая моя просьба, поэтому, къ вамъ—исключить всякую предвзятость, изгнать изъ вашей памяти все, что пришлось вамъ объ этомъ дѣлѣ читать или слышать, что узнано вами извнѣ, и предстоящій приговоръ вашъ основать, согласно закону и присягѣ, лишь на томъ, что сами вы видѣли и слышали здѣсь на судѣ.

Другая рѣдкая черта этого дѣла—нѣкоторая особенность его съ процессуальной стороны. По общему закону всѣхъ государствъ и нашего, преступленія судятся по мѣсту ихъ совершенія (forum delicti commissi). Законодатель, установляя это правило въ ст. 208 уст. уг. суд., имѣлъ въ виду, во 1-хъ, дать подсудимому его, такъ-сказать, естественный судъ—судъ согражданъ; во 2-хъ, близость жительства свидѣтелей, обезпечивающую личную явку ихъ на судъ. Законъ мѣстной подсудности служитъ краеугольнымъ камнемъ, опорою принципа, положеннаго въ основу новаго процесса, дарованнаго Россіи Судебными Уставами Императора Александра II-го: устность и непосредственность производства. Кто хотя одинъ разъ былъ въ судѣ, тому извѣстны значеніе и преимущества этого начала устности. Судьѣ—оно даетъ непосредственное впечатлѣніе отъ свидѣтеля, поставленнаго съ нимъ лицомъ къ лицу и потому оцѣниваемаго во всей его индивидуальности; самого свидѣтеля, допрашиваемаго въ торжественной обстановкѣ гласнаго, публичнаго суда, послѣ клятвеннаго обѣщанія говорить правду,—оно обязываетъ къ большой добросовѣстности, обдуманности и точности показаній, нерѣдко облекаемыхъ, по неумѣлости или пристрастію, въ неправильную письменную форму; перекрестный допросъ сторонами завершаетъ преимущества этого начала, устраняя и примиряя противорѣчія, если они только кажущіяся, обнажая и обличая ихъ, если источникъ ихъ—неправда.

Наконецъ, значеніе устности отражается еще въ слѣдующемъ: если по законной причинѣ не явились на судъ уже допрошенные на слѣдствіи свидѣтели, показанія ихъ могутъ быть прочи-

таны; если-же не явились свидѣтели новые, слѣдователемъ не допрошенные,—матеріалъ этотъ, нерѣдко весьма цѣнный, пропадаетъ для дѣла безвозвратно.

Всѣ невыгоды разбирательства настоящаго дѣла въ чужомъ судѣ цѣликомъ отразились на подсудимыхъ, на ихъ защитѣ. Значительная часть свидѣтелей обвиненія не явилась, и, покорно выслушивая ихъ письменныя показанія, мы лишены могущественнаго средства критики и борьбы—непосредственнаго ихъ допроса. Не явилось подавляющее большинство и свидѣтелей новыхъ, показаній которыхъ въ слѣдственномъ производствѣ не имѣется вовсе. Ко всѣмъ этимъ невыгодамъ подсудимыхъ присоединилось еще выступленіе въ качествѣ обвинителя члена прокурорскаго надзора не окружного суда, а инстанціи высшей—судебной палаты, и, при томъ, такого, который извѣстенъ, какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и искусснѣйшихъ русскихъ обвинителей.

Таково наше положеніе. Взвѣсьте всѣ эти условія настоящаго судебнаго разбирательства, отбросьте предубѣжденіе, будьте снисходительны къ слабости защиты и, когда нужно, сами придите на помощь подсудимымъ!

Вопросъ, ожидающій вашего разрѣшенія, состоитъ изъ двухъ частей: 1) доказанъ-ли фактъ преступленія? и 2) доказано-ли совершеніе этого преступленія наличными подсудимыми? Установленіе факта преступленія—необходимое предположеніе обвиненія, отправной его пунктъ. Какъ о подлогѣ не можетъ быть рѣчи, если документъ или подпись подлинны; какъ неумѣстно разсуждать объ убійствѣ, разъ предпологаемая жертва находится въ живыхъ,—такъ нельзя обвинять въ отравленіи, если причина смерти—не отрава; поэтому вамъ предстоитъ все вниманіе ваше сосредоточить сперва на вопросѣ о причинѣ смерти. И только тогда, если вы признаете доказаннымъ, что смерть произошла отъ отравленія, вы перейдете къ разрѣшенію вопросовъ послѣдующихъ—о совершеніи этого признаннаго вами преступленія подсудимыми, объ ихъ виновности. Вопросъ о фактѣ—вопросъ безличный и вполнѣ самостоятельный; поэтому, и матеріалъ для его разрѣшенія долженъ быть особый, самостоятельный. Если позволено мнѣ будетъ указать наиболѣе раціональный методъ изслѣдованія,—я просилъ бы васъ совершенно разграничить эти

два вопроса—о причинѣ смерти и о виновности подсудимыхъ въ отравленіи—и, обсуждая ихъ раздѣльно, доказательства отравленія не считать уликами виновности и, на-оборотъ, улики виновности не распространять на причину смерти. Глубоко-забирающимъ плугомъ нужно провести рѣзкую борозду на нашемъ судебномъ полѣ. Смѣшеніе предметовъ, средствъ и способовъ изслѣдованія не должно быть допускаемо, какъ угрожающее крупными и опасными ошибками. Положимъ, виновность лица кажется не возбуждающею никакихъ сомнѣній; но отъ нея нельзя, безъ особой тщательной провѣрки, переходить къ признанію сомнительнаго еще факта преступленія. Во всѣхъ судахъ сознаніе подсудимаго всегда считалось главнѣйшимъ и наилучшимъ доказательствомъ; но, какъ это ни странно, даже изъ сознанія подсудимаго заключать прямо о самомъ событіи преступленія было бы нерѣдко крайне ошибочною поспѣшностью. Римскій юристъ Ульпіанъ повѣствуетъ о рабѣ, который, изнемогая отъ жестокостей своего господина, вымышленно заявляетъ судьѣ о совершеніи тяжкаго преступленія; случаи такого напраснаго самообвиненія крѣпостными крестьянами извѣстны и русской рабовладѣльческой старинѣ; осужденный каторжникъ взводитъ на себя обвиненіе въ несуществующемъ преступленіи съ цѣлью, продливъ свое пребываніе въ тюрьмѣ, отсрочить каторгу, и т. п. Вотъ почему, сколь бы убѣдительными ни казались доказательства виновности, умъ и совѣсть судьи не могутъ обойти первый, основной, прелиминарный вопросъ: совершилось-ли самое преступленіе? Къ этому предмету я теперь и перехожу.

I.

Въ этой области нашего изслѣдованія только два совершенно безспорныхъ положенія: что у Н. М—ко былъ тифъ и что М—ко умеръ. Внѣ этихъ положеній—широкое поле разнорѣчій и спора. Главнѣйшій вопросъ—выздоровѣлъ ли М—ко къ 18-му октября?—разрѣшается различно даже въ одномъ и томъ же обвинительномъ актѣ, въ началѣ котораго говорится, что «весь день 18 октября Н. М—ко имѣлъ видъ совершенно здороваго, веселаго и бодраго человѣка», а въ концѣ: «въ день происшествія М—ко

не могъ еще дѣйствовать самостоятельно и находился на попеченіи окружающихъ его лицъ; онъ, хотя и вставалъ уже съ постели, но передвигался только при помощи другихъ»... Правда, д-ръ Португаловъ категорически заявляетъ, что М—ко былъ совершенно здоровъ, но уже проф. Патенко остроумно отмѣтилъ разницу между дѣйствительнымъ выздоровленіемъ и тѣмъ, что больной преждевременно былъ признанъ выздоровѣвшимъ. Чтобы окончательно разрѣшить вопросъ о состояніи здоровья М—ко днемъ 18 октября, я представлю вамъ краткій, но точный скорбный листъ его. Заболѣвъ въ послѣднихъ числахъ сентября брюшнымъ тифомъ, М—ко былъ перевезенъ женою изъ Калача въ Ростовъ 3 октября и съ этого же дня сталъ пользоваться медицинскою помощью д-ра Португалова. Д-ръ Лешкевичъ, посѣтившій больного 7 октября, нашелъ у него розеолезную высыпь (roseola), которая обыкновенно бываетъ въ началѣ второй недѣли теченія тифа, исчезая на 3-ей (Либермейстеръ, Цимсенъ), и потому подтверждаетъ указанный мною моментъ начала болѣзни — послѣ 25 сентября. По словамъ Португалова, около 10 октября температура тѣла М—ко была нормальна и ему предписано было оставаться въ постели еще 3 — 4 дня, послѣ чего онъ, будто, уже расхаживалъ по комнатѣ. Но намъ извѣстно, что въ числѣ симптомовъ брюшного тифа лихорадка занимаетъ господствующее положеніе и что температура падаетъ до нормы не ранѣе 4-ой недѣли (Либермейстеръ, Гризингеръ); 10-го же числа истекала только 2-я недѣля. Это—апріорное, научное опроверженіе указаній Португалова; но есть и фактическое: больного видѣли еще въ постели: діаконъ Безклубовъ и Антонинъ М—ко—15 октября, Егоръ Дубровинъ—16-го, Леонтьевъ—18-го; прислуга-же (Бурыкова и Гребенькова) съ положительностью утверждаетъ, что М—ко всталъ съ постели въ первый разъ 18-го октября, т. е. въ концѣ третьей недѣли теченія брюшного тифа, т. е. въ періодѣ полнаго его развитія, что подтверждаетъ и вскрытіе.

Это первое вскрытіе вызвало къ себѣ такое подозрительное отношеніе обвинительной власти, что я считаю долгомъ остановиться на двухъ вопросахъ, правильный отвѣтъ на которые долженъ возвратить довѣріе къ этому судебно-медицинскому акту: кѣмъ произведено это вскрытіе? и какъ оно произведено? Распо-

ряженіе о вскрытіи трупа М—ко исходило отъ полиціймейстера; врачъ тюремной больницы, г. Красса, какъ и всегда, замѣнялъ собою городового врача Панова, два почтенныхъ и опытныхъ врача—гг. Лешкевичъ и Моргулисъ—присутствовали при этомъ вскрытіи, вмѣстѣ съ полицейскимъ чиновникомъ и понятыми. Итакъ, это былъ оффиціально назначенный и оффиціально исполненный актъ, при которомъ д-ръ Красса дѣйствовалъ по должности. Попытка аттестовать это вскрытіе, какъ крайне поверхностное, необстоятельное и, потому, незаслуживающее довѣрія, оказывается неудачною при разсмотрѣніи предписанныхъ Уставомъ Судебной Мед. для производства вскрытія правилъ. Самый же протоколъ вскрытія, съ достаточною подробностью описывающій состояніе всѣхъ органовъ, и по содержанію своему, и по формѣ представляется документомъ вполнѣ достовѣрнымъ. Какъ безсмѣнный почти судебный врачъ г. Ростова, производящій ежегодно болѣе 120 вскрытій и являющійся постояннымъ сотрудникомъ судебнаго вѣдомства, д-ръ Красса врядъ-ли заслуживаетъ нареканія или недовѣрія по поводу отказа его исполнить желаніе г. Португалова — произвести выемку внутренностей. Д-ру Крассѣ дано было спеціальное порученіе — выяснить причину смерти Ник. М—ко; всѣ врачи единогласно признали ее послѣдствіемъ тифа—поэтому задача г. Крассы была исполнена. Распоряжаться трупомъ, вынуть внутренности, дать ихъ г. Португалову г. Красса не имѣлъ ни права, ни основанія: по закону (ст. 1839 уст. суд. мед.), «подозрѣніе объ отравленіи быть можетъ, когда *здоровый* человѣкъ по употребленіи какой либо пищи, питья... умретъ». Въ настоящемъ случаѣ, скончался человѣкъ не здоровый, а 3 недѣли хворавшій тифомъ; наконецъ, и самъ Португаловъ не высказывалъ никакихъ подозрѣній, ограничиваясь замѣчаніемъ, что ему «смерть не ясна». Но для трехъ врачей смерть была ясна, и причину ея въ трупѣ они прочитали, какъ въ книгѣ; и если читатель отзывается о книгѣ, что она темна, непонятна, то вѣдь большой еще вопросъ: виновата-ли въ этомъ книга... А картина полнаго развитія тифознаго процесса была настолько разительна, что д-ръ Лешкевичъ прямо воскликнулъ: «да это классическій тифъ!» И дѣйствительно—характеристика эта была вполнѣ правильна: достаточно упомянуть объ

увеличенной въ $2^1/_2$ раза селезенкѣ, какою она бываетъ только на вершинѣ болѣзни, и о сильномъ изъязвленіи кишечника спеціально тифознаго характера. Итакъ, въ ночь на 19 октября въ домѣ Дубровиной *скончался не здоровый человѣкъ, а тифозно-больной.*

Отчего же умеръ Максименко?—Обвиненіе утверждаетъ: Максименко былъ отравленъ мышьякомъ. Посмотримъ, находитъ ли гипотеза отравленія подтвержденіе себѣ въ прижизненныхъ симптомахъ и въ посмертныхъ явленіяхъ у Максименко.

Больному стало дурно въ 8-мъ часу вечера; что-же наблюдалъ явившійся около 8 ч. д-ръ Португаловъ? Рвоту, боль въ животѣ, частый, напряженный, до 120 ударовъ пульсъ, слабость, холодный потъ. Да развѣ это картина отравленія мышьякомъ? Вѣдь и самъ г. Португаловъ не заподозрилъ отравленія, иначе онъ далъ-бы должное противоядіе, не ограничиваясь такими невинными средствами, какъ касторовое масло и миндальная эмульсія, иначе онъ не покинулъ бы больного. По ученію медицинской науки, острое отравленіе мышьякомъ выражается при жизни упорною рвотою, неутолимою жаждой, чувствомъ жженія въ зѣвѣ и пищепріемникѣ, сильнѣйшими болями въ животѣ, поносомъ съ испражненіями кровянистыми или похожими на рисовый отваръ (какъ при холерѣ), судорогами, чувствомъ ползанія мурашей и т. д. По закону (ст. 1841 Уст. Суд. Мед.), предсмертные припадки, указывающіе на отравленіе острыми ядами: мышьякомъ, сулемою и т. п., суть слѣдующіе: жженіе и стягиваніе во рту, на языкѣ, въ пищепріемномъ каналѣ, желудкѣ и кишкахъ, чрезвычайно сильныя боли въ органахъ пищеваренія, безпрерывная тошнота, рвота, нерѣдко кровавая, кровавый поносъ, почти незамѣтный пульсъ, неутолимая жажда, конвульсіи и проч. Оказывается, что припадковъ отравленія мышьякомъ у Максименко не было. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ перечисленныхъ симптомовъ д-ръ Португаловъ наблюдалъ одну только рвоту съ болью въ желудкѣ; но рвота, почти всегда сопровождаемая болями въ желудкѣ, случается очень часто отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и сама по себѣ не служитъ признакомъ отравленія. При этомъ не слѣдуетъ забывать показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей и особенно цѣнное между ними—д-ра Лешкевича, по словамъ кото-

раго 7 октября больной жаловался ему на постоянную и упорную рвоту, вызываемую даже пріемомъ лекарства или глоткомъ воды, и что, по утвержденію клиницистовъ, рвота при брюшномъ тифѣ есть спутникъ высокаго пораженія кишечника. Холодный потъ, блѣдность—обыкновенный результатъ слабости, вызванной тошнотою и рвотными движеніями. Жажда должна быть сильная, неутолимая; извѣстно, какъ въ поискахъ воды для утоленія жажды отравленныя крысы бѣгутъ изъ подполья къ рѣкѣ, къ водѣ—сравненіе не изысканное, но вѣрно дающее представленіе о силѣ жажды. А кто намъ говоритъ о жаждѣ больного? Пульсъ, который при отравленіи долженъ быть слабымъ, нитевиднымъ (Гофманъ), незамѣтнымъ, почти неощутимымъ (Тардье), Португаловымъ былъ найденъ частымъ, напряженнымъ, свыше 120 въ минуту, какой, напротивъ, служитъ явно угрожающимъ признакомъ опаснаго осложненія тифа (Нимейеръ, Штрюмпель, Цимсенъ). Правда, экспертъ г. Петровскій обращалъ особое ваше вниманіе на какую-то «тоску», которую, будто-бы, замѣтилъ на лицѣ больного д-ръ Португаловъ и о которой экспертъ принимался говоритъ два раза. Сколько помню, въ показаніи Португалова объ этой пресловутой «тоскѣ» не говорится ни слова. Но что-же, спрашивается, могло выражать лицо больного, мучимаго рвотой, что ожидалъ увидѣть на немъ почтенный экспертъ: страданіе, или удовольствіе, радость?..

Наиболѣе характерныя посмертныя явленія при отравленіи мышьякомъ таковы: слизистая оболочка желудка показываетъ признаки сильнѣйшаго воспаленія, выражаемаго пятнистой или полосатой темной краснотой; кишечникъ наполненъ жидкостью, похожею на рисовый отваръ; ротъ, зѣвъ, пищепріемникъ, желудокъ воспалены; печень желтоватая, матово-бронзовая; кровь густая, черная; острое жировое перерожденіе печени и почекъ и т. д. Ничего подобнаго при вскрытіи трупа Максименко не найдено. Не останавливаясь на подробностяхъ, коснусь признаковъ наиболѣе существенныхъ. Какъ удостовѣряютъ врачи Красса и Лешкевичъ, слизистая оболочка желудка была совершенно блѣдная и чистая, безъ капли слизи; въ кишкахъ найдено было «свойственное имъ содержимое», какъ гласитъ актъ вскрытія, поясненный здѣсь врачами въ томъ смыслѣ, что калъ былъ темно-желтый, полугустой и вовсе не похожій на рисовый отваръ. Кровь была

жидкая, не свернувшаяся. Остается еще сказать два слова о большой круглой язвѣ у выхода желудка, которой на предварительномъ слѣдствіи придавалось такое большое значеніе. По словамъ врачей Лешкевича и Крассы, язва эта, сухая, съ крѣпко приставшимъ къ ней сверткомъ, была происхожденія давняго и свойства тифознаго, какія изрѣдка наблюдаются въ 12-ти-перстной кишкѣ и даже въ выходѣ желудка (Гризингеръ, Нимейеръ, Жакку); кровотеченіемъ изъ этой большой язвы и должны быть объяснены явленія рвоты у Максименко, какъ во все время его болѣзни, такъ и въ ночь смерти. Правда, здѣсь, на судѣ, мнѣнія экспертовъ о свойствѣ этой язвы раздѣлились: д-ръ Беллинъ призналъ ее за круглую язву желудка, какъ самостоятельное болѣзненное явленіе; проф. же Патенко считаетъ ее безусловно тифозною, но усиленно развившеюся вслѣдствіе продолжительнаго нарушенія діэты. Можетъ быть, ученый споръ этотъ и очень интересенъ, но для нашихъ судебныхъ цѣлей важно одно: каково бы ни было происхожденіе и свойство этой язвы, она, по согласному заключенію экспертовъ,— не результатъ отравленія и никакого сродства съ мышьякомъ не имѣетъ.

Экспертизою по настоящему дѣлу высказано три мнѣнія: проф. Лагермаркъ, обсуждая химическіе анализы, призналъ поступленіе мышьяка въ тѣло прижизненнымъ. Помня, что г. Лагермаркъ—профессоръ химіи, приглашенный для экспертизы только судебно-химической, я считаю себя вправѣ совершенно игнорировать заключенія его, выходящія за предѣлы и его спеціальности, и его роли въ этомъ процессѣ. Д-ръ Беллинъ заявилъ намъ, что абсолютныхъ, вполнѣ точныхъ данныхъ для признанія по нимъ отравленія мышьякомъ слѣдствіе не дало; что онъ не можетъ отвергать отравленія, какъ весьма вѣроятнаго, но что, равнымъ образомъ, онъ не можетъ также исключить возможности смерти отъ тифа, такъ какъ, не будь разительныхъ результатовъ химическаго анализа, при наличности обнаруженныхъ у Максименко прижизненныхъ припадковъ и анатомическихъ данныхъ, пришлось бы констатировать смерть отъ тифа. При этомъ, д-ръ Беллинъ упомянулъ о такой формѣ отравленія мышьякомъ, которая не оставляетъ ровно никакихъ патолого-анатомическихъ измѣненій. Я полагаю, что въ различныхъ случаяхъ отравленія

тѣ или другіе признаки могутъ присутствовать или отсутствовать, но чтобы отсутствовали рѣшительно *всѣ* признаки и не осталось бы ни единаго—врядъ ли наукѣ извѣстна такая удивительная форма! О такой формѣ нельзя говоритъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе, что мышьякъ, введенный въ желудокъ уже истощеннаго тифомъ организма, вдобавокъ—въ громадной дозѣ, произвелъ бы тамъ страшное разрушительное дѣйствіе: онъ равносиленъ былъ бы маслу, влитому въ огонь. Раздраженіе ядомъ больной уже слизистой оболочки было бы страшное, а потому и признаки отравленія неминуемо выступили бы рѣзче и рельефнѣе.

Экспертиза профессора Патенко бросила новый и яркій свѣтъ на это злополучное дѣло. Она сводится къ слѣдующимъ яснымъ и категорическимъ положеніямъ: 1) Максименко умеръ отъ паралича сердца въ самомъ началѣ выздоровленія отъ брюшного тифа; 2) параличъ сердца произошелъ вторично вслѣдствіе грубаго нарушенія діэтетическихъ правилъ, какъ во время болѣзни, такъ и въ день мнимаго выздоровленія; 3) никакихъ признаковъ отравленія нѣтъ и 4) найденный въ трупѣ мышьякъ попалъ въ него послѣ смерти.

Итакъ, 18-го октября Н. Максименко былъ еще въ самомъ началѣ выздоровленія и смерть его произошла отъ грубаго нарушенія діэты. А періодъ выздоровленія ограничивается не нѣсколькими днями. «Послѣ тяжелыхъ тифовъ—говоритъ Цимсенъ—надо дать пройти промежутку въ 3—4 недѣли, прежде чѣмъ позволить вставать». Другая черта реконвалесценціи, кромѣ ея продолжительности, — крайняя ея обманчивость. «Періодъ выздоровленія есть въ то же время и періодъ послѣдовательныхъ болѣзней, которыя убиваютъ многихъ больныхъ, отдѣлавшихся отъ настоящей болѣзни» (Либермейстеръ). Брюшной тифъ—болѣзнь, болѣе всѣхъ другихъ издѣвающаяся надъ пророчествомъ врача, что создало даже извѣстный медицинскій парадоксъ: «полагайся на безнадежныхъ, бойся благопріятныхъ». Болѣзнь окончилась, но организмъ дѣйствіемъ яда и тяжелой, продолжительной лихорадкой потрясенъ и разстроенъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Ослабленная мускулатура сердца не возстановляется еще и черезъ мѣсяцъ. Весь организмъ какъ-бы обновляется, пе-

рерождается; выздоравливающій, какъ выразился одинъ изъ нашихъ экспертовъ,—какъ бы ребенокъ, только-что начинающій жить. Вотъ на стражѣ этой возрождающейся жизни и должна стоять самая строгая, самая педантичная діэта—не діэта въ одной только пищѣ, а діэта, охватывающая весь режимъ больного, распространяющаяся на все его время, всѣ его дѣйствія. И преждевременное вставаніе, и раннее принятіе твердой пищи, и хожденіе, чтеніе, и, вообще, тѣлесныя и умственныя напряженія—все составляетъ серьезную опасность для выздоравливающаго. Необходимы строгая осторожность, полный покой тѣла и души. А нарушеніе діэты тѣмъ легче, что субъективное чувство благосостоянія у больного находится въ это время въ рѣшительномъ несоотвѣтствіи съ размѣрами его мускульной и нервной силы: онъ меньше можетъ, чѣмъ хочетъ; онъ въ меньшемъ нуждается, чѣмъ полагаетъ.

Если, вообще, нарушеніе выздоравливающими діэты встрѣчается сплошь и рядомъ, то въ средѣ, къ которой принадлежалъ покойный, которой всякія медико-гигіеническія свѣдѣнія совершенно чужды, оно представляется явленіемъ совершенно зауряднымъ. Самочувствіе больного—тамъ единственный указатель; «душа мѣру знаетъ» — единственное правило. По мнѣнію проф. Патенко, діэта не соблюдалась во все теченіе болѣзни. Въ день же выздоровленія появляются чай съ вареньемъ, икра съ сладкимъ пирогомъ, кофе съ халвой и т. п.— и все это, вѣроятно, не въ мѣру, ибо извѣстно, что у перенесшихъ брюшной тифъ появляется аппетитъ почти ненасытный. Вдобавокъ, въ первый разъ только вставъ съ постели, Максименко одѣвается и идетъ къ сосѣду въ гости, откуда его приводятъ подъ руки и снова укладываютъ въ постель. Въ этотъ же день больной жалуется Дмитріеву, что у него отекаютъ ноги, а это—одинъ изъ признаковъ сердечной слабости, рѣзко обозначившейся и вечеромъ въ частомъ, напряженномъ, свыше 120 ударовъ, пульсѣ.

Погрѣшность въ діэтѣ общей обусловила ослабленіе сердца; погрѣшность въ діэтѣ пищевой — вызвала кровеизліяніе изъ большой язвы желудка; кровотеченіе—тошноту и рвоту; а продолжительными рвотными движеніями были раздражены оконча-

тельныя вѣтви симпатическаго и блуждающаго нервовъ—и, такимъ путемъ, произошла окончательная остановка больного, разслабленнаго сердца.

Однако, въ трупѣ Максименко найденъ въ значительной дозѣ мышьякъ! Когда и какъ онъ попалъ туда? Проф. Патенко утверждаетъ, что послѣ смерти; защита еще на судебномъ слѣдствіи пыталась разъяснить, почему и какъ мышьякъ оказался въ трупѣ, тщетно ожидая отвѣта: куда же дѣвалась сулема? Проф. Патенко все это назвалъ «страннымъ фактомъ», а г. прокуроръ—даже миѳомъ. Будемъ, однако, терпѣливы и, быть можетъ, фактъ перестанетъ казаться «страннымъ», а «миѳу» мы найдемъ и реальное основаніе. Здѣсь мы сталкиваемся съ химическою экспертизою, о значеніи которой я скажу нѣсколько словъ.

Химическое изслѣдованіе въ арсеналѣ обвиненія служитъ центромъ, откуда все исходитъ и куда все возвращается. На него опираются и отъ него получаютъ силу всѣ улики; подъ его давленіемъ находятся свидѣтели, отъ него не могла вполнѣ отрѣшиться даже экспертиза медицинская. Химическіе анализы г. Роллера считаются здѣсь всѣми самымъ точнымъ и серьезнымъ матеріаломъ. Мнѣ, все-таки, кажется, что ихъ черезъ чуръ ужъ расхвалили; мнѣ кажется, что при этихъ похвалахъ искусству провизора Роллера забыто было одно маленькое обстоятельство: что при провѣркѣ составленныхъ имъ актовъ химическаго изслѣдованія по-неволѣ приходилось исходить изъ полнаго довѣрія къ фармацевту, изъ предположенія, что его протоколы—точное изложеніе всего послѣдовательнаго хода изслѣдованія. Контроль, такимъ образомъ, оказывается только бумажнымъ, узко-формальнымъ. Неужели уже одно простое соображеніе, что далеко не всегда протоколы отвѣчаютъ требованіямъ точности и правильности, не должно охладить этого слѣпого довѣрія къ актамъ г. Роллера? Каковы-же эти три акта химическаго изслѣдованія, обнаружившаго присутствіе мышьяка во внутренностяхъ Максименко, какова степень ихъ достовѣрности и убѣдительности?

Провизоръ г. Роллеръ, являющійся авторомъ этихъ трехъ актовъ, удостовѣряетъ въ нихъ, что при производствѣ анализа онъ руководствовался «Наставленіемъ для судебно-химическаго из-

слѣдованія ядовъ» проф. Траппа. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ это «Наставленіе» удостоено было вниманія г. Роллера. Профессоръ Траппъ, составившій свое «Наставленіе» по порученію медицинскаго совѣта, согласно 1850 ст. уст. суд. мед., для руководства фармацевтамъ при судебно-химическихъ изслѣдованіяхъ, прежде всего требуетъ, чтобы «протоколъ былъ составленъ совершенно согласно съ ходомъ самаго изслѣдованія и съ полученными результатами, отчетливо, послѣдовательно, ясно и удобопонятно. Въ протоколѣ не слѣдуетъ ограничиваться только упоминаніемъ о какомъ либо извѣстномъ способѣ, по которому производилось изслѣдованіе, а необходимо непремѣнно описывать предпринятый экспертомъ способъ изслѣдованія, подробно указывая на употребленные имъ реактивы, которые доказываютъ или отрицаютъ присутствіе ядовитаго вещества въ данномъ случаѣ». Такое требованіе совершенно понятно: протоколъ—это, такъ сказать, фотографія событія или изслѣдованія; читая его, вы какъ бы лично присутствуете при изслѣдованіи и слѣдите за послѣдовательнымъ его ходомъ.

Каковъ же первый составленный г. Роллеромъ актъ 31-го октября 1888 г.? Въ немъ содержится удостовѣреніе, что при химическомъ изслѣдованіи внутренностей М—ко открытъ въ значительномъ количествѣ сильнодѣйствующій минеральный ядъ мышьякъ — и только. Какъ производилось изслѣдованіе, какіе употреблялись приборы и реактивы, изъ какихъ органовъ добытъ мышьякъ, каково его количество—отвѣта на эти вопросы вы у г. Роллера не ищите.

Что̀ такое «значительное количество» — для насъ непонятно. Понятія: «мало», «много», «значительное количество»— весьма относительны и ими нерѣдко злоупотребляютъ; подобныя выраженія неумѣстны въ наукѣ, требующей цифръ, опредѣленій количественныхъ. Присутствію же зеркальнаго налета въ возстановительной трубочкѣ нельзя придавать значенія потому, что онъ часто получается при употребленіи Маршева прибора, по той причинѣ, что служащіе для развитія водорода сѣрная кислота и цинкъ, находящіеся въ торговлѣ подъ названіемъ «химически чистыхъ», всегда содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе примѣтное количество мышьяка. Далѣе, изъ этого акта не видно, сколько

времени продолжалось изслѣдованіе: въ немъ имѣется лишь одна дата 31 октября 1888 года.

Перехожу ко второму химическому анализу, въ актахъ котораго также нѣтъ указаній на продолжительность его производства. Почему и для чего онъ былъ предпринятъ? По требованію подсудимой, для провѣрки перваго анализа, который она признавала неправильнымъ. При этомъ г-жа Максименко просила о порученіи изслѣдованія другому фармацевту и объ отсылкѣ внутренностей для новаго анализа въ медицинскій департаментъ. Была ли законна такая просьба? По ст. 334 Уст. Угол. Суд., въ случаѣ сомнѣнія въ правильности заключенія свѣдущихъ людей, требуется заключеніе отъ *другихъ* свѣдущихъ людей или же самый предметъ изслѣдованія отправляется въ высшее спеціальное установленіе. И такъ, требованіе подсудимой опиралось на ясный, буквальный смыслъ закона. Что же предприняла слѣдственная власть? Повѣрочная экспертиза поручена была *тому-же* г. Роллеру, который, такимъ образомъ, провѣрялъ самого себя, собственныя свои дѣйствія, и съ самимъ собою оказался въ трогательномъ согласіи. Вотъ какова была провѣрка! Правда, новые акты изслѣдованія также подписаны членами врачебнаго отдѣленія и аптекаремъ. Но мы знаемъ, что на практикѣ такой надзоръ и такая ассистенція совершенно фиктивны; поэтому и скрѣпленіе ихъ подписями составленныхъ г. Роллеромъ актовъ ни мало не усиливаетъ нашего къ нимъ довѣрія. Далѣе, насколько тщательно и точно производилось взвѣшиваніе внутренностей, подвергнутыхъ изслѣдованію? Изъ сопоставленія протоколовъ 31 октября 1888 г. и 21 марта 1889 г. оказывается, что изъ $13^1/_2$ унцевъ внутренностей, герметически закупоренныхъ въ стеклянныхъ банкахъ, неизвѣстно куда исчезло 6 драхмъ, то есть почти 15 процентовъ. А такъ какъ столь значительной убыли произойти въ $4^1/_2$ мѣсяца не могло, то ее остается объяснить лишь крайнею небрежностью взвѣшиванія.

Если къ критическимъ замѣчаніямъ этимъ прибавить, что требованіе прокурорскаго надзора, въ свою очередь вызванное настойчивыми просьбами обвиняемой о производствѣ обстоятельнаго повѣрочнаго химическаго изслѣдованія, заключало въ себѣ косвенное осужденіе незаконно составленнаго перваго акта, то

станетъ совершенно понятнымъ, что при составленіи протоколовъ послѣдующихъ анализовъ г. провизоръ съ буквальною уже точностью соблюлъ установленную форму...

Теперь обратимся къ «ниеу»—къ *сулемѣ*. Показаніями докторовъ Крассы, Лешкевича и Моргулиса, помощника пристава Англиченкова и Пузанова установлено, что при вскрытіи трупа употреблялась, какъ обеззараживающее средство, сулема въ растворѣ 10 грановъ на $2^1/_2$ стакана воды; отпускъ этой дозы сулемы удостовѣряетъ и пріобщенный къ дѣлу рецептъ. Д-ръ Красса, боясь зараженія тифознымъ ядомъ, бралъ внутренности руками, смоченными растворомъ сулемы, смывалъ надъ трупомъ вырѣзанный кусокъ кишки и даже мылъ надъ трупомъ-же руки и инструменты, поливая прямо изъ стклянки. При этомъ употребленъ былъ почти весь растворъ безъ остатка; вся эта жидкость попала въ трупъ. Однако, ни въ одномъ изъ трехъ актовъ химическаго изслѣдованія мы не находимъ никакого указанія на сулему. Фармацевтъ Роллеръ объяснилъ намъ, что сулема осаждается изъ кислыхъ растворовъ при насыщеніи сѣрнистымъ водородомъ въ видѣ чернаго осадка, состоящаго изъ сѣрнистой ртути. «Если бы сулема содержалась во внутренностяхъ Максименко, то она должна была бы выдѣлиться при насыщеніи, въ видѣ чернаго осадка, но этого въ данномъ случаѣ не получилось, и если-бы въ полученномъ налетѣ была сулема, то она бы осталась не растворенной на фильтрѣ въ видѣ чернаго осадка сѣрнистой ртути». Отрицать присутствіе ртути категоричнѣе, кажется, невозможно.

Препараты ртути, къ числу которыхъ принадлежитъ и сулема, относятся къ числу химическихъ реагентовъ, которые можно найти въ органахъ и тканяхъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Такая особенность ртутныхъ препаратовъ послужила даже причиною употребленія ихъ при нѣкоторыхъ экспериментахъ, произведенныхъ съ научною цѣлью. Такъ, съ цѣлью выяснить переходъ составныхъ частей изъ крови матери въ кровь плода, въ кровь матери (кроликъ) вводились ртутные препараты—и въ органахъ плода ртуть отыскивалась химическимъ путемъ. (Этотъ опытъ впервые произведенъ былъ въ Имп. Медиц. Академіи проф. Бородинымъ). Предѣлъ чувствительности реакціи при отысканіи мышьяка—по словамъ проф. Патенко—1 миллиграммъ, по утверж-

денію проф. Лагермарка—$^{1}/_{60}$ грана. Беру послѣдній предѣлъ: значитъ, присутствіе уже $^{1}/_{60}$ грана можетъ быть обнаружено химическимъ анализомъ. Въ нашемъ случаѣ количество ртути (10 гранъ) превышало этотъ предѣлъ чувствительности реакціи въ 600 разъ! и все-таки присутствіе въ трупѣ сулемы ни разу не открыто!!

Что же это значитъ?

Г. прокуроръ, пытаясь парализовать этотъ неотразимый доводъ о сулемѣ, выставилъ три положенія, долженствующія объяснить причину необнаруженія сулемы: 1) жидкость не всасывается трупомъ, 2) растворъ сулемы могъ вылиться и 3) если бы мышьякъ поступилъ не въ живой еще организмъ, а въ трупъ, его присутствіе обнаружилось бы только въ брюшной полости. Но шаткость этихъ положеній очевидна. Тѣло, состоящее изъ клѣточекъ и поръ, есть своего рода губка, хотя и съ микроскопическою ноздреватостью. Если вооружиться увеличительнымъ стекломъ—не тѣмъ, фигуральнымъ, о которомъ говорилъ г. прокуроръ, а настоящимъ, оптическимъ,—то не трудно убѣдиться, что ткань нашего тѣла представляется не непроницаемою, а скважною. Даже твердыя тѣла (дерево, камень) могутъ проникаться жидкостью. Тѣмъ легче впитываніе, просачиваніе жидкости въ ткань трупа, вдобавокъ истощеннаго недугомъ и подвергшагося уже гніенію. Для такого явленія пропитыванія тканей мертваго тѣла наука знаетъ даже особый терминъ—имбибиція. Еще Орфила указалъ, что нѣкоторые яды способны пропитывать всѣ органы. Реэзе подтвердилъ это положеніе относительно всѣхъ безъ исключенія ядовъ, признавъ, что оно дѣлаетъ очень труднымъ опредѣленіе того, когда введенъ ядъ—при жизни, или по смерти. На этомъ пропитываніи основано приготовленіе консервовъ. Этотъ же законъ выражается и въ искусствѣ бальзамированія, сохранившемъ трупы умершихъ 2000 слишкомъ лѣтъ назадъ (египетскія муміи). При бальзамированіи ядъ впрыскивается только въ крупные сосуды—казалось бы, что должна сохраниться только ихъ оболочка; однако, не гніетъ весь трупъ, потому что изъ крупныхъ сосудовъ ядъ проникаетъ всюду.—Выемка же органовъ Максименко послѣдовала не ранѣе, какъ черезъ два часа послѣ перваго вскрытія, когда въ трупъ влита была жид-

кость, которая за это время и могла пропитать взятые для перваго анализа органы.

Могла ли сулема вылиться изъ трупа? По показанію Крассы, Пузанова и Безклубова, трупъ при одѣваніи не поворачивали на грудь. Жидкости было влито не болѣе $2^1/_2$ стакановъ—количество, которое могло размѣститься внутри брюшной и грудной полостей самымъ тонкимъ слоемъ; при томъ, разрѣзанныя части органовъ, имѣющія форму трубокъ, кармановъ (вскрытыя кишки, бронхи, желудокъ, кровеносные сосуды), могли поглотить жидкость въ свои полости; наконецъ, не выбирались изъ трупа губкою ни кровь, ни жидкость.

Итакъ, жидкость раствора оставалась въ трупѣ: она не могла оттуда вылиться. Этотъ выводъ подкрѣпляется еще законами химическимъ и физическимъ. По началамъ химіи, ртуть, при соединеніи съ бѣлковымъ веществомъ тѣла, образуетъ химическое соединеніе—альбуминатъ, и уже въ этомъ видѣ, выдѣлившись изъ воднаго раствора, исчезнуть или вытечь не можетъ: по тяжести, она плотно прилегаетъ къ органамъ. Законъ физическій—фильтрація: если налить жидкость на пропускающую воду ткань, вода, освобожденная отъ плавающихъ въ ней мелкихъ частицъ, проходитъ чистою, а твердыя частицы остаются поверхъ фильтрующаго слоя. Такимъ фильтромъ для раствора сулемы были бы органы трупа.

Наконецъ, третье возраженіе, повидимому, самое сильное: почему же мышьякъ, если онъ введенъ въ тѣло Максименко послѣ смерти, обнаруженъ не только въ органахъ, куда онъ былъ влитъ (желудокъ, кишки), но и въ органахъ, куда онъ могъ быть принесенъ только кровью (т. е. при жизни)? Во первыхъ, д-ръ Красса вынималъ руками, смоченными растворомъ, *всѣ* органы; во вторыхъ, съ разрѣзомъ грудо-брюшной преграды жидкость должна была перелиться изъ брюшной полости и въ грудную; въ третьихъ, химическій анализъ, во всѣ три раза, произведенъ такимъ образомъ, что вопросъ: откуда, изъ какого же именно органа извлеченъ ядъ—остается совершенно неразрѣшимымъ. Въ самомъ дѣлѣ: при первомъ и второмъ (повѣрочномъ) анализахъ *всѣ* органы (желудокъ, кишки, печень и селезенка) были смѣшаны и изслѣдовались *совмѣстно*. При третьемъ ана-

лизѣ органы, куда ядъ поступаетъ черезъ желудокъ (тонкія и толстыя кишки) были изслѣдованы отдѣльно отъ органовъ, въ которые ядъ поступаетъ черезъ кровь (легкія, сердце, печень, почка и селезенка). Пріемъ изслѣдованія здѣсь былъ употребленъ болѣе точный и совершенный, чѣмъ при первыхъ двухъ, когда всѣ органы изслѣдовались вмѣстѣ; но, къ сожалѣнію, и этотъ третій анализъ не имѣетъ никакой научной цѣнности. И вотъ почему: были смѣшаны органы двухъ различныхъ полостей — органы брюшной полости (печень, селезенка, почка) подвергались химическому изслѣдованію совмѣстно съ органами полости грудной (легкія, сердце). А въ брюшную полость несомнѣнно налитъ былъ растворъ сулемы. Спрашивается: есть-ли какая нибудь разумная возможность опредѣлить, изъ какихъ же именно органовъ извлеченъ ядъ, разъ органы были смѣшаны, при чемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ коснулась подозрительная жидкость? Вотъ каковы хваленые анализы фармацевта Роллера! И если мы ихъ совершенно выбросимъ за бортъ, наука, думаю, отъ этого ничего не потеряетъ, а правосудіе—только выиграетъ.

Есть-ли надобность доказывать еще, что это была за подозрительная жидкость? Сулема была отпущена д-ру Крассѣ сонным аптекарскимъ ученикомъ въ 6 часовъ утра, въ полумракѣ, при свѣтѣ лампы. Сулема и мышьякъ хранятся въ одномъ отдѣленіи шкафа подъ рубрикою «Venena» (яды). Сулема и мышьякъ въ растворѣ представляютъ тождественную по виду, безцвѣтную жидкость. Чувствительность реакціи, свободно обнаруживающей присутствіе ртути, доходитъ до опредѣленія миллиграмма. Сулема попала въ трупъ въ количествѣ 10 гранъ, въ 700 почти разъ превышающемъ minimum чувствительности. Проф. Лагермаркъ сказалъ здѣсь, что растворъ сулемы могъ вытечь изъ трупа. Неужели-же почтенный экспертъ не хочетъ оставить намъ даже $^1/_{700}$ части этого раствора?!

Въ тѣло Максименко введено было два яда: при жизни, говоритъ прокуроръ, мышьякъ (чего никто не видѣлъ); по смерти—утверждаетъ, вмѣстѣ съ 10-ью свидѣтелями-очевидцами, защита—сулема. Невидимо-введенный ядъ обнаруженъ; явно-влитый ядъ—не найденъ. Изъ двухъ ядовъ одинъ пропалъ безслѣдно! гдѣ же ядъ второй, посмертный? гдѣ сулема? Сулемы не нашли потому,

что ея и не было: вмѣсто 10 грановъ сулемы Крассѣ ошибочно отпустили столько-же мышьяка и д-ръ влилъ мышьякъ въ трупъ!

Проф. Патенко назвалъ этотъ фактъ «страннымъ»; думаю, что теперь его можно назвать только печальнымъ, глубоко прискорбнымъ...

Да, антисептическимъ растворомъ, вмѣсто сулемы, къ несчастью, былъ мышьякъ, попавшій, такимъ образомъ, уже въ трупъ,—и вотъ новое этому подтвержденіе. По Гиртлю, вѣсъ внутренностей человѣка—отъ 20 до 25 фунтовъ; у больного, въ особенности истощеннаго тяжелою, продолжительною болѣзнью, каковъ тифъ, вѣсъ этотъ падаетъ до 15-ти фунтовъ. Изъ $6^3/_4$ фунтовъ взятыхъ для изслѣдованія внутренностей добыто $4^8/_{10}$ грана мышьяка; во всѣхъ, слѣдовательно, внутренностяхъ Максименко (15 ф.) было *около 10 грановъ* мышьяка, то-есть то самое количество, которое влито въ трупъ подъ видомъ сулемы!!

Вамъ, гг. присяжные засѣдатели, говорилось здѣсь и о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, и о фальсификаціи даже знанія. Дѣйствительно, мы живемъ въ вѣкъ фальсификаціи—повальной, всеобщей: поддѣлываются женская красота, любовь, искренность, убѣжденія; поддѣлываются пищевые продукты и, быть можетъ, даже знаніе. Но несомнѣнно одно: г. прокурору настоящій процессъ не даетъ повода говорить о какой-либо фальсификаціи: ея мы не видимъ въ нашемъ дѣлѣ. Мы слышали здѣсь честныхъ, убѣжденыхъ ученыхъ, но не фальсификаторовъ знанія. Но есть болѣе опасный и прискорбный видъ фальсификаціи: это—*фальсификація преступленія!...*

II.

Говорить о виновности или невиновности кого-либо въ преступленіи можно, разумѣется, только при условіи, что событіе этого преступленія несомнѣнно совершилось. Оспаривать обвиненіе въ отравленіи возможно лишь тогда, когда смерть предполагаемой жертвы отъ яда представляется доказанною. Поэтому, вы, гг. присяжные засѣдатели, поймете затруднительность моего положенія: мнѣ приходится оспаривать виновность подсудимой

въ преступленіи, которое, по глубокому моему убѣжденію. никѣмъ и никогда не было вовсе совершено. Мнѣ приходится, для этаго, совершить надъ собою нѣкоторое умственное насиліе—допустить отвергаемое мною отравленіе—не какъ фактъ, а какъ логическую посылку, какъ необходимое условіе настоящаго судебнаго состязанія.

Сдѣлать такую временную, условную уступку обвиненію для защиты представляется вполнѣ безопаснымъ. Конечно, для защиты существенно отвергнуть отравленіе: достигнувъ этого результата, она можетъ считать задачу свою благопріятно разрѣшенною. Нѣтъ смерти отъ яда,—нѣтъ преступленія отравленія—не можетъ быть о рѣчи и о чьей-либо виновности. Иное положеніе обвинителя: для него установленіе смерти отъ яда является лишь необходимымъ предположеніемъ обвиненія, отправнымъ его пунктомъ. И тогда-какъ, доказавъ отсутствіе отравленія, защита сдѣлала *все,*—установивъ его, прокуроръ для обвиненія не доказалъ еще ровно *ничего,* ибо съ этого только момента и возможно говорить о виновности, здѣсь только истинная задача обвинителя и начинается. Не отказываясь ни отъ одного слова изъ того, что мною сказано о причинѣ смерти,—переходя ко второму вопросу — о виновности подсудимой, я долженъ временно допустить, что спорное отравленіе доказано.

У преддверія моей чисто-юридической работы—провѣрки основаній обвиненія подсудимыхъ—я позволю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбой: не смѣшивать Максименко и Рѣзникова въ одну собирательную личность «подсудимаго», не допускать смѣшенія и перепутанности уликъ и неправильныхъ обобщеній, не объединять, а раздѣлить этихъ двухъ лицъ. Каждый, по закону и совѣсти, отвѣчаетъ за имъ содѣянное, каждый долженъ сохранять за собою индивидуальность и въ процессѣ,—поэтому и улики противъ одного изъ подсудимыхъ не должны быть распространяемы на другого.

Кто же въ тяжкомъ преступленіи мужеубійства обвиняется, кого я защищаю?

Личность подсудимаго въ процессѣ, обстоятельства котораго темны и запутанны, всегда представляется центромъ, привлекающимъ къ себѣ особое вниманіе. Ее тщательно и всесторонне

изучаютъ. Къ сожалѣнію, съ нѣкоторыхъ поръ въ наши судебные нравы внѣдрилась пагубная и зловредная манера—подъ видомъ «изученія личности», «характеристики подсудимаго», такъ чернить обвиняемыхъ, что нерѣдко эти пресловутыя «характеристики» оказываются нестерпимо обиднѣе и тяжелѣе самого обвиненія. Границы этимъ «характеристикамъ», этимъ экскурсіямъ въ область прошлой жизни подсудимыхъ, этимъ мнимо-біографическимъ «этюдамъ» нигдѣ еще не намѣчены, и зависятъ единственно отъ произвола и такта обвинителя-«біографа»... Здѣсь я долженъ оговориться, что все, высказанное мною по этому поводу, всецѣло относится къ предварительному слѣдствію и къ обвинительному акту, такъ какъ, хотя весь позорящій подсудимую матеріалъ предварительнаго слѣдствія и былъ оглашенъ здѣсь, по требованію г. прокурора, полностью,—мой почтенный противникъ, однако, нашелъ возможнымъ въ своей обвинительной рѣчи обойти его деликатнымъ молчаніемъ.

Изображая личность подсудимой Максименко, авторъ обвинительнаго акта не удовольствовался послѣдними страницами ея жизни, а пожелалъ перелистать всю ея біографію, не давая пощады никому и ничему. Не были пощажены даже родственники по восходящей линіи. Такъ, обвинительный актъ повѣствуетъ, что отецъ подсудимой былъ чернорабочій, впослѣдствіи «случайно» разбогатѣвшій, и что мать ея весьма пристрастна къ крѣпкимъ напиткамъ... Подсудимая характеризуется, какъ легкомысленная, вѣтренная, чуть не ежедневно мѣняющая свои привязанности, съ «страстнымъ по природѣ и невоздержнымъ по части половыхъ влеченій характеромъ»... Я не стану уже говорить о томъ, что обвинителемъ-біографомъ упущенъ былъ изъ виду основной принципъ изученія личности подсудимаго, въ силу котораго характеръ человѣка долженъ отвѣчать свойству приписываемаго ему преступленія, совпадая съ его побужденіями;—что свѣдѣнія такъ тщательно разработанной біографіи далеко не соотвѣтствуютъ характеру отравительницы, стремящейся избавиться отъ мужа во имя преступной слѣпой, подавляющей страсти. Или легкомысленный развратъ, или сильная страсть—что нибудь одно: элементы эти не совмѣстимы... Но посмотримъ, какимъ матеріаломъ пользовалась для такихъ «характеристикъ»

прокуратура, какова его достовѣрность; «съ кого они портреты пишутъ? гдѣ разговоры эти слышатъ»? Схожъ-ли этотъ портретъ съ оригиналомъ? Не по чужимъ-ли примѣтамъ составленъ этотъ обвинительный паспортъ?—вотъ вопросы, на которыхъ—и въ интересахъ судебной правды, и ради нравственной реабилитаціи столь незаслуженно униженной и опозоренной женщины—защита считаетъ своимъ долгомъ остановиться съ необходимою подробностью.

Матеріаломъ для «біографіи» и «характеристики» подсудимой послужили свидѣтельскія показанія пяти лицъ: Елизаветы Максименко, Левицкаго, супруговъ Дмитріевыхъ и д-ра Португалова. Каждый, полагаю, согласится со мною, что всѣ показанія эти заключаютъ въ себѣ не фактическія какія-либо данныя, а самыя нелѣпыя, грязныя «обывательскія» сплетни. И, по аналогіи съ дѣленіемъ исторіи на древнюю, среднюю и новую, сплетни эти можно раздѣлить также на три періода: древній—отношенія Александры Егоровны къ Николаю М—ко; средній—связь съ полицейскимъ чиновникомъ П — вымъ и новый — интрига съ Рѣзниковымъ.—Разсмотримъ ихъ послѣдовательно.

Періодъ первый. По словамъ родной сестры покойнаго М—ко, Елизаветы, братъ ея еще до брака былъ въ любовной связи съ Александрой Егоровной, которая была настолько испорченная и развращенная дѣвушка, что «сама бросилась ему на шею», ловила его какъ мужа, «купила себѣ мужа». Прежде всего, совершенно неправдоподобно, чтобы тайну своихъ отношеній Н. М—ко передалъ, съ циничными подробностями показанія свидѣтельницы, сестрѣ, скрывъ ее, при томъ, отъ родного брата. А затѣмъ—похоже-ли это на ту нравственную, строго-воспитанную 16-ти-лѣтнюю дѣвушку, какою рисуетъ намъ Алекс. Егоровну цѣлый рядъ свидѣтелей? Она, молоденькая, миловидная, богатая наслѣдница, была желанною невѣстою, руки которой одновременно добивались 40 жениховъ,—способна ли она была проявить приписываемую ей распущенность? Развѣ не вымыселъ этотъ совѣтъ, какъ пройти въ ея спальню, въ которой съ нею безотлучно ночевали или мать, или Марья Васильевна? Но, если даже и допустить до-брачную связь, то иниціаторомъ ея, конечно, могъ быть только Ник. М—ко—и какъ взрослый, опытный мужчина, и какъ человѣкъ, заинтересо-

ванный женитьбой на дочери своей богатой хозяйки; пожалуй, онъ могъ воспользоваться временною отлучкою матери, чтобы, какъ говорятъ въ «свѣтѣ», скомпрометтировать ее, создать для родственниковъ «безвыходное положеніе» и, такимъ образомъ, закрѣпить ее за собою на виду у всѣхъ четырехъ-десятковъ конкуррентовъ-жениховъ. И все, что можно видѣть въ этомъ эпизодѣ, это развѣ доказательство ея любви, но не распущенности...

Но главнымъ свидѣтелемъ-диффаматоромъ является въ этомъ дѣлѣ г. Левицкій, мужъ сестры покойнаго М—ко, мелкій полицейскій чиновникъ, покинувшій свою службу вслѣдствіе какого-то непріятнаго «недоразумѣнія», безпробудный пьяница и весьма плохой семьянинъ. Оригинально его появленіе у судебнаго слѣдователя. Проживая вдали отъ Ростова, гдѣ онъ не былъ болѣе 2-хъ лѣтъ, онъ безъ вызова является къ допросу и, по дѣлу объ отравленіи, собственноручно излагаетъ пространнѣйшее показаніе, въ которомъ нагромождаются цѣлые ворохи скандалезныхъ небылицъ—и нѣтъ только одного—обстоятельствъ, имѣющихъ хотя бы малое отношеніе къ факту преступленія. Показаніе Левицкаго относится къ 1886-му году, такъ какъ въ началѣ 1887-го г. изъ Ростова онъ уже уѣхалъ, и, помимо личности свидѣтеля, представляется неправдоподобнымъ по самому своему содержанію. Прежде всего, вамъ не могла не броситься въ глаза та необыкновенная случайность, которая его одного—и никого больше—постоянно наталкивала на сцены крайне нецензурнаго свойства. То онъ наскакиваетъ на Панфилова, стоящаго передъ Алекс. Егоровной на колѣняхъ на крыльцѣ (это на улицѣ-то!), то онъ любуется неприличными «вольностями» П—ва въ обращеніи съ Алекс. Егоровною въ ея домѣ и въ присутствіи мужа! То, наконецъ, случайно дѣлается свидѣтелемъ нѣжной амурной сценки въ его домѣ, гдѣ Алекс. Ег., будто-бы, устраивала тайныя свиданія съ П—вымъ,—въ крошечной квартиркѣ, биткомъ набитой дѣтьми г. Левицкаго. Пусть даже пока все это правда. Но скажите, можетъ-ли быть рѣчь о довѣріи къ свидѣтелю, когда онъ утверждаетъ, будто подсудимая сама показывала ему голое плечо, укушенное «сумасшедшимъ» Панфиловымъ,—ему, родственнику своего обманываемаго мужа?! Далѣе, Левицкій приводитъ ту бурную сцену семейной ссоры, во

время которой Ник. Фед., вынувъ изъ письменнаго стола какой-то документъ, разорвалъ его и бросилъ женѣ въ лицо. Что-же это могъ быть за документъ? Мы знаемъ, духовнаго завѣщанія Алекс. Ег. не составляла, купчей или закладной крѣпости — не выдавала, потому что домъ принадлежитъ ея матери,—что же, спрашивается, могъ быть это за документъ? Остается только продажный актъ, которымъ она передала мужу все свое состояніе. Но этотъ актъ цѣлъ и неприкосновененъ и пріобщенъ къ настоящему дѣлу. «Дарила — говоритъ Левицкій — бриллiантовыя вещи и выигрышные билеты». Но допросомъ Варвары Дубровиной удостовѣрено, что всѣ цѣнности всегда находились въ распоряженіи матери, въ коммодѣ подъ ключемъ, и даже кольца, серьги каждый разъ выдавались матерью и что все это осталось цѣло. Обвинительный актъ замѣчаетъ, будто показаніе Левицкаго о золотыхъ вещахъ подтверждается свидѣтелемъ Саржинскимъ. Но изъ прочитаннаго показанія этого свидѣтеля оказывается только, что Панфиловъ обращался къ нему съ просьбою продать какія-то золотыя вещи, но говорилъ при этомъ, что вещи эти—его собственныя. «Кольца эти — говоритъ Левицкій—я видѣлъ впослѣдствіи у М—ко». Но правдоподобно ли, чтобы П—въ сталъ показывать эти кольца родственнику мужа своей любовницы, правдоподобно ли, далѣе, чтобы полицейскій чиновникъ, вольнопрактикующій, на досугѣ отъ служебныхъ занятій, по части альфонсизма, возвратилъ разъ попавшія въ его руки драгоцѣнныя вещи возлюбленной купчихи? Показаніе Левицкаго завершается наконецъ еще одной крупной неправдой: будто горничная Алекс. Оладова говорила ему объ интимныхъ отношеніяхъ барыни съ П—вымъ, о «вступленія ея во второй бракъ». Обвинительный актъ снова прибавляетъ, что показаніе Левицкаго «подтверждается» Оладовою. Свидѣтельница Оладова—и на слѣдствіи, и дважды на судѣ—прямо и категорически это отвергла. Въ чемъ-же это «подтвержденіе»? Доля правды заключается въ томъ, что П—въ былъ знакомъ съ М—ко, которая у него, по просьбѣ того же Левицкаго, крестила ребенка, и что Панфиловъ три-четыре раза за все знакомство былъ у М—ко и всегда съ своею женой... Есть, господа. фотографы, которые, по заказу милыхъ шутниковъ, къ обнажен-

ному туловищу распутницы приставляютъ лицо честной женщины... Показаніе г-на Левицкаго, все, цѣликомъ—такая же искусная фотографія, и о такихъ свидѣтеляхъ нельзя не говорить безъ самаго глубоко-возмущеннаго, негодующаго чувства...

«Исторія новая»—сплетни о Рѣзниковѣ. Вы уже знаете его отношенія къ семьѣ Максименко и роль въ домѣ Дубровиной. Когда-то пригрѣтый семьею Рѣзникова, давшей ему кровъ и пріютъ, Ник. М—ко, встрѣтивъ, черезъ десятокъ почти лѣтъ, своихъ старыхъ друзей въ Ростовѣ, пожелалъ за добро заплатить имъ добромъ—и помѣстилъ Аристарха въ контору торговаго дома Дубровиныхъ. Это было въ 1887 г. Семья Рѣзниковыхъ сближается съ семьею М—ко, другъ у друга бываютъ, а Алекс. Егоровна такъ подружилась со своею сверстницею, Софьею Рѣзниковою, что онѣ начинаютъ даже одинаково одѣваться. Но въ маѣ 1887 г., какъ видно изъ письма Алекс. Ег. къ мужу, Аристархъ Рѣзниковъ именуется пока только «братомъ Софьи Даниловны». Дѣйствительно, «своимъ человѣкомъ» въ домѣ Варвары Дубровиной А. Рѣзниковъ становится только съ зимы, съ начала 1888-го года. Ник. Фед. вступаетъ съ нимъ въ дружбу; они сходятся на «ты»; Рѣзникову поручается Дубровиными веденіе всѣхъ домовыхъ книгъ; его услужливость, ловкость, веселость дѣлаютъ его необходимымъ въ этомъ домѣ; наконецъ, лѣтомъ 1888 года, когда М—ко былъ въ Калачѣ, Варв. Д—на поручаетъ ему полное управленіе домомъ, куда онъ почти и переселяется. Во время болѣзни М—ко Р—въ часто навѣщаетъ больного, ухаживаетъ за нимъ, ходитъ въ аптеку, за докторами. Вотъ положеніе А. Рѣзникова въ домѣ М—ко: это—не слуга, не приказчикъ, а сынъ стараго знакомаго, пріятель, другъ, которому, Н. М—ко протежировалъ, котораго любилъ, какъ человѣка близкаго, почти родного. Такая роль Рѣзникова и могла подать поводъ къ подозрѣнію, что близокъ-то онъ былъ, но не къ мужу, а къ женѣ. Изъ массы свидѣтелей матеріалъ для такого предположенія даютъ только трое: Дмитріевы и Португаловъ; но и этотъ матеріалъ оказывается безусловно негоднымъ и недостовѣрнымъ.

Критика каждаго свидѣтельскаго показанія разсматриваетъ его съ трехъ сторонъ: можетъ ли свидѣтель говорить правду? желаетъ ли онъ быть правдивымъ? и самое показаніе его пред-

ставляется ли правдоподобнымъ? Полагаю, что въ отношеніи свидѣтелей Португалова и Дмитріевыхъ три вопроса эти могутъ быть разрѣшены только отрицательно. Свидѣтели эти озлоблены, предубѣждены противъ подсудимой, и потому пристрастное отношеніе ихъ къ дѣлу слишкомъ явно. Положеніе Дмитріевыхъ, дѣйствительно, было нѣсколько щекотливо: не задолго до смерти Н. М—ко, они угостили его стаканомъ чаю. На разсвѣтѣ, когда М—ко уже скончался, Алекс. Ег—на громогласно упрекала ихъ въ томъ, что они напоили его крѣпкимъ чаемъ, отъ котораго онъ умеръ; во время вскрытія, Португаловъ говорилъ объ этомъ стаканѣ чая приставу Пушкареву, въ присутствіи Дмитріева, который, по словамъ Пузанова, съ сердцемъ сказалъ доктору: «что вы и меня путаете!» Нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ злополучномъ и, по моему убѣжденію, невинномъ стаканѣ чая говорили уже и весь домъ, и сосѣди. Весьма естественно, что спокойно и равнодушно отнестись къ этому Дмитріевы не могли—и въ этомъ источникъ ихъ раздраженія, подозрительности и злобы противъ Алекс. Ег—ны, которая первая оскорбила и лишила ихъ спокойствія своимъ неосновательнымъ упрекомъ. Не даромъ г-жа Дмитріева «возненавидѣла» ее, какъ сама она проговаривается въ своемъ показаніи. Почувствовавъ необходимость защищаться, отъ самозащиты, какъ это нерѣдко бываетъ, они перешли въ нападеніе. А подозрительность полицейскаго чиновника и фантазія провинціальной кумушки придали показаніямъ ихъ излишнюю рѣшительность. Но и по содержанію своему показанія Дмитріевыхъ не могутъ имѣть на судѣ ровно никакой цѣны. Все, что въ нихъ существеннаго, передается ими по слуху. Къ счастью, они указываютъ намъ и источникъ. Такъ, о ссорѣ М—ко съ мужемъ, во время которой мужъ, будто-бы, упрекалъ ее въ томъ, что она «промѣняла его на мальчишку» (Рѣзникова), Дмитріевы говорятъ со словъ свидѣтельницъ Кривенковой и Маловаткиной. Вы сами слышали этихъ свидѣтельницъ—и что-же? Какъ и на слѣдствіи и на судѣ въ Ростовѣ, онѣ и здѣсь уличаютъ Дмитріеву во лжи: свидѣтельницами такой ссоры онѣ не были и ничего подобнаго Дмитріевой не говорили. Г-жа Дмитріева, со словъ дворника Жирова, передаетъ, будто-бы однажды онъ видѣлъ такую сцену въ корридорѣ, что «ему даже стыдно говорить о молодой

барынѣ». А вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Климъ Жировъ: «вечеромъ, часовъ въ 7—8, Алекс. Ег. въ корридорѣ тихо разговаривала съ Рѣзниковымъ; я въ это время сидѣлъ у параднаго крыльца и имъ меня не видно было; они не долго «шептались» въ корридорѣ, вскорѣ отперли дверь и вышли; Р—въ пошелъ къ себѣ на квартиру, а она вернулась въ домъ»... И только. О чемъ же тутъ «стыдно»-то говорить? Вообще, въ настоящемъ дѣлѣ всѣмъ свидѣтелямъ обвиненія, показывавшимъ съ чужихъ словъ, по слуху, страшно не повезло: по справкѣ, при сопоставленіи съ первоисточникомъ, всѣ эти показанія оказывались вымышленными. Левицкій, напр., ссылается на Оладову, но она его же уличаетъ во лжи; Дмитріевы говорятъ со словъ Маловаткиной, Кривенковой и Жирова, но эти трое ихъ опровергаютъ; Дьяконовъ уличаетъ сославшуюся на него Елизавету М—ко и т. д. Очень жаль, что г. прокуроръ, занявшись группировкой свидѣтелей, не выдѣлилъ названныхъ мною лицъ въ особую группу... Таково содержаніе свидѣтельскихъ показаній Дмитріевыхъ. Я упустилъ, впрочемъ, ту балетно-мимическую «сцену у воды», которая для г-жи Дмитріевой не могла, разумѣется, остаться незамѣченной: Алекс. Ег. какъ-то брала во дворѣ воду, въ это время проходилъ Р—въ, и «они обмѣнялись такими взглядами, какіе бываютъ между людьми близкими,—они улыбались другъ другу». Не считая себя экспертомъ по части улыбокъ и взглядовъ, въ особенности—расточаемыхъ у воды, я не могу, однако, за этою драгоцѣнною подробностью показанія не признать особенно серьезнаго значенія, ибо она съ истинно-комическою важностью занесена на страницы обвинительнаго акта...

Если показанія Дмитріевыхъ представляются крайне сомнительнымъ судебнымъ матеріаломъ, то при оцѣнкѣ показанія д-ра Португалова — этого главнѣйшаго и надежнѣйшаго свидѣтеля обвиненія—ваша судейская осторожность должна быть утроена. Вы, конечно, будете помнить его положеніе въ этомъ дѣлѣ; вы не забудете печальнаго эпизода съ 300 р., когда онъ, вечеромъ 19 октября, формально допрошенъ былъ полиціею по обвиненію его въ вымогательствѣ. Я охотно обхожу вопросъ о томъ, справедлива или нѣтъ была жалоба Дубровиныхъ; но для меня весьма важенъ самый фактъ такой жалобы и существованіе та-

кого слуха, быстро облетѣвшаго весь городъ и сильно помрачившаго имя г. Португалова. Онъ былъ скомпрометтированъ и какъ врачъ, и какъ человѣкъ; репутація его была поставлена на карту и возстановленіе ея въ значительной мѣрѣ стало въ зависимость отъ исхода возникшаго объ отравленіи М—ко дѣла. Была-ли жалоба Дубровиныхъ справедлива или лжива—оскорбленіе, досада и гнѣвъ Португалова намъ одинаково понятны. Ослѣпленный обидою и местью, онъ начинаетъ, такъ сказать, бить не по коню, а по оглоблямъ: онъ затѣваетъ уголовный процессъ о клеветѣ противъ незнакомаго ему г. Леонтьева, хорошо зная, что Леонтьевъ тутъ ровно не при чемъ, что онъ — только исполнитель порученія своихъ хозяевъ. Затѣмъ появляются пространнѣйшія показанія г. Португалова, въ которыхъ невольно чуется не правда, не жажда разоблаченія, а оскорбленное самолюбіе, злоба и месть... Отсюда вымыселъ и преувеличенія въ его свидѣтельствѣ—вольные и невольные.

Слушая показанія г. Португалова, крайне дивишься его необыкновенной наблюдательности. Пріѣзжая къ больному на нѣсколько минутъ, г. Португаловъ все видѣлъ, все замѣчалъ, все наматывалъ на усъ, ни одна подробность домашней обстановки М—ко не ускользнула отъ его пытливаго вниманія. И все въ этомъ домѣ ему казалось въ высшей степени страннымъ. Страннымъ казалось ему, что больной Н. М—ко, прикованный къ постели тяжкою болѣзнью, сгорающій отъ 40-градуснаго внутренняго жара, страдающій постоянною рвотою, не проявляетъ никакой самостоятельности, не показываетъ любопытному доктору своей «правящей руки», а остается пассивнымъ. Странно было и поведеніе Рѣзникова, который говорилъ съ докторомъ о больномъ вмѣсто озабоченной и встревоженной болѣзнью жены, ѣздилъ за докторами, бѣгалъ за лекарствомъ. Казались странными свидѣтелю и обращенные къ нему вопросы, продиктованные каждому понятными безпокойствомъ и тревогою любящей жены: «выздоровѣетъ ли, или умретъ больной?»—странными, какъ будто въ смертельномъ исходѣ болѣзни не могло уже быть и сомнѣній, разъ для леченія приглашенъ былъ докторъ Португаловъ... Всѣ домашніе, всѣ навѣщавшіе больного говорятъ намъ, что уходъ за больнымъ былъ безукоризненный, прекрасный, что жена три

недѣли безотлучно просидѣла дома; а д-ръ Португаловъ недоволенъ и уходомъ, и заброшенностью больного, около котораго онъ не всегда заставалъ жену,—забывая при этомъ, что самъ-же онъ, опытный врачъ, предостерегалъ Леонтьева не оставаться болѣе 5 минутъ въ комнатѣ больного заразною болѣзнью. Или женѣ эта зараза не угрожала? Г. Португаловъ утверждаетъ, что втеченіе всей болѣзни М—ко ему казались странными и въ высшей степени подозрительными отношенія Рѣзникова и Алекс. М—ко между собою и къ больному. Такъ-ли это? не подозрительность-ли это заднимъ числомъ? Если поведеніе домашнихъ и окружающая больного обстановка давали поводъ къ серьезнымъ подозрѣніямъ, то почему же подозрѣнія эти не пробудились въ г. Португаловѣ въ вечеръ 18-го октября, когда онъ обнаружилъ несомнѣнные, по его мнѣнію, признаки отравленія? почему онъ не остался у М—ко? какъ могъ онъ покинуть своего паціента въ такой обстановкѣ, въ такомъ безпомощномъ, безнадежномъ положеніи? Почему, узнавъ о внезапной смерти своего «выздоровѣвшаго» и «поставленнаго на ноги» паціента, онъ не поднялъ тотчасъ-же тревогу? Почему ни приставу Пушкареву, производившему дознаніе и о причинахъ смерти М—ко, ни помощнику его Англиченкову, ни тремъ производившимъ вскрытіе врачамъ онъ ничего не говоритъ о своихъ подозрѣніяхъ? Почему онъ рѣшается, наконецъ, заявить судебной власти о своихъ «недоумѣніяхъ» только тогда, когда, уже два дня назадъ, самого его потребовали къ отвѣту по жалобѣ на вымогательство? Нѣтъ, «наблюдательность» г. Португалова весьма страннаго свойства...

Понимая всю ничтожную цѣнность своихъ «наблюденій» и показаній, г. Португаловъ придумываетъ весьма сложную исторію съ двумя секретными болѣзнями, бывшими, будто-бы, у Рѣзникова и у А. М—ко и изъ которыхъ одна, по его заключенію, была причиною другой... Гг. присяжные засѣдатели! Когда французское правительство потребовало у д-ра Дюпюитрана указать инсургентовъ, лечившихся у него послѣ іюньскихъ дней 1832 г., онъ съ достоинствомъ отвѣтилъ: «я лечилъ не инсургентовъ — я лечилъ раненыхъ!» Французскій медицинскій корпусъ съ справедливою гордостью вспоминаетъ эти благородныя слова!.. Когда молодыхъ врачей выпускаютъ изъ нашихъ универ-

ситетовъ, съ нихъ берутъ факультетское обѣщаніе «...свято хранить ввѣряемыя мнѣ семейныя тайны и не употреблять во зло оказываемаго мнѣ довѣрія». Какъ нравственный завѣтъ, какъ напутствіе, факультетское обѣщаніе это украшаетъ собою дипломъ каждаго русскаго врача... Я не стану распространяться здѣсь о врачебной тайнѣ, какъ элементѣ профессіональной медицинской морали; я допускаю, что при коллизіи обязанностей гражданина и врача первыя могутъ взять иногда верхъ надъ послѣдними. Но я смѣю думать, что, разъ врачъ рѣшается высказать публично такую позорящую вещь,—онъ долженъ прежде много и долго подумать, достаточны-ли основанія для сложившагося у него мнѣнія и не могутъ-ли слова его показаться непростительно-опрометчивымъ легкомысліемъ, или даже клеветой, какъ постыднымъ оружіемъ злобы и мести. Здѣсь мы вправѣ требовать отъ врача самаго строгаго и яснаго отчета!

Посмотримъ-же, провѣримъ правильность столь рѣшительнаго діагноза д-ра Португалова и тѣ основанія, которыя дали ему право заявить объ однородныхъ и зависимыхъ болѣзняхъ у подсудимыхъ, обезславливая молодую, порядочную женщину, стараясь связать обоихъ, какъ цѣпью, этой новой уликой.

Извиняюсь передъ аудиторіей, но я долженъ остановиться на этомъ вопросѣ. По ученію гинекологіи, бѣли есть выдѣленія катарральнаго свойства изъ родовыхъ путей, какъ явленіе катарра шейки матки. Онѣ представляютъ нѣсколько разновидностей—бываютъ: бѣлыя, гноевидныя, обладающія раздражающими свойствами, острыя, хроническія. Но внѣшняя сторона бѣлей почти одинакова, діагнозъ ихъ весьма затруднителенъ, и чаще всего хроническія бѣли принимаются за гоноррейныя. До и послѣ менструаціи слизистыя выдѣленія принимаютъ свойство болѣзненныхъ бѣлей. Далѣе, бѣли могутъ развиваться подъ вліяніемъ массы раздражающихъ причинъ: танцевъ, верховой ѣзды, быстрой ходьбы, неумѣреннаго coitus, полового возбужденія, менструаціи, родовъ, выкидыша и т. п. Бленнорреею страдаетъ добрая половина нашихъ женщинъ. Нерѣдко причина, ихъ вызвавшая, самого невиннаго свойства, ибо, какъ удостовѣрено экспертомъ г. Патенко, онѣ встрѣчаются даже у маленькихъ дѣвочекъ. Сообразно продолжительности и интензивности бо-

лѣзненнаго процесса, бѣли могутъ разнообразиться, какъ въ количествѣ, такъ и въ своихъ свойствахъ. А «послѣ недостаточной инволюціи матки и послѣдовавшаго выкидыша—говоритъ проф. Добронравовъ—хроническій эндометритъ тянется иногда много лѣтъ». И чаще всего хроническія бѣли принимаются за гонорреиныя, заразныя.

Въ правильномъ и безошибочномъ распознаваніи этой болѣзни наука гинекологіи затруднялась еще 10 лѣтъ назадъ. Но въ 1879 г. проф. Нейссеръ, открывъ микроорганизмъ бленнорреи, далъ въ руки медицины вѣрный и надежный способъ изслѣдованія: съ этихъ поръ единственнымъ признакомъ для опредѣленія заразнаго происхожденія бѣлей является присутствіе въ выдѣленіяхъ гонококка. «Діагностика влагалищной бленнорреи—говоритъ французскій ученый Мартино — представляетъ затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ бы вагинитъ ни былъ—произвольный, травматическій, конституціональный, діатезическій, первичный, вторичный, послѣдовательный или гнойный,—болѣзненные симптомы и поврежденія будутъ все одни и тѣ-же: боль, краснота, серозно-гнойная, бѣлая, желтая, желтовато-зеленая течь, грануляція, эрозіи отъ мацераціи эпителія слизистой оболочки. Во всей этой симптоматологіи нѣтъ ни одного признака, позволяющаго поставить дифференціальный діагнозъ»... Единственно вѣрнымъ признакомъ трипперного свойства бѣлей Мартино, а за нимъ и лейпцигскій проф. Зенгеръ, признаютъ обнаруженіе гонококковъ, требующее весьма сложнаго микроскопическаго изслѣдованія.

Каково-же было происхожденіе бленнорреи у А.М—ко? Здѣсь соединилось нѣсколько вызвавшихъ ее причинъ: малокровіе и плохое физическое развитіе; ранняя беременность; выкидышъ, послѣ котораго она два мѣсяца провела въ постели, и, наконецъ, поднятіе тяжести (случай съ боченкомъ, которымъ она «надорвалась», послѣ чего на цѣлый мѣсяцъ слегла въ постель), а поднятіе тяжести, смѣщая матку, вызываетъ приливъ или застой крови, обусловливающій катарральныя выдѣленія. Врачъ тюремной больницы, г. Красса, неоднократно лечившій подсудимую въ тюрьмѣ, удостовѣряетъ, что бѣли иногда появлялись у нея передъ менструаціей — обыкновенно неправильной, — отъ нѣ-

сколькихъ смазываній проходили и, вообще, были податливы леченію и свойства незлокачественнаго. На вопросы г. Португалову въ Таганрогскомъ Судѣ о признакахъ, по которымъ онъ опредѣлилъ заразный характеръ бѣлей, онъ, по свидѣтельству докторовъ Лешкевича и Крассы, далъ отвѣтъ весьма неудовлетворительный; а когда защита возбудила ходатайство объ истребованіи рецептурныхъ книгъ всѣхъ мѣстныхъ аптекъ, — такъ какъ Рѣзниковъ прямо заявилъ, что боленъ онъ не былъ и у Португалова никогда не лечился,—г. Португаловъ поспѣшилъ предупредить это разоблаченіе соображеніемъ, что, можетъ быть, рецепты имъ писаны были и на другое имя...

И такъ, не произведя требуемаго наукою микроскопическаго изслѣдованія, присочинивъ попутно исторію болѣзни Рѣзникова, г. Португаловъ рѣшается заявлять о заразномъ характерѣ болѣзни! Такія смѣлыя гипотезы не позволительны даже въ клиникѣ, тѣмъ менѣе терпимы онѣ на судѣ—и я думаю, что это показаніе Португалова не много прибавило къ уликамъ противъ обвиняемыхъ, а къ доброй славѣ самого свидѣтеля — и того меньше...

Мною разобрано все самое существенное изъ многосложнаго матеріала слѣдствія, на чемъ обвинительною властью строилось предположеніе объ интимныхъ отношеніяхъ А. М—ко съ Рѣзниковымъ. А слѣдствіе не гнушалось въ этомъ отношеніи даже самыми сомнительными источниками, занося, напримѣръ, въ показаніе сторожа Жирова даже пьяныя слова неизвѣстной прохожей бабы: «не успѣла похоронить мужа, а уже завела другого»! Все было пригодно, все хорошо: и сплетни, и слухи, и даже улыбки и взгляды! Создаетъ-ли, однако, все это—не убѣжденіе, нѣтъ!— а хотя бы одну тѣнь его, хотя бы сколько-нибудь разумное подозрѣніе въ существованіи между ними любовной связи?

Но, быть можетъ, разсмотрѣніе супружескихъ отношеній Максименко прольетъ слабый свѣтъ на этотъ вопросъ? Какова-же была супружеская жизнь Максименко?

Самая исторія замужества Александры Дубровиной, предпочтеніе, оказанное ею, завидною невѣстою, бѣдному приказчику передъ цѣлымъ отрядомъ искателей ея руки, не смотря на общее недовольство этимъ бракомъ со стороны ея родственниковъ;

тайная свадьба, съ романическимъ бѣгствомъ, въ посадѣ Азовѣ— все это ясно указываетъ, какими чувствами одушевлена была Александра Егоровна, выходя за Николая М—ко. Весь первый годъ ихъ супружества—это признаютъ всѣ безъ исключенія, даже враждебные намъ, свидѣтели—былъ, такъ сказать, праздникомъ счастья, непрерывнымъ торжествомъ молодой любви. Но, быть можетъ, чувства эти отцвѣли и поблекли—и для молодыхъ супруговъ наступила затѣмъ, какъ выразился г. прокуроръ, «осень любви»? Такъ-ли это? Отбросивъ постыдно сочиненный Левицкимъ эпизодъ съ Панфиловымъ, мы видимъ, что въ отношеніяхъ супруговъ и послѣ никакой перемѣны не послѣдовало. Напротивъ, второй годъ супружества представилъ намъ новыя крупныя доказательства сильной привязанности Алекс. Егор. къ ея мужу. По словамъ двухъ свидѣтельницъ, она очень любила мужа и,—на удивленіе имъ, не понимавшимъ такой безграничной преданности богатой жены бѣдняку-мужу,—слушалась его больше, чѣмъ матери. Она выдаетъ ему полную довѣренность на участіе въ дѣлахъ торговаго дома. Происходитъ у зятя крупная ссора съ тещей, сильно его не долюбливавшей, — чью сторону принимаетъ Алекс. Ег—на? Нападаетъ-ли и она на своего мужа, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ея золовка? Нѣтъ, она покидаетъ мать, оставляетъ всѣ удобства полнаго, какъ чаша, богатаго родительскаго дома и идетъ за мужемъ въ гостинницу, гдѣ и остается съ нимъ цѣлую недѣлю, до самой мировой. Но вотъ Алекс. Ег—вна беременна; она—молодая, слабая, хрупкая; акушерки опасаются за благополучный исходъ первыхъ родовъ. И тутъ первая мысль ея—о мужѣ: она умретъ и, съ ея смертью, его выгонятъ на улицу... Нѣтъ, она должна его обезпечить — пусть все ея богатство будетъ—его.

Она желаетъ составить духовное завѣщаніе, но ей только 18 лѣтъ, и вотъ, по указанію брата, Антонина М—ко, 16 іюля 1886 г. совершается извѣстный уже нотаріальный актъ о продажѣ ею своему мужу товарищескаго пая ея въ торговомъ домѣ Дубровиныхъ, цѣнностью до 100.000 р., другими словами—всего ея состоянія. Оправившись отъ болѣзни, она два лѣта подрядъ, съ мая по октябрь, проводитъ съ мужемъ въ Калачѣ. Здѣсь шла рѣчь о ея пріѣздѣ въ Ростовъ; но, кажется, нами доказано,

что пріѣздъ ея среди лѣта въ Ростовъ относится не къ послѣднему году, когда она безотлучно была съ мужемъ, а къ 1887-му; а, по утвержденію самого обвинительнаго акта, зарожденіе связи съ Рѣзниковымъ относится къ концу этого года. Цѣлое лѣто 1888 г. она не видится съ Р—вымъ, не ведетъ съ нимъ переписки. Въ Калачѣ отношенія супруговъ тѣ-же, прежнія—теплыя, сердечныя. Она заботится о здоровьи мужа и, когда онъ собирается на охоту въ дурную погоду, она упрашиваетъ его остаться. Эта послѣдня охота была роковою—опасенія жены сбылись: Ник. Фед. простудился и заболѣлъ тяжелымъ тифомъ. Встревоженная его болѣзнью, она телеграммой выписываетъ изъ Царицына лучшаго доктора, спѣшитъ перевезти больного, на чужомъ пассажирскомъ пароходѣ, въ Ростовъ, гдѣ немедленно приглашаются Португаловъ, потомъ Лешкевичъ. И здѣсь, по общему отзыву, уходъ за больнымъ былъ заботливый, образцовый: долгіе часы просиживая у его постели, она три недѣли не знала, что такое улица. Мужъ никогда, какъ и до болѣзни, не высказалъ ни одного упрека, ни одной жалобы на жену, а больные вѣдь такъ раздражительны, такъ капризны и несправедливы!

Длинный рядъ лицъ, знавшихъ семейную жизнь Максименко въ различные періоды, въ разные моменты и при мѣнявшейся обстановкѣ, всѣ дружнымъ хоромъ, всѣ согласно, какъ одинъ человѣкъ, засвидѣтельствовали передъ вами, что Алекс. Ег. была добрая, любящая и преданная жена, что супруги М—ко жили счастливо, согласно; одни свидѣтели «любовались на ихъ согласіе», другіе—«желали того-же и своимъ дѣтямъ». Вамъ говорилъ г. прокуроръ, что всѣ эти свидѣтели люди подчиненные, служащіе, что «семья—тайникъ», а они, будто, видѣли одну оффиціальную, казовую сторону. Но сюда явилось не мало свидѣтелей, которые болѣе уже не служатъ у Дубровиныхъ; здѣсь была допрошена и прежняя прислуга,—а кому, какъ не прислугѣ, извѣстны всѣ самыя завѣтныя домашнія тайны? И всѣ они говорятъ одно и то же, хотя показанія ихъ относятся къ различному времени. Припомните, напр., дышавшее здѣсь такою правдою показаніе свидѣтеля Войцеховскаго, этого честнѣйшаго и совѣстливѣйшаго человѣка, который, забывъ старую непріязнь, старое недовольство противъ хозяевъ, которыхъ оставилъ еще 3 года назадъ, и даже

противъ самой подсудимой, помнилъ здѣсь только одно: что онъ—свидѣтель, цѣловавшій крестъ и евангеліе, отъ котораго судъ ждетъ одной только правды. Этотъ свидѣтель жилъ до самаго отъѣзда М—ко изъ Калача подъ одною съ ними кровлей, и семейная жизнь подсудимой за послѣдніе мѣсяцы была передъ нимъ, какъ на ладони,—и что же? Сказалъ-ли онъ хоть одно недоброе о ней слово?

Свидѣтель Леонтьевъ, котораго высоко цѣнитъ и г. прокуроръ, удостовѣрилъ передъ нами, что покойный Ник. Фед. былъ счастливъ въ семейной жизни и на жену никогда не жаловался: онъ любилъ и цѣнилъ ее. А регентъ Сухоруковъ передалъ намъ печальную сцену крупной ссоры Ник. М—ко съ его сестрою въ Калачѣ, во время которой онъ упрекалъ сестру въ распутствѣ, говорилъ, что родные его срамятъ, позорятъ, что онъ стыдится ихъ родства, горячился, даже плакалъ, а когда сестра Елизавета дурно отозвалась объ Алекс. Ег., онъ съ кулаками бросился на родную сестру, осмѣлившуюся оскорбить его жену.

Но пусть показанія многочисленныхъ свидѣтелей нашихъ кажутся г. прокурору матеріаломъ «недоброкачественнымъ», пусть «доброкачественны» одни лишь Португаловъ, Левицкій, Елиз. М—ко; пусть не стоятъ вашего довѣрія всѣ эти родственники, горничныя, приказчики, капитаны, сторожа—по пристрастію-ли, по зависимости-ли отъ подсудимой. Мы не безоружны: у насъ есть свидѣтель лучшій, нелицепріятный и неподкупный, свидѣтель мертвый, которому невѣдомы ни злобы, ни пристрастіе — это письма жены и мужа. Вы помните содержаніе этой супружеской переписки. Главнѣйшее значеніе имѣютъ для насъ два послѣднія письма подсудимой отъ 26 марта и 1 апрѣля 1888 г., т. е. всего за 5 мѣсяцевъ до его смерти и за нѣсколько дней до ея пріѣзда въ Калачъ,—имъ-же отстроченнаго вслѣдствіе ремонта квартиры. Въ этихъ письмахъ, обремененныхъ поцѣлуями и объятьями—цѣлымъ «милліономъ» поцѣлуевъ, изъ этихъ неровныхъ, торопливыхъ строчекъ такъ и брызжетъ искреннее, горячее чувство, не остуженное еще трехлѣтнимъ супружествомъ. Она скучаетъ, она тоскуетъ, она упрекаетъ, что рѣдко пишетъ ей, она цѣлуетъ его всего—его «ручки и ножки», она «всю ночь проплакала», она рвется къ любимому мужу... Господа, однихъ этихъ

писемъ, съ ихъ, по-истинѣ, трогательною нѣжностью, достаточно было-бы, чтобы сказать гг. Левицкимъ и К°: неправду говорите вы—она своего мужа любила!...

Да, несомнѣнно, что Александра Егоровна любила своего мужа — и въ этомъ новое опроверженіе обвиненія въ любовной связи съ Рѣзниковымъ. Но допустимъ даже, на минуту, что наши свидѣтели допустили нѣкоторую утрировку и что эта воображаемая связь существовала. Объясняетъ-ли она чѣмъ-нибудь мужеубійство, доказанъ-ли *мотивъ* преступленія, на которомъ построенъ весь обвинительный актъ? Разъ эта связь имѣла уже годовую давность, что же мѣшало ея продолженію? Вѣдь мужъ не замѣчалъ ея, нисколько ей не мѣшалъ; онъ до послѣдняго дня былъ друженъ съ Рѣзниковымъ. Почему бы ей не пребывать въ пріятномъ и безопасномъ адюльтерѣ? Вѣдь отъ связи съ любовникомъ до мужеубійства — цѣлая пропасть. Къ чему лицемѣріе? Взгляните окрестъ себя: соблюдаются-ли брачные обѣты? гдѣ эта чистота нравовъ? гдѣ вѣрность долгу? И если-бы рука волшебника нежданно съ домовъ сорвала кровли,—сколько бы альковныхъ тайнъ открылось передъ нами, сколько прелюбодѣйныхъ связей оказалось бы тамъ, гдѣ такъ мягко сіяла вывѣска благочестія и строгой нравственности! Сотни тысячъ супруговъ живутъ безъ любви, безъ привязанности, въ полномъ нравственномъ отчужденіи, связанные лишь цѣпями брака, а часты ли подобныя страшныя преступленія?

Для такого страшнаго преступленія рычагомъ должна быть и сильная страсть. Мало одной безумной страсти къ любовнику—необходима еще такая же ненависть къ мужу. Только эти двѣ душевныя силы могутъ подвинуть на такое безумно-ужасное дѣло. Доказало ли, спрашиваю я, обвиненіе естественность появленія у подсудимой такой сильной страсти, которая заставила бы ее пренебречь и положеніемъ, и состояніемъ, самою жизнью своею, рисковать каторгой, для того только, чтобы связать судьбу свою съ восемнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, который, по мнѣнію прокурора, и безъ того былъ ея любовникомъ? Откуда такія африканскія страсти? Онѣ, пожалуй, бываютъ, но только въ романахъ, да и то плохого, рыночнаго издѣлія. Когда передъ вами проходитъ тяжелая народная драма, изображенная авторомъ «Власти

Тьмы»,—страшная развязка имѣетъ правдивое, жизненное объясненіе: старый, больной, ворчливый мужъ и красавецъ-парень—не конкурренты; ненависть къ первому и страсть ко второму, переплетаясь и взаимно усиливаясь, создаютъ преступленіе мужеубійства—и оно тамъ объяснимо, понятно... Но есть-ли что либо похожее въ нашемъ дѣлѣ?...

Положеніе Рѣзникова въ этомъ дѣлѣ нѣсколько иное; онъ *могъ* желать промѣнять шаткое положеніе любовника-слуги на прочное—мужа-хозяина. Но здѣсь интересы подсудимыхъ совершенно противуположны: что выгодно Р—ву, то невыгодно А. М—ко; для него преступленіе — карьера; для нея—гибель. Оставаясь въ супружествѣ съ Максименко, Алекс. Ег. сохраняла бы завидное положеніе богатой женщины; выходя за Рѣзникова, она, со смертью Максименко, теряетъ почти все свое состояніе, которое ею формально передано въ полную собственность мужу и которое теперь возвратится къ ней лишь въ размѣрѣ «указной», «вдовьей», т. е. 1/4 части! Она даже не обезпечила себя духовнымъ завѣщаніемъ мужа—а чего проще было позаботиться объ этомъ во время его болѣзни! — и, такимъ образомъ, совершаетъ тяжкое уголовное преступленіе исключительно ради обогащенія родственниковъ мужа, къ которымъ все ея состояніе и переходитъ, какъ наслѣдство по закону. Вотъ что давалъ подсудимой бракъ съ Рѣзниковымъ, достигаемый кровавымъ устраненіемъ препятствія къ нему въ видѣ законнаго мужа!

Здѣсь умѣстно остановиться на затронутомъ г. прокуроромъ вопросѣ о значеніи нотаріальнаго продажнаго акта 16 іюля 1886 г. Документъ этотъ возбуждаетъ два вопроса: о юридической силѣ самой сдѣлки и о доказательствахъ ея существованія. Г. прокуроръ утверждалъ, во-первыхъ, что самая сила этого акта весьма спорна и, во вторыхъ, что, по свойству сдѣлки, съ утратою документа теряется и самое право, изъ этой сдѣлки вытекающее. Смѣю думать, что мой почтенный противникъ-криминалистъ весьма заблуждается,—и позволю себѣ представить по этому поводу слѣдующія соображенія. О юридической силѣ самого акта я говорить не стану, такъ какъ чѣмъ разрѣшится спорное дѣло въ Сенатѣ—не знаю. Но я знаю, что Таганрогскій Коммерческій Судъ, признавъ этотъ договоръ — правильнымъ

актомъ имущественной передачи, призналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наслѣдника умершаго М—ко, брата его Антонина, полноправнымъ пайщикомъ торговаго дома, замѣстителемъ Александры М—ко; я знаю, кромѣ того, что въ тяжбѣ Дубровиныхъ о силѣ этого продажнаго акта подсудимая никакого участія не принимаетъ. Второй вопросъ—о способахъ удостовѣренія сдѣлки въ случаѣ утраты письменнаго договора—представляется нѣсколько сложнѣе. По закону, выраженному въ ст. 1545 1 ч. X т., договоръ можетъ быть уничтоженъ только по взаимному согласію контрагентовъ. Утрата документа, служащаго внѣшнею оболочкою договора, конечно, создаетъ для утратившей его стороны извѣстныя затрудненія, но чисто процессуальнаго свойства, и отнюдь не лишаетъ пріобрѣтенныхъ по договору правъ. Утраченный документъ можетъ быть возстановленъ или замѣненъ. Такъ, напримѣръ, выдаются дубликаты исполнительныхъ листовъ. Если возможно возстановленіе даже исполнительнаго листа, то тѣмъ легче можетъ быть доказанъ фактъ существованія договора, для заключенія котораго письменная форма не обязательна. Пай въ предпріятіи есть видъ имущества движимаго; продажа движимости можетъ быть совершаема и словесно, безъ письменнаго договора (ст. 1510 1 ч. X т.). Существованіе же словеснаго договора и всѣ возникающіе изъ него споры могутъ быть доказываемы свидѣтельскими показаніями, при чемъ законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (ст. 409 уст. гражд. суд.) допускаетъ этотъ видъ доказательствъ и въ удостовѣреніе событій, для которыхъ предустановлены доказательства письменныя, формальныя.

Поэтому, стоило только Антонину М—ко выставить свидѣтелями нотаріуса Фоллендорфа и писцовъ его конторы—и совершеніе продажнаго акта было бы на судѣ установлено. Но въ данномъ случаѣ прибѣгать къ этому способу не было никакой надобности, ибо договоръ 16-го іюля 1886 г. занесенъ былъ въ нотаріальный реэстръ, и потому оставилъ неизгладимый слѣдъ въ оффиціальныхъ актахъ. Хотя онъ внесенъ въ реэстръ и не дословно, но всѣ существенныя подробности акта были прописаны полностью: тамъ обозначены договаривающіяся стороны и попечитель надъ одною изъ нихъ, точно указаны—продаваемое имущество, цѣна и т. п. Словомъ, въ этомъ реэстрѣ—экстрактъ договора 16-го

іюля. Стоило взять засвидѣтельствованную выписку изъ этого реэстра—и утраченный актъ для суда вполнѣ возстановленъ. Антонинъ М—ко такъ и поступилъ: въ основаніе его иска и представлена такая именно выписка изъ нотаріальнаго реэстра и судъ, признавъ ее доказательствомъ вполнѣ достаточнымъ, удовлетворилъ его искъ.

Говорятъ далѣе, что этотъ актъ былъ скрытъ. Но «скрывать» подобный документъ было бы совершенной безсмыслицей: скрываютъ то, чѣмъ можно впослѣдствіи воспользоваться (деньги, процентныя бумаги и т. п.). Въ сокрытіи же документа, не дающаго скрывающему никакихъ правъ, нѣтъ, разумѣется, ровно никакого интереса. Такой документъ, на которомъ основаны не мои, а противника моего права, я, въ корыстныхъ видахъ, не скрою, а *уничтожу*. Однако, договоръ 16-го іюля не только не былъ уничтоженъ, но нами же былъ представленъ въ Таганрогскомъ Судѣ, какъ только объ этой сдѣлкѣ зашла на судѣ рѣчь.

И такъ, продажный актъ существуетъ; онъ—въ силѣ; на немъ основано рѣшеніе Коммерческаго Суда,—и передъ вами не богатая когда-то дочь купца Дубровина, а лишенная всего, почти нищая, вдова Максименко...

Таковъ «любовный мотивъ» преступленія, выставленный обвинительнымъ актомъ и вполнѣ, надѣюсь, опровергнутый доводами защиты. Но мотивъ этотъ оказывается не единственнымъ—здѣсь, на судѣ, произошла сегодня небывалая еще «перемѣна фронта» обвиненія. Сознавая всю шаткость обвиненія, построеннаго на опровергнутомъ слѣдствіемъ любовномъ мотивѣ, г. прокуроръ ставитъ новую подпорку къ этому готовому рухнуть и разсыпаться во прахъ зданію. Въ обвинительной рѣчи любовный мотивъ отходитъ на второй планъ и на его мѣсто выступаетъ мотивъ *корыстный*. Но, если первая мотивировка обвиненія страдала явною негодностью матеріала и произвольностью выводовъ, то мотивировка вторая, сегодняшняя—представляетъ собою рядъ совершенно не считающихся съ фактами экскурсій въ область житейской философіи. «Долой факты!»—и «да здравствуетъ психологія!» — таковъ девизъ г. обвинителя, совсѣмъ, повидимому, позабывшаго, что «психологія, вѣдь,—палка о двухъ концахъ»...

Схема этого новаго психологическаго этюда такова: Максименко—человѣкъ себѣ на умѣ, женившійся на деньгахъ, эгоистъ, думающій только о себѣ и своихъ удовольствіяхъ, забросившій жену, прибравшій къ рукамъ и ее, и ея состояніе, «окоротившій» ее на столько, что она безъ его разрѣшенія не можетъ купить себѣ башмаковъ; бездѣтная, ни чѣмъ не занятая жена начинаетъ чувствовать и свое одиночество, и свою зависимость, которая ее тяготитъ, и чтобы сбросить съ себя это иго, она, вмѣстѣ съ молодымъ любовникомъ, посягаетъ на жизнь мужа... Пожалуй, стройно и гладко; но вѣрно ли это разсужденіе фактически? Въ чемъ сказались этотъ «эгоизмъ» мужа, это мнимое рабство жены? Мы, прежде всего, не должны забывать, изъ какой среды вышла Алекс. Егоровна. Вѣдь это была не барышня, до переутомленія извѣдавшая прелести оперы, баловъ, заграничныхъ курортовъ, прошедшая, словомъ, полный курсъ свѣтской жизни и, затѣмъ, вдругъ посаженная мужемъ подъ замокъ. Это—не эмансипированная курсистка, начитавшаяся Боклей и Джонъ-Стюартовъ-Миллей и воспріявшая благодать женской свободы. Для нихъ—скучная, однообразная жизнь купеческаго склада, конечно, была бы душною тюрьмою. Александра Дубровина принадлежала къ богатой, но простой, мужиковатой купеческой семьѣ, очень молодой еще своей генеалогіей: еще отецъ ея былъ крестьяниномъ и только упорнымъ трудомъ и неусыпной энергіей выбился на дорогу, создавъ и новый купеческій родъ, и крупное торговое предпріятіе. Но культурность семьи осталась прежняя, нравы и семейныя отношенія были архаическіе, домостройные. Домъ Дубровиныхъ былъ теремъ. Раннимъ утромъ начиналась въ немъ жизнь; съ пѣтухами вставалъ старикъ Дубровинъ, отправляясь въ контору пароходства и поднимая домашнихъ; раннимъ вечеромъ жизнь эта и засыпала. Что видѣла здѣсь 15-ти-лѣтняя дѣвочка, кромѣ четырехъ—правда, какъ удостовѣряетъ судебный слѣдователь, расписанныхъ — стѣнъ? чѣмъ разнообразилась ея замкнутая жизнь? Въ субботу и воскресенье набожные родители водили ее въ церковь, изрѣдка—къ дядямъ—и только. Но вотъ отецъ умираетъ—власть дома переходитъ къ женатому брату; а еще черезъ годъ, вскорѣ по смерти брата,—16-ти лѣтъ она выходитъ замужъ. Когда же она могла познать и свободу, и цѣну своимъ день-

гамъ? Сравните жизнь ея дѣвичью съ супружескою—и вы согласитесь со мною, что съ замужествомъ объемъ свободы и правъ ея не съузился, а расширился, что она стала вести болѣе веселую, менѣе затворническую жизнь: съ мужемъ она посѣщаетъ театръ, они заводятъ знакомства, лѣтомъ уѣзжаютъ изъ душнаго Ростова въ Калачъ. Говорятъ: «жизнь ея ничѣмъ не была наполнена», но забываютъ ея умственное развитіе, примиряющее съ самою ординарною обстановкою. Какіе могли пробудиться у нея запросы, какія требованія, какіе могли быть высшіе интересы? Въ ея письмахъ видятъ доказательство ея матеріальной зависимости, тогда какъ они доказываютъ лишь нежеланіе сдѣлать что нибудь безъ вѣдома любимаго мужа, съ которымъ она охотно дѣлится мыслью о самыхъ ничтожныхъ пустякахъ обихода. Есть-ли въ ея письмахъ хоть тѣнь упрека, хоть нота недовольства? Нѣтъ, не могла рабой чувствовать себя Александра Егоровна—мужъ ни въ чемъ ея не стѣснялъ, она была полной хозяйкой и за-мужемъ ей жилось куда веселѣе и привольнѣе, чѣмъ прежде!

Доказавъ отсутствіе всякаго мотива къ преступленію—нравственнаго и матеріальнаго,—я, однако, счелъ бы мою задачу не исполненною, еслибы обошелъ молчаніемъ цѣлую цѣпь косвенныхъ уликъ, которою обвиненіе пыталось сковать подсудимыхъ и между собою, и съ фактомъ смерти Н. М—ко. Однимъ изъ крупныхъ звеньевъ этой цѣпи является обстоятельство, которому на слѣдствіи придавалось значеніе «приготовленія къ преступленію», но которое на судѣ обрисовалось самымъ невыгоднымъ для обвиненія образомъ. Вопросъ объ орудіи преступленія въ уголовномъ процессѣ имѣетъ, какъ улика, громадное, нерѣдко рѣшающее значеніе. Если убійство совершено орудіемъ рѣжущимъ, ножемъ; если у заподозрѣннаго найденъ ножъ, размѣры котораго совпадаютъ съ размѣрами ранъ у жертвы, или если установлено, что не задолго до убійства обвиняемый пріобрѣлъ или только пріискивалъ соотвѣтствующее способу совершенія преступленія орудіе,— этимъ создается улика такой убѣдительной силы, что нерѣдко ею одною рѣшается безповоротно вопросъ о виновности. Съ такими уликами необходимо, поэтому, считаться даже тогда, когда ихъ прямо не выставляютъ. Въ настоящемъ процессѣ этотъ пріемъ умолчанія въ обвинительной рѣчи объ

обстоятельствахъ, по требованію самого же г. прокурора на судебномъ слѣдствіи провѣрявшихся,—практикуется моимъ почтеннымъ противникомъ въ довольно неумѣренныхъ размѣрахъ. Но, по опыту, я опасаюсь этихъ скрытыхъ, въ кучу сваленныхъ и неразработанныхъ уликъ болѣе, чѣмъ уликъ, выставленныхъ категорически, ясно и прямо. О томъ или иномъ обстоятельствѣ умолчалъ г. прокуроръ, не возражаетъ поэтому и защита,—а между тѣмъ одному изъ васъ придетъ въ совѣщательной комнатѣ на память это именно затерявшееся въ преніяхъ обстоятельство—и Богъ вѣсть, какъ еще оно будетъ истолковано!—На ряду съ нѣкоторыми другими обстоятельствами—затерялся какъ-то и разсказъ Елизаветы М—ко о пріобрѣтеніи подсудимою мышьяка. Эта свидѣтельница была допрошена на предварительномъ слѣдствіи дважды: 21 декабря 1888 г. (т. е. черезъ два мѣсяца послѣ смерти ея брата) и вторично—еще черезъ два мѣсяца—27 февраля 1889 г. На первомъ допросѣ она ограничилась жалобами на дурное обращеніе съ ея братомъ и съ нею, на дурной столъ, отъ котораго у нея—избалованной посѣтительницы гостинницъ—сдѣлался даже катарръ желудка и т. п. Брата отравили, а она докладываетъ слѣдователю о своемъ катаррѣ! Но прошло два мѣсяца—и, снова появившись у слѣдователя, она даетъ менѣе пространное, но уже болѣе серьезное показаніе, будто лѣтомъ 1888 г. Александра Ег—на неоднократно приказывала въ Калачѣ Федору Дьяконову купить мышьяку для травли крысъ. Я очень признателенъ Елизаветѣ М—ко, какъ и остальнымъ свидѣтелямъ по слуху, что они поименно называли намъ тѣхъ, съ чьихъ словъ они говорятъ: вы, конечно, хорошо помните, что ни одна такая ссылка «доброкачественныхъ» свидѣтелей обвиненія при повѣркѣ не подтвердилась. Та же злая доля постигла и это «дополнительное» показаніе Елиз. М—ко. Свидѣтель Дьяконовъ,—какъ и на слѣдствіи, и на судѣ въ Ростовѣ,—опровергъ здѣсь этотъ измышленный разсказъ: объ этомъ мышьякѣ, объ этихъ крысахъ онъ впервые услышалъ только на допросѣ.

Я подошелъ къ главной крѣпости обвиненія—къ «преступному моменту»—и долженъ сказать, что эта мнимая «твердыня» совершенно неосновательно возбуждаетъ слишкомъ большія упо-

ванія обвинительной власти. Конечно, отмежевавъ ограниченное время и небольшое мѣсто и поименовавъ дѣйствующихъ лицъ, легче разрѣшить загадку дѣла; но не слѣдуетъ забывать, что по прошествіи трехъ лѣтъ нельзя установить съ точностью, кто и въ какое именно время былъ въ домѣ. А мы знаемъ, что больного постоянно навѣщали родные и знакомые; намъ, кромѣ того, извѣстно, что симптомы отравленія наступаютъ иногда и черезъ нѣсколько часовъ послѣ введенія въ организмъ яда.

Г. прокуроръ, указавъ, что къ «преступному моменту» въ домѣ Дубровиной, кромѣ больного, находилось только четыре лица, и устранивъ подозрѣніе отъ Бурыковой и Гребеньковой, останавливаетъ свое обвиненіе на остальныхъ двухъ—на подсудимыхъ. Но оправдывается-ли такая постановка обвиненія какими-либо дополнительными, вспомогательными уликами? Какимъ образомъ совершено было преступленіе, въ чемъ же дана была покойному отрава? Въ обвинительномъ актѣ было два предположенія: въ сельтерской водѣ или въ стаканѣ чая. По обвинительной рѣчи—въ стаканѣ чая, который Алекс. Егоровна отнесла въ спальню мужа около 7 час. вечера.

По вопросу объ этомъ стаканѣ чая показанія свидѣтельницъ Бурыковой и Гребеньковой на судѣ, въ Ростовѣ и здѣсь, существенно разошлись съ тѣмъ, что онѣ говорили на предварительномъ слѣдствіи. «Стаканъ былъ немного отпитый»—значится въ протоколахъ судебнаго слѣдователя. По требованію г. прокурора, эти письменныя показанія были оглашены, причемъ вниманіе ваше и было обращено на это разнорѣчіе. Не останавливаясь на объясненіи свидѣтельницъ, что слѣдователю онѣ говорили *не объ отпитомъ*, а *о полномъ* стаканѣ, я принципіально такой способъ провѣрки свидѣтельскихъ показаній считаю совершенно неправильнымъ: вѣдь судебное слѣдствіе имѣетъ своимъ назначеніемъ провѣрку данныхъ, собранныхъ на слѣдствіи предварительномъ, а не наоборотъ и, конечно, показанію, данному свидѣтелемъ сознательно, обдуманно, послѣ клятвеннаго обѣщанія, въ торжественной обстановкѣ суда, при перекрестномъ допросѣ сторонъ, должно быть отдано предпочтеніе передъ показаніемъ, отобраннымъ въ камерѣ судебнаго слѣдователя, единолично, съ глазу на глазъ, часто спѣшнымъ и необдуманнымъ—и, какъ въ настоя-

щемъ случаѣ, по неграмотности свидѣтельницъ, ими не провѣренным и не подписанным.

На судѣ обѣ свидѣтельницы, послѣ весьма утомительнаго и привязчиваго допроса, твердо стояли на томъ, что стаканъ былъ принесенъ изъ спальни больного неотпитымъ, полнымъ. Но, вдумываясь въ прежнее показаніе о «немного-отпитомъ стаканѣ» и соображая, что больной лежалъ въ четвертой отъ столовой комнатѣ и что промежуточныя комнаты не были освѣщены, легко допустить, что стаканъ или не былъ долитъ до краевъ, или же немного расплескался, когда его несла туда и обратно Алекс. Ег—на. И вотъ *недолитый* или расплескавшійся стаканъ могъ показаться «немного отпитымъ». Г. прокуроръ находилъ, что планъ преступленія былъ подробно обдуманъ подсудимыми; поэтому, если-бы въ стаканѣ чая была отрава, то вѣдь можно бы было въ другой комнатѣ долить его водой — и тогда никакихъ уже подозрѣній не могло бы возникнуть.

Но пусть стаканъ былъ принесенъ въ столовую отпитымъ— охотно дѣлаю обвиненію и эту уступку. Важно не это, важно, что онъ былъ *оставленъ* тамъ. Алекс. Е — на, оставивъ его на столѣ, передъ Бурыковой и Гребеньковой, сама *тотчасъ же* опять *уходитъ къ мужу*, и только черезъ 1/2 часа, убирая посуду, Гребенькова вылила въ полоскательную чашку чай изъ этого стакана. Чай сладкій, въ накладку, а прислуга, пріученная къ «прикускѣ», такъ падка вѣдь до всего съ хозяйскаго стола—вѣдь одна изъ нихъ—или дѣвочка Дуня, или старуха Гребенькова—могла соблазниться сладкимъ чаемъ и съ жадностью его выпить! Вѣдь оставляя отравленный чай, подсудимая подвергала опасности еще двѣ человѣческія жизни! Пусть это злодѣйка, для которой двѣ лишнія жизни не въ счетъ; но вѣдь тутъ являлась опасность для нея самой: отравленіе прислуги неминуемо обнаружило бы и приписываемое ей теперь отравленіе мужа! Значитъ, въ стаканѣ чая не было отравы, иначе она не оставила бы его, съ такимъ непостижимымъ спокойствіемъ, въ столовой; значитъ, единственный указанный обвинителемъ способъ совершенія преступленія долженъ быть отвергнутъ, какъ противорѣчащій всей обстановкѣ событія.

Когда вечеромъ больному стало дурно, жена немедленно по-

сылаетъ за д-ромъ Португаловымъ, который ровно въ 8 часовъ уже былъ около больного. Что-же свидѣтельствуетъ это приглашеніе доктора, какъ не желаніе помочь больному, какъ не полнѣйшую невинность подсудимой? Португаловъ прописалъ несоотвѣтствующее лекарство, но при чемъ же тутъ она? Важно то, что, приглашая врача, она спасаетъ больного или, по меньшей мѣрѣ, обнаруживаетъ причину внезапной его болѣзни—и, такимъ образомъ, сама разрушаетъ преступный свой планъ и уличаетъ въ тяжкомъ преступленіи, губитъ себя. И развѣ въ разсчеты отравительницы, приглашающей, для отвода подозрѣнія, къ больному врача, можетъ входить невѣжество врача, не умѣющаго распознать характерныхъ симптомовъ отравленія? Обвинительная власть, усматривая въ этихъ дѣйствіяхъ подсудимой маскирующую преступленіе декорацію, полагаетъ, что помощь, все равно, была уже несвоевременна. Но д-ръ Португаловъ пріѣхалъ черезъ полъ, иного — черезъ три-четверти часа послѣ предполагаемаго отравленія, а выкачиваніемъ желудка отравленный можетъ быть спасенъ еще гораздо позже. Нѣтъ, не отводъ здѣсь глазъ, не такими рискованными средствами маскируется дѣйствительное преступленіе! Во всякомъ случаѣ, чтобы утверждать, что, приглашая врача, подсудимая хорошо знала о безполезности этой мѣры для спасенія отравленнаго мужа, нужно предполагать, что съ медицинской наукой, съ дѣйствіемъ мышьяка на организмъ она была знакома не менѣе, чѣмъ, напр., наши, такъ рѣзко несогласные между собою, эксперты.

«Мало того, что докторъ приглашенъ былъ тогда, когда медицинская помощь была уже безсильна,—продолжаетъ г. прокуроръ—но и затѣмъ больному не дали лекарства, изъ опасенія, что оно парализуетъ дѣйствіе яда». Было-ли дано больному прописанное Португаловымъ лекарство? Подсудимая говоритъ, что мужъ ея принялъ ложку микстуры. «Наблюдательный» г. Португаловъ, видѣвшій стклянку со снятой съ пробки бумажкой, утверждаетъ, что лекарство было не тронуто. Но вѣдь, какъ видно изъ рецепта, въ стклянкѣ было 12 ложекъ микстуры и неужели Португаловъ глазомѣромъ могъ замѣтить отсутствіе одной ложки, т.-е. $^1/_{12}$ части жидкости? Гребенькова теперь не помнитъ, принималъ-ли больной лекарство; но на слѣдующій

послѣ смерти М—ко день она показала производившему дознаніе приставу г. Пушкареву, что больному дали ложку микстуры.

Можетъ быть, скажутъ: отчего такъ мало? Но вѣдь пріемъ назначенъ былъ врачемъ, и нельзя же было влить больному всѣ 12 ложекъ сразу. Къ тому-же, послѣ 10 час. вечера больному стало лучше,—онъ успокоился, засыпалъ, а когда, ночью, его дважды навѣстила жена, онъ услалъ ее спать. Да и оставленіе больного врачемъ, ограничившимся касторкой и миндальной эмульсіей, развѣ не должно было внушить подсудимой мысль объ отсутствіи опасности? Наконецъ, если бы лекарство не давалось больному сознательно и злонамѣренно, то ничего не было бы легче, какъ отлить изъ стклянки еще нѣсколько ложекъ.

Здѣсь мы вступаемъ въ область «сокрытія слѣдовъ преступленія». Подъ этою рубрикою обвинителемъ сгруппированы слѣдующіе факты: позднее вторичное приглашеніе доктора, настойчивое требованіе свидѣтельства о смерти, боязнь вскрытія, ускореніе похоронъ и заявленіе о вымышленномъ вымогательствѣ 300 руб.

Всѣ улики этой группы, быть можетъ, и очень сильны и неотразимо-убѣдительны, но только онѣ страдаютъ однимъ крошечнымъ недостаткомъ: къ подсудимой Максименко онѣ ровно никакого отношенія не имѣютъ. Въ самомъ дѣлѣ: за докторомъ былъ посланъ Рѣзниковъ, какъ только больному, на разсвѣтѣ, стало хуже; если же Португаловъ и нашелъ его уже мертвымъ, то вовсе не потому, что «доктора звали уже къ мертвому паціенту», а потому, что прошло не менѣе часа, пока Португаловъ былъ разбуженъ и привезенъ. Сомнительный эпизодъ съ извозчикомъ, будто-бы отпущеннымъ Рѣзниковымъ съ цѣлью затянуть время, къ подсудимой отношенія не имѣетъ и, вѣроятно, будетъ разобранъ защитою Рѣзникова.—Далѣе, просьба о выдачѣ свидѣтельства исходила не отъ подсудимой, а отъ ея дяди и тетки—Е. и Л. Дубровиныхъ—, и вызвана была замѣчаніемъ самого же г. Португалова, что безъ свидѣтельства хоронить нельзя.

Услышавъ о предстоящемъ вскрытіи тѣла покойнаго мужа, Алекс. Ег., по словамъ Дубровина и г. Безклубова, не обнаружила ни малѣйшаго страха; если же она заплакала, то это объ-

ясняется религіозностью подсудимой, а главное—тѣмъ естественнымъ чувствомъ негодованія, которое овладѣваетъ каждымъ, когда останки близкаго ему человѣка потрошатся и изрѣзываются въ куски. Словами Португалова: «пожалуй, придется рѣзать» всѣ родственники были крайне возмущены, обижены и огорчены...

Ускореніе похоронъ нисколько не зависѣло отъ желанія подсудимой, и она о немъ не обмолвилась ни однимъ словомъ. Объ этомъ хлопоталъ исключительно діаконъ, о. Безклубовъ, какъ человѣкъ, знакомый съ правилами церковнаго распорядка и, притомъ, по просьбѣ причта Казанской церкви: 22 октября былъ храмовой праздникъ, а потому похоронами слѣдовало поторопиться. Да и самое вскрытіе ускорено было съ этою цѣлью на какіе-нибудь два часа и, разумѣется, не въ эти два часа можно было разсчитывать скрыть слѣды преступленія.

Остается, наконецъ, заявленіе о вымогательствѣ докторомъ 300 р. Если это вымыселъ, то онъ можетъ составить улику лишь противъ одного Рѣзникова, потому что, какъ подсудимая, такъ и Дубровинъ, Леонтьевъ и друг., говорили объ этомъ со словъ Рѣзникова; хотя, говоря откровенно, смыслъ этой улики для меня все еще довольно теменъ.

Какую цѣль могъ преслѣдовать этотъ вымыселъ? Побудить Португалова выдать необходимое свидѣтельство? Но вѣдь избранный Рѣзниковымъ способъ могъ привести только къ противуположному результату, такъ какъ, озлобляя г. Португалова, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ неизбѣжно вызывалъ вскрытіе трупа при участіи уже полиціи.

Затѣмъ, слѣдуютъ такъ называемыя «улики поведенія». Подсудимая, говорятъ намъ, нисколько не была опечалена смертью мужа и проявляла полное равнодушіе, проводя все время съ Рѣзниковымъ,—за котораго собиралась выйти замужъ.

Къ сожалѣнію, не изобрѣтено еще контрольнаго снаряда для измѣренія степени горя. Чувство горя у разныхъ людей выражается различно: одни ему предаются всецѣло, другіе умѣютъ обуздать себя, третьи, по легкомыслію, скоро о немъ забываютъ. И далеко не всегда истинное горе облекается въ крепъ и плерезы—иногда оно украдкой долгіе годы таится подъ яркими

и пестрыми одеждами. Нѣтъ, намъ нужна вывѣска, нужны внѣшніе символы скорби. Но и тутъ мы не вправѣ упрекнуть подсудимую. Кто, кромѣ Елизаветы М—ко, говоритъ о ея равнодушіи, объ улыбкахъ, о поцѣлуяхъ съ Рѣзниковымъ? Послѣ смерти—и на похоронахъ, и нѣсколько недѣль спустя—какою видѣли ее свидѣтели?—По общему отзыву, она была убита горемъ, плакала, «убивалась», «журилась»—хотя, правда, и «безъ причиту», какъ выразилась здѣсь ея мать. По словамъ пристава г. Пушкарева, вдова была «какъ бы въ состояніи столбняка»; другіе говорятъ о совершенной ея душевной подавленности, а модистка Ганусова засвидѣтельствовала передъ нами крайне разстроенное—и тѣлесно, и душевно—состояніе Алекс. Ег—ны, съ которою и черезъ мѣсяцъ дѣлались еще обмороки. И въ то время, какъ сотнѣ наблюдавшихъ глазъ видно было глубокое, искреннее горе,—одной Елизаветѣ М—ко мерещатся только объятія и поцѣлуи!

Почему Алекс. Ег—на нѣсколько ночей провела у Рѣзниковыхъ? А кто ее привелъ туда, кто просилъ Рѣзниковыхъ присмотрѣть за нею, какъ не братъ покойнаго, Антонинъ Федоровичъ?! А затѣмъ всякой подозрительности должны же быть разумные предѣлы. Вспомните, что многочисленная семья Рѣзниковыхъ помѣщалась въ 5 комнатахъ, что А. Рѣзниковъ спалъ съ младшимъ братомъ, а Алекс. Ег—на съ Софьею Даниловной—этою милою, интеллигентною дѣвушкой, домашнею учительницей, съ которой такъ дружна была подсудимая...

Рѣзниковъ кому-то говорилъ о своемъ намѣреніи жениться, а отсюда ужъ и выводъ, что она собиралась за него за-мужъ. Но слышалъ ли кто нибудь отъ нея самой хоть слово объ этомъ замужествѣ съ 18-лѣтнимъ мальчикомъ съ солдатчиной въ перспективѣ? Быть можетъ, Рѣзниковъ, соблазненный примѣромъ Максименко, и имѣлъ виды на его вдову; быть можетъ, съ цѣлью огражденія себя отъ конкуррентовъ-жениховъ, и говорилъ о своей свадьбѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, тѣмъ болѣе-что женихи уже засуетились: явилась и сваха—свидѣтельница Кривенкова, предлагавшая «хорошаго, богатаго жениха». «У мужа и ноги не остыли, а мнѣ за-мужъ выходить?! Раньше года и слушать объ этомъ не стану!»—вотъ что услышала сваха отъ Алекс. Ег—ны. И такъ,

въ дѣлѣ есть намекъ лишь на намѣреніе Рѣзникова, совпадавшее—если вѣрить свидѣтелю Куколевскому—и съ желаніями его матери,—но при чемъ же тутъ подсудимая, которой мысль эта была совершенно чужда?

Разобравъ всѣ существенныя улики обвиненія, не могу умолчать о двухъ фактахъ, значеніе которыхъ, какъ контръ-улики, представляется мнѣ, по истинѣ, громаднымъ.

Первый изъ нихъ—приглашеніе подсудимою двухъ постороннихъ, пользующихся въ Ростовѣ заслуженнымъ уваженіемъ, врачей: гг. Лешкевича и Моргулиса—присутствовать при вскрытіи тѣла ея мужа. Она не могла не знать, что цѣль вскрытія—опредѣленіе причины смерти, не могла, конечно, не понимать, что, если два глаза доктора Крассы еще могутъ просмотрѣть преступную причину смерти, то шесть глазъ трехъ врачей обнаружатъ ее съ большею, съ утроенной вѣроятностью. А между тѣмъ она сама, по собственному почину, приглашаетъ врачей-ассистентовъ, какъ бы желая увеличить шансы раскрытія ея преступленія!

Въ связи съ этимъ стоитъ другой фактъ, настолько тяжеловѣсный, что его нельзя потрясти никакими усиліями. Я говорю о вторичномъ вскрытіи трупа и о повѣрочномъ химическомъ изслѣдованіи, произведенныхъ уже въ мартѣ 1889 г., послѣ того какъ первоначально законченное 31 декабря 1888 г. предварительное слѣдствіе возвращено было къ дополненію. Иниціатива этихъ слѣдственныхъ дѣйствій,—вопреки неправильному указанію обвинительнаго акта, чего не отрицаетъ теперь и г. прокуроръ,—всецѣло принадлежала подсудимой, которая умоляла своихъ родственниковъ ходатайствовать о новомъ вскрытіи. По словамъ Дубровиныхъ, Леонтьева и Галкина, они старались отговорить ее отъ этого ходатайства, такъ какъ, вполнѣ увѣренные въ невинности Алекс. Ег—ны, они боялись и тѣхъ сюрпризовъ, которые иногда оказываются на вскрытіи, и замедленія процесса. Подсудимой говорили: «ты невинна—въ этомъ мы не сомнѣваемся; но развѣ можно поручиться за остальныхъ окружающихъ, за самого покойнаго?» При этомъ ей указывали, что—по мнѣнію компетентныхъ лицъ—химическій актъ 31-го октября—незаконно составленный, недостовѣрный, и потому серьезнаго значенія имѣть на судѣ не будетъ. Но А. Максименко

продолжала, безъ колебаній, настаивать на провѣрочномъ изслѣдованіи, убѣжденная въ томъ, что мужъ ея умеръ не отъ отравы, что первый анализъ ошибоченъ. Если же все это такъ, если починъ повѣрочнаго анализа принадлежалъ подсудимой, при томъ—вопреки настойчивымъ отговорамъ близкихъ ей людей,—то позволительно спросить: сказался ли въ этомъ человѣкъ невинный, ищущій спасенія отъ напраснаго обвиненія, или же, напротивъ, преступница, сама обогащающая обвиненіе новыми противъ себя уликами? Надъ этимъ неотразимымъ фактомъ въ вашей совѣщательной комнатѣ вы, конечно, призадумаетесь не менѣе меня.

Защита моя приходитъ къ концу. Я представилъ вамъ балансъ уликъ и оправданій и, доказавъ явный пассивъ обвиненія, установилъ полный активъ подсудимой. Приближается роковой моментъ постановленія вашего приговора; но, убѣдившись доводами защиты, вы, быть можетъ, все-таки въ раздумьи встанете передъ вопросомъ: кто-же, *кто отравилъ* Ник. Максименко? Существуетъ старинное, классическое правило, что наиболѣе вѣроятный преступникъ тотъ, кто въ преступленіи этомъ болѣе заинтересованъ. Cui bono? въ чьемъ интересѣ было преступленіе?—разумѣя интересъ въ широкомъ смыслѣ — матеріальномъ, или нравственномъ.

Я старался доказать передъ вами отсутствіе всякаго мотива къ этому преступленію у А. Максименко, у которой въ прошлой жизни не было повода ни къ ненависти, ни къ страстному желанію избавиться отъ мужа, для которой смерть мужа была несчастьемъ.

Какъ бы сознавая, въ какомъ страшномъ противорѣчіи стоятъ подсудимые съ приписываемымъ имъ преступленіемъ, насколько невѣроятенъ мотивъ его, г. прокуроръ сдѣлалъ попытку примирить это противорѣчіе, назвавъ подсудимыхъ «преступными дѣтьми», продуктомъ развращенной современности. Попытку г. прокурора нельзя признать удачною, а употребленный имъ терминъ правильнымъ. Дѣйствительно, современная позитивная школа уголовнаго права въ Италіи, при изученіи человѣческой преступности и ея факторовъ, антропологическихъ и соціальныхъ,—выдѣлила цѣлую категорію «преступныхъ дѣтей», какъ разновид-

ность современнаго «преступнаго человѣка». Ихъ преступность—продуктъ наслѣдственности, воспитанія и соціальныхъ условій. Дѣти профессіональныхъ воровъ и пьяницъ, подкидыши, незаконнорожденные, ютящіеся подъ мостами, въ трущобахъ и вертепахъ, они создаютъ собою контингентъ, обильно комплектующій ряды будущихъ преступниковъ. Сперва попрошайки, нищіе, затѣмъ—мелкіе карманные воришки, еще дальше постоянные рецидивисты, они, ступень за ступенью, быстро спускаются по лѣстницѣ человѣческаго паденія и, вытравивъ въ душѣ послѣдніе проблески нравственнаго чувства,—обращаются въ нравственныхъ безразличниковъ, способныхъ, въ концѣ концевъ, на самое чудовищное и, вмѣстѣ, нерѣдко безсмысленное злодѣяніе... Вотъ что такое «преступныя дѣти»... Объясняетъ что-либо этотъ терминъ въ нашемъ дѣлѣ, приложимъ-ли онъ къ подсудимымъ, выросшимъ въ патріархальной семьѣ,—а Алекс. М—ко, притомъ, въ семьѣ богатой,—въ короткомъ прошломъ котерыхъ ни одного пятна, ни одного проступка?.. Да, это дѣти, но не преступныя—несчастныя, замученныя дѣти!..

Но *кто-жъ другой могъ имѣть интересъ* въ смерти Ник. М—ко? Бурыкова, Гребенькова? — конечно, нѣтъ! Но есть два лица, для которыхъ смерть Н. М—ко *могла* представлять извѣстный интересъ. Одно изъ этихъ лицъ—родной братъ умершаго, Антонинъ, который зналъ о пріобрѣтеніи Николаемъ всего состоянія, который такъ поспѣшно утвердился въ правахъ наслѣдства къ этому сто-тысячному состоянію и предъявилъ даже искъ къ товариществу Дубровиныхъ объ отчетѣ и дивидендѣ. Другое лицо — Варвара Дубровина — теща, одна изъ типичнѣйшихъ и несноснѣйшихъ въ мірѣ тещъ. О непріязненныхъ чувствахъ ея къ зятю шла уже рѣчь. Не по сердцу былъ тещѣ зять, и постоянное глухое недовольство ея прорывалось иногда бурными сценами; а когда Варв. Матв. почувствовала, что она—вдова 1-ой гильдіи ростовскаго купца Дубровина—въ этомъ домѣ ничто и что новымъ хозяиномъ сталъ—кто-же? ея вчерашній приказчикъ,—конечно, не примиренію ея съ зятемъ это могло способствовать. Мнѣ возразятъ: да вѣдь ни Антонина М—ко, ни Варвары Дубровиной 18-го октября въ домѣ не было! Да, ихъ дѣйствительно тамъ не было. Варвара Матвѣевна даже *слишкомъ долго* отсутствовала,

уйдя куда-то еще 17-го вечеромъ и возвратившись 19-го днемъ, когда зять ея былъ уже на столѣ... Но, господа, кромѣ виновниковъ физическихъ, непосредственно преступленіе совершающихъ, закону извѣстны и виновники интеллектуальные—подговорщики, подстрекатели... И, если вспомнить отношенія лицъ, остававшихся въ квартирѣ М—ко въ ночь на 19 октября, то развѣ немыслимо *предположеніе*, что руки истиннаго убійцы, которому былъ интересъ въ этой смерти, могли быть удлинены другими, преданными руками?.. Я далекъ отъ мысли обвинять кого-либо въ убійствѣ М—ко, но я хотѣлъ только высказать, что, если слѣдственная и обвинительная власти въ поискахъ за виновными указателемъ избрали соображеніе «интереса», то нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи слѣдственный розыскъ далеко не былъ исчерпанъ, и слѣдствіе ухватилось прямо за готовый шаблонъ: отравленъ мужъ, значитъ—женою.

Но остается еще Рѣзниковъ... Есть, господа, теорія, нѣчто въ родѣ адвокатской заповѣди: защищая одного подсудимаго, не обвинять, не набрасывать тѣни на другого. Этой ложно-сантиментальной теоріи—я не сторонникъ; я думаю, что истина имѣетъ свои права, что истина—дороже и прежде всего, что ее нельзя топтать ногами изъ ложнаго чувства сожалѣнія. И если бы я видѣлъ въ этомъ дѣлѣ сколько-нибудь серьезныя улики противъ Рѣзникова, я первый бы сталъ говорить здѣсь о его виновности. Но сдѣлать это я, по совѣсти, не могу: такихъ уликъ противъ Рѣзникова я не усматриваю.

Я не отвѣтилъ на естественно-возникающій вопросъ: кто-же отравилъ Н. М—ко?—потому, что не въ силахъ на него отвѣтить. Но это не должно смущать васъ, гг. присяжные, какъ судей. Помните, что на обязанности вашей не лежитъ вовсе розысканіе преступника—это функція другихъ органовъ государства,—задача ваша болѣе узкая. Судъ коронный васъ спроситъ: если преступленіе совершено, то виновны-ли въ немъ преданные суду, заподозрѣнные люди? За рамки этой задачи вы не должны, вы не вправѣ выступать.

И такъ, духовно сосредоточившись на всемъ видѣнномъ и слышанномъ, вопросите вашъ умъ и вашу совѣсть: достаточно-ли тѣхъ мелочныхъ, ничтожныхъ данныхъ, съ которыми выступила

обвинительная власть, для осужденія обвиняемыхъ въ этомъ тяжкомъ преступленіи?

Старый, дореформенный судъ, разрѣшая уголовныя дѣла, могъ постановлять троякіе приговоры: обвинительный, оправдательный или, наконецъ,—при недостаточности уликъ—оставляющій подсудимаго въ подозрѣніи. Новый нашъ судъ не признаетъ этой третьей формы приговора, онъ не знаетъ средины между невинностью и виновностью. И когда присяжные говорятъ: «виновенъ», этотъ отвѣтъ долженъ выражать полное ихъ убѣжденіе въ винѣ подсудимаго; когда они отвѣчаютъ: «нѣтъ»,—такой отвѣтъ включаетъ какъ убѣжденіе въ невинности, такъ и сомнѣніе въ виновности. И если вы не убѣдились въ естественной смерти Ник. М—ко, то неужели путь къ обвиненію не будетъ заслоненъ передъ вами цѣлымъ лѣсомъ, цѣлымъ боромъ дремучимъ сомнѣній? А сомнѣніе нельзя обходить стороною, проселкомъ: нужно или побѣдить его, или ему подчиниться...

Вы—не оракулы, вы судьи — разумные оцѣнщики-рѣшители важнѣйшаго жизненнаго вопроса по правиламъ логики, указаніямъ житейскаго опыта и голосу совѣсти. Не гадать-отгадывать призваны вы сюда, а творить великое, отвѣтственное дѣло — судъ, творить его сознательно и съ полнымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ.

Дѣятельность судьи одинъ выдающійся современный мыслитель русскій сравниваетъ съ дѣятельностью историка. Какъ историку для крупныхъ, значительныхъ выводовъ и заключеній нужны крупные, вѣскіе факты, такъ и для судьи въ его рѣшеніи необходимы твердыя, безспорныя данныя. Разница между судьею и историкомъ не въ цѣляхъ — раскрытіе истины—и не въ средствахъ—факты и логическіе законы мышленія. Разница только въ результатахъ убѣжденія. Ошибись историкъ, заклейми онъ ѣдкимъ упрекомъ иль клеветой позорной память великаго человѣка—бѣда не велика. На такой приговоръ всегда допускается безсрочная апелляція къ потомству: другой историкъ, «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ», можетъ исправить ошибку. Но отъ приговора судейскаго прямо зависятъ честь, свобода, жизнь подсудимаго. За ошибку, за опрометчивость судьи невинный можетъ поплатиться слезами, страданіями, кровью!...

Довольно и такъ было и слезъ, и страданій! Три года назадъ она была счастлива, любима, богата, здорова, цвѣтуща... Взгляните-жъ, что сталось съ нею теперь:—несчастна, одинока, раззорена, обезславлена, заточена въ тюрьму, гдѣ стала жертвою неумолимаго недуга, и, переживъ уже однажды невыразимыя муки ожиданія судебнаго приговора,—съ нѣмымъ, окаменѣлымъ ужасомъ снова ждетъ рѣшенія своей горькой доли!...

Господа! Одинъ римскій императоръ, подписывая смертный приговоръ, воскликнулъ: «о, какъ я несчастливъ, что умѣю писать!» Я увѣренъ, что старшина вашъ, подписывая приговоръ оправдательный, будетъ чувствовать иное,—онъ скажетъ: «какъ счастливъ я, что умѣю писать!» Такого приговора я прошу, я ожидаю отъ васъ, какъ защитникъ, какъ человѣкъ, какъ гражданинъ!

Защита Рѣзникова.

Пом. прис. пов. Л. Ф. Волкенштейнъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Роль подсудимаго Рѣзникова въ настоящемъ процессѣ такъ ничтожна, а весь матеріалъ дѣла настолько подробно и тщательно разработанъ товарищемъ моимъ по защитѣ, что мнѣ приходится весьма не долго утомлять ваше вниманіе.

Я думаю, что правильное опредѣленіе положенія, которое занималъ А. Рѣзниковъ въ семьѣ М—ко, поможетъ уяснить и положеніе его въ этомъ дѣлѣ.

Когда было установлено, что Максименко умеръ насильственною смертью, для обвинительной власти являлась трудная задача открыть виновника. Эта трудность обусловливалась тѣмъ, что М—ко умеръ въ кругу близкихъ людей, на рукахъ своей жены, т. е. при обстановкѣ, исключавшей всякое подозрѣніе о преступленіи. Но тѣмъ не менѣе, подозрѣніе пало на жену покойнаго, вслѣдствіе слуховъ о томъ, что супруги М—ко какъ будто жили не ладно. На основаніи одной предполагаемой нелюбви къ мужу строить обвиненіе нельзя было, при томъ же слѣдственная власть

не могла установить, что отношенія супруговъ были настолько обострены, что молодая женщина могла рѣшиться лишить жизни мужа. Обвиненіе становилось шаткимъ, не имѣлось резоннаго мотива для привлеченія къ отвѣтственности. Но досужая молва и отчасти столкновеніе обвиняемыхъ съ врачемъ Португаловымъ, по вопросу о выдачѣ свидѣтельства на право похоронъ умершаго М—ко, ввели въ дѣло новое, постороннее лицо—Аристарха Рѣзникова, который является въ дѣлѣ какъ бы живымъ мотивомъ для совершенія преступленія, и грозное обвиненіе всею тяжестью легло на злосчастнаго юношу. Его заключили въ тюрьму и онъ преданъ суду совмѣстно съ А. Е. М—ко—по обвиненію въ отравленіи Николая Максименко.

Чтобы ввести Рѣзникова въ дѣло, обвинительный актъ началъ съ момента поступленія его на службу въ контору Дубровиныхъ. Обвинительный актъ удостовѣряетъ, что Алекс. Ег., конечно, обратила вниманіе на Рѣзникова, почему послѣдній сталъ бывать постоянно у нихъ въ домѣ и сдѣлался близкимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ, это невѣрно и вы, гг. присяжные засѣдатели, убѣдились изъ показаній цѣлаго ряда свидѣтелей, почему Рѣзниковъ сталъ близкимъ въ домѣ Максименко.

Дружественныя отношенія между Рѣзниковымъ и Максименко были основаны на давнишнемъ знакомствѣ обоихъ семействъ. Вы слышали, что братъ М—ко, Антонинъ Федоровичъ, былъ очень друженъ съ отцомъ Рѣзникова и многолѣтняя дружба эта повела къ тому, что, когда покойный М—ко женился на богатой дѣвушкѣ, пайщицѣ торговаго дома Дубровиныхъ, онъ не забылъ семью Рѣзниковыхъ и пристроилъ выросшаго на его глазахъ Аристарха на службу въ конторѣ. Протежируемый молодымъ хозяиномъ, способный, расторопный Аристархъ вскорѣ заслужилъ довѣріе стариковъ Дубровиныхъ и къ нему всѣ стали относиться хорошо. Но обвиненіе преувеличиваетъ положеніе Рѣзникова въ домѣ Дубровиныхъ и, какъ на примѣръ вліянія Рѣзникова, указываетъ на довѣренности, которыя онъ получилъ на право якобы управленія домами; но вы слышали содержаніе этихъ довѣренностей и знаете, что Рѣзниковъ имѣлъ лишь право вести домовыя книги, для чего ему предоставлялось право являться въ по-

лицейское правленіе. Когда Рѣзниковъ вступилъ въ семью М—ко, молодая жена послѣдняго видѣла въ немъ друга своего мужа, а юношескій возрастъ Рѣзникова далъ возможность стать съ нимъ въ простыя, добрыя отношенія. Такъ жилъ Рѣзниковъ до злосчастной осени 1888 года. Не видно, чтобы въ теченіе этого времени Рѣзниковъ получилъ большое повышеніе по службѣ, чтобы онъ, пользуясь своимъ положеніемъ, пренебрегалъ работою. Намъ говорилъ управляющій конторою, г. Леонтьевъ, что Рѣзниковъ исправно служилъ все время. Одинъ недостатокъ былъ у Рѣзникова—онъ хотѣлъ казаться взрослымъ и властнымъ въ домѣ своего хозяина. Бѣдный малый не зналъ, что дальновидный докторъ Португаловъ обратитъ вниманіе на его распоряженія; напрасно Аристархъ рисовался и усердствовалъ—это послужило сильными уликами. Какъ просто и дружелюбно относился къ Рѣзникову покойный Максименко, видно изъ того, что они говорили другъ другу «ты», ихъ часто видѣли вмѣстѣ не только въ домѣ, но и въ театрѣ, и въ садахъ. Даже въ день смерти, покойный, приглашая письменно къ себѣ управляющаго Леонтьева, не забылъ приписать: «захвати Аристарха». Но Рѣзниковъ обидѣлся и сказалъ Леонтьеву: «я не вещь, чтобы меня захватывали». Это ли не доказательство того, какъ относились къ Рѣзникову и какъ онъ силился внушить къ своей особѣ почтеніе. Но вернемся ко времени болѣзни Максименко и разсмотримъ поведеніе Рѣзникова въ то время: привезли больного изъ Калача, въ домѣ старухи Варвары Дубровиной не было мужчинъ, а помощника нужно—въ домѣ больной. Кого же послать изъ конторы, какъ не Рѣзникова? Хозяинъ его любитъ, въ домѣ къ нему привыкли, его не стѣсняются, онъ дому преданъ и, безъ сомнѣнія, принесетъ пользу—правда, и раньше посылались другіе прикащики въ домъ ночевать, когда хозяинъ уѣзжалъ и женщины однѣ оставались, но Замахаевъ, Грошевъ и другіе были лишь какъ бы сторожа, а при больномъ нуженъ былъ другъ. Рѣзниковъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и горячностью ухаживалъ за больнымъ—за врачемъ ѣздилъ Рѣзниковъ, въ аптеку Рѣзниковъ, онъ встрѣчаетъ и провожаетъ; словомъ дѣльно и расторопно служилъ.

Обращаясь къ другимъ уликамъ, мнѣ приходится разсматри-

вать поведеніе Рѣзникова 18 октября — день смерти Максименко: обстоятельства, сопровождавшія событія этого дня, послужили, главнымъ образомъ, уликами для обвиняемыхъ. Установлено, что отрава дана была между 6 и 7 час. вечера въ чаѣ. Если это положеніе неоспоримо, а при данныхъ обстоятельствахъ иначе быть не могло, то мы знаемъ, что Рѣзниковъ, въ теченіе всего дня, въ домѣ Максименко не былъ. Затѣмъ я уже говорилъ по поводу записки покойнаго на имя Леонтьева, приглашавшей послѣдняго съ Аристархомъ прійдти посидѣть. Больному стало, какъ мы слышали, лучше, онъ сталъ скучать и у него явилась потребность въ обществѣ—днемъ онъ былъ въ гостяхъ у Дмитріева, а вечеромъ звалъ къ себѣ. Вполнѣ естественно, что Рѣзниковъ 18-го уже не явился въ домъ Максименко—въ помощи его никто уже не нуждался, а ему хотѣлось тоже погулять, пойти въ театръ, но, тѣмъ не менѣе, онъ отправляется къ выздоравливающему, а черезъ часъ, встрѣтивъ Леонтьева, онъ на ходу ему сообщаетъ, что Николаю Федоровичу опять стало плохо, и онъ идетъ за врачемъ. Опять Рѣзниковъ является дѣйствующимъ лицомъ. Такимъ образомъ, безусловно установлено, что ядъ, если былъ данъ, то въ отсутствіе Рѣзникова, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя подтвердили бы предположеніе объ уговорѣ обвиняемыхъ отравить М—ко, передачѣ яда и прочихъ обстоятельствахъ, которыя должны были сопровождать задуманное и исполненное злодѣяніе. Правда, Гребенькова говоритъ, что Рѣзниковъ остался ночевать въ домѣ Дубровиныхъ. Но это очевидное недоразумѣніе: когда Гребенькова, въ 10 часовъ вечера, вошла въ залу и сказала: «туши свѣчку, чтобы я тебя больше на видѣла», онъ и потушилъ, а самъ шмыгнулъ въ дверь—и былъ таковъ. Но само по себѣ это обстоятельство не является уликой. Рѣзниковъ неоднократно ночевалъ въ домѣ, да и пребываніе въ эту ночь въ домѣ не имѣло значенія, такъ какъ, по предположенію г. прокурора, въ 7-мъ часу вечера Максименко уже былъ отравленъ и неминуемо долженъ былъ умереть. Но, тѣмъ не менѣе, двѣ свидѣтельницы — Самарская и Мостъ подтвердили, что ночью за Рѣзниковымъ приходили изъ дома Дубровиной, такъ какъ Ник. Фед. стало хуже.

Рѣзниковъ обвиняется въ томъ, что задумалъ, по предвари-

тельному соглашенію съ Александрой Егоровной Максименко, изъ личныхъ видовъ, лишить жизни Николая Максименко, отравивъ его.—Такимъ образомъ, Рѣзниковъ долженъ былъ знать о готовящемся преступленіи и содѣйствовать чѣмъ либо совершенію таковаго. Въ дѣйствительности, обвинительная власть рѣшительно ничѣмъ не доказала, что обвиняемые любили другъ друга и находились въ интимныхъ отношеніяхъ.

Желая нарисовать возможно мрачными красками послѣднія минуты жизни М—ко, г. прокуроръ говорилъ: «Да, оставаясь въ эту мрачную ночь въ четырехъ стѣнахъ, окруженный врагами, которые, подъ личиною любви и дружбы, поднесли ему смертоносное питье, несчастный, быть можетъ, смутно сознавалъ уже, что онъ отравленъ, что около него—невѣрная жена и вѣроломный другъ, отъ которыхъ не ждать ему спасенія»... Эффектная картина! Но вѣдь это изъ французской мелодрамы, а не изъ русской жизни въ городѣ Ростовѣ на Дону!

Мнѣ остается коснуться еще двухъ обстоятельствъ, которымъ придается значеніе серьезной улики. Первое—это то, будто на разсвѣтѣ 19-го октября, пріѣхавъ за Португаловымъ, Р—въ отпустилъ извозчика, съ тѣмъ, чтобы врачебная помощь еще болѣе запоздала. Рѣзниковъ это отрицаетъ, а Португаловъ самъ извозчика не видѣлъ, а говоритъ объ этомъ со словъ своей прислуги. Но что стоило слѣдователю допросить эту прислугу? почему не опросили всѣхъ ростовскихъ извозчиковъ? Тогда и можно было бы говорить объ этой уликѣ. Далѣе, г. прокуроръ, говоря о пресловутомъ свидѣтельствѣ на право похоронъ М—ко и касаясь слуха, пущеннаго Рѣзниковымъ по поводу якобы требуемыхъ Португаловымъ 300 руб., придаетъ этому обстоятельству особенное значеніе и видитъ въ немъ желаніе со стороны Рѣзникова скрыть слѣды преступленія. Я думаю, что такого значенія этому придать нельзя, и вообще, это обстоятельство не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Португаловъ дѣйствительно могъ потребовать уплаты этихъ 300 р., но не съ корыстною цѣлью, а для того только, чтобы провѣрить начинавшія, по его словамъ, слагаться у него подозрѣнія... Дадутъ взятку—значитъ, подозрѣнія мои основательны, значитъ—тутъ преступленіе.

Прокуроръ видитъ въ Рѣзниковѣ развращеннаго юношу, рано

начавшаго широко жить и при томъ сорившаго деньгами. Да, онъ дѣйствительно «жилъ широко»: въ клѣтчатомъ костюмѣ за 23 р. изъ магазина готоваго платья южно-русскаго коммиссіонерства, съ краснымъ галстукомъ, украшеннымъ мѣдной булавкой съ фальшивымъ коралломъ, онъ угощаетъ барышенъ на гривенникъ мороженнымъ, а вечеромъ, устремившись въ театръ на галлерку, по безплатному билету, нещадно вызываетъ актеровъ и добросовѣстно разсыпаетъ сверху разноцвѣтные бенефисные билетики...

Нѣтъ, это не корыстолюбивый злодѣй, не развращенный юноша, а мальчикъ, имѣвшій постоянно одно несчастное желаніе: казаться взрослымъ, играть несвойственную ему роль—желаніе, которое его и погубило, посадивъ на эту скамью.

Увѣренный, что вы согласитесь съ такой характеристикой подсудимаго, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденъ, что вы дадите мнѣ возможность уѣхать въ Ростовъ вмѣстѣ съ Рѣзниковымъ!

Предсѣдат. Подсудимые, вамъ принадлежитъ, по закону, послѣднее слово. Не желаете ли что либо сказать еще въ свою защиту? Подсудимая *Максименко* не пожелала воспользоваться правомъ послѣдняго слова, а подсудимый *Рѣзниковъ* сказалъ: «Судебное слѣдствіе и защита выяснили невиновность мою въ этомъ преступленіи, и я прошу оправдать меня».

Засѣданіе 31-го марта 1891 г.

Постановка вопросовъ.

По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель прочиталъ слѣдующій проэктъ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ:

Вопросный листъ.

1.

Доказано ли, что смерть потомственнаго почетнаго гражданина Николая Федорова Максименко, имѣвшая мѣсто въ ночь на 19 октября 1888 г., послѣдовала отъ отравленія его мышья-

комъ, даннымъ ему посторонними лицами, съ цѣлію лишить его жизни, при чемъ употребленный для сего мышьякъ былъ заранѣе заготовленъ означенными лицами, тайно отъ Максименко подсыпанъ въ приготовленное ему питье и данъ ему въ таковомъ 18-го октября 1888 г.?

2.

Если доказано, то:

А. Виновна ли вдова потомственнаго почетнаго гражданина Александра Егорова (она же Ѳеодулова) Максименко, 20 лѣтъ, въ томъ, что, согласившись съ другимъ лицемъ лишить жизни мужа своего, Николая Федоровича Максименко, совершила, вмѣстѣ и сообща съ означеннымъ лицемъ, преступленіе, описанное въ первомъ вопросѣ?

Б. Виновенъ ли мѣщанинъ г. Ростова на Дону Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ, 18 лѣтъ, въ томъ, что, согласившись съ другимъ лицемъ лишить жизни Николая Федорова Максименко, совершилъ, вмѣстѣ и сообща съ означеннымъ лицемъ, преступленіе, описанное въ первомъ вопросѣ?

Прокуроръ. Руководствуясь ст. 762 уст. уг. суд. (по прод. 1886 г.), я прошу Судъ о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ—о виновности подсудимыхъ: 1) въ попустительствѣ, 2) укрывательствѣ и 3) недонесеніи о преступленіи, описанномъ въ 1-мъ вопросѣ.

Предсѣдатель. Судъ проситъ васъ, г. прокуроръ, разъяснить, о какомъ укрывательствѣ желаете вы поставить дополнительные вопросы: объ укрывательствѣ ли слѣдовъ преступленія, или же объ укрывательствѣ преступника, и вообще указать, въ какихъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ усматриваете основанія къ постановкѣ вопросовъ по обвиненію ихъ по 14 и 15 ст. Улож. о нак.

Прокуроръ. Я ходатайствую о постановкѣ вопросовъ въ такой, примѣрно, редакціи: 1-й. «Виновна-ли А. Е. Максименко въ томъ, что 18-го октября 1888 г., зная непосредственнаго виновника въ отравленіи Н. М—ко, послѣ совершенія сего преступленія оставила Максименко въ безпомощномъ состояніи, своевременно не призвала доктора, или постороннихъ лицъ для поданія помощи, требовала настоятельно отъ д-ра Нортугалова свидѣтель-

ство о томъ, что Максименко умеръ отъ бывшаго у него тифа, какими своими дѣйствіями укрывала настоящаго виновника и слѣды преступленія?» 2. «Виновенъ-ли Рѣзниковъ въ томъ, что того же 18-го октября, послѣ смерти Н. Максименко, зная виновника отравленія его, для устраненія вскрытія трупа скоропостижно умершаго Н. Максименко, ложно заявилъ, что Португаловъ требуетъ 300 рублей за выдачу свидѣтельства о естественной смерти Н. Максименко, упорно распространялъ эти свѣдѣнія съ цѣлью принудить Португалова выдать такое свидѣтельство, умышленно медлилъ приглашеніемъ доктора Португалова къ умирающему больному и такими своими дѣйствіями содѣйствовалъ сокрытію виновника отравленія Н. Максименко и слѣдовъ этого отравленія?»

Старшина присяжныхъ засѣдателей г. Зубашевъ (по обсужденіи присяжными, въ особой комнатѣ, вопроснаго листа). Нѣкоторые изъ присяжныхъ засѣдателей просятъ судъ о постановкѣ указанныхъ г. прокуроромъ вопросовъ, а также еще одного: объ умышленной или неумышленной неподачѣ медицинской помощи Николаю Максименко.

Прис. пов: Холева. Ни въ редакціи прежней, ни—по продолженію 1886 г., статья 762 уст. уг. суд., на которой основано требованіе г. прокурора, къ возникшему вопросу никакого отношенія не имѣетъ. Статья 762-ая говоритъ лишь о внѣшнемъ порядкѣ составленія вопросовъ и въ 1886 г. законодательно дополнена въ двухъ отношеніяхъ: 1) къ участію въ постановкѣ вопросовъ привлечены и присяжные засѣдатели и 2) по просьбѣ сторонъ или присяжныхъ, судъ вручаетъ имъ вопросный листъ. Такимъ образомъ, указаніе матеріальныхъ основаній постановки вопросовъ заключается, по-прежнему, въ ст. 751 уст. уг. суд., по которой основаніемъ для постановки вопросовъ по существу дѣла должны служить: выводы обвинительнаго акта, данныя судебнаго слѣдствія и заключительныя пренія. Для суда обязательна постановка вопросовъ лишь по выводамъ обвинительнаго акта. Что же касается постановки дополнительныхъ вопросовъ по требованію сторонъ, то единственное ограниченіе усмотрѣнія суда состоитъ въ условіи, что такіе вопросы могутъ быть поставлены только по доводу, который вытекаетъ изъ судебнаго слѣд-

ствія и заключительныхъ преній (рѣш. уг. кас. д-та прав. сен. 1876 № 283, 1871 № 359, 1869 № 674 и друг.), причемъ—по разъясненію Правит. Сената (1872 № 3, д. Кудиновой)—заключительныя пренія имѣютъ значеніе лишь въ предѣлахъ, на сколько онѣ основываются на данныхъ судебнаго слѣдствія.

Ни изъ исторической части обвинительнаго акта, ни изъ конечныхъ его выводовъ, ни изъ судебнаго слѣдствія, ни, наконецъ, изъ заключительныхъ преній отнюдь не вытекаютъ тѣ дополнительные вопросы, о постановкѣ которыхъ заявлено теперь требованіе. Въ обвинительной своей рѣчи г. прокуроръ ни однимъ словомъ не обмолвился о тѣхъ формахъ участія въ преступленіи и виновности, по признакамъ которыхъ требуются теперь дополнительные вопросы. Такое требованіе, противное условіямъ, указаннымъ для его заявленія въ законѣ, не согласно вмѣстѣ съ тѣмъ и съ началомъ состязательности. Идя на судъ, подсудимые заранѣе должны знать точно и опредѣленно, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Отъ формулировки обвиненія всецѣло зависятъ средства и способы оправданія, самая постановка защиты. Иное дѣло—непосредственное совершеніе преступленія, иное—соучастіе въ немъ; совершенно особнякомъ стоятъ, наконецъ, формы прикосновенности.

Что о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ шла на судѣ рѣчь, одно это не имѣетъ еще на постановку вопросовъ никакого вліянія. Обстоятельства эти разсматривались здѣсь лишь какъ доказательства, какъ улики, а не какъ предметъ самостоятельнаго обвиненія. Иначе, каждое дѣло можно было бы раздробить на нѣсколько отдѣльныхъ обвиненій: Такъ, исходя изъ того только, что въ настоящемъ дѣлѣ шла рѣчь и о секретныхъ болѣзняхъ, и о сокрытіи документа, и о вымышленномъ заявленіи о вымогательствѣ 300 р.,—можно было бы формулировать отдѣльныя обвиненія: 1) противъ Рѣзникова—по 103 ст. миров. уст.—за сообщеніе заразительной болѣзни; 2) за лже-доносъ—по 940 ст. улож. о нак., 3) противъ А. Максименко—по 1657 ст. улож.—за похищеніе продажнаго нотаріальнаго акта, и т. д Но такая внезапность предъявленія новыхъ обвиненій, разсчитывающая на то, чтобы застать подсудимыхъ въ расплохъ, къ защитѣ не подготовленными, разумѣется, не можетъ быть допускаема. То

или иное обстоятельство, какъ улику, подсудимый можетъ совершенно игнорировать, не придавая ему значенія; тогда какъ, являясь предметомъ самостоятельнаго обвиненія, оно можетъ заслуживать опроверженія. По этимъ соображеніямъ, я почтительнѣйше прошу Судъ въ требованіи прокурора, какъ лишенномъ законнаго основанія, отказать.

Если же Судъ найдетъ возможнымъ удовлетворить это требованіе, то я просилъ бы поставить также еще одинъ дополнительный вопросъ по ст. 1521 ул. о нак.—о неподачѣ помощи погибающему. Ходатайство это я заявляю лишь условно—на случай удовлетворенія требованія г. прокурора и присяжныхъ засѣдателей.

Пом. прис. пов. Волкенштейнъ просилъ въ требованіи о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ отказать.

Выслушавъ заявленія сторонъ и ходатайство присяжныхъ засѣдателей о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ и принимая во вниманіе, что, по силѣ 751 и 755 ст. Уст. Угол. Суд., основаніемъ вопросовъ должны служить или выводы обвинительнаго акта, или данныя судебнаго слѣдствія, или заключительныя пренія сторонъ, между тѣмъ подсудимые обвинительнымъ актомъ ни въ укрывательствѣ, ни въ недонесеніи объ отравленіи Максименко не обвиняются, во время преній г. товарищъ прокурора не только не указывалъ на возможность виновности подсудимыхъ въ таковомъ укрывательствѣ и недонесеніи, но, напротивъ, обвиненіе ихъ въ самомъ отравленіи доказывалъ главнымъ образомъ тѣмъ, что, кромѣ нихъ, некому было отравить Максименко и что судебнымъ слѣдствіемъ не выяснилось ни одного такого обстоятельства, въ виду котораго могли-бы быть поставлены обвиненія подсудимыхъ или въ укрывательствѣ, или въ недонесеніи, *Судъ опредѣлилъ*: ходатайство г. товарища прокурора о постановкѣ указанныхъ имъ дополнительныхъ вопросовъ и ходатайство присяжныхъ о постановкѣ вопроса о томъ, умышленно, или неумышленно не была подана подсудимыми медицинская помощь больному Максименко, оставить безъ послѣдствій, потому что вопросъ этотъ не былъ предметомъ судебнаго слѣдствія, не затрогивался сторонами при заключительныхъ преніяхъ и, кромѣ того, съ обвиненіемъ подсудимыхъ въ отравленіи ни-

чего общаго не имѣетъ. Что же касается до ходатайства защитника Холева о постановкѣ вопроса по 1521 ст. Улож., то Судъ опредѣлилъ оставить таковое безъ обсужденія, такъ какъ оно заявлено условно, на тотъ случай, ежели-бы Судомъ были удовлетворены ходатайства о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ, заявленныя товарищемъ прокурора и присяжными засѣдателями. Посему Судъ утверждаетъ проэктъ вопросовъ въ прочитанной прежде редакціи.

Затѣмъ г. Предсѣдатель, напомнивъ присяжнымъ засѣдателямъ существенныя обстоятельства дѣла, разъяснилъ имъ порядокъ совѣщанія и разрѣшенія вопросовъ и преподалъ общія юридическія правила для сужденія о силѣ доказательствъ *).

Вердиктъ присяжныхъ.

Послѣ почти трехчасоваго совѣщанія, присяжные засѣдатели, въ 3½ часа по полудни, вынесли слѣдующіе отвѣты:

На вопросъ 1-й—*да, доказано.*

На вопросъ 2-й—*нѣтъ, не виновна.*

На вопросъ 3-й—*нѣтъ, не виновенъ.*

---

*) Составитель отчета крайне сожалѣетъ, что резюмэ г. предсѣдателя не могло быть приведено въ этой книгѣ, по причинамъ, указаннымъ на стр. 216. Объ этомъ заключительномъ словѣ газета «Петербургскій Листокъ» (12 апрѣля 1891 г. № 100) говоритъ слѣдующее:

«Заключительное слово г. предсѣдательствующаго П. П. Куликова, отличавшееся столь рѣдкими въ наши дни объективностью и полнымъ безпристрастіемъ, мастерски оттѣнило и рельефно выставило самые существенные и основные вопросы и обстоятельства дѣла и было, дѣйствительно, путеводною нитью въ громадномъ лабиринтѣ фактовъ, переполнившихъ этотъ процессъ. Внеся въ дѣло свѣтъ и ясность, г. предсѣдательствующій до крайности упростилъ его, систематически сгруппировавъ существенныя его обстоятельства и сведя многочисленные доводы обвиненія и защиты къ небольшему числу твердыхъ и категорическихъ положеній». Такіе-же отзывы высказаны были и другими органами провинціальной и столичной прессы.

На основаніи этаго вердикта, *Судъ* объявилъ подсудимыхъ Максименко и Рѣзникова *оправданными и отъ суда и содержанія подъ стражею свободными* *).

---

*) Приводимъ описаніе послѣдняго момента процесса въ харьковскихъ газетахъ отъ 1 апрѣля 1891 г.

«Въ началѣ второго часа присяжные удалились въ совѣщательную комнату. Настало время томительнаго, тяжелаго ожиданія. Спустя часъ послѣ удаленія присяжныхъ, волненіе, возникшее на почвѣ уже зародившагося сомнѣнія объ исходѣ процесса, охватило публику; а затѣмъ съ каждой минутой нервы напрягались все больше и больше и къ концу совѣщанія общее напряженіе достигло крайнихъ предѣловъ. Можно, разумѣется, вообразить, что въ это время переживали подсудимые. Наконецъ, изъ комнаты присяжныхъ засѣдателей раздался трепетно ожидавшійся звонокъ: рѣшающее слово произнесено. Совѣщаніе продолжалось два часа двадцать минутъ и въ половинѣ четвертаго присяжные вышли изъ совѣщательной комнаты. На первый вопросъ: доказано ли отравленіе? присяжные отвѣчали утвердительно—*да, доказано*. На второй и третій вопросы—виновны-ли въ отравленіи Максименко и Рѣзниковъ? отвѣты послѣдовали отрицательные—*нѣтъ, не виновны*. Угнетенное, подавленное, страшно напряженное настроеніе подсудимыхъ и всей публики разразилось: оправданная Максименко истерически вскрикнула и упала въ обморокъ; ея вскрикъ отозвался истерикой многихъ дамъ изъ публики; Рѣзниковъ разрыдался, плакало и большинство публики. Вообще впечатлѣніе момента охватило всѣхъ и эта судебно-житейская сцена вышла дѣйствительно потрясающей». (Харьковскія Губернскія Вѣдомости» № 84).

«Трудно описать, что происходило въ залѣ судебныхъ засѣданій во время чтенія этого приговора. Отвѣтъ на первый вопросъ выслушанъ былъ еще сдержанно, хотя гдѣ то въ толпѣ раздался чей-то слабый крикъ: это старуха-мать Рѣзникова съ глухими рыданіями опустила свою сѣдую голову на плечо къ своей сосѣдкѣ. Когда-же старшина присяжныхъ засѣдателей, приватъ-доцентъ мѣстнаго технологическаго института г. Зубашевъ, провозгласилъ отвѣтъ на второй вопросъ: «нѣтъ, не виновна», въ залѣ произошло настоящее смятеніе: съ обоими подсудимыми сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ; многія дамы зарыдали; въ публикѣ послышались довольно громкіе апплодисменты, во-время, впрочемъ, прекращенные энергичнымъ возгласомъ г. предсѣдателя. Отвѣтъ на третій вопросъ произвелъ не менѣе сильное впечатлѣніе: Рѣзниковъ, истерически рыдая, бросился обнимать своего защитника; къ нему кинулись его мать, отецъ и сестра, обнимая его и цѣлуя; къ продолжавшей громко рыдать Максименковой, которую заботливо успокаивалъ г. Холева, подошелъ ея старикъ-дядя—Егоръ Дубровинъ. Всѣ были на столько взволнованы, что для объявленія резолюціи суда потребовался небольшой перерывъ» («Южный Край» № 3520).

ПРИГОВОРЪ.

1891 года марта 26—31 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Харьковскій Окружный Судъ, по уголовному отдѣленію, въ судебномъ засѣданіи, въ составѣ: Товарищъ Предсѣдателя П. П. Куликовъ, Членъ Суда В. Н. Носковъ и Судебный Слѣдователь Н. И. Марки, при Товарищѣ Прокурора Харьковской Судебной Палаты В. Д. Шидловскомъ, И. д. Секретаря К. В. Проскурниковѣ и Пом. Секретаря Н. Н. Познанскомъ, слушалъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло о вдовѣ потомственнаго почетнаго гражданина Александрѣ Максименко и мѣщанинѣ Аристархѣ Рѣзниковѣ, обвиняемыхъ въ предумышленномъ убійствѣ путемъ отравленія. Рѣшеніемъ господъ присяжныхъ засѣдателей признано доказаннымъ, что смерть потомственнаго почетнаго гражданина Николая Федорова Максименко, имѣвшая мѣсто въ ночь на 19 октября 1888 года, послѣдовала отъ отравленія его мышьякомъ, даннымъ ему посторонними лицами съ цѣлью лишить его жизни, причемъ употребленный для сего мышьякъ былъ заранѣе заготовленъ означенными лицами, тайно отъ Максименко подсыпанъ въ приготовленное ему питье и данъ ему въ таковомъ 18 октября 1888 г. На вопросы же: Виновна ли вдова потомственнаго почетнаго гражданина Александра Егорова (она же Ѳеодулова) Максименко, 20 лѣтъ, въ томъ, что, согласившись съ другимъ лицемъ лишить жизни мужа своего, Николая Федорова Максименко, совершила вмѣстѣ и сообща съ означеннымъ лицемъ вышеозначенное преступленіе и виновенъ ли мѣщанинъ гор. Ростова на Дону Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ, 18-ти лѣтъ, въ томъ, что, согласившись съ другимъ лицемъ лишить жизни Николая Федорова Максименко, совершилъ вмѣстѣ и сообща съ означеннымъ лицемъ то же преступленіе,— присяжные засѣдатели отвѣтили отрицательно. Обсуждая рѣшеніе господъ присяжныхъ засѣдателей, Окружный Судъ находитъ, что подсудимые Александра Егорова (она же Ѳеодулова) Максименко и Аристархъ Даниловъ Рѣзниковъ по обвиненію ихъ въ убійствѣ путемъ отравленія 18 октября 1888 г. въ г. Ростовѣ

на Дону мужа первой изъ нихъ, потомственнаго почетнаго гражданина Николая Федорова Максименко, должны быть признаны, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. Императора Александра II, по суду оправданными. Судебныя по дѣлу издержки, на основаніи 976 ст. Уст. Уг. Суд., должны быть приняты на счетъ казны. Съ вещественными по дѣлу доказательствами, на основаніи 777 ст. Уст. Уг. Суд., слѣдуетъ поступить слѣдующимъ образомъ: актъ о продажѣ Максименковой покойному ея мужу Николаю Максименко своихъ наслѣдственныхъ правъ отъ 1886 г. іюля 16-го возвратить подсудимой Максименко; ей же, Максименко, возвратить и десять писемъ; визитную карточку Рѣзникова и четыре довѣренности на его имя возвратить ему, подсудимому Рѣзникову; два ящика съ результатами изслѣдованій внутренностей Максименко и шесть рецептовъ уничтожить; удостовѣреніе Мирового Судьи отъ 4 іюля 1889 г. за № 1690 возвратить присяжному повѣренному Леве. По изложеннымъ соображеніямъ Окружный Судъ *опредѣляетъ*: 1) Подсудимыхъ вдову потомственнаго почетнаго гражданина Александру Егорову, она же Ѳеодулова, Максименко, 20 лѣтъ, и мѣщанина гор. Ростова на Дону Аристарха Данилова Рѣзникова, 18 л., по обвиненію ихъ въ отравленіи 18 октября 1888 года мужа первой изъ нихъ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Федорова Максименко, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. Уг. Суд. Императора Александра II, признать по суду оправданными. 2) Судебныя по дѣлу издержки, на основаніи 976 ст. Уст. Угол. Суд., принять на счетъ казны. 3) Вещественныя доказательства, на основаніи 777 ст. Уст. Угол. Суд.: актъ о продажѣ Максименковою покойному ея мужу, Николаю Максименко, своихъ наслѣдственныхъ правъ отъ 1886 г. іюля 16-го возвратить подсудимой Максименко, ей же, Максименко, возвратить и десять писемъ; визитную карточку Рѣзникова и четыре довѣренности на его имя возвратить ему, подсудимому Рѣзникову; два ящика съ результатами изслѣдованій внутренностей Максименко и шесть рецептовъ уничтожить; удостовѣреніе Мироваго Судьи отъ 4 іюля 1889 г. за № 1690 возвратить присяжному повѣренному Леве.

Объявленный въ окончательной формѣ 15-го апрѣля 1891 г., приговоръ Харьковскаго Окружнаго Суда 29-го апрѣля 1891 г. вступилъ въ законную силу.

B 21235